

НАРГИЗ АХУНДОВА

**ТЮРКИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ АРАБСКОГО
ХАЛИФАТА
(VIII – сер. X вв.)**

“ЕЛМ”
БАКУ – 2004

Научный редактор: доктор исторических наук,
профессор **Р.Гусейнов**

Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор, **Я.Махмудов**

доктор исторических наук,
профессор **В.Пириев**

кандидат исторических наук,,
доцент **Р.Исмаилов**

Представленная вниманию монография посвящена исследованию арабо-тюркских отношений со времен возникновения ислама и создания Халифата, их последующему развитию, особенно в период правления династии Аббасидов. Автор уделил внимание, в основном военно-политическим аспектам этих взаимоотношений с VIII – по середину X веков. Показано, что результатом взаимодействия арабов и тюрок, которые выйдя за рамки своей этнической принадлежности, сравнялись как мусульмане, стала единая политическая система государственного управления, возникла приемлемая для всех мусульманская цивилизация, в создании которой участвовали представители всех народов, включенных в состав Халифата.

Монография предназначена для историков, востоковедов, специалистов по проблемам средневековья, всех интересующихся историей арабского и тюркского прошлого, а также широкого круга читателей.

ISBN 5-80-66-1650-9

Н $\frac{0503020907}{655(07)-2004}$ Грифное издание

© Н.Ахундова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. АРАБО-ТЮРКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД РАННЕГО ИСЛАМА (VII - начало VIII веков)	
1. Возникновение ислама и начало арабо-тюркских связей	37
2. Военное противостояние в процессе арабских завоеваний и налаживание мирных отношений при Омейядах	59
ГЛАВА II. АББАСИДСКИЙ ПЕРИОД И РАЗВИТИЕ АРАБО-ТЮРКСКИХ ОТНОШЕНИЙ: (первая половина VIII – начало IX веков)	
1. Приход к власти Аббасидов и начало тюркского возвышения в Арабском Халифате	97
2. Начальный период Аббасидского правления и тюрки	122
ГЛАВА III. РОЛЬ ТЮРОК В РЕШЕНИИ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕ- ЧИЙ, ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ И УСИ- ЛЕНИЕ ТЮРКСКОГО ВЛИЯНИЯ (IX век)	
1. Тюркское участие в политических процессах	161
2. Усиление социальных противоречий в Халифате и роль тюрков в их урегулировании	217
3. Военные походы Аббасидов и тюрки	247
ГЛАВА IV. ТЮРКИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО СОСЛОВИЯ ХАЛИФАТА	
1. Тюрки в системе административного управления Халифата (IX век)	258
2. Политическая ситуация в Арабском Халифате и участие тюрков в процессе его сохранения (конец IX – середина X вв.)	286
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	332
БИБЛИОГРАФИЯ	347
ЛИТЕРАТУРА	351
РЕЗЮМЕ	365

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир, разделенный границами и населенный различными нациями, представляется нам либо в виде созданных этими нациями государств, либо в виде системы геополитических регионов. Кажется, что так было всегда. Однако в истории всех народов издавна есть очень много черт и периодов, являющихся результатом их взаимодействия. А самое главное заключается в том, что существующие цивилизации являются продуктами именно того исторического отрезка времени.

С этой точки зрения история Передней Азии и господствующая здесь мусульманская цивилизация говорят о многом. Взаимосвязи населяющих этот регион народов, их взаимное влияние друг на друга и взаимообогащение, выявление вклада каждого народа в мусульманскую историю и их оценка вызывают у исследователей особый интерес.

В истории народов, принявших новую религию, в нашем случае имеется в виду ислам, а вместе с ней новые формы мышления и нормы поведения, происходят коренные изменения, сказывающиеся на ходе последующих событий. Так и принятие тюрками ислама сделало их сильнее духовно, дало им ту необходимую идею, которая в дальнейшем помогла создать огромную империю, включавшую часть Азии и Европы, Северную Африку. И хотя многие народы в духовно-моральном плане растворились в исламе, отдавая приоритет религии, а не этническому началу, тюрки сумели сохранить свою этническую принадлежность и даже укрепить ее. В связи с этим уместно отметить, что народы, жившие в этом регионе различались не только языками, обычаями и институтами, но и отношением к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу. В связи с тюрками следует подчеркнуть самое главное – их пассионарность, которая не подвергалась

какому-либо изменению. С этой точки зрения массовое принятие тюрками ислама, – стало поворотным пунктом не только тюркской и мусульманской истории, но и может рассматриваться как одно из глобальных событий мировой истории. С ним связываются также изменения социально-экономического состояния тюркских народов, так как исламизация открыла новые широкие возможности культурных, хозяйственных и прочих контактов с новыми этно-культурными обществами региона. Возможно, в данном случае сою роль сыграли ряд обстоятельств. Во – первых, то, что в доисламский период тюрки хорошо знакомы и испытали на себе влияние одной из древнейших цивилизаций – китайской и буддизмом. Во – вторых, это в немалой степени способствовало относительно высокому уровню их общего развития. В – третьих, все это подготовило тюрков для сближения с арабами и принятия ислама.

Сближение тюрков с арабами и процесс принятия первыми ислама, начавшийся с образования Арабского халифата в 30-е годы VII века, есть историческая реальность. Однако реальность и то, что принятие ислама Караханидами в начале X века в Центральной Азии вскоре стало массовым и уже к 60-м годам того же столетия около сотен тыс. тюркских семей обратились в новую религию. Вступив в мир ислама, тюрки за очень короткий срок стали приобретать большие преимущества в военной и политической сферах. Затем пришла пора сельджуков, под предводительством которых тюркский поток устремился в Переднюю Азию, что дало новый импульс развитию событий в этом регионе.

Империя, известная в истории как Сельджукская (1038 – 1157), стала во второй половине XI столетия самым сильным государством в Евразии. Ее образование внесло глубокие изменения в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь Передней Азии и Западной Европы, однако самое основное заключалось в том, что в Переднеазиатском регионе однозначно установилась гегемония тюрков, они превратились здесь, можно сказать, в единственных и безальтернативных представителей военно-политической власти [170; 211; 97].

Отметим, что к этому времени тюрки имели уже достаточно большой, почти четырехвековой, опыт общения с мусульманским миром. Интенсивное налаживание арабо-тюркских контактов, – то военных, то мирных, – приходится на период после Нехавендской битвы (642 год), когда под натиском арабских завоевателей рухнула Сасанидская империя [172]. В основном эти контакты имели форму военного противостояния и носили негативный характер. Затем, в период правления династии халифов Омейядов (661-750), начался процесс проникновения тюрков на определенные позиции в арабо-мусульманском государстве. Позднее тюрки приняли активное участие в начавшемся в 746 году в Хорасане движении, ставшем причиной падения Омейядов, почти сто лет правивших Арабским халифатом, и открывшим дорогу к власти династии халифов Аббасидов.

После событий, связанных с битвой на р. Талас (751 год), когда тюрки вместе с арабами выступили против единого врага – Танского Китая, превосходство тюркских военных и политических позиций в Центральной Азии стало очевидным. С этого времени взаимоотношения тюрков и арабов приобретают позитивный характер и ислам, хотя и медленно, начинает проникать в тюркскую среду. Но это еще носило чисто индивидуальный характер, лишь предшествующий будущему этапу массового перехода тюрков в новую веру. В этот период тюрки в Арабском халифате, где правили Аббасиды (750-1258), достигли высокого военного, политического и управленческого статуса. Вместе с тюркскими аристократическими семьями, принявшими ислам и занявшими свое место в государственной структуре Аббасидов, в Халифат были привлечены и большие группы тюрков.

Отметим, что еще до X века, то есть времени массового принятия ислама тюрками, ввиду широкого ареала их расселения, они находились в районах очень многих верований, начиная от буддизма и манихейства, вплоть до христианства. Но среди всего этого многообразия им удавалось, в целом, сохранять свою шаманистскую культуру. Поэтому не вызывает сомнений то, что именно ислам стал более соответствующим тюркским представлениям о

вере. Понятие единого Бога (Аллаха) не отличалось от существующего у них единобожия Тангры, а джихад пришелся как раз к месту, с учетом воинственного характера тюркского этноса.

Конечно, такого рода соображения могут быть чисто субъективными и вызывать споры о том, насколько они соответствуют действительности. Однако обращение к исламу и вера в него как ранее, так и теперь остается фактом.

В этой связи, в утрате Халифатом арабского характера и превращении его в государство всех народов, принявших ислам, то есть общемусульманское государство, несомненно есть место и роль тюрок-мусульман. И мы не допустим особой ошибки, если будем утверждать, что тюрки, являясь населением такого государства, сыграли отличную от других жителей Халифата, в том числе и арабов, положительную или отрицательную роль во всех сферах государственной жизни. Она могла быть в чем-то относительно больше или меньше, но сравнима с любой другой.

В развитии Арабского халифата времени Аббасидов можно выделить несколько периодов. Первый с 750 до 847 годов, когда авторитет центральной власти был незыблем, и расцвет государства являлся реальностью. Именно тогда, вступившие в военнополитическую жизнь Халифата тюрки стали влиятельными членами общества, сумевшими сказать свое веское слово в решении государственных проблем. Далее наступает другой период – до 945 года, когда Халифат начинает слабеть и в нем происходят дезинтеграционные процессы, в приостановлении которых тюрки также проявили большую активность. Но он все же распадается политически и экономически, и последний длительный, вплоть до монгольского завоевания в 1258 году, период характеризуется полным кризисом и упадком Халифата. Это дало возможность самостоятельного развития многим периферийным регионам мусульманского мира, значительная часть которых управлялась тюркскими династиями. И, наконец, в промежутке, – один из этапов политического краха, наступивший в 945 году с захватом власти Буидами, продолжившийся с приходом сельджуков и закончившийся уничтожением Халифата.

Изучение любого исторического события, а тем более переломных этапов в жизни страны, региона, народа, есть первейшая задача и обязанность специалистов. В эволюции человеческого общества известны многочисленные периоды, которые согласуются с этим заключением. Тем более, что такие этапы в жизни определенной страны, региона, народа порой оказывали решающее влияние на судьбы ближних и дальних соседей и территорий, на ход самого исторического процесса. Иногда они играли ключевую роль в судьбах целых континентов. К событиям такого порядка, которые можно с уверенностью отнести к эпохальным, принадлежит роль тюрок в военно-политической системе Арабского халифата с середины VIII по середину X столетий.

Именно тогда начало рельефно и четко прорисовываться место тюркского этноса как в мировой истории вообще, так и в судьбах Евразийского пространства.

Корифеи арабистики и тюркологии не раз обращались к проблеме взаимоотношений тюрок и арабов в средние века. Об этом можно судить по трудам И.Ю. Крачковского и В.В. Бартольда, Е.А. Беляева и Б.Н. Заходера, А.Н. Кононова. Из азербайджанских исследователей пальма первенства в глубоком изучении проблемы принадлежит З.М. Буниятову. Вместе с тем именно благодаря ему в нашей отечественной арабистике и тюркологии не ослабевает интерес специалистов как к самой проблеме, так и к связанному с ней периоду истории Азербайджана.

В этом контексте вполне закономерно, что арабо-тюркские отношения, имеющие глубокие исторические корни и временную давность, становятся объектом отдельного исследования. Причин тому не мало. Во – первых, тюркский этнос сыграл достаточно большую роль в мировой истории и пик тюркского влияния пришелся именно на средневековый период. Во – вторых, именно тогда в цивилизованном мире, простирающемся от Китая до Гибралтара, не было такого государства, в истории которого тюрки не оставили бы следа. Поэтому важно исследование роли тюрок в Халифате, особенно в период правления Аббасидской династии, когда была заложена основа будущих путей развития народов и

стран Передней Азии и начался упадок самого арабского государства. Именно тогда на смену сложившимся ранее в регионе военно-политическому и экономическому единству пришел процесс образования и становления различных государств, что представляется особенно интересным. А так как заслуга тюркского этноса в образовании, управлении, сохранении этих государств неоспорима, то и их исследование необходимо для объективной и достойной ее оценки.

Говоря об этом времени, сошлемся на сохранившиеся старейшие арабские хадисы о тюрках, в VIII-XI веков [163, с.198]. В одном из них сказано: «Оставьте (с миром) тюрок, пока они вас оставляют в покое!» Здесь важно как само упоминание одного из двух главных фигурантов нашего исследования, так и предупреждение о потенциальной опасности, исходящей от тюрок, то есть что они – грозные враги арабов, и с ними лучше жить в согласии. Возможно, с этим обстоятельством соотносится пояснение арабского географа X века Абу-л-Фараджа Кудамы из Багдада к цитированному выше хадису. В своем сочинении «Китаб ал-харадж» он пишет: мусульмане не ведут войны с тюрками, ибо так им завещал Пророк Мухаммад [163, с.200].

Не исключено, что одной из причин, почему арабы не решались на начальном этапе своих завоеваний на Востоке пересечь черту оседлости в долине Зеравшана, а на границе Мавераннахра строили укрепления и возводили стены против тюрок, была их осведомленность о воинственности и относительной многочисленности в Центральной Азии этого этноса.

Конечно, после того как арабские лазутчики разведали ситуацию, армии халифов двинулись вглубь обширного центральноазиатского региона, дойдя до границ Китая. Однако это произошло не сразу, и поэтапно.

Сошлемся на еще одно сообщение: в трактате арабского автора начала XI века Ибн Хассуля «Китаб тафдил ал-атрак ала сайр ал аджнад» («Книга о доблестях тюрок и превосходстве по отношению к другим полчищам») обращает на себя внимание высокая оценка военных качеств тюркского этноса, предостере-

жение арабам быть осмотрительными во взаимоотношениях с тюрками, а также, совет жить с тюрками в мире. Вместе с тем уже само название трактата подтверждает военное могущество тюрков и предупреждает о грозящей от них опасности для тех, кто не примет во внимание совет не вступать со столь серьезным противником в конфликты. К тому же, автор трактата, цитируя вышеприведенный хадис, добавляет, что он завещан произнес Пророком: «Оставьте в покое тюрков, пока они вас оставляют в покое!» [118; с.108].

В связи с хадисами, представляющими тюрков как могущественных и опасных противников, с которыми лучше не затевать распри, А.Зайончковский приводит изречение ближайшего сподвижника Мухаммеда - Абдуллаха ибн Масуда, сохранившееся в «Китаб ал-табакат» («Книга классов») Ибн Сада (IX век): «Сказал Абдуллах: «А как же это случится с вами, когда будете выведены туда, где растут степные травы: полынь и кайсум?» Сказали: «А кто нас выведет?» Сказал: «Тюрки» [163, с.200].

Тем не менее, арабы все-таки отважились вступить в прямые контакты с тюрками. Что из этого вышло, и есть содержание нашей работы.

Монография охватывает, в основном, период от прихода к власти в Арабской династии Аббасидов (750 год) до 945 года, когда политический распад этого государства, можно сказать, стал свершившимся фактом. Аббасиды потеряли свою политическую власть в мусульманском мире, сохранив лишь призрачный статус его религиозных руководителей.

Однако для всестороннего понимания ситуации периода и роли в нем тюркского этноса определенное внимание уделено предыстории эпохи халифов Аббасидов. Это дает возможность познать и оценить предшествовавшие исследуемым нами столетиям арабо-тюркские взаимоотношения, когда и были заложены основы всего того, что находится в центре внимания настоящего труда. Без ознакомления с тем временем, когда только-только стали заметными взаимоотношения главных фигурантов нашего исследования, невозможно понять и проанализировать после-

дующий ход событий, их содержание и исход; невозможно понять, почему имели место именно те коллизии, что фиксированы в источниках, а не другие. Только так возможно не только оценить весь комплекс взаимоотношений, но и дать им верную оценку, опираясь на предшествующие им события, понять и оценить результаты, того огромного комплекса явлений, что стали следствием всего рассмотренного огромного пласта, как территориального, так и временного, тесно и закономерно связанного с арабами и тюрками. Нам предоставляется, что лишь так и можно было строить исследование, посвященное не просто двум главным фигурантам на Евразийском пространстве в VIII-X веках, но и, суммируя все о них известное, верно подытожить, что именно арабы и тюрки определяли лицо тех столетий в мировой истории Старого Света.

В нашей книге сделана попытка на основе данных источников и специальной научной литературы, раскрыть причины, пути и механизм, возвысившие тюрков в качестве одного из элементов господствующего класса Халифата, показать степень их участия во всех звеньях его политической и военной системы, по вертикали и горизонтали, а также осветить ту роль, которая принадлежала тюркам в качестве действенной силы, пытавшейся предотвратить распад и стремившейся сохранить целостность и централизацию Арабского государства, уже явно клонившегося к упадку.

Однако не менее важной целью было освещение того, что предшествовало главной линии нашего исследования, а именно — проблемы взаимоотношений арабов и тюрков в Центральной Азии, откуда и берет свое начало вся последующая цепь явлений, в которых главными фигурантами являются именно арабы и тюрки.

Источниковедение проблемы. Для изучения истории не только Арабского халифата, но и всех мусульманских средневековых государств, арабские источники и литература представляются наиболее необходимыми.

Одним из главных источников сведений о политических событиях интересующего нас периода послужил знаменитый мно-

готовный труд Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (ум. 923) «Тарих ар-русул ва-л-мулюк». («История пророков и царей») [21, 22], в котором содержатся сведения о начальном периоде ислама, приводятся многочисленные факты, связанные с жизнью Пророка и первых халифов. Эта работа ценна в первую очередь своим богатым и почти уникальным материалом по истории Арабского халифата. Ат-Табари дает нам сведения также о последних годах Самаррского периода, свидетелем которых являлся он сам. Кроме того, по его произведению можно хронологически проследить все этапы политической деятельности тюрок при его жизни. У ат-Табари мы находим многочисленные факты, связанные с военной деятельностью тюрок в период подавления разного рода социальных выступлений и народных движений, характеристика которых также дается в его труде. Интересна также точка зрения автора о причинах создания тюркской гвардии, согласно которой, формируя армию из различных этнических групп, халифы старались подавлять амбиции одних с помощью других.

Переведенная на фарси везиром Саманидов Абу Али Мухаммедом ал-Балами (ум. 972) «История ат-Табари» [51], наряду с текстами оригинала, содержит также обширные сведения на основе региональных сообщений об арабо-тюркских отношениях. Здесь имеются обширные данные о доходах, полученных арабами в результате походов в Центральную Азию, об антиарабских выступлениях местных правителей, подробно изложен захват Хорезма и других областей, а также описаны события в центре. Но сведения о халифах после ал-Мутасима довольно скудные.

Среди ранних мусульманских историков также можно отметить Абу Ханифу ад-Динавари (ум. 895) и его труд «Китаб ал-ахбар ат-тывал» («Книга длинных известий») [17] и его современника Абу Фазла Ахмада ибн Тайфура с его «Китаб Багдад», [23], в которых дается довольно исчерпывающая характеристика периода правления халифов ал-Мамуна и ал-Мутасима, их политики по отношению к новообращенным мусульманам и армии.

Многочисленные сведения о тюрках, которые не встречаются в других источниках, мы находим в историческом сочинении

Ахмада ибн Али Йакуба ибн Джафара аль-Йакуби «Тарих-ал-Йакуби» (ум. 897) [48] и в его географическом труде «Футух ал-булдан» («Завоевание стран») [47]. Живший при дворе Тахиридов, ал-Йакуби, несмотря на некоторую сжатость его изложения, дает уникальный материал по интересующей нас проблеме, доводит до нас сведения по истории ранних походов арабов, о Хорасане, тюрко-омейядских отношениях, сообщает об отдельных тюркских правителях, вступивших в контакт с мусульманами. Кроме того, у ал-Йакуби мы находим даже некоторые объяснения на интересующую нас тему. В частности, его сообщения о мерах ал-Мутасима по изоляции своих тюркских гвардейцев от населения [48, II, с.479] дают возможность сделать вывод о том, как важно было халифам иметь в распоряжении армию, подчиненную только их воле и зависимую от них материально. У ал-Йакуби имеются также сведения о привлечении тюрок в Халифат при ал-Мамуне и ал-Мамуне, ал-Мутасиме, о том, как они превратились во влиятельную силу в столице, о причинах строительства Самары и ряд других, нигде более не встречаемых сведений.

Главным источником по истории ранних арабских завоеваний является труд ал-Балазури (ум. 892) «Футух ал-булдан» («Завоевание стран») [7,8]. Хотя в нем мы не встречаем сведений о тех интригах и политических процессах, что происходили в центре Халифата, зато сообщения о периферийных проблемах нашли здесь отражение. В каждой из 90 глав, составляющих труд ал-Балазури, имеется рассказ о завоевании отдельной страны или местности, или же она посвящена какому-нибудь историческому событию времени образования Халифата. Автор проделал огромную работу по сбору и систематизации материала об арабских завоеваниях. Поэтому мы смогли почерпнуть у него обширные сведения о деятельности тюрок в провинциях.

Живший при дворе халифов ал-Мутаваккиля, ал-Балазури был автором еще одного произведения «Ансаб ал-ашраф» («Генелогия знатных») [6], где описывает в основном, события, происшедшие после второго халифа Аббасида ал-Мансура.

В этом плане определенный интерес представляет также сочинение Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси (ум. 966) «ал-Бад, ват-тарих» («Книга сотворения и истории») [41], где при описании правления халифов кратко сообщается о завоеваниях арабов и о первых их контактах с тюрками.

Ценным является труд Мухаммада ибн Джафара Наршахи «Тарих Бухара» (ум. 959) [45]. Наряду с описанием ранних арабских походов под предводительством Убейдаллаха ибн Зийяда, Саида ибн Усмана и Сальмы ибн Зияда на Бухару и прилегающие к ней территории, Наршахи рассказывает о народных движениях, о бухарских правителях и других сюжетах из истории изучаемого периода.

Для изучения раннего периода завоеваний арабов-мусульман большой интерес представляет труд ибн Асама ал-Куфи (ум. ок. 926 года) «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний») [29,52], хотя и он имеет отдельные недостатки, в частности хронологическую непоследовательность в изложении событий. К примеру, нарушена последовательность в перечислении имен первых наместников Хорасана. Это сочинение охватывает историю Халифата с 632 по 866 годы, от вступления на престол халифа Абу Бекра и до халифа Аббасида ал-Мустаина. В этом произведении имеется достаточно сведений о сражениях арабов и тюрков. Приведены условия мирных договоров между мусульманами и центральноазиатскими правителями тюркского происхождения, сохранены имена многих из них, например бухарской царицы Хутак-хатун, правителя Балха – Гураза, правителя Самарканда – Сорака. Кроме того, у ибн Асама отражена степень участия тюрков в проаббасидском восстании, а также их активность в подавлении движения Бабекка. Однако и здесь проблемы и события политической жизни как Самарского, так и последующих периодов не нашли своего отражения.

Один из самых великих арабских географов и историков X века Абуль Хасан ал-Масуди (ум. 956) благодаря своим трудам «Ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга предупреждения и пересмотра») и «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джаухар» («Промывальни

золота и рудники самоцветов») пользуется заслуженным авторитетом среди исследователей, так как большую часть своей жизни он провел в путешествиях и оставил многочисленные описания тех мест, где побывал. Из качеств, отличавших произведения аль-Масуди, отметим его критическое отношение к использованным источникам, большое уважение к немусульманским народам, а также стремление правильно и объективно изложить фактологический материал. В его «Мурудж аз-захаб...» мы находим многочисленные сведения о взаимоотношениях халифов с тюрками, об основных этапах их столкновений, которые описаны довольно подробно, а в «ат-Танбих...» больше уделено места проблемам изменения статуса тюрков, их переходу из военного в гражданское состояние и показана управленческая деятельность в системе Халифата [38; 39].

Может быть, самым главным источником сведений о политических событиях, происходивших в Халифате в исследуемый период, является многотомный труд Изз ад-Дина Хасана Али ибн Мухамма ибн аль-Асира (ум. 1233) «ал-Камил фи-т-тарих» («Совершенство в истории») [1]. Он известен среди арабских средневековых ученых полнотой изложения и беспристрастностью в оценке событий, в том числе и тех, современником которых являлся. Ибн Асир действительно был историком, ибо представлял себе значение и важность описанных событий. Поэтому к его труду ученые относятся с большим доверием и вниманием. Несмотря на идентичность многих сведений с сообщениями ат-Табари, мы находим у Ибн ал-Асира и совершенно новые факты и изложение материала, видимо, почерпнутых у других авторов. Поэтому мы можем приводить их сведения параллельно и в сравнительном аспекте.

Живший чуть ранее Ибн ал-Асира Абу Али Ахмад ибн Мухаммад ибн Мискавейх (ум. 1030) является автором труда «Таджариб ал-умам ва таакиб ал-химан». («Книга об опытах народов») Хотя он пользовался анонимным источником XI века «Таджариб ал-умам», который вкратце повторяет ат-Табари, однако то, что он достиг высокого положения при дворе Буидов и

имел возможность подробно описать управленческое, религиозное и социальное состояние Халифата начала X века, [43] делает его сочинение очень полезным для исследователей.

Среди географических произведений мусульманских авторов особое место занимает известное сочинение Абул Касыма Абдаллаха ибн Хордадбеха (ум. 913) «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик», («Книга путей и стран») В нем даны описания городов Хорасана и Мавераннахра, а также приведены разнообразные сведения экономического и политического характера. Являясь сахиб аль-баридом при халифе ал-Мутамиде [15], ибн Хордадбех сохранил некоторые сведения о способах привлечения тюрок в Ирак, ряд его сообщений подтверждает те, что встречаются у ибн ал-Йакуби в его «Китаб аль-булдан» («Книга стран»).

Труд Абу Бакра Ахмада ибн Мухаммада ал-Факиха «Китаб ал-булдан» [30] интересен сведениями о провинциях Халифата, Сугуре, других восточных районах, изложением тюркской военной и административной деятельности.

Ибн Хаукаль в своем труде «Китаб сурат ал-ард» («Картина земли») также сохранил много полезных сведений о тюрках, тюркских государствах, о вхождении тюрок в мир ислама, дополнения к которым можно найти у ал-Истахри (ум. 951) [14].

По просьбе ал-Истахри, ибн Хаукаль в 951 году переработал его сочинение, и в новой редакции оно стало известно как «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). При этом ибн Хаукалем были использованы произведения аль-Джайхани [173, с.219-224], ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джафара [33]. Он отредактировал в труде ал-Истахри главу о Мавераннахре, откуда мы почерпнули сведения о начальном периоде арабо-тюркских отношений.

Известный мусульманский географ Йакут ал-Хамави (ум. 1229) также использовал в своем труде сведения многих исторических источников, в большинстве своем они позаимствованы из сочинений ал-Балазури, ат-Табари и некоторых других авторов. В его «Муджам аль-булдан» («Словарь стран») [50] мы встречаем описания многих городов, их историю, нужную нам информацию

о тюркской деятельности в городах Сугура. Многие его сведения более нигде не сохранились.

Для освещения некоторых событий, связанных с региональной политикой халифов в частности в Египте, нами использованы произведения, в которых всесторонне рассмотрена деятельность тюрок в этой провинции. Здесь нам особо ценным представляются сочинения египетского историка Абу Омара Мухаммада ибн Йусуфа ибн Йагуба ибн Хавса ат-Таджиби аль-Кинди (ум. 961) «Вулат Мыср» («История правителей Египта») [37]. В этом сочинении описаны события в Египте, начиная с арабского завоевания этой страны Амром ибн ал-Асом в 641 году и до середины X века. Автор дает характеристику всем эмирам, наместникам и правителям Египта периода. Важным для нас представляется и то, что ал-Кинди зафиксировал имена, годы правления и сферу деятельности каждого из них, что дает возможность узнать о тюрках-наместниках, посланных сюда халифами.

Очень ценны факты, почерпнутые нами из труда другого известного египетского историка Абу-л-Махасина ибн Тагриберди (ум. 1469) «Ан-нуджум аз-захира фи мулук Мыср ва-л-Гахира» [10] («Блистательные звезды среди правителей Египта и Каира»). В его сочинении прослежена история Египта начиная с арабского завоевания и до середины XV века. Отметим, что Ибн Тагриберди использовал труды авторов, неизвестных современной науке. Описывая деятельность того или иного египетского правителя, автор приводит сведения обо всех событиях, происходивших при нем в мусульманском мире, и эти обширные сведения очень важны для исследователей.

Для нашей темы полезен труд Таги ад-дина Ахмада ибн Али ибн Абд аль-Гадира ал-Магризи (ум. 1442) «Маваиз ва-итибар би-зикри-л-хитат ва-л-асар» («Книга увещаний и назиданий») [40]. Очень ценно, что автор использовал сочинения известных историков, в том числе ал-Масуди, ал-Йагуби, ибн Хордадбеха, ибн Халдуна. Он привел большие выдержки из их сочинений. Не менее важны значительные фрагменты из трудов неизвестных современной науке авторов, что представляет огромный интерес.

Весьма полезными для нашего исследования стали такие известные сочинения, как «Игд ал-фарид» Ибн Абд Рабби [28] («Редкое ожерелье»), «Иршад ал-ариб» («Свод писателей») [49] уже упомянутого аль-Йакута, откуда мы почерпнули сведения о тюркских семьях Сули и Хагани и сферах их деятельности. Автор труда «Вафайят ал-айан» ибн Халлиган [16], приводит сведения об известных везирах, полководцах и видных деятелях аббасидского периода конца IX – начала X веков. Он отмечает также интересующих нас тюркских представителей. Кроме того, в «Игд аль-фарид» мы находим очень ценные сведения о тюрках, подвизавшихся при первых халифах Аббасидах не только в военной сфере, но и в дворцовой администрации на различных должностях. Есть также сообщения о некоторых особенностях Самарского периода [28; с.96, с. 102-110].

Нами также использованы различные арабские источники, в которых прямо или косвенно затронуты проблемы, являющиеся объектом нашего исследования. Они оказались очень полезными для уточнения некоторых интересующих нас вопросов, дат, и дали возможность сделать правильные выводы. Обширные, и не очень, сведения авторов этих сочинений сыграли определенную роль в более подробном раскрытии темы. Таковыми можно назвать произведения ал-Джахшйари (ум. 942) «Китаб ал-вузара» [13] («Книга везирей»), «Тарих ал-Багдад», («История Багдада») Хатиба ал-Багдади (ум.1071); «Китаб ал-агани» [4;54] («Книга песен») и «Магатил ат-талибиййин» [3] ал-Исфгани; «Китаб ал-маариф» («Книга познаний») ибн Кутайбы [35]; «Китаб аль-вузара» ас-Саби [18], где приведен перечень гвардейских частей с указанием их жалования; «Субх ал-аша» («Заря для подслеповатого в писании») [34], аль-Галгашанди (ум.1418), труд которого содержит многочисленные документы финансового, военного, административного характера, сыгравших они были ценными для изучения характера исследуемого нами периода.

Наряду с общими трудами по истории Халифата, в средневековой арабской литературе известны также специальные произведения о тюрках. Появление таких сочинений было вызвано тем

интересом, который возник в арабском мусульманском обществе в связи с усилением роли тюркского этноса в политической жизни Халифата.

Первым и самым известным сочинением такого рода является «Послание Фатху ибн Хагану о достоинствах тюрков и остального халифского войска» [12] которое в начале IX века написал известный арабский автор Абу Осман ал-Джахиз (ум. 869) (Рисала ила Фатх ибн Хаген ан манакий джунд ал-хилада ва фазаил ал-атрак). В этом сочинении нашли отражение как новые знания арабов о тюрках, так и отношение к ним самого автора. Ал-Джахиз еще при жизни считал признанным авторитетом, оставившим большое количество разного рода книг и трактатов, таких, как «Китаб ал-хайаван» («Книга о животных»), «Китаб ал-бухала» («Книга о скупых»), «Китаб ал-байан ва-т-табийн» («Книга изложения и ясности»). «Послание» несколько отличается от остальных произведений ал-Джахиза своей актуальностью, так как написано под впечатлением политических событий, свидетелем которых автор являлся.

Составленное во время ал-Мутасима (833 – 842) и по его желанию это сочинение не дошло до заказчика по причинам, известным лишь ал-Джахизу [118, с.43]. Только при ал-Мутаваккиле автор отослал его Фатху ибн Хагану, который обратился к нему с письмом, содержащим ряд вопросов. Тяжелая ситуация при дворе, сложившаяся не без участия тюрков-военачальников, требовала, чтобы общество получило доступное объяснение их содержания на военной службе. Не приняв во внимание антитюркскую направленность политики нового халифа, ал-Джахиз в своем сочинении критикует антитюркские настроения в военной среде. Он дает характеристику различных частей армии, а затем сравнивает их с тюрками и подтверждает историческими фактами превосходство этих тюрков над остальным мусульманским воинством.

Отметим, что «Послание» ал-Джахиза переведено на английский, турецкий [99] и в сокращенном варианте на русский языки [118]. В этой связи хочется особо отметить, что это и два других

специально посвященных тюркам произведения, о которых речь пойдет далее, были переведены на русский язык с обширными комментариями азербайджанским ученым-востоковедом Ф.Асадовым в 1993 году [118].

Главы «О тюрках» и «О некоторых городах тюрков и об их диковинных особенностях» Мешхедской рукописи уже упомянутого нами сочинения Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Ахбар аль-булдан» («Книга о странах») полностью посвящены тюркам [57;30]. Хотя труд этот был написан почти через 50 лет после упомянутого произведения ал-Джахиза и автор находился под его влиянием как ученого и литератора, именно упомянутые главы содержат самые ранние сведения арабов о тюрках. Впервые они обнаружены А.З. Тоганом и описаны им в 1923 году [101]. Затем их копии стали доступны для изучения советским востоковедам. В упомянутых главах имеются сведения, которые могут разъяснить некоторые аспекты доисламской истории тюрков. Кроме того, в них есть сообщение арабов-путешественников о посещенных ими городах тюрков, описаны их нравы, обычаи и традиции, региональные связи и отношения с соседями.

О трактате «Книга о превосходстве тюрков над другими воинами и достоинствах высокого султанского присутствия» («Китаб тафтыл ал-атрак ала саир ал-адждад ва манакиб ал-хадра ал-алийа ас-султанийа») [118] Ибн Хассула (ум. 1058) известно, что свое сочинение он написал для великого султана Сельджукида Тогрул-бека, которому служил, как ранее Газневидам. Впервые рукопись сочинения, обнаруженная в Ираке в частной библиотеке, появилась в издании Турецкого исторического общества в 1940 году в переводе на турецкий язык [85]. Этот труд созвучен «Посланию» ал-Джахиза, однако написан в другое историческое время, когда прошел довольно долгий срок после появления тюрков в аббасидской армии. Его автор ставил перед собой цель доказать превосходство тюркских династий над иранскими, так как именно сельджукам было суждено стать во главе мусульманского мира после Буидов.

Для нашего исследования в этом трактате интересна несколько отличная от ал-Джахиза авторская позиция по отношению к единству тюрок и хорасанцев. Если ал-Джахиз считает их одним народом, то Ибн Хассул старается показать разницу между ними. Как отмечает Ф. Асадов: «ал-Джахиз имел намерение своим трудом способствовать сплочению различных контингентов халифского войска, устранить раздоры между ними, а Ибн Хассул хотел подчеркнуть превосходство тюркской династии над иранской, обосновать право на власть Сельджуков перед Буидами» [118,с.39].

Для нашей работы привлечены также материалы литературных произведений доисламских поэтов [5;116], некоторые сборники хадисов, где встречаются сведения по интересующей нас проблеме [9]. И хотя их нельзя считать источниками, в них порой встречаются важные для историка упоминания событий, лиц и некоторые характеристики изучаемого периода в связи с исторической обстановкой.

Источниковедческий обзор свидетельствует, что многовариантные взаимоотношения тюркского этноса с арабо-мусульманским миром живо интересовали современников. Этот интерес был вызван ролью и местом тюрок как в Центральной Азии, так и затем в Передней Азии. Появление многочисленных сочинений арабских и иных авторов, у которых заметное место в изложении занимает тюркская тематика, в том числе на важном этапе начального и последующих периодов, связанных с тюрко-арабскими взаимоотношениями не случайно. То было социальным заказом правящей арабской элиты. Халифы и высокопоставленные сановники были заинтересованы в том, чтобы как можно больше и в достаточном многообразии узнать об этносе, который активно проникал в арабский халифат и начинал играть все более заметную, а затем – важную роль в мусульманском мире. Они хотели побольше узнать об этносе, который средневековые мусульманские авторы идентифицировали с народом Йаджудж и Маджудж.

Обо всем этом можно судить как по обилию сообщений арабских и других авторов о тюрках, так и по тем подробностям, которые касаются разных сторон жизни и деятельности этих грозных и опасных соперников арабов и созданного ими Халифата. Таковы сведения о достоинствах и традициях тюрков; об их доисламских религиозных представлениях, епособностях; о внешнем облике и военных качествах; о созданных ими государствах; о тех областях, городах, что были в тюркских землях; об образе жизни.

Образно говоря, арабский мир стремился получить всестороннюю и объективную информацию о тех, кто в исследуемый период уже выступил на мировую авансцену, кто пошел на активные и многоплановые контакты с мусульманским обществом.

Следует также отметить, что столь пристальное внимание арабов к тюркам есть следствие неоспоримого, по нашему мнению, обстоятельства, что Передняя Азия и арабо-мусульманский мир ходом самой истории были «обречены» на контакты с тюркским миром. Это – логика истории, и результаты контактов особо широко проявились в последующие периоды, то есть уже в XI и другие столетия. Однако это – уже за рамками нашего исследования.

Здесь же мы хотим обратить внимание также на следующие обстоятельства: тюрки еще до прямых контактов с арабами появились на мировой авансцене, а, получив соответствующую информацию об их деятельности в Центральной Азии, арабо-мусульманский мир начал присматриваться к тюркам более заинтересованно и внимательно, ибо поток сведений свидетельствовал, что тюркский этнос – воинственен, многочислен и грозен. Начиная с VIII века, Халифат нуждался в притоке свежих воинов, причем неважно было, мусульмане они или – еще нет. Нужны были новые силы для продолжения завоевательного процесса, в том числе на Востоке. И тут невозможно было обойтись без тюркских воинов, зарекомендовавших себя с самой лучшей стороны.

Поэтому вполне логично заключить, что не в последнюю очередь по этой причине арабские авторы уделили так много внимания тюркскому миру.

Историография проблемы. Продолжая тему внимания к тюркской проблематике в далеком прошлом, нетрудно перекинуть «мостик» к огромному комплексу исследовательской литературы. Такое явление не случайно, ибо арабо-тюркские взаимоотношения – это огромный пласт истории средневековой Азии, Европы и, частично, даже Северной Африки.

В русской и советской исторической литературе, в целом, не предпринимались попытки отдельного рассмотрения роли арабских этносов, в том числе тюркского, в военно-политической системе Халифата. Лишь некоторые аспекты проблемы нашли отражение как в общих трудах по истории Халифата, так и при рассмотрении различных сторон его эволюции. В трудах Медникова Н.А., Крымского А.Е., Заходера Б.Н. [180;181; 164; 174;175], Васильева А.А. и, в особенности, Бартольда В.В., чьи труды весьма ценны в этом ряду, мы находим отдельные сюжеты, проливающие свет на предмет нашего исследования [127-131].

Опубликованное Медниковым Н.А. по сведениям арабских источников фундаментальное исследование «Палестина от завоевания ее арабами и до крестовых походов [180] позволяет получить общее представление о ситуации в Халифате, начиная с середины VII века, а также четкую хронологию событий в период арабских завоеваний, об отношениях центра и провинции, о роли армии и участии тюрок как в процессе завоеваний, так и в сохранении приобретенных силой оружия территорий.

Перу Медникова Н.А. принадлежит также труд «О причинах распада арабской империи» [181], в котором говорится, что упадок Халифата был следствием возрастания роли наместников в этом государстве, власть в котором не могла опереться на один определенный народ. То есть, по мнению автора, неспособность халифов арабизировать подвластные народы стала причиной ослабления арабо-мусульманского государства.

Для изучения арабо-византийских отношений очень большую помощь оказала работа Васильева А.А. «Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии» [146]. Отметим, что после битвы при Амории (838 год), византийские источники, описывающие отношения Византии с Халифатом, не столь обширно осветили события, как это сделали арабские, но они были обработаны Васильевым А.А. Благодаря его труду мы смогли почерпнуть сведения о последующих военных столкновениях византийцев и арабов, деятельности тюрок в византийских провинциях и их военных успехах в составе халифатской армии.

Сочинения Крымского А.Е. об арабах, их истории и литературе [175] многим известным востоковедам представляются несколько «поверхностными» [132, с.8], «устаревшими» [164, с.11], но, как один из первых опытов по обобщению арабской истории, они имеют для специалистов определенный интерес.

Фундаментальные труды одного из классиков востоковедения Бартольда В.В. [125], в которых использовано огромное количество источников, оказались весьма полезными для нашей темы. Ценной является специальная работа «К истории арабских завоеваний в Средней Азии» [126], где, использовав арабские и китайские источники, автор осветил различные эпизоды анти-арабской борьбы согдийцев, переписку местных тюркских правителей с китайским императором на предмет создания антиму-сульманской коалиции. Не менее важны сочинения «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Двенадцать лекций по истории тюрок Средней Азии» [129;131], где есть ценные сведения об арабо-тюркских взаимоотношениях на различных этапах истории Халифата. Полезны также публикации Бартольда В.В. о культурной, социальной жизни тюркских народов, их верованиях [127].

Некоторые интересные обобщения о вхождении тюрок в мусульманский мир встречаются у Гумилева Л.Н., например, в его фундаментальном труде «Древние тюрки». В его работах нашли отражение моменты, связанные, с участием тюрок в борьбе против арабских войск, отношениями тюрок с персами и китайцами и ряд других вопросов [159].

Советские востоковеды Беляев Е.А. [132], Большаков О.Г. [134-137], Фильштинский И.М. [197] в монографиях, посвященных непосредственно истории Халифата, сумели в достаточной степени основательно проанализировать политическую и социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в арабо-мусульманском государстве с первых дней его создания и высказать ряд важных положений по нашей проблеме, хотя касались ее вскользь и лишь в общем контексте.

Беляев Е.А., которому принадлежит серьезный труд «Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье», не склонен видеть причину упадка Халифата в создавшейся в начале X века сложной политической обстановке, усугубленной давлением тюркской армии. Он считает, что основными стали растущие народные движения, противостояние различных течений в исламе, разрушившие целостность идейной основы мусульманского государства [132].

Большаков О.Г. в книге [137] «Средневековый город Ближнего Востока VII - середины XI веков» охарактеризовал и обобщил на основе глубокого анализа источников главные моменты арабского завоевания и указал на ту общность, которая стала свойственна всем народам, принявшим ислам и создавшим единое политическое, социально-экономическое и культурное пространство.

Фильштинский И.М. в работе «История арабов и Халифата» указывает на позитивную деятельность тюркских военных руководителей в последние годы перед политическим крахом Халифата и на то, что и в предыдущие периоды они отличались своей преданностью власти [197].

Надирадзе Л.И. высказал в исследовании «Проблема феодальных отношений в Халифате VII – XI веков» интересное положение об экономической необходимости создания тюркской армии в этом государстве [186]. Он считает, что государство, как один из трех получателей общественного продукта, наряду с крестьянами-производителями и феодалами, стремясь увеличить свою долю налога и подавить недовольство остальных субъектов

дележа, усилило внеэкономическое принуждение и, как результат такой политики, появилась тюркская гвардия, чуждая населению Халифата [186, с.8].

Мандельштам А.М. (179) в статье «Характеристика тюрков IX века в «Послании Фатху ибн Хагану ал-Джахиза» коснулся интересующей нас темы. Он привел выдержки из этого произведения и сопроводил их комментариями. В работе «Средняя Азия VI – VII веков» им подробно исследовано политическое состояние Центральноазиатского региона в VII веке, что тоже весьма полезно для создания общей картины расселения здесь тюркского населения [178].

Монография Колесникова А.И. «Завоевание Ирана арабами» [172], одна из глав которой посвящена завоеванию Хорасана, также интересна. В ней исследованы отношения арабов с завоеванным населением, налаживание взаимоотношений с ним, привлечение его отдельных представителей на службу мусульманскому государству.

Весьма ценными сведениями помогла нам, особенно при написании первой главы, монография таджикского ученого Гоибова Г. «Ранние походы арабов в Среднюю Азию (644 – 704 годы)». Автор дал развернутую картину арабских завоеваний, на основе многочисленных сведений источников изложил военно-политическую историю проблемы, наиболее полезную для нашего исследования [155].

Мы использовали также все доступные публикации западноевропейских ориенталистов, имеющие отношение к нашему исследованию.

Одним из первых военную историю Халифата изучал Дж.Б.Глабб. Его работа «Великие арабские завоевания» охватывает их начальный период. Для нас важна та часть, где описаны походы арабов в Хорасан [232]. Однако этот труд страдает определенным пренебрежением к источникам. Более того, в нем имеются неоправданно современные параллели касательно событий в раннем Халифате.

Сочинения Меца А. «Мусульманский ренессанс» [182] и Мюллера А. «История ислама» [185], переведенные на русский язык, содержат интересные сведения по теме монографии.

Нами использовано исследование Каэна К. [170], давшего всесторонний анализ места и роли кочевых и оседлых народов в средневековом мусульманском мире и выделившего при этом тюрков и их роль в распространении ислама.

В публикации Босворта К.Э. «Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире» объектом внимания являются именно тюрки и их появление в мусульманском мире, сначала как «варваров» (по выражению автора – Н.А.), а затем как очень влиятельной силы. По мнению исследователя, тюрки, воины-чужеземцы, находившиеся в распоряжении халифа, были преданы ему, но только до тех пор, пока не обретали какие-либо материальные блага, защищенные законом, после чего они переставали быть надежной опорой трона и власти Аббасидов [140, с.114].

Среди общих работ по истории Халифата следует отметить исследование Х.А.Р. Гибба [229], который, касаясь проблемы создания армии из тюрков, отмечает, что к этому шагу Аббасидов подтолкнула опасность, исходившая от наместников Хорасана – Тахиридов [229, с.36]. Другой исследователь периода – американский ученый Х. Кеннеди, напротив, в своей книге «Пророк и период Халифата» считает, что Тахириды и их влияние способствовали нормальному функционированию государственной политико-финансовой структуры. Он отмечает большие поступления в казну из Хорасана в тахиридский период и называет пик тюркского влияния «период анархии» [241, с.126].

Монография М.А. Шабана «Аббасидская революция» [267] очень ценна, так как в ней имеются многочисленные сведения о характере династии, сменившей Омейядов, об их новом подходе к проблемам неарабских народов и политике по привлечению других этносов к управлению мусульманским государством.

«Оксфордская история ислама» Дж. Эспозито [226] и книга М.С. Иссы «Золотой век ислама (750 – 1258)» [225] содержат определенные полезные для нас сведения. В них рассмотрены раз-

личные аспекты политико-экономического развития Халифата, высказаны мнения о причинах, приведших это государство к упадку. Среди них главными названы центробежные тенденции и неспособность халифов управлять армией, а также финансовый крах.

В книге Р. Леви «Социальная структура ислама» [248] мы находим высказывания о том, что с появлением тюрок численность нетюркской гостии армии сократилась, она практически перестала существовать, то есть в распоряжении халифов были только тюркские отряды, что и сделало их предводителей все сильнее.

Ю. Веллхаузен в монографии «Арабское государство и его упадок» [275] приводит сведения о первых контактах арабов с тюрками, дает характеристику Аббасидского периода и его отличия от предыдущих этапов арабской истории.

Д. Сурдель посвятил свои труды различным проблемам Халифата. Одна из его публикаций – «Вазират Аббасидов (749 – 936)», в которой показан процесс возвышения тюрок как способных администраторов, которые к середине IX – началу X веков стали наиболее действенной частью государственной элиты. Автор уделит внимание различным мусульманским учениям, которые использовали в своей политике халифы, в частности ал-Мутаваккиль [269].

Проблема исследования также привлекала внимание западных ученых, которые посвятили публикации изучению роли тюрок в Халифате. Среди таких специальных работ выделяются исследования Д. Пайпса, Х.Толнера, М.Долса, О.Пинто, Дж.Ахмада. Рассматривая причины создания тюркской армии в Халифате, они высказали разные мнения.

Д.Пайпс в работах «Воины-рабы и ислам» и «Черные воины в ранней мусульманской армии» исследовал роль тюркского войска в раннем Халифате. Он пришел к мнению, что вербовка воинов из рабов – характерная особенность этого государства, так как мусульмане отказывались служить, потому что их вера в реализацию идей справедливости ислама постепенно ослабевала, и

это привело к необходимости создания тюркской военной гвардии [261;262].

Однако М.Долс [272, с.633-635], опровергая это мнение Д.Пайпса указал, что в истории имеется немало примеров создания войска из рабов, и не только в мусульманских государствах, эту традицию ни в коей мере нельзя считать отличительной чертой мусульманского общества [148, с.12].

Х.Толлнер в монографии «Тюркская гвардия халифов в Самарре», следуя мнению ряда арабских исследователей, считает, что тюркское происхождение матери халифа ал-Мутасима имело решающее значение для создания тюркских отрядов в армии. Однако главной причиной он называет напряженную политическую ситуацию, связанную с воцарением ал-Мутасима и вызвавшую недовольство в армии, желавшей видеть на троне другого претендента. Кроме того, опасения нового халифа за свою жизнь заставили его увеличить число тюркских гвардейцев, лично ему преданных. Хочется отметить, что такого рода причины весьма субъективны, и ими можно было бы обосновать наличие определенного количества личной охраны, но, как выясняется по ходу исследования, именно тюрки составили половину халифского войска [274,с.21].

О. Пинто, обратившаяся к проблеме тюрков в политической жизни Халифата, выбрала в качестве объекта внимания отдельные личности тюркского происхождения, которые имели важный статус в политической структуре государства. Ей принадлежат работа «Фатх ибн Хаган – фаворит халифа ал-Мутаваккиля», в которой автор пытается обосновать свою позицию о его деятельности в качестве везира. Однако это пока остается спорным для исследователей [260].

Большую работу, способствующую всестороннему изучению места тюрков в Арабском халифате, проделали турецкие ученые, которые перевели на турецкий язык некоторые средневековые арабские хроники и опубликовали серию статей и монографий по разным аспектам проблемы. Среди них следует указать труд Р.Шешена «Тюрки по сообщениям ранних арабов». Он впервые

перевел на турецкий упомянутый трактат ал-Джахиза и дал к нему комментарии [98], а также рассмотрел некоторые аспекты первых контактов тюрок с арабами и обобщил данные арабских географов о тюрках.

Очень интересные мысли о появлении тюрок в мусульманском мире вообще изложены во «Введении к всеобщей тюркской истории» А.Тогана [100]. Он считал этот этап начальным и предвестником их появления в раннем Халифате и дальнейшего укрепления позиций Тюркского этноса при Аббасидах. Ему же принадлежит перевод сочинения Ибн Факиха о тюрках, их происхождении, местах расселения. Перевод сопровождается солидными комментариями [101].

Ценными для нас оказались результаты исследования Ш.Гюналтая. Он уделит внимание роли тюрок в переходе власти от Омейядов к Аббасидской династии и ее укреплению [88]. Помимо большого фактического материала в работе есть вызывающие размышления мнения о происхождении руководителя проаббасидского движения Абу Муслима, который, как известно, был из новообращенных мусульман-мавали. Автор на основе имеющихся у него фактов пытается доказать тюркское происхождение лидера антиомейядской оппозиции, а также высказывает мысли о влиянии тюркского происхождения матери некоторых первых аббасидских халифов на быстрый прорыв к власти тюркских военных [88,с.179]. Прослеживая политическую историю Халифата вплоть до Самаррского периода, Гюналтай склонен видеть именно в тюркской поддержке ту стабильность и авторитетность центральной власти, которая была присуща Аббасидам вплоть до первой четверти IX века, и считает, что попытка ослабить позиции тюркской гвардии стала началом краха Халифата.

Исследованием отдельных аспектов проблемы арабо-тюркских отношений занимался проф. Х.Д.Йылдыз. Его монография «Ислам и тюрки» [103] охватывает многие стороны их отношений с властью, особенно в Самаррский период. Некоторые соображения автора, стремившегося связать с тюркским влиянием многие политические вопросы в Халифате, не совсем доказатель-

ны, строятся на аналогиях и умозаключениях, и не всегда подтверждены данными источников. Тем не менее его труд один из самых серьезных, на наш взгляд, в современной турецкой историографии. Х.Д.Иылдызу принадлежат также характеристики тюркских командиров аббасидского периода, таких, как Инак, [105] Буга ал-Кабир [103, с.75], Афшин [104], изучена их деятельность в качестве военных лидеров армии.

З.Китабчи является автором ряда научных трудов, непосредственно относящихся к теме нашего исследования. Самый крупный из них – о начальных проявлениях тюркского военного присутствия на Среднем Востоке [90]. В нем рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия тюрков с арабами во времена начального ислама и проанализированы причины, вынудившие арабов обратиться к тюркской военной силе как при Омейядах, так и ранних Аббасидах. З.Китабчи также разработал тему тюрков в хадисах Пророка [89], найдя в них множество примеров отношения мусульман к этому народу еще на ранних стадиях распространения ислама, написал ряд статей о первых тюрках, в арабских городах [91;92].

Изучению истории арабо-тюркских отношений, места и роли тюрков в Халифате уделили внимание современные арабские историки. Хотя у них почти нет специальных работ по этой проблематике, существует большое количество исследований, где рассматривается политическая история Халифата, уделяется внимание его военной и административной системе, другим сюжетам. Они свидетельствуют о том интересе, который ученые арабских стран проявляют к проблемам своей средневековой истории.

Тема тюркского присутствия и укрепления в арабомусульманском государстве не могла остаться незамеченной и к ней обращались арабские историки разных поколений. Отметим, что многие из них, находясь под непосредственным влиянием средневековых авторов, не скрывают своего негативного отношения к той деятельности, которая осуществлялась тюрками. Они стараются связать с ними все трудности и проблемы, стояв-

шие перед мусульманским обществом в рассматриваемый период. Однако как нам представляется, законы исторического развития нельзя игнорировать и не стоит забывать о том, что после распада Халифата появились многочисленные независимые, национальные, если их так можно назвать, государства, развитие которых способствовало дальнейшему прогрессу мусульманской цивилизации.

Именно поэтому нельзя согласиться с предвзятым отношением к «тюркской линии» в Халифате таких арабских историков, как А.Амин (60;61), Дж.Зейдан (77), Г.Гасан (66). Они пытаются принизить любые, в том числе культурные достижения тюрков, и, не имея на то никаких оснований, приписывают принадлежность тюркских ученых, мыслителей, видных государственных деятелей к другим народам.

Современные арабские медиевисты, такие, как А. ад-Дури, М. Рахматаллах, Ф.Омар, А.Рашиди, А.Рифаи, М.Хильми, Т. ал-Йузбеки, М.Тлас, подробно и всесторонне изучали внутренние процессы, происходящие в Халифате, особенно в Аббасидский период. А так как проблема военно-политического присутствия тюрков в Халифате не могла остаться вне их поля зрения, то, естественно, что они высказывали свои соображения по поводу проблемы, в какой-то мере подвергаясь, как нам представляется, влиянию арабоязычных средневековых авторов.

Труды А. ад-Дури «Период первых Аббасидов» [72], «Сведения об Аббасидском государстве» [71] были очень полезны для нашей работы. В них есть весьма редкие сведения о политической ситуации в Халифате, начиная с середины VIII века, приводятся многочисленные факты, связанные с деятельностью тюрков в различных сферах. Кроме того, А. ад-Дури также считает, что тюркское происхождение матери халифа ал-Мутасима стало основанием для создания им тюркской гвардии, причинившей в дальнейшем много бед государству.

Другой известный арабский исследователь средневековья Ф.Омар является автором книг «Аббасидский халифат (750-786)» [80], «Первые Аббасиды» [81], ряда специальных статей, среди

которых наиболее интересна для предмета нашего исследования «Новый взгляд на отношения тюрок с Аббасидским халифатом» [82]. Он вообще убежден, что обращение к тюркам со стороны халифов было вызвано тем, что многие из этих арабомусульманских правителей не соответствовали представлениям багдадцев о достойном и образованном правителе, и по этой причине «старое» войско их не поддерживало.

Египетский ученый М.Хильми в монографии «Халифат и государство в Аббасидский период» [83] подробно описал процесс вовлечения тюрок в дела государственного устройства, показал возвышение отдельных тюркских личностей в политической элите Халифата. Он постарался быть объективным в оценке тюрского военного присутствия, описывая их военные заслуги в ликвидации внутренних беспорядков.

Общие труды по истории Халифата, принадлежащие А. Рашиди «Ислам и халифат» [76], М. Тласу «История арабской нации» [79], содержат сведения о характере Аббасидского правления, взаимоотношениях халифов с тюркской гвардией и ее лидерами. Особое внимание уделяется проблеме общемусульманского политического курса Аббасидов и привлечения представителей других этносов, в частности тюрок, во все сферы социально-политической системы государства.

М. Рахматаллах в интересной, с научной точки зрения, монографии, касающейся положения и деятельности немусульман (зиммиев) в Омейядский и Аббасидский периоды Халифата [74], а также особенно в книге «Социальное положение Ирака в III - IV веках хиджры» [73] старалась осветить ситуацию, сложившуюся в центре Халифата в IX - X веках. Она акцентирует при этом внимание на сложном экономическом и социально-политическом положении власти, вынужденной прибегать к наемной армии, так как сама уже не могла справиться с ситуацией.

А. Рифаи, автор монографии «Период ал-Мамуна» [75], дал очень интересную оценку эпохи первых Аббасидов, их приходу к власти, отношению к устройству государственных институтов. Он также проанализировал ситуацию в Халифате, связанную с граж-

данской войной сыновей Харуна ар-Рашида, исследовал особенности периода правления ал-Мамуна и, в частности, его попытки создать надежную армию, способную оградить его от беспокойных подданных, и причины, которые побудили этого халифа обратиться к тюркам-мавали и привлечь их в столицу Халифата.

Труд Т. аль-Йузбеки «Везират, его организация и развитие в государстве Аббасидов [84] дает представление об административном устройстве Халифата, о роли везиров в обществе, их сопричастности к разделу власти с халифами. Здесь мы находим интересные сведения о везирах-тюрках, методах их служения государству и опыте административной работы.

Азербайджанские ученые-востоковеды, наверно, более всех на постсоветском пространстве интересовались в контексте общетюркской истории проблемами присутствия тюрков в арабомусульманском обществе и пытались дать ему должную и непредвзятую оценку. И хотя не очень многочисленные, но интересные исследования в нашей востоковедческой науке есть. Несомненная заслуга в этом принадлежит корифею азербайджанского востоковедения академику З.М. Буниятову, который наметил это направление в нашей арабистике и подготовил ряд исследователей, работающих над различными аспектами проблемы. Первым был сам З.М. Буниятов, изучивший тюркское влияние в политической жизни Арабского халифата, в начальный период правления Аббасидов, исследовав новые источники по проблеме и дав их переводы. Все это нашло отражение в нескольких интересных и весьма ценных научных статьях [143;144].

Традиция была продолжена исследованием А.Алиева, автора диссертации и монографии по истории тюркского государства Тулунидов [114;87], и Р. Исмаилова, который написал интересную работу, посвященную становлению и укреплению государства Ихшидидов, основанную тюрками в Египте [166]. Эти работы дают возможность лучше понять причины и последствия политического возвышения тюрков в Халифате и считать несостоятельными предположения о них, как разрушителях основ государственности.

Ученый-арабист Н. Велиханова также внесла свой вклад в изучение проблемы, и хотя основным объектом ее исследований явилась взаимосвязь Азербайджана и Халифата [106;149;150], своими актуальными трудами по изучению средневековых источников, особенно географических, она внесла большой вклад в осмысление исторического значения событий, в результате которых многие страны и народы оказались вовлечены в орбиту Арабского халифата.

Особо хочется выделить научную деятельность в области исследуемой проблемы Ф.Асадова, который посвятил свои работы изучению роли тюркской армии в социально-экономической системе Халифата [122], а также содержанию и материальному обеспечению военного сословия. Он рассмотрел соотношение экономических возможностей государства с необходимыми расходами и связанные с этим изменения в системе воинского содержания на протяжении VIII – начала X веков. Ф. Асадову принадлежат переводы и комментарии трех единственных дошедших до нас произведений арабской исторической литературы, посвященных тюркам [118].

Новыми по времени публикациями являются наши исследования. В круг интересов входят политические и социальные вопросы, связанные с военной, политической, административной деятельностью тюрков, сумевших подняться по социальной лестнице до самых вершин арабо-мусульманского государства [123].

В заключение уместно отметить, что сведения средневековых арабских источников, а также мысли, факты и выводы европейских, русских, советских, арабских, турецких и азербайджанских исследователей были проанализированы нами и в сравнительно-историческом и критическом аспекте с учетом требований современной науки, сделаны серьезные уточнения.

Вместе с тем историографический обзор подтверждает, что, действительно, проблема взаимоотношений тюрков с арабо-мусульманским миром в изучаемое нами время до сих пор находится в центре внимания заметного количества ученых многих стран. Об этом свидетельствуют не только количество известных

публикаций на различных языках, но также неиссякающий их поток.

Наряду с другими причинами, которые общеизвестны, мы хотим выделить две. Первая – все возрастающее внимание к арабскому миру, вообще – к мусульманскому, в частности к его средневековому прошлому, особенно после появления и распространения ислама, который стал одной из трех мировых конфессий и ныне имеет своих приверженцев на всех континентах. Вот почему не иссякает количество исследований по истории Халифата вообще и отдельным его периодам в частности.

Вторая причина, на которую мы обратили особое внимание, – это возрастающее и кристаллизирующееся осознание роли, значения, влияния и места тюркского элемента в мировой истории, в том числе в судьбах Арабского халифата.

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание также на то, что эти 200 лет в истории Халифата, как и в истории тюрков, отмечены многими важными и судьбоносными событиями. Поэтому, судьба не только арабо-мусульманского и тюркского мира, но и ход самой мировой истории были напрямую и прочно связаны именно с этими фигурантами.

Для подтверждения сказанному достаточно окинуть общим взглядом историю Азии, Европы и Северной Африки в те столетия, которыми мы занимаемся, и которые, к тому же, действительно, оказались весьма важными для мировой истории.

ГЛАВА I.

АРАБО - ТЮРКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД РАННЕГО ИСЛАМА (VII - начало VIII веков)

1. Возникновение ислама и начало арабо – тюркских связей

Ознакомившись со сведениями исторических арабских источников, можно уверенно предположить, что различного рода контакты между арабским и тюркским миром имеют давнюю историю и получить представление о том, в каких условиях, какими путями, в каких конкретных формах происходили контакты и их развитие, каковы были внешние и внутренние факторы этого развития, а также понять, как отмеченные явления отражались в сознании населения доисламской Аравии. Естественно, рассмотрение всех указанных вопросов требует многих специальных исследований. Однако наша задача заключается в ином. Поэтому мы отметим лишь, что научная разработка перечисленных выше вопросов остается актуальной и ждет своего часа. Оставив такую многопрофильную проблемную задачу будущим исследователям, тем не менее, нам необходимо, хоть вкратце, коснуться некоторых аспектов ситуации, сложившейся в области арабо-тюркских отношений до исследуемого нами периода.

Хотелось бы заметить, что до исследуемого нами периода в развитии отношений между арабами и тюрками, - особенно в интересующем нас аспекте, - наблюдается определенная динамика. Сведения о контактах и противостояниях арабов и тюрков, которые более всего проявляли себя на полях сражений, все чаще встречаются в источниках. Отметим, к тому же, что такие контакты происходили в основном при непосредственном участии третьей стороны – их соседа – Сасанидского государства. Так, начиная с конца V века, тюрки вступают в определенные военные соглашения с сасанидскими шахами и, независимо от себя, вовлекаются как во внутреннюю, так и внешнюю политику этого

государства. Известен факт помощи гуннов-эфталитов сасанидскому правителю Каваду I (488-531).

Потерпевший поражение в боях с противником в период маздакитского движения, шах Кавад I вынужден был укрыться у эфталитов и просил помощи у их царя.

Не вдаваясь в подробности, тем не менее следует отметить, что, еще будучи наследником престола, Кавад I в качестве заложника провел несколько лет при дворе царя эфталитов. Поэтому, заняв сасанидский трон, он был способен улучшить отношения с тюрками Центральной Азии, находившимися на восточных границах Сасанидской империи, в частности на стыке тюркского мира с Хорасаном. Это государство на рубеже V-VI веков сотрясало социальное движение под предводительством Маздака, которое привело к значительным переменам в его устройстве. При Каваде I маздакитское движение достигло наивысшего своего развития. Шах постарался использовать маздакитов для укрепления собственной власти, но просчитался, и вынужден был бежать к царю эфталитов.

Породнившись с ним, Кавад I получил тюркское войско, которое помогло ему вернуть в 499 году трон. Укрепив свою власть, Каваде I более не нуждался в маздакитах, и они были ликвидированы вместе со своим предводителем сыном и преемником шаха – Хосровом I Ануширваном (531-579) [51,с.305-309; 160,с.129-133].

Новый шах продолжил политику сближения с тюрками, что не случайно, так как именно тогда в Центральной Азии заканчивался процесс создания обширного и могущественного Тюркского каганата.

Военные операции, предпринимаемые тюрками по различным направлениям, особенно западные походы, были для них очень успешными. В результате, к середине VI века тюрками была создана первая Евразийская империя – Тюркский каганат.

Это государство (552-745) включало Северный Китай и Центральную Азию до реки Амударья. Каганат стал политическим гегемоном, который разгромил государство эфталитов. С момен-

та своего создания Каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств эпохи – Византийской, Сасанидской и Китайской империй, – и ведет борьбу за контроль над Великим Шелковым Путем, связывавшим Дальний Восток со странами Средиземноморья. Исследователи считают, что Каганат оказал существенное влияние на историю Центральной Азии и Юго-Восточной Европы [209;135;206;131].

Результатом такого развития событий стали превентивные меры сасанидского шаха. Опасавшийся возрастающего тюркского влияния, Хосров I Ануширван женился на дочери кагана. От этого брака родился шаханшах Хормузд IV (579-596), который имел прозвище «тюркский сын». По сообщению ат-Табари [21, с.103], брак сасанидского шаха с дочерью кагана был заключен до начала решающего сражения между тюркскими наемниками и царем эфталитов. Эти племена сумел объединить каган Истэми, на дочери которого, как считает Л.Н.Гумилев [159,с.40], женился Хосров I Ануширван. Последний решился на столь важный политико-династический поступок в собственных интересах.

Результатом сближения между Сасанидами и тюрками стало то, что уже во времена военной экспедиции сасанидской армии в Йемен в конце VI века в ее составе находились тюркские отряды [39,II, с.236;100; с.72]. Естественно, что в происходивших боях нельзя исключить вероятность столкновения арабских и тюркских военных соединений.

События, связанные с неизбежностью таких столкновений, все более учащаются в последующие периоды. Например, во время военной операции одного из военачальников Хормузда IV – Бахрама Чубина против Буга Кагана, в его армии были арабские отряды [41, III, с.169]. В дальнейшем встречаются упоминания о тюрках в его армии. Даже в период войны между этим влиятельным полководцем и шахом Хосровом II Парвизом (590-628), как сообщает ат-Табари, арабы сражались на стороне Хосрова, а у Бахрама были тюркские воины [22, I, с.988].

Воспользовавшись внутренней нестабильностью Сасанидского государства в начальные годы правления Хосрова II Парви-

за, тюркские военные отряды вторглись в глубь его владений и дошли до Рея и Исфахана. Однако затем отношения между враждующими сторонами наладились, и Сасаниды сумели направить свои военные акции против другого врага – Византии. Начиная с 619 года они одержали внушительные победы. Вскоре византийцы заключили мир с тюрками, и при их помощи вновь стали досаждать Сасанидам, дойдя до Медина [215, с.436].

В VI веке войны между Сасанидами и Византийской империей были почти перманентными. И в них участвовали, попеременно то на одной стороне, то на другой тюрки и арабы. Все эти события, точнее противостояние на полях сражений арабов с тюрками, отражены не только в исторических источниках, но и в поэзии периода «джахилии». С самого начала отметим, что в дошедших до наших дней поэтических отрывках сохранены представления доисламских арабов о тюрках, и в них дана характеристика военных качеств, чести и достоинства тюркского воина. Иными словами, эти стихотворные произведения ценны не только тем, что сохранили воспоминания о происшедших событиях, но и тем, что характеризуют военные способности тюрков, поэтому дают представление о предпосылках и условиях обращения в последующие периоды арабов именно к тюркскому воинству. Так, Хасан ибн Ханзала, Набига аз-Зубьян и другие арабские поэты сообщают о тюрках как об отважных воинах, не знающих страха, что подчеркивает именно военный аспект представлений о тюркском этносе. В дошедших до нас стихах Авзаба ибн Хаджара ибн Итаха (ум. около 620) говорится:

«Когда я увидел их (тюрков), и в руках у них стрелы, поспешил повернуть своего верблюда с этого места (удалился) [9, I, с.76].

Известный поэт этого периода Хасан ибн Ханзала писал о Хосрове II Парвизе (509-628) и его приближенных, которые должны были защищать шаха от тюркской конницы:

«Я не жалел ничего для защиты кесаря, и не дал ему быть раздавленным под копытами тюркских коней. Пока тюрки и эфталиты появились, я дал ад-Дабибу возможность спастись» [38, I, с.273].

Живший в эпоху Пророка, поэт Набига аз-Зубьян (ум. около 604) в одной из своих касыд, написанных по поводу смерти Нумана ибн Хариса (Гассанидского правителя), сказал о тюрках следующее:

«И Гассаниды, и тюрки, и эфталиты пусть остановятся и ждут возвращения Хариса (он ушел туда, откуда не возвращаются» [89, с.50].

Все эти бейты, повествующие о тюрках, написаны до или в период начального пророчества Мухаммада. Известно, что поэты «джахилийского периода» обладали известной долей влияния и пользовались почетом в арабском обществе. На них смотрели как на людей, одаренных свыше и даже пророчествующих. Несомненно, что принадлежавший к этому обществу и бывший его представителем Мухаммад был знаком с этими стихами и постигал их смысл.

Можно сказать, что различные мысли и предположения о тюрках, имеющиеся в хадисах, являющихся ценным источником об арабо-тюркских взаимоотношениях в раннее средневековье, зиждились, вероятно, на образе тюркского воина, сформировавшегося под влиянием именно этой поэзии. Укажем, что сведения хадисов о тюрках стали предметом пристального внимания как средневековых авторов, так и современных исследователей. Основную суть этих сведений, которые мы можем почерпнуть из хадисов, составляет идея, что Мухаммад – Пророк мусульман не советует своим последователям вступать с тюрками в сражения.

Он также предрекал, что тюрки в дальнейшем станут хозяевами арабского государства, и вся его территория перейдет в их руки [201, с.194].

Таким образом, арабский мир еще до ислама был осведомлен о тюрках, их достоинствах и боевых качествах. Происходило знакомство между ними преимущественно на полях сражений, главными фигурантами в которых выступали Византия и Сасаниды. Именно благодаря им арабы еще в VI веке, то есть до Пророка Мухаммада и ислама, узнали многое о тюрках. Подтверждением сказанному могут служить не только более поздние арабские ис-

точники, но и современные описанным событиями старейшие арабские хадисы и даже поэтическое творчество арабов.

Вместе с тем присутствие тюркской тематики в хадисах и доисламской арабской поэзии позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, знакомство арабов с тюрками в VI веке было фактически перманентным, хотя и не носило «массового» характера. Во-вторых, в том столетии «знакомство» имело почти только военный аспект, что уже тогда позволило арабам высоко оценить ратное мастерство тюрков. Поэтому, в-третьих, когда халифам Аббасидам понадобились военные силы со стороны, они обратились именно к тюркам.

Таким образом, предыдущие контакты арабов с тюрками, носившие преимущественно военный характер, не были забыты в эпоху Халифата, и уже Омейяды обращались к этому воинственному народу за военным содействием.

Вот почему не исключено, что, видимо, хадисы и стихи доисламских арабских поэтов легли в основу политики арабов-мусульман по отношению к тюркам уже в период первых завоеваний, и принцип «не трогайте тюрков, чтобы они не трогали вас» - соблюдался как тогда, так и в определенные периоды арабской истории в последующем. Изречение Мухаммада «если вы начнете войну с тюрками, то будет страшное» - стали своего рода предупреждением правителям, и этому совету следовали долгое время. Средневековые авторы хадисов ал-Бухари, Имам Муслим и другие часто приводят следующие слова Мухаммеда: «мусульмане встретятся с народом, носящим чарыхи, с лицом, словно выбитым молотком, с раскосыми глазами, маленьким и приплюснутым носом (тюрками), и тогда будет страшное» [44, XVII, с.38, 5, IV, с.156-158].

Другие хадисы подчеркивают эту идею тюркской гегемонии на Востоке еще более весомо: «Они (тюрки) трижды дойдут до Аравийского полуострова. В период первых завоеваний те, кому удастся убежать, спасутся, и во второй раз те, кто не попадутся, спасут свои жизни, но в третий раз это никому не удастся (завоевание закончится)».

Количество такого рода хадисов, записанных из уст Пророка, довольно многочисленно, все они подробно исследованы, хотя их достоверность является предметом споров. Однако факт, что в Хорасане, Мавераннахре и других населенных тюрками местностях арабы в период своих завоеваний встретились с упорным сопротивлением, оказанным в сражениях. Позднее же, особенно с начала IX-го, века начинается процесс массового принятия ислама тюрками. Постепенное ослабление арабов в ходе последующих событий привело к усилению других этносов, в особенности тюркского. Видимо, более правильным будет именно в этом искать источник идей и мыслей, высказанных в хадисах [162,с.98-101].

Таким образом, как старинные хадисы, так и строки доисламских арабских поэтов предупреждали о тюркской опасности, предрекая негативные последствия для тех, кто осмелится скрестить оружие с тюрками на полях сражений, и намекали на необходимость найти с ними «общий язык». Фактически, халифы последовали этим предостережениям и советам. Образно говоря, сближение тюрков и арабов было предсказано, предопределено, являясь неотвратимым, неизбежным. Так распорядилась богиня истории Клио.

Другое дело, что никто не смог предугадать, чем завершится – многовековое «знакомство» двух этих этносов в будущем.

Средневековые источники, наряду с другими сюжетами, касаются отношений самого Пророка с тюрками. Правда, сведений таких очень мало, и поэтому особенно интересны факты, приведенные известным историком ат-Табари. Из его сообщений становится ясно, что среди личных вещей Пророка были и такие, которые каким-то образом попали к нему через тюрков. Ат-Табари отмечает, что у Мухаммада был «тюркский шатер» [22, I, с.468]. И сообщает, что Пророк очень любил его и часто в нем отдыхал. Можно предположить, что Мухаммад купил этот шатер в период своей торговой деятельности в Аравии или же он был подарен ему прибывшими на родину Пророка людьми из тюркского мира.

Источник также сообщает, что Пророк использовал этот шатер главным образом в период проведения военных операций.

Повествуя о знаменитой битве «у рва», ат-Табари от имени некоего Амра ибн ал-Авфа замечает: «Пророк Мухаммад сам определил границы рва, который следовало вырыть вокруг Медины в год нападения арабских племен. Мы никогда не нарушали этих границ. Лишь однажды, когда мы наткнулись на скалу, Салман (ал-Фариси - Н.А.) вышел из рва и пошел к месту пребывания Пророка. Мухаммад в это время был занят установкой тюркского шатра» [22, I, с.468]. Мухаммад поставил этот шатер на возвышении и наблюдал оттуда за окрестностями и даже из шатра произнес речь перед верующими, отправляющимися в мечеть [22, I, с.469].

Наряду со столь частными упоминаниями тюркского шатра, Пророка, в источниках имеются сведения и о щите, привезенном Мухаммедом из тюркских областей [48, III, с.380]. Это дает нам основание высказать мнение, что не только в начальный период ислама, но намного ранее, слово и понятие «тюрк, тюркский» были знакомы Пророку Мухаммаду и его соратникам не понаслышке. В результате, уже тогда дефиниции «тюрк, тюркский» воспринимались и осознавались всеми мусульманами.

Правда, классик востоковедения В.В.Бартольд подвергает сомнению сведения ат-Табари о тюркском шатре и факт знакомства Пророка с тюрками [131, с.244].

В источниках имеется еще одно довольно любопытное сообщение. Известно, что арабские завоевания начались вскоре после возникновения ислама и образования арабо-мусульманского государства. В этот период, начиная даже со времен самого Пророка, мусульмане отправляли послания правителям соседних стран, в том числе тюркским, с предложением о принятии нового учения - ислама и признании арабского государства. Источники предполагают, что послание тюркскому правителю было составлено на его родном языке.

Авторитетный средневековый автор Ибн ал-Асир пишет об этом так: «Пророк Мухаммад составил с Омаром послание. Од-

нако мы не поняли его, так как пишущие составляли его на чужом языке (иностранном - Н.А.), к тому же изменяли, подчищали подлинник. Мы были вынуждены отринуть это послание без внимания ранее однако до этого Абу Муса прочел его» [1, III, с.33].

Действительно ли послание, адресованное тюрками, было составлено на их языке?

Ответить однозначно на этот вопрос довольно трудно, как и высказаться по поводу слов Ибн ал-Асира. Однако для аналогии можно проследить по тем же источникам, что такое же послание было отправлено китайскому императору, где тот именуется тюркским титулом «каган Чина» [171, с.75]. О существовании такого послания сообщают официальные китайские хроники того периода [12, с.51].

Изложенное выше дает нам основание сказать, что Пророк имел достаточное представление не только о тюрках в целом, но и об их стране. Мы также не должны забывать, что Мухаммад, как житель Мекки - города, находящегося на перекрестке мировых караванных путей, и занимавшийся в свое время торговлей, имел необходимые и достаточные сведения об иранцах, византийцах и тюрках. Исторической реальностью являлось и то, что арабские торговые караваны, шедшие по Великому шелковому пути, проходили через тюркские территории, а тюрки, в свою очередь, бывали на арабской земле. С этой точки зрения можно заключить, что отношения двух народов на самых различных уровнях предполагали знание языков друг друга. С образованием арабо-мусульманского государства связи между ними стали возрастать, а массовый выход арабов за пределы Аравийского полуострова, то есть на мировую арену, вывел эти отношения на новую ступень развития.

После смерти Пророка (632) халифом стал Абу Бекр (632-634). Его непродолжительное правление прошло в борьбе с внутренними противоречиями в арабском обществе (подавление движения «рида») и в стремлении укрепить и расширить мусульманское государство. При нем же начались арабские завое-

вания по трем основным направлениям: Иран, Северная Африка и ал-Джазира. После него стал халифом Омар (634-644), и этот период запомнился как наиболее блистательный в истории раннего арабо-мусульманского государства.

В это время арабские армии за очень короткое время добились больших военных успехов и превратили небольшой Халифат в огромную империю.

В процессе завоеваний мусульманская армия дошла до Хорасана, Мавераннахра и Тохаристана. Отметим, что до появления у границ Центральной Азии, в то числе Хорасана, арабы одержали победы над двумя могущественными империями того времени - Византийской и Сасанидской. В 636 году, после битвы при Кадисии, они взяли столицу Сасанидов Меданн, в 638 году пал Иерусалим, а в 640-642 годах арабами был завоеван Египет. В 641 году они выиграли второе решающее сражение с Сасанидами при Нихавенде. После этого мусульманская армия, не встречая серьезного сопротивления и преследуя последнего сасанидского правителя - Йездигерда III, подошла к естественной границе между Сасанидами и тюрками - реке Джейхун (Амударья).

Еще до полного разгрома Сасанидов арабами, последние впервые непосредственно столкнувшись с тюрками на границе Тюркского каганата тем самым положили начало прямым взаимоотношениям с этим этносом.

Добавим, что в тот период, точнее в 603 году, Тюркский каганат в силу различных причин распался на две части - Восточный и Западный, и потому потерял большую часть своей мощи и влияния. Территории, на которые нацелились арабы, принадлежали Западному Тюркскому каганату.

Правда, правление Шегуя (610-618) и Той-ябгу (618-630) произошло, хотя и кратковременное, возрождение могущества Западного каганата. Большой город Суяб в долине реки Чу (ныне городище Ак-Бешим близ г. Токмак, Киргизия) стал его столицей [178,с.351]. Был установлен строгий политический контроль Каганата в полусамостоятельных и независимых государствах, но их вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани кагану. В

их столицы были посланы уполномоченные тюркского владыки, которым вменялось в обязанности контролировать сбор и отправку собранной дани в ставку кагана, находившуюся в город Кундуз (Тохаристан). Местным владельцам были пожалованы тюркские титулы, как бы включившие их в административную иерархию Каганата.

Однако этот период продолжался недолго. Через короткое время политическая ситуация оказалась в противоречии с нарастающими сепаратистскими устремлениями племенной знати, усилившейся в ходе победоносных войн Той-ябгу. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя кагана Кюльбагатур убил племянника и провозгласил главой государства себя. Но часть племен поддержала другого претендента на трон, и началась междоусобная война.

В итоге, уже к 643 году Каганат утратил все свои земли к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного кризиса. Попытки возродить действенность военно-административной системы, которые предпринимались отдельными каганами, оказались неудачными. Остановить междоусобную войну не удалось.

В 657 году в Семиречье вторглись китайские войска и взяли столицу Суяб, последний каган был захвачен и через два года умер в плену.

В такой сложной и тяжелой для тюрков обстановке арабские войска начали завоевание территорий, входивших в состав Западного Тюркского Каганата [167. II, с.66-67].

Ат-Табари сообщает по этому поводу, что передовой отряд арабов, руководимый ал-Ахнафом ибн Кайсом, направился через Исфахан на Хорасан. Минувя завоеванные арабским военачальником Абдаллахом ибн Будайлом ибн Варака в 643\644 годах крепости Табас и Курейн (обе крепости именовались также Табасайн – «два табаса») – считавшиеся воротами Хорасана [22. IV, с.180], он завладел Гератом, отсюда двинулся на Мервишахиджан, где и остановился.

Тем временем сасанидский шах Йездигерд III, находившийся в Мерверруде, отправил послания кагану, царю Согда и императору Китая, ища у них помощи. А к ал-Ахнафу подспела помощь жителей Куфы, и он направился в Мевируд, который смог занять, разбив и вынудив Йездигерда III бежать в Балх. Здесь шах вновь потерпел поражение и с остатками своих войск перебрался на другую сторону Амударьи. После этого хорасанские владельцы, чьи земли лежали между Нишапуром и Хорасаном, заключили с победителем мирные договоры, и ал-Ахнаф вернулся из Балха в Мерверруд.

В то же самое время каган совместно с тюрками, жителями Ферганы и Согда, помог Йездигерду III, который с предоставленным ему тюркским войском возвратился в Балх и отсюда вновь стал продвигаться к Мерверруду. Оказавшийся в очень тяжелом положении ал-Ахнаф все же сумел одержать верх и заставил неприятеля отступить [33, с.400].

Что касается Йездигерда III, то он собирался после неудачи взять свою казну и уйти к кагану или в Китай. Однако узнавший об этом ал-Ахнаф напал на него и не дал увезти богатства. Йездигерд III нашел убежище у тюрок Ферганы, и жил здесь до конца правления халифа Омара (644 год). Позже, уже в годы правления халифа Османа, он объявился в Мерверруде, где и был убит [229, с.15].

Получив известие о бегстве Йездигерда III, ал-Ахнаф двинулся в Балх - на кагана, который, узнав об этом, переправился на другой берег Амударьи. Ал-Ахнаф вернулся в Мерв и отправил халифу Омару реляцию о победе над каганом и Йездигердом III [172, с.131-146].

Получив послание ал-Ахнафа в Медине, халиф Омар был очень обрадован, даже воскликнул громко «в делах он Ахнаф» («истинно верующий в Аллаха»-Н.А) и присвоил ему почетный титул «господин Машрика» (господин Востока).

Как явствует из дальнейших сообщений ат-Табари, халиф Омар, наряду с чувством радости, ощущал также и явное беспокойство в связи со сложившейся ситуацией. Он говорил; «Хоть

бы я не посылал армию в Хорасан. Хоть бы между нами и хорасанцами было огненное море», что доказывает его опасения [22, IV, с.317-340].

Халиф, чтобы развеять свои сомнения, срочно собрал в Медине совет старейшин во главе с Али и, посоветовавшись, послал приказ ал-Ахнафу повременить с наступлением на тюркские земли и территории: «Не переходите на тот берег реки Джейхун. Оставайтесь на этом берегу. Вы знаете, на каких условиях вы вошли в Хорасан, продолжайте оставаться там на этих условиях. Так продолжится ваш поход. Однако не продвигайтесь вперед и не переходите на другой берег реки, а то будете разбиты» [22, IV, с.340-396].

Возможно Омар, оценив сложившуюся расстановку сил и ситуацию, понял, что они не в пользу арабов, и предостерег своего военачальника. Велико также искушение предположить, что халиф знал о предупреждениях Пророка относительно тюрков и постарался избежать столкновения с ними. Во всяком случае, у ат-Табари имеется сообщение, которое может подкрепить эту нашу мысль. Он пишет, что после сообщения ал-Ахнафа ибн Кайса Омару о завоевании Хорасана, последний в разговоре с будущим халифом Али воскликнул: «Хоть бы я не посылал армию до тех мест. Как бы я хотел, чтобы между рекой и нами было огненное море». На вопрос Али «Почему, о, повелитель правверных?» Омар ответил «Потому что население этих мест (а здесь было значительное количество тюрков - Н.А.) выйдет трижды и разойдется (завоеывая). Третье будет их последним завоеванием. Лучше, чтобы это произошло не с мусульманами, а с жителями Хорасана, это для меня более желательно» [22, IV, с.160].

Представления Омара о тюрках были, по-видимому, обширны, так как в произведении известного средневекового арабского историка ал-Джахиза есть такие слова, сказанные халифом Омаром о тюрках, как о серьезном противнике:

«Они такие враги, которые мало дают, а очень много забирают» [99, с.12].

Отметим, что до начала правления халифа Османа (644-656) арабы дальше Табасайна на восток не продвинулись. Став главой государства, Осман в 649\650 годах назначил наместником Басры Абдаллаха ибн Амра ибн Курайза, который, оставив вместо себя заместителя Зияда ибн Абу Суфьяна, отправился в поход на Хорасан [178, с.350-368]. Он достиг его границ в 651 году, и до этого усмирал недовольных в Фарсе и других провинциях [178, с.360-368].

Абдаллах ибн Амр достиг Табасайна, откуда послал в Кухистан отряд ал-Ахнафа ибн Кайса. Встреченный последним по дороге в пункт назначения отряд эфталитов был разбит [41, V, с.197]. После этого ибн Амир вступил в Нишапур.

Затем в течение нескольких месяцев Абдаллах ибн Амир осаждал Абаршахр, которым удалось овладеть силой оружия и дипломатии [41, V, с.198]. В этот период с предложениями о помощи в обмен на гарантии безопасности к нему обратились правитель Туса-Канодбек [49, III, с.169], затем - сам правитель Нишапура, который был назначен арабами главой захваченного города. Арабским наместником Нишапура стал Кайс ибн ал-Хайсам [49, III, с.170].

Некоторые источники сообщают, что правители Мерва, Герата и других мест прибывали к ибн Амру и заключали мирные договоры с обязательством уплаты как единовременной, так и ежегодной дани.

Главным городом Хорасана - Мервом арабы овладели мирным путем. Все известные источники сообщают об этом важном событии. После взятия Абаршахра и Туса марзбан (наместник) Мерва Абраз (Бараз) отправил к Ибн Амиру делегацию с предложением о мире и выплате 2200000 дирхемов [47, II, с.168]. Жители Мерва обязались также предоставить мусульманам местожительство в своем городе и уплачивать джизью.

Таким образом, в течение 651 года при наместнике Абдуллахе ибн Амре арабы завладели мирным путем или захватили силой в Хорасане Нишапур, Кухистан, Табасайн, Джам, Тус, Мерв, Герат и ряд других территорий. Источник сообщает, что в одном

только 651 году халифу Осману было отправлено 1 млн. 200 тыс. дирхемов [47,II,с.184]. Но и это - лишь часть военной добычи.

В следующем – 652 году арабы продолжили экспансию на Восток. Ал-Ахнафу ибн Кайсу вновь удалось отличиться, Он достиг Тохаристана, и даже одно из тамошних мест было названо в его честь замком ал-Ахнафа. Затем он двинулся на Мерверруд, где ему оказали сопротивление, правда, безуспешное. Марзбан Мерверруда Базан принял ислам и заключил мир с арабами [8,с.500-501].

Через некоторое время хорасанцы создали антиарабскую коалицию, куда вошли жители Тохаристана, Джурджана, Мерверруда, Талекана, а также войско тюркского кагана и Чаганианы (как сообщает аль-Балазури - это жители восточного берега реки Амударья) [8, с502].

Ал-Ахнаф имел в своем распоряжении 5000 воинов, из которых 4000 были арабы, а 1000 неарабы (мавали) [33,с.403].

Этого воинства оказалось далеко недостаточно, и положение арабов было критическим. Ал-Ахнаф долго принимал решение о дальнейших действиях. От предложенной ему помощи жителей Мерва он отказался, мотивируя это тем, что ему не нужно содействие «неверных», то есть немусульман [69,с.217]. Однако, арабский военачальник решился начать сражение, во время которого проявил личную храбрость. Когда на него напал царь Чаганиана, ал-Ахнаф вырвал у него копьё и убил трех тюркских командиров (хорасанцев), имевших с собой боевые знамена и барабаны. Это привело неприятеля в большое замешательство [69,с.225].

Враги бежали и, преследуя их, арабы дошли до Джурджана, где потерпели сокрушительное поражение, сведения о котором попали в источники как первый случай неудачи мусульманского оружия в Хорасане. Но при повторном походе арабы сумели подчинить себе этот регион [205,с.420-430].

Затем ал-Ахнеф двинулся к центральному городу Тохаристана-Балху и остановился у его ворот. Правитель города Гураз отправил к нему посланцев с мирными предложениями, которые были приняты [69,с.227].

Уже к 652 году арабы подчинили себе силой оружия и мирным путем Мерверруд, Талекан, Джурджан и Балх. После этого они вышли к Амударье, то есть к естественной границе Мавераннахра. Неизвестно, переходили они тогда реку или нет.

Ал-Балазури сохранил рассказ о том, что жители региона просили Ибн Амра о заключении с ними мирных соглашений, и будто бы он перешел Амударью и достиг некоторых населенных пунктов [8,с.502]. По другим сведениям, мавераннахрцы сами пришли для заключения мира, и Ибн Амр получил от них богатые дары, скот, рабов [252,с 96].

Вероятно, в 652 году арабы предпринимали попытки перейти Амударью, так как китайские хроники сообщают о том, что даши (арабы) в 650-655 годах разорили Ми (так китайцы называли Согд) [126, с.60-81].

Некоторые сведения о передвижениях арабов в этот период есть у ал-Балазури, который сообщает об их переходе на другой берег реки и захвате некоторых земель. Он пишет: «халиф Осман заключил мирные договоры с теми (правителями), которые находились за рекой» [8,с.508].

После указанных событий Ибн Амр покинул Нишапур в 652 году с целью совершить хадж, но в Мекку он не отправился, а занялся перевозом добытого на Востоке богатства, оставив вместо себя Кайса ибн ал-Хайсама [22,II,с.305].

Кайс ибн ал-Хайсам продолжил политику Ибн Амра в Тохаристане, силой овладевая территориями.

Узнав о том, что Ибн Амр покинул Хорасан, жители его округов - Табасайна, Бадгиса, Герата и Кухистана - восстали. Их руководителем был Карин. Источники сообщают о нем, что Карин - это название гор рядом с Табаристаном, а также имя марзбана тех мест [232,с.102].

Карин двинулся к Нишапуру, по пути к нему присоединилось много недовольных. Число повстанцев достигло 40 тысяч. Кайс призвал одного из активных участников арабских завоеваний Абдаллаха ибн Хазима и просил у него совета. Абдаллах, считавший себя более достойным поста наместника, посоветовал

Кайсу уйти и передать власть ему. При этом Абдаллах показал Кайсу поддельную грамоту о своем назначении от имени Ибн Амра. Кайс оставил Хорасан и отправился к Ибн Амру, который сделал ему выговор за то, что он оставил страну, охваченную восстанием.

У Ибн Хазима, как сообщает ат-Табари, было всего 4000 воинов и он, прибегнув к военной хитрости, сумел ночью ворваться в лагерь повстанцев и одержать победу. Карин был убит в сражении. Узнавший об этом Ибн Амр назначил ибн Хазима наместником Хорасана [21, V, с.305]. По другим сведениям, это сделал сам халиф Осман [41, IV, с.25].

Абдаллах ибн Хазим после этого разбил объединенные силы тюрков в Хорасане, а затем, еще до убийства халифа Османа, вернулся в Басру.

К этому же времени относятся сведения (652-654) о разорении арабами Мерва и недовольстве по этому поводу, высказанному халифом Османом [41, IV, с.26-27].

Вторым регионом, где арабские войска в период праведных халифов встретились с тюрками и вступили с ними в ожесточенную борьбу, был Кавказ. После завоевания южных областей Азербайджана и некоторых соседних территорий, армия мусульман двинулась на север, к Кавказским горам, где столкнулась с Хазарским каганатом.

Это обширное тюркское государство существовало с середины VII по конец X столетий. В период расцвета и могущества в его состав входили Северный Кавказ, Приазовье, большая часть Крыма, степные и лесостепные территории до Днепра.

Халиф Омар в 634 году назначил Сурака ибн Амра ответственным за завоевание областей аль-Баба (Дербенда). В подчинение ему были даны такие прославленные воины, как Абдаррахман ибн Рабиа, Ал-Бахили, Салман ибн Рабиа, а также ранее присланный сюда Букайр ибн Абдаллах.

В то время как отряды Сурака приближались к аль-Бабу, здесь по сообщениям источников, правителем был сасанидский военачальник Шахрбараз. Он уже знал о поражении Йездигерда

III при Нихавенде и понимал, что ему неоткуда ждать помощи. Поэтому Шахрбараз пошел на переговоры с мусульманами и, выплатив им джизью, спас местное население от гибели [22, I, с. 2805].

Тем временем халиф Омар послал Сураке военную подмогу во главе с Хабибом ибн Муслимом [223, с. 72].

Как пишет ат-Табари, между Абдаррахманом ибн Рабиа, одним из арабских военачальников, и Шахрбаразом произошел разговор, в ходе которого на вопрос о дальнейших планах мусульман, Абдаррахман ответил, что они пойдут дальше и имеют намерение дойти по ал-Байды (реки Итил-Волга), где находилась столица Хазарского каганата - город Семендер. Но, несмотря на это сообщение, известно, что продвижения арабов на эти территории не наблюдалось. Однако, по другим сведениям, в 643 году арабские войска вошли в столицу хазар, где вступили в сражение [1, III, с. 111].

После смерти Сураки командование войсками в ал-Бабе перешло к Абдаррахману ибн Рабиа, это было подтверждено указом халифа. Он стал предпринимать вылазки из ал-Баба на соседние территории.

Источники отмечают, что в 645\46 году халиф отправил новую армию, чтобы увеличить силы арабов. Есть сообщения о том, что после этого состоялись новые походы арабов против Хазарского каганата. В 650\51 году Хузейф ибн Йемами, находившийся в Рее, видимо в связи с тяжелым положением арабов в ал-Бабе, также просил подкрепления, но не получил его [51, III, с. 505].

Первое серьезное столкновение арабов и хазар относится к 652\53 году. Тогда Абдаррахман и его армия двинулись на Беленджер. Сохранявшие до того осторожность, хазары собрались с силами и нанесли нападавшим сокрушительный удар. Мусульмане понесли огромные потери, Абдаррахман ибн Рабиа был убит [51, III, с. 112]. Его брат Салман ибн Рабиа, взявший на себя командование, вернулся в ал-Баб.

После этого между арабами и хазарами долгое время не было военных столкновений. Да и в самом Халифате произошли важ-

ные и серьезные события, которые на определенное время отвлекли арабов от завоеваний.

Тем не менее, следует отметить, что так было положено начало 150-летней арабо-хазарской войне, которая шла, с перерывами, с середины VII по конец VIII столетий. На это важное событие не только в арабо-тюркской истории, но и всемирной, первым серьезное внимание обратил З.М.Буниятов. В своей классической монографии «Азербайджан в VII-IX веках» он подробно рассказал об этой войне, дал свой анализ и указал на ее последствия как для раннесредневековой истории мусульманского мира, так и вообще для дальнейшего хода исторического процесса на обширных пространствах Евразии [142,с.78].

Эта долголетняя военная эпопея имела значительные последствия для арабов и тюрков, для созданных ими государств – Халифата и Хазарского каганата. Война оказала заметное влияние на историю ближних и дальних стран и народов, в том числе Кавказа, Центральной и Передней Азии, Восточной Европы [189,с.201.]

Можно сказать, что 150-летняя война стала тем событием, которое позволило как арабам, так и тюркам, бывшим тогда двумя главными силами мусульманского мира, войти в долгое непосредственное соприкосновение друг с другом, продемонстрировала арабам истинную военную мощь тюрков и, вообще, их потенциальные возможности, убедить Халифат в том, что тюркская опасность для него является главной, и также заставила халифов обратить внимание на тюрков, и в дальнейшем использовать их в собственных интересах, привлекая как для военных целей, так и для управления государством.

Несмотря на военные успехи, внутреннее положение мусульманского государства не было устойчивым. До некоторой поры оно держалось на солидарности верхушки мусульманской общины - сподвижников Пророка - и на успешных завоеваниях, приносивших обильную добычу. При халифе Омаре, пользовавшемся неоспоримым авторитетом, против него не было ни одного

мятежа. Иначе стало при халифе Османе, когда возрос сепаратизм крупных арабских колоний за пределами Аравии.

В это время Аравия перестала быть источником военной силы ислама, основные воинские контингенты черпались уже из гарнизонных городов Ирака-Куфы и Басры, египетского Фустата. Реальная сила находилась в руках наместников этих областей. Возможно в этом кроется одна из причин неповиновения халифу наместников отдаленных областях. Начались волнения, которые с трудом удавалось подавить. Осман стал назначать наместниками своих родственников, щедро одаривая их земельными пожалованиями и деньгами в ущерб старой гвардии ислама, которая все еще оставалась костяком мусульманского государства. Это создало кризисную ситуацию.

В начале мая 656 года группа недовольных из Египта и Ирака осадила дворец халифа Османа в Медине, требуя его отречения. Большинство мединской верхушки заняло выжидательную позицию. 17 июня осаждающие ворвались во дворец и убили Османа [135, с.189].

Убийство халифа положило конец патриархальному периоду единства ядра мусульманской общины и послужило началом длительной междоусобной войны.

С другой стороны, гораздо раньше, в то время как Осман вел успешные завоевательные кампании, недовольные им силы сплачивались вокруг Али - двоюродного брата и зятя Пророка. Они считали, что его приход к власти восстановит быстро утрачиваемые в обществе принципы социальной справедливости и равноправия всех мусульман. Количество сторонников Али росло, и вскоре появилась влиятельная сила, известная как «шнат Али» (партия, сторонники Али). Отметим, что возникшая изначально как политическая группа, лишь условно именуемая «партией», она позднее превратилась в одно из двух главных направлений в исламе.

Рост недовольства Османом в арабском обществе сопровождался увеличением количества сторонников Али-шиитов, имею-

щих достаточную поддержку, как в высших, так и в остальных слоях населения.

В результате четвертым «справедливым» халифом избрали Али. Однако насильственные действия его сторонников Али вызвали в арабском обществе неоднозначную реакцию. Наместник Сирии, племянник Османа – Муавия, сподвижники Пророка Талха и Зубейр выразили недовольство и обвинили Али в том, что он вступил во власть через кровопролитие [164,с.158].

Нам представляется, что обвинение основано на том, что, согласно первоисточникам, Осман накануне гибели вел переговоры с упомянутыми недовольными из Египта и Ирака при посредничестве Али. Заметим, что вдова Пророка Айша также оказывала поддержку его противникам.

Как следствие происходивших в Халифате событий, началась первая гражданская война. 9 декабря 656 года в битве недалеко от Басры Али одержал победу над соперниками, Талха и Зубейр погибли, а плененная Айша была отправлена в Медину. Однако наместник Сирии Муавия и сражавшийся на его стороне египетский наместник Амр ибн Ас продолжили борьбу. Во время знаменитой битвы при Сиффине они сумели добиться передачи решения спорной проблемы на суд третьей стороны. Этот компромисс, принятый Али, вызвал резкое недовольство части его сторонников. Они отделились от халифа, за что были прозваны «хариджитами» («ушедшими», то есть выступившими против Али). Хариджиты начали борьбу против четвертого халифа [125,с.87], а третейский суд так и не дал результатов.

Отметим, что в неарабских регионах Халифата, особенно на тюркских территориях, также усиливалась волна протеста, хотя в 657 году к Али явился марзбан Мерва Махуйя Абраз и известил его о соблюдении ранее заключенных с арабами мирных договоров. К тому же он привез задолженность по хараджу за девять лет [8,с.528].

Однако в том же году восстали хорасанцы и заняли Абаршахр, и еще до смерти Али Хорасан вернул себе самостоятельность, хотя арабы не теряли надежд на его возвращение. В целом

же, при халифе Али, несмотря на назначенных арабских наместников и их деятельность в регионе, арабы не только не расширили свои владения на Востоке, но частично утратили ранее завоеванные территории, в том числе в Центральной Азии.

Период правления Али (656-661) характерен борьбой в Халифате между его сторонниками и противниками. Последние постепенно концентрировались вокруг Муавии. Али пытался, прежде всего, навести порядок в своем тылу. Ему удалось разгромить в Ираке хариджитов, но торжество было недолгим: 22 января 661 года один из хариджитов нанес ему в мечети смертельную рану, и через два дня четвертый «праведный» халиф скончался [136,с.21]. Единая прежде мусульманская община раскололась на партию Али (шиат Али, шиитов), хариджитов и суннитов.

После смерти Али власть перешла к его сопернику Муавие ибн Абу Суфьяну. Отметим, что еще ранее, в 660 году, в Иерусалиме он был провозглашен своими соратниками халифом. Проявив себя с первых дней правления умным и предприимчивым государем, Муавия простил всех выступавших против него, одарил наиболее влиятельных из них и обеспечил мир и единство Халифата. Главной опорой Муавии оставались арабы Сирии и Палестины, с которыми он обходился как милостивый и щедрый вождь. Арабы других областей, особенно иракские сторонники Али, для которых новый халиф оставался узурпатором, чувствовали себя обойденными, но его гибкая политика и твердая рука не давали их враждебности вылиться в открытое вооруженное выступление.

В результате умной политики Муавия I не только сумел сохранить свою власть как халиф, но и управлял Халифатом в течение 20 лет (661-680). Более того, он превратил свою личную власть в наследственную, став основателем династии Омейядов (661-750). Период их правления известен в истории Халифата как Омейядский.

2. Военное противостояние в процессе арабских завоеваний и налаживание мирных отношений при Омейядах

Из вышеизложенного ясно, что контакты и взаимоотношения между арабами-мусульманами и тюрками-немусульманами происходили задолго до появления династии Омейядов. Носили они преимущественно военный характер. И в период «ал-хулафа ар-рашидин» и даже в начальный период правления первого омейядского халифа Муавии I отношения эти были настолько враждебными, что о сотрудничестве, о включении тюрков в структуру мусульманского государства говорить не приходится. Так же можно отметить, что сами арабы, приступившие к завоеваниям почти сразу же после образования собственного государства, еще не вполне освоились со своим мусульманством и не настаивали на распространении ислама среди завоеванного населения.

Арабское мусульманское государство не сразу сформировалось как военно-административная система. Поэтому оно не нуждалось в интеллектуальном военном и ином потенциале покоренных народов. Вовлечение тюрков в определенные сферы Халифата началось в последние годы правления халифата ал-Муавии, которому с большим трудом удалось превратить свое государство в единое целое, на что понадобилось почти двадцать лет его правления.

Тем не менее, в характере контактов с тюрками наблюдались изменения и они происходили по двум направлениям: а) военные столкновения в период арабских завоеваний; б) налаживание мирных взаимоотношений, привлечение тюрков в государственные структуры, первоначально только по военной линии, то есть в качестве наемников.

а) Военные столкновения

После того как внутренние противоречия в Омейядском халифате, вызванные гражданской войной, несколько утихли, арабы получили возможность продолжить завоевания. Вновь столкнувшись с тюрками, они были поражены их бесстрашием, воинским искусством и отвагой. Вот почему продвижение арабов в

тюркских регионах приостановилось, и, как отмечал В.В. Бартольд: «Ислам перешел на границах с тюрками от наступления к обороне» [131,с.244].

Первый халиф Омейяд в 661 году поручил Басру и Хорасан Абдаллаху ибн Амру, который, в свою очередь, доверил Хорасан Кайсу ибн ал-Хайсаму [22, I, с.2891; 1, III, с.131].

Когда Кайс прибыл в Хорасан, многие его города уже освободились от арабов, и их пришлось завоевывать заново. Заключив мир с Балхом, он вызвал гнев ибн Амра и был посажен в тюрьму [8, с.506].

В течение последующих двух лет 662\664 Хорасаном управлял Абдаллах ибн Хазим, который вместе с Абдаррахманом ибн Самуром, после кровопролитных сражений, завоевал Балх с Кабулом, затем заключил мирные договоры с правителями Герата, Бадгиса и отправил Ибн Амру богатые подарки [50, с.217].

В 663\664 году руководителем арабского войска, отправленного на завоевание Синда и проходившего через территории, населенные тюрками, был назначен Мухаллаб ибн Абу Суфра. В 664\665 году он сумел добиться ряда побед над ними и начал вводить арабское правление.

Естественно, что арабо-тюркские военные столкновения происходили и в эти годы, и арабы пытались заимствовать некоторые приемы у тюркских воинов. Так, Ал-Джахиз сообщает, что Мухаллаб, который находился в Хорасане, в одном из походов на Кабул подвергся нападению восемнадцати тюркских всадников и был одним из немногих, кто уцелел в сражении с ними. После этого события Мухаллаб приказал своим воинам завязывать хвосты своим лошадям узлом, как это делали тюрки [12, I, с.76].

В 665 году Муавия сместил Ибн Амра и назначил близкого к себе Зияда ибн Абихи наместником Басры, Систана и Хорасана. В этот период началось обустройство арабов в Мерве [151, с.62-70]. Назначенный халифом в 665 году единоличным наместником Хорасана, Хакам ибн Амр ал-Гифари в течение трех лет воевал в Тохаристане, в результате чего окончательно разбил отряды сасанидского царевича Фируза и заставил его бежать в Китай [8, с.503].

Зияд ибн Абиhi в период военных походов в Тохаристан не мог из-за дальности расстояния использовать армии, находившиеся в Басре или Куфе. Поэтому он был вынужден комплектовать военные силы на месте. В 761 году, получив разрешение халифа Муавии, Зияд превратил Мерв в военный город. 50 тыс. всадников из Куфы были размещены в Герате, Нишапуре и Балхе. Арабским воинам разрешили взять с собой семьи, и с учетом этого примерное количество арабов, пришедших в Хорасан, составило 200 тыс. Принимая во внимание, что здесь ранее были расквартированы около 20 тыс. арабских воинов, то теперь появилось довольно значительное арабское население, призванное укрепить положение завоевателей и обеспечить дальнейшее продвижение мусульман на восток [8,с.507;33,с.405].

Затем арабы обратили свои взоры на богатые земли, расположенные за р. Джейхун (Амударьей). Сохранились сведения ат-Табари и ал-Балазури о том, что ал-Хакам переправился через эту реку и стал первым арабом, который прочел здесь молитву [8,506;21,V,с.251-252].

Отметим, что арабы, которые до этого события сталкивались в основном с тюркскими военными отрядами, теперь начали входить в контакт с их правителями. Они шли с ними на различные соглашения. В результате, арабо-тюркские военные контакты перешли на новую, более высокую ступень: теперь их можно было квалифицировать как взаимоотношения. Практика брать заложников из числа отборных тюркских воинов, естественно, создавала основу для их дальнейшего использования в рядах халифатской армии.

Новый наместник Хорасана ар-Раби ибн Зияд ал-Хараси в 671 году, после подавления восстания в Балхе, по пути в Хузистан нанес поражение тюркам (эфталитам) и дошел до реки Джейхун. Казненный позже арабским наместником Кутейбой ибн Муслимом, местный правитель Низек Тархан не смог остановить мусульман, и они захватили Амуль и Земм.

Около 700 года царем Самарканда избрали Тархана. Он властвовал не менее 10 лет. В 710\711 году был убит, и царем стал Гурек, который вел войну с арабами, но безуспешно, Самарканд

попал в руки мусульман. Некоторые источники отмечают, что арабы дошли до Хорезма [48,II,с.222]. Таким образом, план Зияда ибн Абихи по завоеванию Центральной Азии почти осуществился, и большая часть Хорасана и Тохаристана перешла в руки мусульман-арабов, а граница между ними и местными правителями установилась по реке Джейхун (Амударья).

Походы на Мавераннахр успешно проводил и Убейдаллах ибн Зияд, назначенный наместником Хорасана после смерти своего отца. Источники сообщают, что первоначально он пошел на Тохаристан, где властвовала Хатун. Согласно Наршахи, она правила с 678 года в течение 15 лет, после смерти своего мужа, так как ее сын был несовершеннолетним. Однако арабские историки сообщают, что при нападении Убейдаллаха на Бухару в 674 году там уже правила Хатун.

Узнав о наступлении мусульман, она обратилась за помощью к тюркам, которые помогли, но были разбиты.

Как видно, это стало очень важным событием в истории взаимоотношений арабов с тюркским миром, о чем можно судить по детали, сохраненной арабскими авторами. Так, они сообщают, что вместе с тюркскими воинами был их каган, которого сопровождала его жена Кабадж Хатун. При отступлении тюрков она потеряла сапожок, оцененный арабскими купцами в 200 тыс. дирхемов [8;507;45,с.62;33,с.405].

После победы арабы выступили в 674 году на Бухару. Ат-Табари сообщает, что правительницей города тогда была Хутак-Хатун. Запрошенная ею помощь у соседей-тюрков не смогла остановить арабов, и она пошла на мир на очень тяжелых для себя условиях. Убейдаллах согласился на мир и, взяв 2 тыс. заложников – отборных тюркских стрелков из лука, вернулся в Басру [45,с.62;22,V,с.298].

Среди завоевателей Мавераннахра можно отметить сына халифа Османа – Саида, который был назначен наместником Хорасана в 675\676 году. Дойдя до Нишапура, он собрал с населения джизью, затем сделал то же самое в Мерве, а после попытался овладеть Самаркандом [29,с.236].

Правительница Бухары Хатун выразила Саиду покорность, но он узнал о приближении к городу 120-тысячного тюркского войска [8,507;45,с.63]. По этой причине он не был уверен в своем окончательном успехе. Однако вскоре между членами антиарабской коалиции возникли разногласия, что помогло арабам завоевать Бухару. Хатун выплатила Саиду дань, передала в качестве заложников 80 сыновей знати города [47,II,с.237], а также предоставила проводников, которые провели его к Самарканду.

Источники сообщают, что в Самарканде в это время жило большое количество согдийцев и тюргешей [29,с.237], а царем был Ихшид Сорак. Он организовал оборону города, осада которого длилась месяц. Затем стороны заключили мир, арабы получили 500 тыс. дирхемов, заложников из числа знати [8,с.509,21,V,с.306]. Следом был захвачен важный торговый центр Термез (676 год).

После завоевания Термеза и заключения мира с Хутталем Саид ушел в Мерв.

Значительно окрепнув, наместник стал выказывать неповиновение халифу, за что был смещен с должности в 678 году. Саид вернулся в Медину, куда привел также согдийцев-заложников, снял с них дорогие одежды и, одев в старые халаты, заставил работать в пальмовых рощах. Они не вынесли тяжелых условий и однажды, пробравшись к Саиду, убили его, а затем покончили с собой [8,с.509;47,II,с.237;41, VI,с.4;279,с.18-19].

После Саида ибн Османа военные успехи арабов в Центральной Азии временно прекратились, вплоть до назначения наместником Хорасана Салма ибн Зийяда в 680\681 году. Салм был настроен решительно, и прибыл в Хорасан с большим количеством отборных иракских и сирийских воинов. Однако численность войска в источниках не указана. Сперва он вторгся в Хорезм, и мирным путем овладел им [8,с.510;33,с.406].

Затем Салм двинулся к Бухаре. С ним находилась его жена, которая, согласно арабским преданиям, стала первой арабкой, перешедшей Амударью [51,с.636].

Хутак Хатун немедленно послала за помощью в Согд и Туркестан. Правителем Согда в то время был Тархун [47,II,с.252]. Ал-Макдиси называет его «царем тюрок». Известно, что здесь он правил с 700 года [41,VI,с.15].

Хорошо знавшая силу арабов, с которыми неоднократно скрещивали оружие ее воины, Хатун пообещала Тархуну выйти за него замуж и объединить подвластные им обоим земли в обмен на помощь против врагов. Тюркский каган прибыл к бухарцам с 120 тыс. воинов, а из Туркестана пришел Бидун.

Произошло несколько сражений с переменным успехом, но после смерти Бидуна союзники отступили, и арабы вошли в Бухару, получившую мир на тяжелых условиях [45,с.67;55,с.87]. Была открыта дорога на Самарканд, которому даровали мир в обмен на богатый выкуп.

При Салме, у которого в Согде родился сын, названный им ас-Сугди (согдийский), арабы впервые перезимовали в Маверранныхе, чем застали врасплох некоторых местных правителей, которые считали, что завоеватели, как обычно, уйдут на зимовку в Мерве [8,с.510].

На третьем году наместничества Салма в арабском мире произошли события, которые повлияли и на ситуацию в провинциях, в том числе в Хорасане. После смерти в 683 году халифа Йезида, а затем его сына Муавии, центральная власть в Халифате ослабла, что, в свою очередь, спровоцировало множество мятежей арабской знати, недовольной властью Омейядов.

Однако ситуация обострилась еще раньше, в правление Йезида. Так, в апреле 680 года, после смерти Муавии, активизировались шииты, которые заявили о претензиях на власть второго сына Али-Хусейна. Сам Хусейн поэтому не присягнул на верность Йезиду, как халифу, мятежники направились в сторону Куфы и выступили против Омейяда.

Однако войско Йезида преградило им путь и окружило Хусейна, вместе с родней и сторонниками в безводном местечке Кербела. Не пожелавший сдаться Хусейн бросился в бой, в котором погиб вместе со своими соратниками и десятками потомков Али [174,II,с.24].

Это событие стало знаковым в истории шиизма. 10-й день месяца махаррам по мусульманскому календарю, когда оно произошло, с тех пор является траурным для шиитов.

Одним из неприягнувших на верность халифу Йезиду был также сын аз-Зубейра-Абдаллах. Он отправился в Мекку, откуда стал руководить выступлениями против Йезида. Первыми подняли мятеж мединцы. Однако войско халифа разбило их, подошло к Мекке и окружило ее. Но после смерти Йезида, последовавшей 10 ноября 683 года, осада города была снята.

Кратковременную власть сына Йезида – Муавии II не признали некоторые группировки арабской знати. Поэтому для избрания Абдаллаха ибн Зубейра халифом была предпринята попытка собрать совет старейшин. Когда это не удалось, он объявил себя халифом, большинство провинций перешли под его власть. В руках Омейядов осталась лишь Иордания и часть Палестины, которые также были готовы признать власть Абдаллаха ибн Зубейра.

Восстания шиитов в Ираке под предводительством ал-Мухтара, хариджитов – в Ахвазе, руководимое ал-Азраком, захват другими хариджитами Бахрейна сделали ситуацию донельзя критической [112,с.63]. Новый халиф Омейяд Мерван (683 – 685) сумел найти в себе силы, и вновь подчинил Сирию и Египет. Успех Мервана после его смерти продолжил Абд ал-Малик (685 – 705). Чтобы восстановить единство Халифата, ему потребовалось 8 лет. В свою очередь, реформы, проведенные Абд ал-Маликом, значительно укрепили власть Омейядов и поддерживающих их представителей арабской родовой аристократии во всех провинциях государства. Не случайно, что исследователи характеризуют омейядское правление тех лет, как пик торжества этой самой аристократии.

В столь сложное время в восточных провинциях Халифата создалась такая же ситуация, что наблюдалась в центральных и западных частях государства. События в Хорсане и Маверанахре приняли своеобразный оборот. Многие местные правители, воспользовавшись внутренними политическими неурядицами среди

мусульман, решили восстановить свою независимость. Даже в местной арабской армии начались мятежи. Они происходили между арабскими племенами, и многие военные руководители наладили отношения с провозгласившим себя халифом Абдаллахом ибн аз-Зубейром. Последний назначил наместником в Хорасан Абдаллаха ибн Хазима, остановившего походы тюрок на Нишапур, а также их движение к крепости Исфад [8,с.510-511].

После подавления мятежа Абдаллаха ибн аз-Зубейра пришла очередь назначенных им наместников. Абдаллах ибн Хазим был убит в 691\692 году и во главе Хорасана стал курейшит Омейя, которого назначили для того, чтобы предотвратить дальнейшие столкновения между арабскими племенами в армии и волнения местных жителей [41,IV,с.314]. Это сообщение свидетельствует об активном участии хорасанцев во внутри арабском конфликте.

Ко времени появления Омейи в Мерве арабы владели лишь Хорасаном. В период почти десятилетних междоусобиц, они потеряли Мавераннахр и Тохаристан, а Термез захватил Муса, сын убитого Абдаллаха ибн Хазима, и поклялся отомстить за отца. Поэтому целью наместника стало возвращение земель и наказание мятежников.

В 696\697 году последовало распоряжение готовиться к походу на Мавераннахр, на что выделили много денежных средств, часть которых, по сообщению ат-Табари, была занята у «согдийских мужей из торговцев» [21,VI,с.201]. Однако, поход не удался.

Безрезультатная война с Мусой и неудачная попытка похода в Мавераннахр [21,VI,с.284] привели к смещению Омейи с поста наместника, и арабом пока пришлось довольствоваться одним Хорасаном.

Один из высокопоставленных сановников Абд ал-Малика – Хаджадж ибн Йусуф в своем письме халифу уведомлял его о том, что дела арабов в Хорасане плохи [47,II,с.299]. В 694\695 году Хаджадж был назначен наместником Ирака, Хорасана и Систана. Он, в свою очередь в 697\698 году назначил править Хорасаном Мухаллаба ибн Суфру [51,с.669].

С этого времени начинается довольно бесконтрольное правление Хаджаджа и его двух сыновей столь обширной частью Халифата. Ал-Мухаллаб, о котором ранее мы упоминали в связи с хорасанскими и мавераннахрскими походами ал-Хакима, Саида и Салма, хорошо знал военное дело и разбирался в местных условиях

В 699\670 году он совершил поход на Кеш, затем на Хутталь. Его сын скрестил оружие с правителем Бухары, у которого были 4 тыс. воинов и арабы были вынуждены отступить [21, VI, с.321; 155, с.101].

Отметим, что сведения о сотрудничестве арабов с местными правителями, часто заканчивавшиеся принятием последними ислама и оказанием помощи захватчикам, начиная с конца VII века, встречаются в источниках все чаще. Например, во время похода сына Мухаллаба Йезида к Мерву с ним были около 70 всадников, среди которых находился принявший ислам правитель Земма. Правда, следует обратить внимание также на еще один интересный аспект.

Сотрудничество арабов-мусульман с местными правителями, а подчас и с населением, иногда оборачивалось против тех арабских наместников, действия которых вызывали у них недовольство. Так, на службе у ал-Мухаллаба находились братья Хурейс и Сабит, которым он поручил получить выкуп с жителей осажденного Кеша. По дороге Хурейс столкнулся с тем же тюркским отрядом, который до этого напал на Йезида. На предложение откупиться, сказав «не мать же Йезида родила меня», он разгромил противника, а попавших в плен отпустил. Ал-Мухаллаб, обвинив Хурейса в сговоре с правителем Кеша, наказал его, и Хурейс поклялся отомстить. По совету брата Сабита, они оба и 300 их слуг отправились к мятежному Мусе в Термез. Муса обосновался здесь после того как вместе со 100 воинами сумел одолеть сопротивление термезшаха и городских жителей. Шах отправился за помощью к тюркам, но те отказали, сказав: «Да проклянет вас Аллах! Чего вы ждете? Пришли сто человек и выгнали вас из вашего города». Муса же и 100 его арабов остались здесь [48, III, с.276].

Когда в 702 году ал-Мухаллаб умер, наместником стал его сын Йезид. Он конфисковал имущество ушедших братьев и убил некоторых членов их семей. Тогда Сабит, пользовавшийся большой популярностью среди местного населения, прибыл к Тархуну и пожаловался на Йезида.

Источники отмечают, что Сабит и Хурейс не были арабами, а лишь маула арабского рода хузаа [33,с.407]. По этой причине ал-Мухаллаб и называл их рабами. В этом заключалась причина популярности братьев среди местного населения, так как тот же Сабит вел себя в Мавераннахре как представитель местной знати, держал слуг и телохранителей. Происхождение, поведение, личные качества сделали его настолько авторитетным среди мавераннахрцев, что они клялись его именем [10, I, с.229].

На призыв Сабита откликнулись многие местные правители региона. Из Согда с войском прибыл Тархун, из Бадгиса – Низак-Тархан, из Хутгала – Сабаль. Пришли жители Бухары и Чаганиана, и все это войско отправилось к Мусе. Ему предложили наместничество, и он помог изгнать чиновников Йезида из Мавераннахра, однако харадж с местных правителей теперь предпочитал собирать сам. Его материальное положение улучшилось, но в то же время он стал опасаться влияния братьев в регионе.

Ал-Балазури сообщает, что в 703 году произошло нападение тюрок на Термез, который хотели возвратить его прежним владельцам. В этом деле им помогли эфталиты [8, с.514]. При защите города погиб Хурейс, что развязало руки врагам его брата Сабита, хотя Муса понимал, что без его поддержки не продержится в Мавераннахре.

Сабит решил уйти из города и послал за помощью к Ихшиду Тархуну. На помощь пришли жители Бухары, Кеша и неарабы из армии Мусы. Это войско окружило Термез, но в результате предательства Сабит был убит и осаду возглавил Тархун. В дальнейшем, считая осаду бесполезной, он ушел в свои земли [159, с.240].

В том же 703 году Йезид, воспользовавшись отсутствием правителя Бадгиса Низек-Тархана, решил взять его главную крепость. Низек, вернувшись, был вынужден заключить мир

[21,VI,с.396], передать арабам все, что было в крепости, и взамен получил возможность уйти с семьей невредимым.

В 704 году наместник Хорасана брат Йезида ал-Муфаддал сумел уничтожить Мусу. Кстати, источники отмечают, что в этом ему активно помогали местные правители, что стало одним из первых проявлений союзнических отношений между ними и арабами [51,с.679].

Однако, несомненно, что самым выдающимся мусульманским полководцем того времени, отличившимся в завоевании Мавераннахра, был Кутейба ибн Муслим, ставший наместником Хорасана в 705 году.

Успехам Кутейбы в установлении полного и окончательного господства арабов на территориях региона, населенных тюрками, способствовало то, что он хорошо знал военную тактику и стратегию противника, умело этим пользовался, чем парализовал действия сепаратистской знати Мавераннахра. До прибытия Кутейбы в Хорасан здесь было два опасных региона: Тохаристан с центром в Балхе и Мавераннахр. Тюрки составляли в них основную часть правящей верхушки, однако, как видно, они не имели военного и политического единства. Каждый действовал самостоятельно, чем облегчал действия арабской армии.

Перед основным походом на Мавераннахр Кутейба решил усмирить Тохаристан, и направился к Балху. Правитель Тохаристана Низек Тархан заявил о своей согласии на мир без всяких условий. Приняв его предложение, Кутейба повернул к Мерву [229,с.29; 275,с.204].

Обезопасив себя со стороны Тохаристана, Кутейба пошел к Бухаре. Захватив Амуль и Земм, он прибыл в Байкенд. В это время местные дикане и знать вели бесконечные войны, что осложнило положение города. Однако, хотя арабы и вошли в город, после ухода Кутейба население восстало, и Байкенд пришлось подчинять силой [265,с.308-310].

В это время местные правители Мавераннахра перед лицом серьезной опасности все же договорились о единстве, и в 707 году начали совместные действия [22,II,с.1184].

По этой причине Кутейба лишь в 709 году смог подойти к Бухаре. Тогда уже единство мавераннахрской знати распалось. Арабы воспользовались благоприятной для себя ситуацией и окружили город. Во время осады к Бухаре подошел большой отряд тюрок и согдийцев, но Кутейба справился с ними и продолжил осаду.

Правитель Бухар-Худат, потеряв надежду на избавление, запросил мира, который был заключен на очень тяжелых условиях для бухарцев. Бухара оказалась под арабским господством.

Завоевание Бухары и размещение здесь мусульманского гарнизона проложило путь дальнейшим завоеваниям. Теперь дорога на Самарканд была открыта, и его правитель Тархан знал об этом. Одержав важные победы в предыдущих сражениях, Кутейба был опасным врагом для города. Чтобы не оказаться в положении Бухары, Тархан довел до сведения Кутейбы, что готов платить харадж и признать власть арабов. Приняв такие условия, Кутейба заключил мир с правителем Самарканда [29, II, с. 139; 45, с. 57].

Кутейба вернулся в Бухару, где Низек Тархан подтвердил свою покорность, и уехал в Балх. Однако Низек Тархан, оставаясь под угрозой постоянной опасности, бежал в Тохаристан. Оттуда он обратился с письмами к ряду тюркских правителей Балха, Мерва, Джурджана с предложением подняться против арабов.

Было известно, что основная армия Кутейбы отправилась на зимовку, и у него осталось всего две тысячи воинов, с которыми было бы трудно выстоять против мятежников. Да и арабы не предполагали вести военные операции зимой. К тому же Низек Тархан надеялся получить помощь из Китая.

В сложившейся ситуации Кутейба передал арабский отряд в Мерве своему брату Абдаррахману, а сам отправился в Балх для ликвидации опасности. Это ему удалось, ибо весной 710 года союзники Низек Тархана договорились с арабами и он остался один, укрывшись в своей родовой крепости. После осады ее войсками Кутейбы Низек запросил мира в обмен на свою жизнь. Однако Кутейба не сдержал данного обещания и, отосланный в Ирак к Хаджаджу, Низек Тархан был здесь казнен [22, II, с. 1290].

После победы над Низеком Кутейба усмирил Кеш и Несеф, а оттуда двинулся к Бухаре. Хотя город находился под управлением арабов, но власть в нем продолжала принадлежать соперничающей между собой местной знати. Поддержав бухар-худата Тугдж-Шада, Кутейба помог ему разделаться с соперниками [270, с.29]. Одновременно, как это было и в Мерве, сюда были переселены арабы.

Арабы прилагали усилия для распространения среди завоеванного населения мусульманских порядков, пропагандировали идеи ислама. С этой целью в городе была построена мечеть. Еще одним новшеством стало принятие в армию Кутейбы воинов из числа жителей Бухары. Добившись повиновения города, Кутейба вернулся в Мерв [232,с.133].

То, что арабы начали проводить исламизацию населения завоеванных территорий и одновременно использовали его, как военную силу, было отнюдь не случайным. Такой политикой можно было сохранить господство арабского меньшинства над все увеличивающимся в ходе завоеваний большинством покоренных народов на обширной территории. Арабам необходимо было для укрепления своей власти использовать новые силы в лице местных жителей, принявших ислам. В таком случае завоеванное население должно было стать полноправным членом мусульманского общества, но в большинстве случаев продолжало платить тяжелые подати и испытывать пренебрежительное отношение к себе. Таким образом, принятие ислама еще не ставило местных неофитов в равное положение с завоевателями. Вместе с тем местный житель, обратившийся в новую веру, выпадал из своей общины, но, не будучи арабом и не состоя в кровном родстве с завоевателями, должен был примкнуть к какому-либо арабскому роду или племени. При этом он рассматривался не в качестве равноправного члена мусульманской общины, а как маула, то есть зависимый клиент.

Как известно, мавали (ед. число маула) назывались жители завоеванных территорий, принявшие ислам и ставшие членами какого-либо арабского племени при покровительстве одного из

его старейшин. Маула изначально означал наследника, родственника, а также партнера в торговых делах. Позже, в период арабских завоеваний, дефениция маула обрела значение «примкнувший», «клиент». Мавали служили в арабской армии еще со времен Мухаммада, впоследствии их количество увеличилось [262, с.182-192].

Институт маула нарушал провозглашенный Пророком Мухаммадом принцип равенства всех мусульман, независимо от происхождения, но такой порядок сохранялся довольно долго.

Тем не менее, принятие ислама было делом привлекательным, так как приносило определенные материальные выгоды: во-первых, мавали освобождались от уплаты джизьи; во-вторых, за каждым новым приверженцем «истинной веры» признавалось право на участие в дележе доходов и военной добычи.

В любом случае, это было более выгодно арабам-мусульманам. Местные неопиты превращались в союзников завоевателей, носителей единой с ними веры и становились членами единой религиозной общины. В этой связи социальная и военная база местных правителей в провинции ослабевала и сужалась. Привлечение же новообращенных мусульман на военную службу приводило к усилению арабской армии.

Результатом такого хода событий стало некоторое упрощение процесса завоевания Центральной Азии, а также меньшее сопротивление самых крупных и сильных провинций.

События, о которых далее пойдет речь, достаточно четко подтверждают сказанное выше. Так, несмотря на полное подчинение Тохаристана, независимый правитель Забулистана Рутбил (Зинбил) представлял угрозу для Хаджаджа, который послал против него Кутейбу. В 711 году, усмирив антиарабское движение в Мавераннахре, Кутейба двинулся на Рутбила. Готовившийся к очень тяжелым боям и упорному сопротивлению, Кутейба неожиданно для себя получил известие, что противник запросил мира, который был принят с условием выплаты подати [8, с.421; 22, II, с.1238].

Зиму 711 года Кутейба провел в подготовке нового похода на Самарканд. Однако уже ранней весной правитель Хорезма прислал к нему делегацию с предложением о выплате хараджа в случае, если ему окажут помощь в борьбе за власть, которую он вел со своим братом. Эта идея понравилась Кутейбе, и он с большой армией отправился к Хорезму [252,с.241].

Мусульманские войска подошли к восточному берегу Джейхуна, где остановились и не стали переправляться через реку. Правитель Хорезма и арабские военачальники вступили в переговоры. Было достигнуто полное согласие и заключен мир с условием предоставления в распоряжение Кутейбы десяти тысяч воинов Хорезма.

Отметим, что необходимость включения десяти тысяч хорезмийцев в арабскую армию было следствием не только острой нехватки сил у захватчиков, но и того, что они доверяли местному населению.

Нам представляется, что такие условия мирных договоров были первыми попытками объединить умеренные элементы противоборствующих сторон для совместного управления в дальнейшем Арабским халифатом. Однако надо также отметить, что стремление арабов найти общий язык с местными жителями не всегда нормально воспринималось в захваченной стране. Иными словами, оставались еще силы, выступавшие против захватчиков, и они всеми доступными средствами старались предотвратить такого рода сотрудничество. Не случайно, что и условия мирного договора, о котором идет речь, привели в движение недовольных. Он стал причиной серьезных беспорядков. Признание власти арабов, согласие выплаты хараджа и, особенно, включение местных воинов в арабское войско стало поводом для выступления брата хорезмского правителя Хурразада. Против него был отправлен брат Кутейбы – Абдаррахман [229,с.37]. В результате военной операции Хурразад и около четырех тысяч его сторонников были взяты в плен и казнены.

Завоевания Кутейбы в Хорасане и Мавераннахре свидетельствовали о его стремлении завладеть всеми этими территориями.

В результате начатых с 705 года военных действий все крупные города Мавераннахра были захвачены арабами. Однако оставался еще Самарканд, правителем которого после смерти Низека стал Гурек ибн Ихшид.

Сохранение этим важным городом Востока самостоятельности представляло определенную для мусульман угрозу. Например, при неудачных военных акциях арабов самаркандские правители могли спровоцировать в регионе мятежи. Хотя Кутейба и предпринял несколько походов на Самарканд, не все они оканчивались успешно. Но после завоевания большей части Мавераннахра более не оставалось препятствий для овладения этим городом, что имело бы не только большое военное значение для мусульман, но и политическое. Падение Самарканда должно было стать знаковым событием.

Кутейба, вернувшись из хорезмского похода и ознакомившись с планом Хаджаджа ибн Йусуфа по захвату Самарканда, начал действовать. Двадцатитысячная армия во главе с его братом Абдаррахманом была направлена в другой регион, а сам он вместе с основными силами двинулся в самаркандский поход. Кроме арабов в армии Кутейбы были части, сформированные из представителей покоренных народов. Несмотря на полную секретность операции, лазутчики Гурека узнали о походе, и он вместе с военной помощью, полученной из Шаша, Ферганы и от тюрок, сам выступил навстречу арабам. Как сообщает ат-Табари, противники встретились в местечке Арбистан между Бухарой и Самаркандом [22, II, с. 1249]. Однако армия Гурека отступила.

Затем к Самарканду подошли воины Абдаррахмана, а за ними основные силы, включавшие арабов, хорезмийцев, бухарцев и хорасанцев, которых возглавлял Кутейба. Гурек, укрепившись за стенами города, ждал прибытия военной помощи от соседей. Кутейба окружил Самарканд. В период осады подошло подкрепление Гуреку от правителя Шаша. Но оно было разбито арабским военачальником Салихом ибн Муслимом [48, II, с. 344].

Жители осажденного города, уставшие от бесконечных атак противника, стали роптать, и Гурек вынужден был отправить Ку-

тейбе предложение о мире [8,с.421]. Было решено заключить мир с выплатой мусульманам хараджа и трех тысяч рабов, то есть воинов для арабской армии, а также позволить Кутейбе войти в город. Войдя в Самарканд, мусульмане взяли очень богатую добычу. Нарушив ранее достигнутое соглашение о том, что после краткого пребывания арабы уйдут из города, Кутейба оставил здесь военный гарнизон. Так Самарканд был покорен арабами [194,с.75-79].

С завоеванием Самарканда военные действия не прекратились. Вернувшись в Бухару, Кутейба с двадцатитысячной армией в 713 году направился в очередной поход. Армия его вновь была укомплектована, наряду с арабами, жителями Хорезма, Киша, Бухары. Отправив часть войска в Шаш, Кутейба двинулся в Фергану и соседние с ней районы, в результате, некоторые владения перешли в руки мусульман.

В ряде географических источников [2,с.328; 14,с.383] отмечается, что Кутейба отправил также часть своих отрядов в Усрушану. Эта важная территория Центральной Азии, на севере граничила с Ходжентом и Джейхуном, на северо-западе - с Самаркандом. Накануне арабского завоевания Усрушана являлась обширной благоустроенной и богатой областью, которую ибн Хаукал называл «иглимом». Китайские источники сообщают, что с тех пор, как в Усрушане появился собственный правитель, она находилась во власти тюрок. Местные правители Усрушаны носили титул афшин [8,с.519; 130,с.497; 195,с.205].

По многим причинам арабам важно было завладеть Усрушаной. В целом, это означало, возможность получить в свое распоряжение несметно богатую территорию, а также давало шанс ликвидировать тюркскую опасность, потенциально существовавшую на пути дальнейших арабских завоеваний в Центральной Азии.

Как известно, в период арабских завоеваний на Востоке самой большой поддержкой для Кутейбы являлся наместник Ирака Хаджадж ибн Йусуф. Его смерть весной 714 года стала для него тяжелой потерей. Получив весть о кончине своего патрона, Ку-

тейба стал готовиться к неприятностям и поэтому собрал свое войско.

Однако халиф Валид (705 – 715) в присланном ему письме повелел продолжить военные акции и даже сообщал о своем намерении отделить Хорасан от Ирака и назначить туда наместником Кутейбу. Несмотря на это, последний не был уверен в собственной безопасности, так как имел недоброжелателей при дворе. К тому же воины, уставшие от походов и вкусившие блага краткого мира, хотели отдохнуть и воспользоваться захваченной добычей.

По приказу халифа Валида, Кутейба для полного подчинения мусульманам Ферганы и установления контроля над торговыми путями между ней и Кашгаром отправился в новый поход, и даже добился некоторых успехов. Однако смерть Валида и объявление халифом Сулеймана стало для Кутейбы началом конца [275,с.207].

Последующие события, связанные с восстанием и гибелью Кутейбы ибн Муслима, явились поворотными в истории арабских завоеваний того времени. Активизация Китая с целью возвращения себе утраченного влияния в Центральной Азии, деятельность местных правителей, направленная на избавление от арабского господства, слабость арабских наместников – все это порождало опасность потери покоренных мусульманами городов и областей. И хотя были новые победы и удачи, они несравнимы с периодом деятельности Кутейбы.

Халиф Сулейман (715 – 719) назначил наместником Хорасана Йезида ибн Мухаллаба, и тот сумел одержать в регионе ряд побед. Тогда правителем Дихистана и Джурджана был тюрк Сул, которого Йезиду удалось одолеть в сражениях и взять большую добычу [176,с.117].

В то же время каган тюргешей Су-лу, не вступая в конфликт с соседним Китаем, счел для себя более приемлемым направиться на восток. Договорившись с правителями Мавераннахра, он в 720\721 году отправил свои военные силы к Самарканду. Хотя арабы понесли в боях с тюрками серьезные потери, каган не смог

организовать осаду города, и местный арабский гарнизон устоял [22,II,с.1275].

Новый наместник Хорасана Саид ибн Амр был довольно жесток по отношению к поддерживающему тюргешей местному населению, чем вынудил многих жителей покинуть свои очаги. Саид преследовал беглецов и сумел истребить многих из представителей местной знати. Эти события, происходившие в 722 году, вызвали большую ненависть к арабам у местного населения [22,II,с.1317].

Следующий наместник Хорасана Муслим в 723\724 годах добился некоторых военных успехов и дошел до Ашурассина, но его основной целью оставалась Фергана. В это время халифом стал Хишам (724 – 743), который назначил наместником Ирака Халида ибн Абдаллаха ибн Касри, что вызвало некоторые беспорядки. Муслим был отправлен в поход на Шаш и окружил город. Здесь он получил известие о походе кагана Су-лу, и осаду города пришлось снять. Тюрки, к которым присоединились военные силы Ферганы и Шаша, стали преследовать мусульман, последние понесли большие потери [129,с.192].

В связи с некоторым ослаблением позиций арабов им пришлось перейти к обороне, а жители Мавераннахра перешли в наступление. Эти перемены в военной ситуации, одержанные местными силами победы позволили тюркам играть в регионе влиятельную роль,

В правление наместника Асада ибн Абдаллаха ибн Касри арабы и тюрки испытывали одинаковые трудности. Правда, тюрки, будучи местной силой, имели определенные преимущества.

Самарканд оставался фактически изолированным, не получая помощи из Хорасана, что, конечно, стесняло действия арабов. Попытки совершить походы в Тохаристан оказались для них неудачными. Наместник халифа к тому же, считал, что его армия ослабла в результате межплеменных разногласий [7,с.428]. Поэтому он даже провел ряд карательных акций для наведения порядка в своих военных силах.

В связи с этим последним обстоятельством следует отметить, что в изучаемый период усиление разногласий между арабскими племенами не ограничилось лишь Центральной Азией. То же самое наблюдалось во всех странах, входивших в состав Халифата, что, естественно, подрывало единство арабов, существовавшее в первые десятилетия завоеваний. Уже в первой четверти VIII века на захваченных территориях появилось поколение арабов, для которых они были родиной. Тем самым ощущение арабского единства ослаблялось, усиливались центробежные тенденции, складывалась провинциальная арабская элита. К тому же, росла вражда между арабскими племенами, особенно между южноарабскими и североарабскими.

Конечно, вышеописанное не могло не сказаться отрицательно на единстве арабов и арабского общества, вело к межплеменным и военно-политическим коллизиями в среде мусульман-завоевателей.

Одновременно росло недовольство арабами в среде увеличивавшейся количественно прослойки принявших ислам местных жителей, ухудшалось положение податного сословия.

Не случайно халиф Омар II (717 - 721) попытался избежать крайностей и искал выход в буквальном следовании предписаниям ислама [125,с.356; 242,с.172]. Он изменил политику по отношению к новообращенным мусульманам, стал довольно снисходительным к ним, всеми мерами старался ослабить в Халифате социальную напряженность, улучшить его экономическое состояние. С этой целью халиф отменил ряд податей, что улучшило материальное положение мавали. Омар II предписал наместникам прекратить взимание подушной подати с мавали - новообращенных мусульман и даже предложил включить их в диван, то есть в списки, по которым арабы-мусульмане получали постоянную стипендию из государственной казны. Было признано, что «обращение в ислам спасает душу и деньги» новообращенных. Что же касается поземельной подати, то было предписано взимать ее со всех землевладельцев и земледельцев, независимо от их вероисповедания. Установление такого «равноправия» между

потомками арабских завоевателей и мусульманами из коренного населения, должно было улучшить не только материальное, но и социальное положение неофитов. Особенно благоприятно это должно было отразиться на многочисленных мавали, которые, как правило, были горожанами, не связанными с земледелием [216,с.402].

Однако при следующем халифе Йезиде II (721 – 724) был восстановлен прежний статус-кво, и, как ранее, с новообращенных правоверных стали взимать как харадж, так и джизью. Это вновь обострило отношения между арабами и мавали. Жестокость, которую проявил новый наместник Хорасана Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулейми при сборе податей с населения, стала причиной восстания, центром которого была Бухара. Его с трудом удалось подавить, ибо мавали объединились с тюрками и совместно выступили против арабов.

Участие тюрков и широкий размах восстания заставили наместника начать активные действия. Подойдя к берегам Джейхуна, его войска, неся большие потери от тюрков, все же смогли перейти реку и прибыть в Байкенд. Тюрки здесь захватили источники воды, и арабы чудом спаслись от гибели, благодаря военачальнику Харрису ибн Сурейджу, который вовремя подоспел им на помощь.

Тяжелое положение армии и ее неудачи стали причиной того, что даже самаркандский Ихшид Гурек, проявлявший в делах большую осторожность, решил объединиться с тюрками. Однако арабы получили подкрепление, и в конце 729 года вернули себе Бухару [221,с.162].

Подошедшая армия, возглавляемая Джунейдом ибн Абдаррахманом ал-Мурри, успешно сражалась с тюрками в окрестностях Байкенда и, как сообщает ат-Табари, он сумел взять в плен племянника кагана [22,II,с.1529], а по сведениям Балазури – его сына [7,с.429].

Став наместником, Джунейд весь 730 год занимался подавлением вспыхивающих то там, то тут восстаний. В том же году Самарканд был вновь окружен войсками тюркского кагана. Гар-

низон города попросил помощи у наместника, который не замедлил оказать ее. Однако посланное подкрепление подверглось нападению тюрок у стен города. Тогда мусульманский гарнизон вышел из городской цитадели и стал сражаться с тюрками, которые перебили большую часть нападавших.

В это время подоспел со своим отрядом Джунейд, который сумел войти в Самарканд. Надо отметить, что арабским войскам в сложившейся ситуации определенную помощь оказали местные мавали и тем самым спасли их от поражения. Тюрки отступили. В 731 году преследовавший кагана Джунейд достиг до Бухары, куда отошел властелин тюрок, и заставил его покинуть город [22, II, с. 1529].

В 734 году Джунейда отстранили от должности наместника Хорасана, что стало причиной новых межплеменных усобиц. В Тохаристане поднял мятеж Харрис ибн Сунейдж. Вследствие таких событий, а также военных неудач авторитет арабской власти в Мавераннахре постепенно слабел. В связи с этим, не сумевший проявить себя в качестве способного военачальника Асим ибн Абдаллах был смещен с должности. В 735 году наместником региона стал Асад ибн Абдаллах, которому пришлось весь год провести в столкновении с мятежным Харрисом. Затем он выступил против союзника Харриса Хутгама, но последнему помог тюркский каган, и арабы отступили, чудом избежав разгрома.

Однако каган Су-лу, получив подкрепление от карлуков Восточного Тохаристана, продолжил поход на восток. Осенью 736 года, столкнувшись с Асадом, каган потерпел поражение и потерял влияние в регионе. Вернувшись в свои владения, он был убит Бага Тарханом (Курсулом) [161, с. 103-106].

В те же годы вспыхнуло восстание согдийцев, которые, приняв ислам, не получили обещанного освобождения от подушной подати. Восставшие опирались на поддержку тюргешей. Только после разгрома тюргешского кагана Су-лу под Балхом в 737 году и его последующей гибели арабы смогли полностью восстановить свою власть в Мавераннахре [98, с. 14-20].

Большая заслуга в этом принадлежала назначенному в 738 году наместником Хорасана Насру ибн Сайяру, который давно принимал участие в происходящих в регионе военных операциях, знал местные обычаи и традиции. Не случайно, как сообщают источники, он пользовался большой популярностью у местного населения и был довольно активен в налаживании нормальных отношений с ним.

Наместник Омейядов в Хорасане Наср ибн Сайяр пытался примирить сопротивляющихся арабскому правлению жителей Мавераннахра с новой властью. Он проводил политику, направленную на сближение местных жителей с арабами, так как разница в положении между ними служила питательной средой для усиления недовольства. Наместник преуспел в этом. В то же время он ввел собственную линию в управлении. Так, центр своей администрации Наср ибн Сайяр перевел из Балха в Мерв, предотвратил выступление недовольных в Бухаре и Кише, не встретив сопротивления, вошел в Самарканд.

В конце 740 года он покинул город, и во главе армии, в которой имелись также жители Мавераннахра, двинулся в Усрушану. Ее правитель подтвердил свои верноподданнические чувства мусульманам, но в Шаше арабам оказал сопротивление местный правитель и его тюркский союзник Курсул, ранее убивший тюркешского кагана Су-лу. Однако в одном из сражений он попал в плен и тут же был убит арабами. Наср сумел заключить мир с правителем Шаша, а затем и с правителем Ферганы [7, с.429].

Однако события, происходившие в центре Халифата, в частности подъем аббасидского движения, стали причиной не только ослабления, но и приостановления завоеваний арабов на Востоке. Многие из них и большая часть местного населения были сторонниками антиомейядского движения, что лишало халифов Омейядов возможности продолжать завоевания.

б) Налаживание мирных взаимоотношений арабов с населением Центральной Азии

Вышеизложенное дает возможность уточнить хронологию и последовательность мирных контактов и военных столкновений

тюрков и арабов, начавшихся почти со времен и правления «праведного» халифа Омара, а также перехода ряда регионов, населенных тюрками, в руки мусульман-завоевателей.

Мы должны отметить, что в источниках нет достаточных сведений об интеграции тюрков в структуры Халифата в период «праведных халифов», и даже первого омейядского халифа Муавии. Мало сведений и об их деятельности. Однако поток сообщений возрастает и становится гораздо подробнее и обстоятельнее по мере того, как противостоящие стороны перестали видеть друг в друге врагов. Информация увеличилась также в связи с участием тюрков в государственных структурах халифата.

Вместе с тем за относительно короткий, по историческим меркам, срок, что прошел от возникновения ислама до начала арабских завоеваний, вряд ли можно говорить о широком распространении новой религии в неарабской среде, особенно среди жителей территорий, захваченных силой оружия.

К тому же новообразованное арабское государство еще не имело четких военных, административных структур, и поэтому привлечение неарабов в каких-либо целях к управлению халифатом не практиковалось. Однако, как видно из имеющихся данных, приток тюрков в Халифат начался уже в конце правления первого омейядского халифа Муавии I, то есть примерно в 70-е годы VII века.

В связи со сказанным следует акцентировать внимание также на следующем. В начальный период арабских завоеваний и в последующем рабство как уклад в Халифате не только сохранилось, но, даже правильное будет сказать, получило некоторое развитие. Практика использования пленных местных жителей в качестве рабов распространилась довольно широко, и об этом имеется достаточно сведений в источниках. Многие исследователи также отмечают, что арабы смотрели на свои войны как на источник получения рабов [220;221;217].

В связи с этим мы хотим остановиться на одном ранее отмеченном нами событии. Когда в 670 году арабы захватили Бухару, наместник Хорасана Саид ибн Осман взял много пленных и око-

ло 80 сыновей знати в качестве заложников, которых привел сначала в Самарканд, а затем отправил в Медину. Автор истории Бухары Наршахи писал, что после того, как Саид оставил должность наместника, он вернулся в Медину, забрав у заложников их богатые одежды и украшения, одел в старье и заставил трудиться в Медине как рабов на пальмовых плантациях. Недовольные своим положением, бухарские заложники высказали резкий протест против оскорбления их чести и достоинства, восстали и убили Саида ибн Османа, а затем, предпочтя смерть унижению, покончили с собой [45,с.65].

Мы напомним этот эпизод, потому, что после него не встретили больше фактов отправки и использования пленных и заложников из Мавераннахра, в первую очередь тюрок, в качестве рабов на тяжелых работах в центре Халифата и других крупных городах. Таких сведений мы не нашли в источниках. Правда, это событие не положило конец отправке тюрок в центральные арабские города. Напротив, подобная практика приобрела широкий характер. Вместе с тем можно предположить, что поведение бухарских пленных и заложников, не желавших быть рабами, хотя их и продолжали так называть, заложило основу для использования тюрок в другом качестве, а именно - в военном деле.

Это позволило арабам получить на далеких от центра Халифата восточных территориях дополнительный источник военных резервов, использовать высокие боевые качества тюрок для достижения своих целей, нейтрализовать до определенной степени неприязнь местного населения к захватчикам, постепенно приучить тюрок и других жителей Центральной Азии к новой власти.

Не случайно, что именно после описанного события с пленными бухарцами изменилось отношение к захваченным тюркам. Их стали рассматривать именно как военную силу, а унижение их достоинства и чести сошло на нет. Во всяком случае, об аналогичном изложенному событию использованные нами источники больше не сообщают. Напротив, доставленным в центральные города Халифата тюркам уделяется большое внимание, о них за-

ботятся, государство и его представители относятся к ним довольно уважительно.

Источники сообщают, что в военно-административных целях тюрок в арабские города впервые отправил наместник Хорасана Убейдаллах ибн Зияд. Его преемники на этом посту продолжили традицию. По сообщениям ал-Балазури, после смерти Зияда ибн Абихи его сын Убейдаллах (678 год) был послан наместником в Хорасан халифом Муавией. Во время похода на Бухару и после захвата этого города, он наряду с военной добычей, взял большое количество юношей, которых привел и разместил в Басре и даже выделил им определенное жалование, так как собирался использовать их в военном деле [6,с.578]. Сообщается, что квартал в Басре, где разместились тюрки, стал называться - «квартал бухарцев», и что такого названия ранее в городе не было [50, I, с.356].

Ат-Табари в связи с этими событиями сообщает, что тюрок было около двух тысяч, они искусны в стрельбе из лука [22, II, с.1479]. Ал-Джахиз пишет, что тюркских стрелков успешно использовали при подавлении в Йемене бедуинского восстания против халифов Омейядов [12, II, с.7; 14, с.175].

К месту отметить, что у ал-Джахиза есть красочное описание военных достоинств нового грозного соперника арабов. Он сообщает: «Тюрки - очень меткие стрелки из лука, они точно попадают в цель на полном скаку, из любого положения, одинаково хорошо стреляют, гоня своего коня во весь опор, назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз» [12, I, 78].

По сведениям ибн ал-Асира, тюрок отправили на подавление восстания хариджитов в Басре, которым руководил Джаллак ибн Таваффа. Тюркские воины сыграли значительную роль в усмирении восставших. Тот же автор сообщает, что сам Джаллак погиб в 677 г. от стрелы, пущенной тюрком [1, II, с.517].

Известно также, что из тюрок-рабов Убейдаллах ибн Зияд создал свою личную охрану. Ат-Табари упоминает имя одного из командиров этого отряда - Рашида ат-Тюрки [22, V, с.379]. Видимо, он был одним из знатных рабов Убейдаллаха, хорошо владел

саблей. Можно предположить, что Рашид ат-Тюрки является одним из первых командиров среди высокопоставленных омейядских воинов тюркского происхождения.

Отметим еще, что не только в Басре, но и в других городах тюрок использовали также как военную полицию. К примеру, Хаджадж ибн Йусуф после основания города Васита разместил здесь часть тюркских соединений из Басры для защиты, охраны и в административных целях [103,с.46].

Сведения источников дают возможность заключить, что по мере продолжения и расширения мусульманских завоеваний на Востоке при Омейядах, усиливается приток тюрок в арабские города. Не только наместники халифа и военачальники арабских армий, но и богачи привлекали их с определенной целью: для собственной защиты и безопасности. Известно, что в дальнейшем тюркские военные отряды использовали в качестве охраны также в халифских дворцах [90,с.87].

Известно, что Омейяды не склонны были относиться к не-арабам, как к равным, и поручать им должности в государственных институтах, в том числе в армии, и вообще доверять. Поэтому привлечение тюрок для охраны дворца халифа свидетельствует, что они уже имели определенные заслуги, завоевали уважение и доверие в глазах арабов.

Из источников становится ясно, что у омейядского халифа Абд аль-Малика ибн Мервана (685-705) имелся отряд личной охраны из ферганских тюрок [28, V, с.379]. Абд ал-Малик использовал их также для подавления беспорядков. А если учесть, что Абд ал-Малик - из числа первых омейядских халифов, то можно предположить, что в центре Халифата, то есть в Шаме (Сирия) тюркские военные силы появились почти в самом начале правления этой династии.

Конечно, роль тюрок в арабской армии может быть отмечена уже в ходе завоеваний Мавераннахра. Однако более значительное и весомое место в ней они заняли позже, при халифах Аббасидах, когда их влияние достигло своего апогея.

При первых Омейядах тюрки в Сирии оставались еще рядовой дворцовой стражей, хотя и очень доверенной. То, что им доверяли и на них опирались в критических ситуациях, видно из хроники событий, происходивших при халифе Абд ал-Малике. Как сообщает Абу-л-Фида, в 698 году тюрки в составе войск Халифата были посланы на подавление лжепророческого движения Хариса ибн Абдаррахмана ал-Димашки [36,IX,с.28]. Надо отметить, что в составе омейядских войск были, вероятно, первые тюрки-мусульмане, ставшие предвестниками будущей исламизации тюркских народов.

Среди лжепророческих движений, периодически появлявшихся в мусульманской истории, можно выделить вышеупомянутое, возглавленное Харисом, жившим сперва в Сирии, а затем переехавшим в Иерусалим. Он «открыл» в себе чудотворные способности, объявил себя «пророком» и даже сумел привлечь к себе часть населения. Вокруг него сплотились силы, преследующие разные политические цели, были и истинно обманутые его «пророчеством». Как бы там ни было, лжепророк стал опасным, и власти должны были покончить с ним.

Приближенные посоветовали халифу послать на подавление лжепророка и его сторонников имеющихся в дворцовой охране тюрков, считая их наиболее пригодными для решения возникшей проблемы. Источники сообщают, что тюрки прибыли в Иерусалим, заняли ключевые позиции в городе, затем их командир, взяв с собой несколько воинов, отправился к дому Хариса и заявил, что желает пообщаться с «пророком». Его просьбу отклонили. Тогда несколько тюрков, бывшие родом из Ферганы и даже толком не владевшие арабским языком, ворвались, схватили Хариса и привели его к своему командиру. «Пророк» тут же стал читать аят из Корана, который был понят тюрками, и они сказали: «Это аят из нашего Корана, а если ты пророк, то читай из своего». Затем лжепророк был казнен [36,IX,с.29].

Этот эпизод доказывает, что служившие в омейядских дворцах тюрки были преданы халифам и, к тому же, приняв ислам, стали довольно искренними и верующими мусульманами. Следу-

ет также отметить, что не только арабские наместники, столкнувшиеся с тюркскими воинами в боевых операциях в годы завоевания тюркских земель, но и халифы быстро оценили их боевые качества. Образ жизни тюрков выработал в них стойкость, внутреннюю дисциплинированность, боевой дух, привычку постоянно находиться в движении, мастерство в верховой езде и стрельбе из лука. После того, как они стали мусульманами, их статус вырос, что быстро оценили халифы и арабские военачальники. Однако источники не сообщают какими путями ферганские тюрки-мусульмане попали в центр Халифата – в Сирию.

Хотелось бы отметить, что уже первые действия, поведение и образ жизни тюрков, попавших в различные города Халифата, дали им возможность противостоять своим основным соперникам на службе у арабов – персам и оставить их далеко позади.

Выше отмечено, что тюркские военные соединения сформировались, в основном, при арабской армии как вспомогательная сила. Появившиеся в результате завоевательных походов арабов в Центральную Азию, эти соединения, воины которых нередко принимали ислам, сохранялись на протяжении всего существования Омейядского халифата. Арабы активно использовали их при завоеваниях в Центральной Азии, особенно таких крупных и важных городов, как Бухара и Самарканд.

Заметим, что у арабов было много причин для создания и использования армии из мавали. Среди них главные – это удаленность завоевателей от своих баз, создавшая для них ряд трудностей; совершенно для них новые и непривычные географический ландшафт и климатические условия; неизвестный неприятель, с подобным которому арабы ранее не встречались. Поэтому они несли большие потери в военных операциях, проводимых в регионах со значительным тюркским населением и возглавляемых местными правителями. К тому же арабы плохо адаптировались и недостаточно ориентировались, что создавало дополнительные проблемы для арабской армии. Она слабела, теряла боеспособность, ее ряды сокращались. Пополнения из центра шли долго и нерегулярно. Поэтому, без принятия надлежащих мер,

завоеватели могли утратить все, что удалось им захватить в Центральной Азии.

Все эти причины заставили арабов уже в Хорасане, то есть в самом начале завоеваний в Центральной Азии, черпать военные ресурсы из числа местных неофитов (мавали). Они призваны были заполнить образующуюся в армии нехватку воинов, и стать той силой, которая поможет арабам установить и упрочить власть халифа в Центральной Азии. Такой силой в обширном регионе на Востоке могли считаться, в первую очередь, тюрки, как наиболее организованная и боевая часть местного населения. Серьезные шаги для привлечения их на военную службу в арабскую армию были сделаны Саидом ибн Османом (о нем речь шла выше), ставшим наместником Хорасана после Убейдаллаха ибн Зийяда и создавшим в 674 году первые боевые соединения из местных мусульман. Саид перешел р. Джейхун, с первой попытки взял Самарканд, и вместе с богатой военной добычей получил 30 тыс. мужчин, способных держать оружие, которых он привел с собой в Мерв [8,с.519].

Саид, получивший возможность познакомиться с тюрками в боях, считал, что их можно использовать в арабской армии в качестве самостоятельной военной силы. Он же стал первым арабским военачальником, создавшим из пленных мавали наемные военные отряды, в которых было достаточно тюрок. Хотя Саид недолго пробыл наместником, но сумел убедить арабов в правильности своего необычного, однако – смелого шага.

Следует учесть, что Самарканд на протяжении длительного исторического периода считался районом, плотно заселенным тюрками и находившимся под их влиянием. Иными словами, он являлся как бы центром концентрации тюрок в регионе, куда они собрались со всей Центральной Азии. Поэтому не вызывает сомнений то обстоятельство, что среди пленных Саид ибн Осман получил достаточное количество тюрок. Кстати, после установления власти Аббасидов Самарканд оставался главным центром, откуда в Багдад отправлялся большой поток тюрок на военную службу.

Новая сила, имевшая статус мавали, влившись в арабскую среду, естественно, получала возможность религиозного образования и участия вместе с арабами в военных действиях. А это, в свою очередь, способствовало быстрой адаптации тюрок, открывало им путь к вершинам иерархической лестницы в центре Халифата.

Кутейба ибн Муслим, покоривший такие большие города, как Байкенд, Бухара, Самарканд, являвшиеся местом обитания тюркской аристократии, стал продолжателем дела Саида ибн Османа. Он также сумел мобилизовать людские ресурсы местного населения, привлечь их в арабскую армию и использовать в качестве резервной военной силы.

По сообщениям источников, когда Кутейба в четвертый раз, с большим трудом, овладел Бухарой (701), он с целью ослабить сопротивление и сломить дух местного населения взял в плен 50 тыс. чел. [66, I, с.301; 21, V, с.478]. То же самое он осуществил в Самарканде. Кутейба, после заключения мира с городом, считал его условия для себя неприемлемыми. Поэтому вновь предпринял штурм Самарканда, причем после его взятия в плену оказались 30 тыс. юношей. Очень вероятно, что часть их была затем использована мусульманами в сражениях. Ат-Табари, к примеру, сообщает, что при захвате Бухары у Кутейбы в подчинении находилось около 47 тыс. воинов, из них 7 тыс. мавали. После взятия города из местных жителей была создана армия, в которой насчитывалось от 10 до 20 тыс. чел. [48, II, с.346; 93, с.395].

Как отмечалось, воинские соединения тюрок существовали и до Кутейбы. Однако он сумел придать этой армии мавали более организованный характер, дисциплинировать ее и увеличить количественно, доведя до 20 тыс. чел. Мавали при нем участвовали во многих операциях, даже при захвате Бухары и Самарканда.

Надо указать, что, со своей стороны, представители тюркской знати также шли на контакты с арабами-завоевателями. Среди них, как уже отмечалось, был Низек Тархан - правитель Бадгиса и его области. Кутейба, прибыв в Хорасан, сумел оценить его силу и влияние в регионе, поэтому старался наладить с

ним мирные отношения. Под влиянием Кутейбы Низек Тархан принял ислам и стал помогать ему в военных делах, применяя свой опыт и знания. Таким образом, Низек стал одним из первых тюркских правителей-аристократов, служивших в арабской армии вместе со своими воинами [92,с.368].

Оценивая рост и расширение сотрудничества арабов с тюрками и иными этническими силами как начало процесса, который в Халифате нарушил родоплеменные отношения, отметим следующее. Рассеянные на завоеванных территориях Северной Африки, Ирана и Центральной Азии арабские племена обустроивались здесь, меняя свой кочевой образ жизни на оседлый. Естественно, что при такой трансформации, разложение родоплеменных отношений шло ускоренными темпами, и им на смену пришли новые формы социальных отношений – феодальные. По этой причине происходило нарастание процесса феодализации, сближение пришлых, то есть арабов, и местных – то есть тюркских и других этносов. Таков был закономерный результат. Процесс обрел неизбежный характер, арабы вместе с неарабами стали совместно выступать против тех сил, которые пытались этому процессу препятствовать.

Для подтверждения сказанного отметим следующее. В преддверии похода на Бухару арабские отряды напали на близлежащие селения и, как указывают источники, во время одной из таких вылазок арабы при возвращении в лагерь попали в засаду тюркского командира Кур Мугнан ат-Турки (Кара Муган).

Низек помог арабам выбраться из окружения и даже справиться с Кара Муганом [3,с.43]. По сведениям источников, он же оказал существенную помощь Кутейбе при завоевании арабами Байкенда и Бухары.

Армия мавала имела единое командование и подчинялась одному военачальнику. О нем сообщает лишь ат-Табари, повествуя, что в 714 году, то есть в год смерти Кутейбы, военачальник армии мавали Хусейн ан-Набти, отказался подчиняться ему и с помощью вверенных ему аджамов уничтожил Кутейбу и многих его близких [21, VI, с.557].

При наместнике Хорасана Йезиде ибн Мухаллабе, прибывшем сюда в 716 году, армия мавали участвовала в войнах и помогла мусульманам добиться успеха в регионе. Так, источник отмечает, что в 100-тысячной армии арабов, которая покоряла Джурджан и Табаристан, были мавали, которых он именует «мамалик» [50, I, с. 166]. Вероятно, Йезид в большей степени, чем его предшественники, сумел добиться расположения местной тюркской знати и использовать ее. Заметной фигурой среди таких личностей являлся правитель Джурджана – Сул Текин.

Йезид недолго пробыл на посту хорасанского наместника. Ставший халифом Омар ибн Абд ал-Азиз строго взыскал с него за неучтенный казной харадж с его провинции и посадил в тюрьму. При халифе Йезиде ибн Абд ал-Малике (719 – 723) Йезиду удалось бежать в Басру (из Сурии). Здесь он призвал население, включая членов своего племени, к восстанию против Омейядов. При этом Йезид заявил, что они посягнули на семью Пророка и осквернили Каабу и отметил, что Аллаху свержение династии Омейядов более угодное дело, чем война с тюрками или дейлемитами [21, VI, с. 587].

Население Басры и Куфы, традиционно оппозиционно настроенное к правящей династии, поддержало Йезида ибн Мухаллаба. В период своей деятельности в этом регионе он призвал к себе и Сул Текина, которого считал своим другом и сторонником.

После поражения Йезида ибн Мухаллаба, которое ему нанесла армия халифа, среди попавших в плен был, как предполагается, Сул Текин, так как у ат-Табари встречается упоминание о том, что сын Сула, правителя Джурджана, был взят в плен вместе с другими важными персонами и, вероятно, погиб [21, VI, с. 601].

Таким образом, использование тюрков в качестве наемников стало обычной практикой арабских военачальников, в разное время занимавших должность наместника Хорасана. Такая традиция стала началом отказа архаичной родоплеменной структуры воинских подразделений, которая постепенно превратилась в анахронизм и уже не соответствовала изменившимся потребностям арабского общества. Этому не избежал и Наср ибн Сайяр,

решивший в годы своего наместничества (738 – 743) твердо укрепить господство арабов на вверенных ему территориях. Ему приходилось улаживать отношения с местными жителями, а также бороться с вторгающимися в Мавераннахр тюркскими отрядами, которых надо было нейтрализовать. Одновременно с этим Наср использовал в своих военных походах местный, особенно тюркский, контингент. Так что в походе на Шаш в арабской армии был 20-тысячный отряд мавали [21, VI, с.154].

Следуя приказам из Дамаска, Наср ибн Сайяр продолжал политику исламизации и арабизации восточных провинций. Из хорасанских административных ведомств были удалены все, кто не являлся мусульманами, и была сделана попытка ввести арабский язык в делопроизводство. Но языками повседневной жизни, как в Хорасане, так и далее на востоке, по ту сторону Амударьи, оставались диалекты тюркского, а также персидского языков [203, с.406].

Из изложенного выше становится ясно, что количество тюрок в важных государственных структурах Халифата в период Омейядов было невелико. Они, в основном, проявили себя в военном деле. Очевидно, что, несмотря на почти столетнее правление халифов Омейядов и огромные завоевания, включение различных этносов в Арабский халифат, роль неарабского элемента в государственных структурах оставалась незначительной.

Даже принятие большинством жителей покоренных стран и областей ислама, не стало для неофитов решающим для продвижения на военной и административной службе в Халифате. Хотя теоретически они имели на это право. Естественно, такое положение было следствием проводимой Омейядами государственной политики по сохранению патриархально-родоплеменной структуры, в какой-то мере проявлением арабского «национализма».

Известный востоковед Дж. Вельхаузен в своем исследовании истории Омейядов «Арабское государство и его упадок» уже в названии самого труда отметил чисто арабский характер их правления [275, с.112]. Омейядские халифы опирались в своей политике и управлении даже не на все арабские родоплеменные

структуры, а больше на определенные, связанные между собой родственными узами, арабские кланы. То есть не на мусульманское единение, появившееся в результате включения в арабское государство различных народностей и этносов. Военные и административные кадры полностью комплектовались из арабов, хотя, против воли халифов Омейядов начался другой процесс - сотрудничество представителей арабского и неарабского, в нашем случае - тюркского, этносов. Правда, первоначально такое «единение» не было достаточно широким, но - процесс пошел. И это являлось важным.

Несмотря на то, что в результате завоеваний арабы сделались обладателями огромных территорий, первоначально они мало вмешивались в систему местного налогообложения и ограничивались данью, взимаемой с населения. Деньги и добыча поступали в государственную казну. Армия же получала месячное и годовое содержание.

Что же касается принявших ислам неарабов, в нашем случае тюрок - мавали, то большая их часть, считалась подданными второго сорта. И хотя, в теории, влиятельные и родовитые мавали, живущие на территории мусульманского государства, по правам приравнивались к арабской аристократии, на практике такого не было. Принятие ислама не освобождало от уплаты податей, так как основной целью Халифата оставалось увеличение доходов. Кроме того, в арабской армии мавали были лишь пехотинцами (исключение составляли тюрки), что уменьшало их месячное жалование и долю военной добычи, по сравнению с арабми-всадниками.

Подытоживая изложенное, можно сказать, что сразу после образования Халифата арабы приступили к завоеванию территорий соседних государств. За короткий срок, точнее в период правления «хулафа ар-рашидин», они захватили большую часть Азии и Африки, положили конец существованию Сасанидского государства, сумели расширить пределы своих владений на Западе до Пиренейского полуострова, на Востоке - до Центральной Азии.

Омейяды, в свою очередь, продолжили завоевания как на Западе, так и на Востоке. Полностью была подчинена Северная Африка, перешедшие Гибралтар арабские войска стали хозяевами Пиренейского полуострова в Европе. На Востоке все центральноазиатские земли до Таласа стали владениями арабов.

В результате завоеватели создали огромную империю, включавшую территории в Азии, Африке и Европе. Одновременно арабы заимствовали и использовали экономическое и культурное наследие завоеванных стран и народов. Реформы, проведенные омейядскими халифами Абд ал-Маликом (685-705) и Валидом (705-715), по мнению Е.А.Беляева, «выражали стремление арабов перейти от режима военной оккупации к упорядоченному управлению завоеванными странами и непосредственно руководить экономической и политической жизнью их населения» [132,с.191].

Отметим, что отношения, которые строились мусульманами-арабами с населением завоеванных территорий, являются результатом такой политики. Вместе с тем изучение этих отношений есть предмет нашего исследования, так как они играли не последнюю роль в истории как самих арабов и Халифата, так и захваченных ими стран.

Исследователи считают, что отношения с завоеванным населением были весьма различны с точки зрения каждого региона и населяющего его народа. Так, сближение арабов с этнически и по языку близкими народами Месопотамии, Сирии, Палестины и даже Северной Африки прошло быстро, и не только исламизация, но и их арабизация стали исторической реальностью.

В отличие от этого, в Иране и Центральной Азии исламизация шла довольно долго и непросто, а процесс арабизации был почти невозможен. Однако отношение к завоеванным народам, даже к тем их представителям, которые приняли ислам и стали известны как мавали, во всех завоеванных странах было одинаковым. Арабы смотрели на них свысока, и даже с некоторым подозрением относились к принятию ими ислама. С этой точки зрения, характерно письмо, которое отправил один из арабских наместников местному

чиновнику: «Мне стало известно, что жители Согда не стали искренними мусульманами. Они приняли ислам только ради того, чтобы избежать джизьи-подушной подати. Расследуй это дело и узнай, кто обрезан, исполняет все предписания веры, искренен в своем обращении в ислам и может читать стихи Корана. Такого человека освободи от подати». В результате расследования 7 тыс. согдийцев вольно или невольно отказались от ислама [219,с.120-121].

Отношение к пленным и заложникам было одинаковым. Тюркские пленные и заложники поэтому протестовали, и отношение к ним несколько смягчилось. Причем любопытно, что перешедшие в ислам тюркские пленники, направленные в арабские города, проявляли гораздо большее религиозное рвение, чем сами арабы-мусульмане.

Изложенное дает основание утверждать, что указанные качества тюрков в скором времени привели к тому, что их стали использовать, особенно со времен правления Омейядов, в качестве военной силы как в Центральной Азии, так и в городах и провинциях самого Халифата. На местах зародилось деловое сотрудничество арабов и тюрков на определенных условиях. Тюрки встали в один ряд с арабами в завоевании новых территорий, в подавлении антиарабских выступлений. Вместе с тем большая часть тюрков была недовольна арабским правлением, занимала непримиримую позицию по отношению к арабам и вела с ними постоянную борьбу.

Именно поэтому, как мы увидим далее тюркские силы сыграли важную роль в свержении династии Омейядов.

Таким образом, можно считать, что арабы еще в доисламский период имели общее представление о тюрках, как о народе, живущем далеко на Востоке. Во времена Пророка эти сведения конкретизировались, но, как и ранее, носили характер информации о далеком от арабского мира этносе, воинственном, создавшем обширное государство - Тюркский каганат.

Судя по всему, не случайны упоминания о тюрках в старейших арабских хадисах и у доисламских арабских поэтов. Тем самым подтверждается мнение, что далекий народ издавна интересовал арабов и был опосредствованно им известен.

Более реальные и конкретные впечатления о тюрках появились в арабском мире после начала завоеваний халифов на Востоке. Тогда армиям Халифата пришлось скрестить оружие на полях сражений с Сасанидской империей и затем продвинуться в направлении Центральной Азии, вплоть до китайской границы.

Непосредственные контакты в сражениях и в мирной обстановке убедили арабов, что в лице тюрков они получили достойного соперника в борьбе за Евразийское пространство.

Дальнейшие события позволили арабам и тюркам получить друг о друге конкретные представления, способствовали более тесному знакомству. А на очередном этапе положили начало «сотрудничеству» двух народов на поле битвы и в мирных целях. Эти взаимоотношения стали теперь определять лицо как мусульманского, так и остального мира на Евразийском, Североафриканском пространстве эпохи раннего средневековья, вплоть до XI века.

Характер взаимоотношений главных фигурантов в мировой истории очерченного выше пространства в доаббасидский период был далеко неравным. Особенно с учетом позиции завоеванного арабами местного населения Центральной Азии. Не случайно, именно там арабские завоеватели встретили наиболее долгое, организованное и успешное сопротивление.

В целом эти взаимоотношения арабов и тюрков в доаббасидский период носили характер то мирный, то военный. Все зависело от таких факторов, как сила или слабость одной из сторон; симпатии или антипатии местного населения к тем или другим; от позиции арабов к этому населению; от уровня интеграции тюрков в структуры Халифата времени «праведных халифов» и Омейядов.

Если же окинуть общим взором ситуацию, то следует резюмировать, что уже в начальный период появления на мировой авансцене арабов-мусульман тюрки превратились в их основных конкурентов на Евразийском пространстве, и от характера их взаимоотношений уже тогда зависели судьбы многих стран и народов.

ГЛАВА II.

АББАСИДСКИЙ ПЕРИОД И РАЗВИТИЕ АРАБО-ТЮРКСКИХ ОТНОШЕНИЙ: (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VIII – НАЧАЛО IX ВЕКОВ)

1. Приход к власти Аббасидов и начало тюркского возвышения в Арабском Халифате

Когда исследователи оценивают почти столетнее правление Омейядов (661 – 750) в Арабском Халифате, то в качестве основного политического фактора принимается во внимание два важных обстоятельства. Во-первых, олицетворение этой династией господства арабов в завоеванных странах, составивших обширный Халифат. Во-вторых, падение Омейядов совпало с прекращением арабской гегемонии над народами в Азии, Африке и Европе [132;136;220;81;164;240;198;226;243].

Действительно, при Омейядах халифов арабо-мусульманское государство превратилось в огромную империю. Однако зиждилось оно на одной социальной группе, связанной этнической общностью, то есть на определенных кругах арабской мусульманской общины, но даже не на всей родовой аристократии.

О представителях же других народов в правящей элите Омейядов не могло быть и речи. Как говорилось в предыдущей главе, все другие этнические группы ни с политической, ни с экономической, ни с военной точки зрения не имели в Халифате какого-либо влияния и, естественно, на этой почве среди них постепенно зрело и усиливалось недовольство существующим положением. Наряду с этим, в силу старых традиций, продолжались бесконечные межплеменные столкновения в провинциях государства как на собственно арабских или арабизированных, так и подвергшихся ассимиляции территориях. В таких коллизиях участвовали различные влиятельные кланы, что стало в последующем одной из многих причин, приведших к упадку в эпоху Омейядов.

В целом же, последние годы правления династии были характерны жестким экономическим и военно-политическим кризисом. Очень разросшийся и довольно сплоченный круг близких к Омейядам членов правящей элиты владел огромными богатствами. Другие же теряли не только свое состояние, но и сталкивались с сильной социальной и этнической дискриминацией, становились лишними в обществе.

Все эти причины привели к необходимости консолидации недовольных Омейядами, и проводимая ими пропаганда велась по нескольким направлениям.

Много врагов династии было в Аравии, так как захват власти сыном Абу Суфьяна Муавией и установление наследственного принципа ее передачи в том же роду; небрежное, как представлялось правоверным мусульманам, отношение Муавии к исламским канонам – все это вызывало неприязнь значительной части населения полуострова к халифам Омейядам.

В Хиджазе – Мекке и Медине формировалась скрытая оппозиция к Омейядам, потому что эти города с первых дней ислама и при «праведных халифах» всегда были важными центрами арабо-мусульманского государства. Перенос столицы в Шам (Сирию) при Омейядах стал серьезным ударом по интересам жителей священных городов, превратившихся в провинциальное захолустье. Исходившие в своей политике лишь из экономических и иных интересов арабских племен, живших в Сирии и являвшихся основной социальной базой династии, Омейяды ущемляли чувства тех мусульман, которые сохраняли духовную связь с временами патриархов.

Отстраненные от власти, такие уважаемые лица, потомки сподвижников Пророка в Мекке и Медине и даже правоведы-теологи стали утверждать, что Омейяды отделились от принципа теократии и превратили Халифат в светское государство. Они требовали возвращения к старым обычаям, основанным на Коране и сунне Пророка, и лишения правящей династии привилегий. Поэтому в Хиджазе, начиная с восстания близкого соратника Мухаммада-ибн Зубайра, имели место антиомейдские выступления [226,с.201; 136,с.81].

Мекка и Медина неоднократно подвергались безжалостным атакам и нападениям халифатской армии, усмирявшей непокорных, в результате чего многие известные в этих городах лица были казнены. Естественно, что эти действия превратили хиджазцев во врагов правящей династии.

Что касается другого очага недовольства в Аравии, то таким выступал еще и шиизм, идеология которого активно использовалась в пропаганде против существующей власти. Известно, что еще во время войны между Али и Муавией иракцы заняли сторону Али и выступили против сирийцев, возглавляемых будущим претендентом на власть. Постоянная напряженность привела к образованию в этом регионе после смерти Али партии сторонников потомков Пророка, и все, кто был связан с ней (шиат Али), считали себя кровными врагами Омейядов.

Недовольство усилившимся фискальным гнетом, неравноправие мусульма-неарабов также были прекрасной питательной средой для распространения шиитской пропаганды, обещавшей установление справедливости при праведном халифе из потомков Пророка. Недовольные властью силы муссировали идею первенства Алидов, а позднее (в период сближения) и Аббасидов на власть, и в этой схеме отсутствовали Омейяды. Уже позже, когда Аббасиды взяли бразды правления в свои руки и отмежевались от шиитов, они были объявлены шиитами обманщиками и узурпаторами. А в начальной период общей деятельности их призывы встречали самый широкий отклик в различной среде у арабов-шиитов, мусульман-мавали и других недовольных своим положением.

Претензии Аббасидов на власть строились на комбинации ряда пропагандистских элементов. Они были потомками Хашимитов и членами семьи Пророка, что давало им право выдвигать своих представителей, имевших политические амбиции. В глазах мусульманской общины такие шаги были обоснованными. Аббасидов поддерживали оппозиционные группы в Ираке, которые считали потомков Аббаса мстителями за Али и его род.

Однако среди арабов очень долгое время не было единства. Одни из них поддерживали сторонников зятя и двоюродного брата Пророка – Али. Другие – сторонники семьи его дяди Аббаса, главным юридическим аргументом считали то, что Омейяды, хотя и были курейшитами, не принадлежали к семье Мухаммада. Утверждали также, что справедливость будет восстановлена в мусульманской среде только тогда, когда власть перейдет в руки родственников Пророка. В критический момент интересы недовольных династией Омейядов на некоторое время слились и этого оказалось достаточным во взрывоопасной ситуации, создавшейся к середине VIII века.

Такое случилось, когда глава шиитов, внук Али от его сына Мухаммада [53,с.16], умирая, завещал поддерживать представителя Аббасидов – Мухаммеда ибн Али (главу оппозиционного клана). Он передал ему харизматическую власть, то есть сокровенное знание, а вместе с тем предоставил в его распоряжение тайную организацию своих сторонников, с центром в Куфе. Она была тщательно законспирирована, рядовые участники организации не знали даже имама, так как пропаганда велась за «угодного» Аллаху имама из рода Мухаммада. Последний, то есть Мухаммад ибн Али, усилившись за счет поддержки крайних шиитов, в 720 году послал своих сторонников вести антиомейядскую пропаганду и призвал мусульман сплотиться вокруг семьи Пророка.

Пропаганда возымела большое действие в Хорасане, Тохаристане и Согде, то есть среди населения Центральной Азии, другими словами – и среди местных тюрок. Хорасан стал своеобразным центром недовольных мавали [267,с.88].

Заигрывание с массаами, обещание устранить неравенство в положении мусульман и другие заверения – все это нашло благодарную аудиторию именно в Центральной Азии, где имелось наибольшее количество недовольных Омейядами.

Хорасан – эта огромная провинция мусульманского мира, одна из четырех частей недавней Сасанидской империи, которая сумела сохранить свою монолитность после арабского за-

воевания. Более того, при Омейядах здесь осело большее число арабов, чем в других частях Халифата. Поэтому обещания о равенстве мусульман, казалось, будут поощрять диалог местных властей и населения с завоевателями.

Следует отметить и то, что близость Хорасана к владениям тюркских каганов выработала у местного населения, среди которого тюрков было достаточное количество [12,с.218], и даже у живших здесь арабов, привычку вести долгие войны. Поэтому «прифронтной» характер провинции означал, что большинство мусульман Хорасана были опытными воинами и обладали военными навыками. Они имели довольно многочисленные претензии к Омейядам, часто идентичные с теми, которые представлялись их недовольными соратниками в Ираке.

Хорасанцы каждый раз получали чуждого им наместника из Дамаска, отсылали в центр огромные суммы. Фискальный гнет огромной своей тяжестью давил на землевладельцев и торговцев региона, обладавших среди местного населения значительным авторитетом. При этом подати взимались, не взирая на урожайность земли, количество жителей, доходность территории [16,с.277]. Можно отметить также, что наличие здесь тюрков имело определенное значение для духовно-культурных течений в мусульманском мире. К примеру, таким являлось движение «шуубийя», возникшее как реакция на поведение арабов по отношению к мавали (фарсам и тюркам). Его сторонники пропагандировали паритетные отношения между арабами и другими мусульманами, а особо активные деятели в Хорасане и Мавераннахре называли себя ахл ат-тасвийя (народ равенства) [275,с.236].

Кроме того, отправка в Басру из Бухары Убейдаллахом ибн Зийядом группы заложников, аналогичные действия Хаджаджа ибн Йусуфа, строившего Васит, и насильственное переселение в эти города многих семей для исполнения тяжелых строительных работ – все это не могло не быть сильным раздражителем для недовольных халифами Омейядами.

Вообще же, в регионе наблюдались значительное единство и взаимопонимание между жившими тут арабами и мавали. Многие лидеры аббасидского движения в Хорасане, хоть и были настоящими арабами, но говорили на фарси и других языках, не исключено, что и тюркском, имели родственные связи с местными жителями [207, с.172].

Хотя омейядские сторонники сохранили за собой монополию на власть, армия Халифата слабела, так как в ней всегда находился повод для межплеменных конфликтов. Подобная ситуация была чревата тем, что существовала постоянная опасность для правящей династии скатиться к традиционному трибуализму, чего так пытался избежать в свое время основатель мусульманского государства – Мухаммад. Особенно заметны в этот период столкновения йемамитов и мударитов, вызывавшие негативную реакцию во всех государственных структурах.

Воспользовавшись царившими в Халифате настроениями, семья Аббасидов развернула в Хорасане деятельность по созданию тайной организации своих сторонников для подготовки восстания. Эта организация сложилась в 724 году, и одним из ее руководителей был богатый купец Бухейр ибн Махан. Наряду с ним, большую активность проявляли ближайшие сподвижники Абу Хишама Абдаллаха, сына Ибн ал-Ханифийи, – Салама ибн Буджайр, Абу Салама Хафс ибн Сулейман, Мусса ибн Сурайдж, Зийяд ибн Дирхман.

В 743 году Бухейр ибн Махан был захвачен на тайном собрании организации и заключен в тюрьму, где случайно познакомился с молодым человеком – Абу Муслимом, который являлся рабом некоего Исы ибн Макила, сторонника Аббасидов. Своим умом, энергией и преданностью делу Аббасидов Абу Муслим произвел большое впечатление на Бухейра. Выйдя из тюрьмы, он выкупил Абу Муслима и сообщил тогдашнему главе семьи Аббасидов – Ибрахиму ибн Мухаммаду, сыну Мухаммада ибн Али, о способном и верном стороннике.

Ат-Табари отмечает, что Абу Муслим был рабом двух братьев – упомянутого Исы и Идриса ибн Макила. Его выкупи-

ли за 200 тыс. дирхемов и за одежды стоимостью 30 тыс. дирхемов [53,с.276,280].

Отметим, что пока шла пропаганда и создавались силы оппозиции, скончался лидер Аббасидов Мухаммад ибн Али, живший в Сирии, в селении Хамим, и его сын Ибрахим с 742 года продолжил начатое дело [1,V,с.58]. Он сблизился с Абу Муслимом и назначил его координатором движения. В это же время скончался очень непопулярный в народе омейядский халиф Хишам, и в 743 году главой государства стал Валид II.

В 745 году Ибрахим ибн Мухаммад направил Абу Муслима в Хорасан для подготовки восстания под черным знаменем Аббасидов. Своим сторонникам в Хорасане Ибрахим ибн Мухаммад писал: «Вот я уполномочиваю его (т.е. Абу Муслима) ведать моим делом, слушайте же его и принимайте его слово, ибо я поставил его эмиром над Хорасаном и над тем, что он завоюет после этого» [17,с.323].

На местах была развернута проаббасидская пропаганда-адава (ар. призыв), привлекавшая на сторону Аббасидов всех недовольных Омейядами арабов и неарабов, шиитов и хариджитов, вообще мусульман и немусульман. Противники Омейядов утверждали, что не одно только арабское происхождение, а преданность делу ислама должна обеспечить всем мусульманам полноценное участие в государственных делах. Они обещали, что с приходом к власти Аббасидов мусульмане будут освобождены от незаконных поборов, с немусульман подати будут взиматься по справедливости, в соответствии с законами ислама, а сельские жители будут избавлены от всякого рода дополнительных повинностей [32,с.91].

Поэтому посланные в регион арабские пропагандисты добились ощутимых успехов. Личность эмиссара Аббасидов в Хорасане – Абу Муслима, который сам был из мавали и постоянно напоминал об этом в своих пропагандистских речах, также вызывала доверие. Он говорил также о необходимости перемен в исламе, восстановлении «уммы» под руководством семьи Пророка.

Следует отметить, что вопрос об этническом происхождении Абу Муслима интересовал исследователей. Некоторые из них считают его персом [199,с.272]. Турецкие историки говорят о его тюркском происхождении, опираясь на то, что основной ареной его деятельности были регионы, где значительная часть населения была тюрками [88,с.184;96,с.112-114]. При этом часто ссылаются на труд Абу Бекира ибн Айбека ал-Девадари, посвященный египетскому мамлюкскому султану Мелику Насиру Махмуду ибн Калауну. В нем имеются сведения о найденной в библиотеке Абу Муслима в Хорасане книге – «Огуз-наме», переведенной при Сасанидах на персидский, а в аббасидский период – на арабский, а также о том, что Абу Муслим утверждал, будто он из рода Бухту хана, и эта книга досталась ему в наследство от отцов [88,с.185;17,с.836].

Очень энергичный и дальновидный, Абу Муслим использовал все возможные методы в борьбе с Омейядами. Он прибыл в Хорасан, нашел себе сторонников в Тохаристане, Мавераннахре, подготовил здесь агитаторов, ратовавших за Аббасидов.

Есть также свидетельства, что в начале своей деятельности Абу Муслим имел какие-то связи с крупным зороастрийским религиозным проповедником в Нишапуре Бихафридом. Отметим, что в этот период еще не все зороастрийцы приняли ислам, в регионе их имелось немало, и они неприязненно относились к исламу. Такая их позиция определялась не только духовно-религиозным фактором, но во многом неблагоприятным материальным положением. Переход населения покоренного региона в разряд мавали лишал мобедов достатка, привилегий и авторитета в обществе [266,с.568]. Рядовые же маги, помимо «морального ущерба», зачастую оставались без средств к существованию.

Кроме того, по укоренившейся в Хорасане традиции, антиарабские движения здесь нередко проходили под знаменем ожидания мессии, приход которого избавит людей от притеснения властей и восстановит справедливость.

Таким образом, обстановка в провинции была очень благоприятна для появления проаббасидских проповедников, выступающих от имени ожидаемого махди, и очень часто их призывы получали поддержку предводителей тюркских племен, оказывали большое влияние на местных землевладельцев. Вот в чем одна из важных причин того, что после успеха, достигнутого в 749 году [71,с.219], Абу Муслим отрекся от своего союзника-зороастрийца, и тот был казнен.

Как сообщают средневековые авторы, аббасидская пропаганда особенно активно велась в Герате, Балхе, Нишапуре, Тусе, Мерве, Бухаре. Многие представители местной аристократии перешли на сторону Абу Муслима. Во главе их стоял Халид ибн Бармак, член старинного рода Бармакидов из Балха, которые являлись потомками местной жреческой элиты [71,с.220; 49,1,с.261].

В центре Халифата также происходили серьезные события. В результате дворцовых интриг Йезид III сместил Валида II (744г.), и даже население лояльной к Омейядам Сирии стало активно вмешиваться в политическое противостояние среди членов правящей династии. Центр слабел, и вместе с ним арабы утрачивали свои позиции в Хорасане, где также начались межплеменные столкновения. Все старания последнего и довольно влиятельного наместника Омейядов в регионе Насра ибн Сайяра стабилизировать ситуацию оказались тщетными.

Дождавшись своего часа, в 744 году Абу Муслим в городе Сефизондж в Хорасане начал военные действия и поднял черное знамя Аббасидов перед своим домом [1, V, с.465], а все его ополчение облачилось в черные одеяния.

Население Согда, Тохаристана и Хорезма откликнулось на призывы вступать в отряды повстанцев. Им было обещано свержение ненавистой династии Омейядов и установление власти семьи Пророка, которая обеспечит равенство и благоденствие всех мусульман государства. Недовольными Омейядами были земледельцы, которых не устраивали размеры хараджа, купцы, не согласные с размерами джизьи, а также ос-

тальные жители провинции, не желавшие считаться «второсортными» подданными Халифата.

С первых же дней восстания население 60 сел Хорасана встало под знамена Абу Муслима [1, V, с. 454]. Ат-Табари сообщает, что наместник провинции Наср ибн Сайяр все еще был занят улаживанием конфликтов между арабскими племенами. Во главе йемамских арабов стоял в это время знаменитый Али ибн Кирмани [21, III, с. 39]. С ним сумел наладить контакты Абу Муслим, обговорив дальнейшие совместные действия. Объединенные силы напали на центральной город Хорасана – Мерв. Армия наместника была разбита, сам Наср бежал, оставив Мерв в руках повстанцев. Ряд правителей небольших владений в Тохаристане и Мавераннахре, ранее искавшие помощи в борьбе против арабов у китайцев, теперь стали стекаться к Абу Муслиму. Карлукские тюрки, уже познавшие арабское завоевание и формально признавшие китайского императора, а также правитель Шаша объединились с Абу Муслимом.

Восстание, поднятое Абу Муслимом, за короткий срок охватило весь Халифат, а его прозвище (лакаб) – амин ал-Мухаммад (доверенный семьи Мухаммада) сделало его имя весьма популярным. Странники Абу Муслима назывались мусаввидами, то есть облаченными в черные одеяния.

Наместник Хорасана Наср ибн Сайяр в свое время сообщил последнему омейядскому халифу Мервану II (744–750) о готовящемся Абу Муслимом восстании. Как только халиф получил известия о волнениях в Хорасане и призывах к борьбе за Халифат во главе с Аббасидами, он обратил свой взор на юг, где в Карар ал-Хумайме, селении на караванном пути между Сирией и Хиджазом, проживал Ибрахим ибн Мухаммад со своими братьями и сыновьями. Послав в 748 году во главе небольшого отряда доверенного человека, халиф приказал ему выяснить приметы предсказанного Пророком ас-Саффаха-погубителя Омейядов.

Прибыв на место, порученец оказался в сложном положении, ибо под приметы ас-Саффаха подходил вовсе не Ибрахим,

а его брат Абу ал-Аббас Абдаллах. Ибрахим спокойно дал себя арестовать, но решительно воспротивился аресту Абу ал-Аббаса. Посланец Мервана II решил дожидаться утра. Но в ту ночь все братья и сыновья Ибрахима бежали в Куфу, где стали поднимать население на борьбу с Омейядами, и преуспели в этом.

Арестованный перед этим Ибрахим, как говорят источники, успел передать главенство в роду Аббасидов Абу ал-Аббасу.

По приказу халифа, Ибрахим был заточен в темницу, и после победы врагов Омейядов при Нихавенде (749) умерщвлен [136,с.63]. Его похоронили в древнем городе Харран, на перекрестке торговых путей в Ирак, Сирию и Малую Азию. Сын Ибрахима – Мухаммед ибн Ибрахим, позднее первым получил должность накиба, уполномоченного, решавшего правовые вопросы среди потомков Пророка и членов их семей.

Повстанцы продолжали одерживать победы и преследовать наместника Хорасана. Наср ибн Сайяр, который нигде не мог укрепиться, умер в городе Рей и лишь таким образом избежал плена [68,с.67].

Иракский наместник ибн Хубейр, организовавший сопротивление восставшим, был разбит в сражениях близ Туса и в Горгане (748), при Нихавенде (26 июня 749 года). Путь на Ирак оказался открыт.

Именно здесь сторонники Абу Муслима установили контакты с находившимся в Куфе представителем рода Аббасидов Абу ал-Аббасом, и в 749 году он в местной мечети был публично провозглашен первым Аббасидским халифом под именем ас-Саффах.

Вскоре же повстанцы и армия Мервана II Омейяда встретились около реки Большой Заб, притока Тигра. Халиф был разбит.

Тем самым пришел конец сопротивлению Омейядов и их сторонников. Была установлена власть Аббасидов, и начался новый период в истории Халифата, а также в истории взаимоотношений арабов и тюрок, связанный с новой династией.

стран и народов как в самом Халифате, так и за его пределами.

Новая династия перенесла столицу из Сирии – Дамаска в Ирак – Багдад, так как в Сирии традиционно были сильны и влиятельны сторонники Омейядов, из которых комплектовалась личная гвардия халифов этой династии.

Перенос столицы подорвал влияние сирийских арабов, и халиф, отбросив узкие рамки возможностей племенного шейха, стал олицетворять абсолютного правителя, к тому же опиравшегося на авторитет Аллаха. Аббасиды стали действовать как лидеры всего исламского мира и правители, в обязанности которых входило укрепление единства сложившегося общему-сульманского государства. С учетом того, что Халифат был теократическим государством, существование единой и сплоченной, все увеличивавшейся численно и территориально мусульманской общины связывалось с правомочностью политической власти, олицетворяемой халифом. Только при этом условии могла создаться всеохватывающая, политико-религиозная структура, объединявшая в целое арабов и жителей провинции – персов, тюрков и других обращенных в ислам народов, населявших Халифат.

Как указано выше, в период антиомейдской пропаганды Аббасиды провозгласили слияние своих интересов с алавитами-шиитами, уравнивая себя в правах с этой влиятельной группой, имевшей правовой статус в мусульманской общине. Была фактически ликвидирована разница, если не теоретически, то практически, между арабами и мавали, в первую очередь между арабами и тюрками.

Постепенная утрата арабами их роли в политической жизни государства и их бывшего значения военной опоры правящей династии сопровождалась усилением в восточных областях Халифата провинциальной военно-феодальной верхушки, сыгравшей важную роль в приходе Аббасидов к власти. Учитывая заслуги хорасанцев перед династией в борьбе за власть, Аббасиды дали им преимущество при распределении должностей в Халифате. Многие административные и военно-политические

посты оказались представленными неарабам. Так, на начальной стадии правления Аббасидов они достались персам. Из неарабов же были укомплектованы в большинстве своем отряды, созданные новыми халифами и размещенные в центральных провинциях государства.

С приходом к власти Аббасидов заметно изменилась социальная, экономическая и культурная структура мусульманского общества. Арабы, несколько удаленные из военных и политических сфер, стали искать себе место в научных и экономических областях. Наука и торговля обрели размах и масштабы, невиданные при Омейядах. Арабский язык стал господствовать во всем мусульманском мире, и впоследствии также сохранил свое значение. Большие города одновременно являлись центрами науки, а мусульманские купцы занимались торговлей на обширной территории от Китая до Пиренеев, от Скандинавии до Африки.

Как выше указано, движение, приведшее к власти Аббасидов, началось в Хорасане, нашло своих сторонников за его пределами и победило.

Ранее мы коснулись вопроса о тюрках среди жителей покоренных арабами Хорасана и Мавераннахра и о включении их, хотя и в незначительном количестве, в мусульманский мир в результате арабо-тюркских контактов и взаимодействия.

Использованные нами источники называют неарабские элементы, участвовавшие в проаббасидском движении, обобщенными терминами: в одних случаях – политико-правовой дефиницией «мавали»; в других – территориальной «хорасанцы». Однако авторы сообщений не вкладывают в эти термины этнический смысл. С другой стороны, считать на таком основании, что движение Абу Муслима являлось формой выражения социально-политического недовольства лишь хорошо известных арабам в этом регионе персов, было бы неправомерным. Хотя так полагают те исследователи, которые некритически восприняли сообщения источников [207;236;244].

Но однозначно интерпретировать термины «мавали» или «хорасанцы» источников как относящиеся только к иранскому этносу неверно. Возможно, такое восприятие является своеобразной реминисценцией, связанной напрямую с двумя немаловажными обстоятельствами. Во-первых, Хорасан был составной частью Сасанидской империи, как до того – персидских же Ахеменидской и Парфянской. А во всех этих державах этносом-гегемоном являлись персы. Во-вторых, до прямых и многоплановых контактов с тюрками арабские завоеватели видели в Сасанидском государстве, с которым им пришлось неоднократно воевать, своего главного врага на восточном направлении. А это государство ассоциировалось у арабов, в первую очередь, с персидским этносом.

Однако, в тех же источниках можно найти достаточно сведений, позволяющих говорить также о других этносах на Иранском географическом пространстве.

К примеру, вполне достоверный арабский историк ал-Джахиз (775 – 868), который родился через 30 лет после восстания Абу Муслима и жил при 12 аббасидских халифах, в известном трактате, посвященном Фатху ибн Хагану [12, I, с.55], писал о хорасанцах следующее: «Хорасанцы и тюрки-братья. У них общая земля, их особенности, моральная и гражданская близость более тесны, чем между кахтанитами и аднанитами (северо-арабские и южно-арабские племена – Н.А.). Разница между ними не такая, как между арабами и аджамами (неарабы – Н.А.), римлянами и славянами, неграми и абиссинцами. Напротив разница между ними не более, чем между мекканцами и мединцами, бедуинами и горожанами ...».

В движении Абу Муслима участвовали не только персы и тюрки Хорасана, но и жители Мавераннахра, где, как известно, тюрков было гораздо больше, нежели персов.

Вместо с тем заметим, что, как и средневековые источники, современные исследователи не всегда останавливаются на этнической принадлежности «мавали» или «хорасанцев» [132;113;235;241].

С другой стороны, по нашему мнению, скорее всего «мавали», сражавшиеся против общего врага и имевшие единую цель – самозащита и сохранение собственной независимости, не разделяли себя по этническому признаку, что и отражено в источниках. Согласно существовавшему тогда стереотипу мышления, место человека в обществе определялось не его этническим происхождением, а религиозной принадлежностью.

В нашем случае принадлежность к исламу гарантировала подданным Халифата жизнь, деятельность, свободное передвижение в пределах арабского государства.

В то же время говорить о каком-то «национальном» движении в современном понимании этого явления немислимо.

Естественно, что среди массы, которая «растаяла» в величии ислама и была связана религиозными узами, к тому же имела общего противника, даже вскользь упоминать о «национальных» чувствах являлось не очень корректным, особенно с учетом доминировавших приоритетов. В таком случае можно договориться до того, что арабское аббасидское восстание – это «национальное» движение персов против арабов – Омейядов, причем персов-сторонников проарабской политики [251, с. 156].

Подобное суждение вкоре неверно, так как изучение источников показывает, что среди сторонников Аббасидов было много представителей иных этносов. Хотя большинство составляли арабы, а следом шли персы, отмечены и тюрки. Причем источники отмечают их роль и немалое значение в движении Абу Муслима. А то обстоятельство, что источники редко говорят об этнической принадлежности «мавали»-тюрков, можно объяснить также следующим образом: принявшие ислам тюрки зачастую получали мусульманские имена и отказывались не только от своего языка, но и этнической принадлежности. Для них важнее было мусульманство.

Можно также согласиться с мнением, что многие тюрки, перешедшие к городской и сельской оседлой жизни в Хорасане, Тохаристане, Согде и Фергане, именовали себя «ферганцами», «хорасанцами», «согдийцами», «тохаристанцами», а не тюрками.

О значительном тюркском населении в Хорасане, Мавераннахре, Тохаристане сообщают как династийные китайские хроники и византийские источники, так и известные авторы мусульманского средневековья – Наршахи, ад-Динавари, ат-Табари, произведения которых являются достоверными и бесценными для исследователя.

В период, когда Аббасиды стали постепенно расширять свою деятельность в Хорасане, среди примкнувших к ним жителей Мерва отмечен некто Тархан ибн Зайи [49, I, с.261]. Несмотря на то, что точно определить его этническую принадлежность представляется трудным, судя по имени, он был тюрком, так как титул или имя Тархан, часто встречается в тюркской номенклатуре.

Так, в период деятельности Абу Муслима в Хорасане в 747 году среди его доверенных лиц, упоминается Тархан ал-Джамали. Имя его встречается у ат-Табари и, судя по нему, он тюрк. Автор характеризует его как доверенное лицо Абу Муслима [22, III, с.39], но в последующих событиях он не отмечен. Это дает возможность предположить, что Тархан погиб в военных операциях.

Среди тюрков, сыгравших заметную роль в восстании Аббасидов, можно отметить Мухаммада ибн Сула, являвшегося маула Йезида ибн Мухаллаба, наместника Хорасана, сторонника новой династии халифов. Известный мусульманский историк и литератор ас-Сули - потомок Мухаммада ибн Сула, сообщает, что его предок был одним из накибов Аббасидов [19, I, с.28]. А сам он будучи в 919\920 году, представленным везиром аббасидскому халифу ал-Мустадыру, рассказал ему об этом своем родстве. В автобиографии ас-Сули также говорит, что его предок был заметной фигурой в аббасидской идеологической структуре и близким к династии [19, I, с.30].

Однако ат-Табари и другие авторы не дают нам сведений о том, что Мухаммад ибн Сул получил какие-либо должности и чины от Аббасидов, но его участие в восстании Абу Муслима отражено у них довольно отчетливо: «После вторжения аббасидских соедине-

ний в Куфу и отступления Мервана ибн Мухаммада в направлении Мосула, пребывающий в Нихавенде Мухаммад ибн Сул, по приказу Абу Муслима, стал двигаться на запад» [22,III,с.84]. А во время войны, получившей известность как «Большой Заб», между омейядским халифом Мерваном II и Абдаллахом ибн Али, дядей халифа ас-Саффаха, Мухаммад ибн Сул даже был военачальником в ставке Абдаллаха [1,V,с.454].

Отметим, что проигравший эту войну Мерван II был вынужден бежать дальше на запад, а Абу ал-Аббас приказал своему дяде Абдаллаху ибн Али преследовать халифа. Аббасидские соединения, не встречая сопротивления, двигались к Мосулу, где, оставив Мухаммада заместителем (амил), Абдаллах продолжил преследование Мервана II [16,с.203].

Известно, что халиф был достигнут и убит в Египте, в святилище Бисайр, принадлежавшем набатеям. Здесь следует остановиться на довольно примечательной истории, описанной у ат-Табари, по поводу гибели последнего представителя Омейядской династии. Источник сообщает, что когда небольшой отряд Мервана II был достигнут Абдаллахом, халиф попал в окружение. Никто из воинов, взявших его в плен, не осмелился убить Омейяда, человека, отмеченного печатью Аллаха. На неоднократные обращения Абдаллаха совершить казнь, наконец, откликнулся некий юноша, изъявивший желание исполнить приказание. На вопрос Абдаллах, как его звать, юноша ответил: «Джан кесян? – Н.А.» "اجوان کثان" [22,III,с.84] («отнимающий жизнь.»?)

Имя это было очень трудным для произношения и пришлось его несколько раз повторить, чтобы араб понял [22,III,с.85].

Можно предположить, что не имевший мусульманского имени юноша был из тех мавали, что пришли с арабами, и еще недостаточно понимали сомнения мусульман-арабов по поводу того, можно ли проливать священную халифскую кровь. Как бы то ни было, этот факт еще раз подтверждает, что в армии Аббасидов служили тюркские наемники.

Относительно упомянутого выше Мухаммада ибн Сула известно, что он недолго оставался исполнителем дел в Мосуле, так как горожане заявили о своем нежелании подчиняться «какому-то маула», и город был на грани восстания. Поэтому в конце 752 года Мухаммад ибн Сул вынужден был покинуть Мосул [1, V, с. 454]. Затем, по воле халифа Абу ал-Аббаса ас-Саффаха (749 – 754), начавшего менять наместников в провинциях, в 751–752 годах он был назначен исполнителем (амил) в Азербайджан [1, V, с. 478; 147, с. 51]. По сведениям других источников известно, что он стал наместником провинции Азербайджан и Армение.

В этот период некто Мусафир ибн Кесир аш-Шари захватил там несколько городов. Узнав о прибытии Мухаммада ибн Сула, он укрылся в крепости на территории Византии, но был схвачен и казнен. Мухаммад ибн Сул же отправился в Бейлаган и Барду, где навел порядок [22, III, 84]. Мы не можем точно определить, сколько он оставался на этой должности, но ат-Табари констатирует, что еще в 752–753 годах Мухаммад ибн Сул находился в Азербайджане.

Последняя политическая акция Мухаммада ибн Сула приходится на начало правления халифа Абу – Джафара ал-Мансура (754–755 гг.). Тогда вступивший в борьбу за престол дядя халифа Абдаллах ибн Али поднял восстание. Мухаммад ибн Сул пытался хитростью нейтрализовать его и продемонстрировать преданность новому халифу. Однако Абдаллах разгадал его намерения и велел казнить «хитреца» [49, I, с. 161; 1, V, с. 465; 19, с. 28].

Еще одно довольно знаменательное событие следует отметить особо, ибо оно находится в контексте первых контактов арабов и тюрков в период ранних Аббасидов. Оно произошло в Центральной Азии, ставшей объектом мусульманских завоеваний при Омейядах.

Придя к власти, Аббасиды столкнулись в этом регионе с новой для себя политической и военной силой – китайцами. Известно, что Центральная Азия, начиная с древнейших времен,

была ареной борьбы между тюрками и китайцами. Ослабление тюркских государств в регионе подготовило почву для активизации Китая. Во время покорения Мавераннахра арабами тюркские каганы предприняли поход в Китай для нейтрализации его влияния в Центральной Азии. Однако завоевание этого региона Кутейбой ибн Муслимом и большая миграция местного населения стали причиной значительных и важных перемен. Ослабление тюркских каганов и правителей Мавераннахра заставило их признать господство арабов-мусульман. К тому же завоеватели обладали военной мощью, что заставило тюрков просить помощи против нового противника у старых врагов – китайцев.

Во время арабо-тюркских столкновений в Центральной Азии в Китае правила династия Тан (618 – 906). Первым из правителей Центральной Азии, попросившим убежища и покровительства у Танского императора на условиях возвращения ему захваченной в 712 году мусульманами Ферганы, был ферганский Ихшид [51,IV,с.220]. В 726 году правитель Бухары, отправив своего брата к Танскому двору, просил помощи против арабов [161,с.98-101]. Правитель Самарканда Низек, сумевший сохранить трон, приняв власть мусульман, и правитель Тохаристана между 719 и 731 годами также стремились наладить контакты с Китаем [169,с.58-60;94,с.46;133,с.134].

Однако, несмотря на призывы о помощи из Центральной Азии, Китай не спешил откликнуться. Лишь в 738 году, когда внутренние противоречия ослабили Тюркский каганат, китайцы стали устанавливать свое влияние в районе озера Иссык-Куль и прилегающей территории. А после нейтрализации угрозы со стороны Тибета в 747 году китайский наместник с большой армией двинулся на запад. Этот поход сказался на политической судьбе Восточного Туркестана.

Китайцы встретились с мусульманами в то время, когда последние уже приобрели в Центральной Азии значительный военный и политический вес. При столкновении двух армий на реке Талас (751 год) китайцы потерпели поражение и отступили.

Отметим, что тогда Танская империя впервые столкнулась лицом к лицу с Халифатом, и его армия, поддержанная местным населением, в основном тюркским, нанесла тяжелый удар китайскому войску, в котором также было немало тюрков. Арабы остановили дальнейшее продвижение китайцев в Центральную Азию.

Западной частью Великого шелкового пути завладел Халифат, что поколебало военно-политическое и экономическое господство Китая в регионе. Это важнейшее событие разделило тогдашний цивилизованный мир между двумя могущественными империями – Арабским халифатом и Танским Китаем.

Битва на реке Талас представляла собой значительное событие в мусульманской и тюркской истории, поэтому следует уделить ему внимание.

Мусульманская цивилизация сложилась на обширных пространствах западнее Таласа, а буддийская – восточнее. Они развивались и взаимообогащались, превращаясь, наряду с греко-римской, древнеегипетской и древнеиранской, в первоисточник и составные части современной цивилизации. Исследователи считают, что попавшие в плен китайцы познакомили Запад с секретами производства бумаги, других неизвестных ремесел [152,с.36].

Мусульманские источники сообщают о Таласской битве, и первый среди них – труд историка Ибн Тауфира (ум. 893 г.) упоминает, что Абу Муслим отправил Зийяда ибн Салиха в поход против Китая [23,с.12]. Это подтверждает ал-Макдиси [41,VI,с.74]: «Абу Муслим отправил Зийяда ибн Салиха для покорения областей Мавераннахра. Тот добился ряда побед, но китайцы перешли в наступление с армией, в которой было более ста тысяч человек. Наместник Тараза Саид ибн Умейд укрепил город и укрылся в нем. Находившийся в это время в Самарканде Абу Муслим просил у соседних наместников вспомогательные силы и добровольцев для Саида. Саид же совершил ряд походов на неприятеля, уничтожил 45 тыс. и взял в плен 20 тыс. человек. Остальные бежали. Мусульмане захватили их лагерь. Затем Саид вернулся в Бухару» [94,с.417].

Еще одним автором, сообщающим о битве на реке Талас, является известный мусульманский историк Ибн ал-Асир. Он приводит сведения из неизвестного сочинения, автор которого – современник события. Ибн ал-Асир пишет: «В период разногласий между ферганским Ихшидом и правителем Шаша ихшид просил помощи у китайского императора. Император прислал 100 тыс. воинов. Они окружили армию правителя Шаша. Тогда он признал власть китайского императора, который не причинил зла ему и его людям. Узнав об этом, Абу Муслим отправил Зийяда ибн Салиха сражаться с ними. Мусульмане одержали победу. 50 тысяч китайцев было уничтожено, 20 тысяч взято в плен. Остальные бежали в Китай. Эта битва произошла в месяц зул-хиджа 133 г.х.» (июнь 751 года) [1, V, с.449].

Как видно из вышеизложенного, мусульманские источники содержат очень скудные и немногочисленные сведения о причинах и ходе сражения. К тому же, подробно описывающие это время ат-Табари, ал-Йакуби, ал-Балазури в своих обширных трудах даже не упоминают об этом важнейшем событии. Видимо, смена династии в Халифате и вызванные этим беспорядки оказались весьма впечатляющими по своей значимости и затмили остальные, не менее серьезные, события, которые произошли на восточных окраинах арабо-мусульманского государства. Лишь так возможно объяснить, почему их сочли не столь масштабными.

Однако, Таласская битва, с точки зрения арабской, тюркской и, можно сказать, всеобщей истории имеет огромное значение и важность.

Это было не рядовое локальное или ординарное явление, оно несет на себе печать знакового, эпохального события.

Когда в 748 году китайская армия вмешалась во внутренние дела Центральной Азии, арабы ответили адекватно. Спор за преобладание в регионе решился на реке Талас, где и произошло сражение [133, с.132-136].

Согласно арабским источникам, Зияд ибн Салих – один из полководцев наместника Хорасана Абу Муслима, усмирив восставших бухарцев. Те отступили, а преследовавший их отряд за-

нял город Талас, где и был осажден китайцами. На помощь арабам пришел сам Зияд ибн Салих. Навстречу ему выступила 100-тысячная китайская армия. В июне 751 года стороны встретились на реке Талас, близ города Атлах, но в сражение не вступили [133,с.138].

Противостояние продолжалось четыре дня, а на пятый в тыл китайцам ударили карлуки, а с фронта - арабы. Танская армия понесла большие потери и фактически была разгромлена. Ибн ал-Асир сообщает, что китайцы потеряли убитыми до 50 тыс. чел., пленными – около 20 тыс. Победителям досталась богатая военная добыча, множество ремесленников; среди последних имелись шелкоткачи, которых отправили в Ирак, а мастеров по изготовлению бумаги – в Самарканд, где были открыты бумажные мельницы [129,с.196].

Итак, можно заключить, что Таласская битва действительно имела большое историческое значение. Она подтвердила позитивные отношения между арабами и тюрками, которые совместными усилиями ликвидировали китайскую опасность как для Центральной Азии, так и для завоевательного процесса арабов. В результате понесенного поражения китайцы не появлялись в регионе в течение последующих почти 1000 лет. Кроме того, Центральная Азия стала регионом, где важной политической силой безраздельно стал Арабский халифат. После сражения на реке Талас шел процесс еще большего сближения арабов с тюрками, и эти последние стали гораздо больше значить в арабских планах на восточном направлении. Тюркский этнос, в итоге, начинает играть все более значимую роль в мусульманском мире и в истории первого мусульманского государства – Арабского халифата.

Отметим, что еще ранее, начиная с гуннского периода, китайцы оказывали влияние на Туркестан, то есть Центральную Азию, и проводили политику укрепления своей власти над тюрками, хотя это не всегда удавалось, если учесть военную силу и политическую организованность последних. Поэтому военные столкновения китайцев и тюрков наблюдались на протяжении многих веков. Следуя традиции, китайские императоры в сере-

дине VIII века возобновили военные действия в Восточном Туркестане, но в 751 году потерпели окончательное поражение. Хотя Таласской битве предшествовал ряд не менее значительных событий, для тюрков да и для арабов важно было то, что теперь Центральная Азия избавилась от китайской опасности.

Кроме того, пошатнувшееся было в Восточном Туркестане тюркское влияние после этой битвы вновь оказалось восстановленным. На месте распавшихся государств карлуков, гёк-тюрков, торгошей, чьи силы, несомненно, сыграли роль в поражении китайцев, вновь стало формироваться тюркское единство. Объединившись с арабами и нейтрализовав китайскую угрозу, это новое тюркское единство занялось своей внутренней организацией.

Выше говорилось, что вступившие после гибели Сасанидской империи в непосредственный контакт друг с другом тюрки и арабы на протяжении полувека преимущественно воевали между собой. По этой причине ислам первоначально не встречал особой симпатии в тюркской среде. Однако объединение прежних противников против общего врага-Китая стало поворотным пунктом в их дальнейших взаимоотношениях. Многолетние кровавые столкновения сменились мирными и даже дружескими. Теперь ислам стал постепенно усваиваться тюрками.

Мирные отношения и распространение ислама среди тюрков, в конце концов, привели к тому, что многие военные, а позже и административные должности в Халифате перешли в их руки. Вообще же, вхождение тюрков в мусульманский мир, возросшая их роль в этом мире, а также распространение среди них ислама имели важное и решающее значение как для тюркской истории, так и для судеб ислама в целом.

Поэтому все вместе можно считать еще одним существенным и знаковым результатом, весьма важным последствием Таласской битвы.

Нужно отметить и очень важное, с точки зрения мировой цивилизации, событие, имевшее место после Таласа. Производившаяся на ее родине, в Китае, бумага впервые, благодаря пленным китайцам, была изготовлена за его пределами – в Самарканде.

Арабы в то время для письма употребляли пергамент или папирус. Везир халифа Харуна ар-Рашида – Джафар ибн Яхья ибн Бармак в 794\95 году при содействии своего брата Фазла, бывшего наместником Хорасана, организовал производство бумаги в Багдаде. Начиная с IX века, во всех мусульманских странах – от Испании до Индии – появились бумажные мельницы. С X века в мусульманском мире уже почти не встречаются папирусы.

Для сравнения отметим, что в европейской культуре бумага, как писчий материал, появилась намного позже. Еще в XII веке паломники-христиане Европы, возвращавшиеся из испанского города Компостелы, где покоится прах одного из христианских святых – св. Иакова, увозили с собой отсюда небольшие бумажные листки как некое чудо.

2. Начальный период Аббасидского правления и тюрки.

Последствия появления династии Аббасидов были весьма значительны для дальнейшей судьбы Халифата, ислама, истории стран и народов, в том числе для тюрков, входивших в его состав, вообще для всемирной истории. Произошли большие изменения как в политико-государственной, так и в социально-экономической и культурной сферах.

В области интересующей нас проблемы места и роли тюркского этноса в военно-политической системе Халифата одним из важнейших последствий победы потомков дяди Пророка Мухаммада - Аббаса стало приближение к трону тех социальных и этнических сил, которым новая династия обязана военной и финансовой поддержкой антиомейядских выступлений 747-749 годов.

Как уже указывалось, в начальный период образования и становления династии Аббасидов большим влиянием в халифате пользовались персы. Их представители, к примеру Бармакиды [240,с.301], занимали на определенном этапе важнейшие государ-

ственные посты. Но вместе с тем первые Аббасиды, почувствовав исходящую для своей власти опасность от иранских элементов, предприняли ряд мер для ограничения их влияния.

Одной из контрмер стало создание системы «противовесов и баланса», для чего вполне годились уже знакомые арабом турки, зарекомендовавшие себя с положительной стороны на полях сражений и как надежная военная сила в армии Халифата.

Абу ал-Аббас, избранный халифом в 749 году в Куфе, прочел свою первую хутбу в этом городе, продемонстрировав тем самым, что именно здесь находится центр его власти. Однако Куфа, которая издавна представляла собой прибежище алавитов, была не совсем спокойным местом. Опиравшиеся на шиитов-алавитов в начале своей деятельности, Аббасиды, окрепшие и изменившиеся, уже не нуждались в поддержке куфийцев. Поэтому Абу ал-Аббас перебрался в г. Анбар на Евфрате, где заложил свою крепость-резиденцию, названную им ал-Хашимийя, по имени рода, к которому принадлежал его предок и дядя Пророка - ал-Аббас ибн Абд ал-Муталлиб.

Новый халиф объявил, что принимает имя ас-Саффах. Некоторые источники и исследователи интерпретируют этот лакаб (прозвание) как «щедрый», другие – как «проливающий много крови» [63,с.246]. Обе версии получили право на существование, так как приверженцы первого халифа Аббасида не остались внакладе, а его врагам в полной мере пришлось испытать горькую чашу.

Однако халиф Абу ал-Аббас в начале правления не мог ощущать себя абсолютным правителем империи, так как был не в состоянии держать под контролем все входившие при Омейядах в состав Халифата области. С одной стороны, ему угрожали и беспокоили старые соперники, с другой - он остерегался возвышения и роста политического авторитета друзей и сторонников, и оценивал это как большую опасность.

Главным же соперником Аббасидов был могущественный правитель восточных провинций Абу Муслим, который опирался в Хорасане не только на сильную армию из иранцев, тюрок и час-

тично арабов, но и на свой личный духовный авторитет. Именно на эту армию со страхом смотрел Абу ал-Аббас, зная, что она разгромила его соперников и возвела на трон. Тем не менее, несмотря на свои опасения и сомнения, относительно Абу Муслима, Абу ал-Аббас именно к нему, обратился в трудное время. При его помощи он сумел расправиться с шиитскими соперниками и их главой Абу Саламой ал-Халлалом, оспаривавшим власть еще на выборах 749 года. Точно так же Абу Муслим помог халифу одолеть другого лидера - Сулеймана ибн Касира [83,с.83].

Халиф Абу ал-Аббас ас-Саффах умер в июне 754 года. Чувствуя приближение смерти, он позаботился об утверждении права на Халифат за Абу Джафаром Абдаллахом, который был сыном его отца Мухаммада от жены - берберки Саламы. Халиф заставил присягнуть своему сводному брату. Подобное волеизъявление Абу-ал-Аббаса, как оказалось, не было излишним, так как с притязаниями на престол выступил Абдаллах ибн Али, дядя первых двух халифов Аббасидов.

В связи с этим стоит обратить внимание на следующие обстоятельства. Среди 24 халифов Аббасидов, время правления которых отражено в нашей книге (середина VIII – середина X веков), лишь шестеро объявили своими преемниками собственных сыновей.

По этой причине вступивший в 754 году на престол Абу Джафар ал-Мансур (победоносный) для того, чтобы сломить сопротивление своего дяди Абдаллаха ибн Али, вынужден был обратиться за помощью к всесильному тогда Абу Муслиму. Последний выступил из Хорасана, и в сражении в ноябре 754 года разгромил войско мятежника.

Халиф ал-Мансур (754-775) явился подлинным организатором халифата Аббасидов и основателем его новой столицы. В 762 году у арабского селения Сук (рынок) Багдад, близ развалин Кте-сифона (Мадаина), был заложен первый камень города. Через четыре года вырос Мадина ал-Мансур «город Мансура» - так называли новую столицу в народе, сам же халиф любил называть ее Мадина ас-салам (город мира).

Арабы именуют его также Дар ас-Салам (Обитель покоя), но это название осталось достоянием официальных документов, не войдя в обиход и живую речь. Широко распространенным наименованием столицы Аббасидов стал Багдад – топоним, означающий «Божий дар» (от санскритского «Баг» через пехлеви – «Бог» и от пехлеви «дар»).

Находясь на берегу Тигра, недалеко от места пересечения мировых караванных путей из Африки на Кавказ и Аравию, Китай, Индию, новая столица стала подлинным центром великой арабской державы.

Местоположение Багдада было исключительно выгодным для Аббасидов, не только с экономической, но и с политической и даже - символической точек зрения. Закладывая новый город у развалин некогда величественного Ктесифона, бывшего столицей древнеперсидского государства, ал-Мансур хотел тем самым подчеркнуть, что ему близки политические и культурные традиции покоренных стран и народов. Как указывает И.М.Фильштинский: «Подобно тому, как Александрия как бы повернулась спиной к Египту и лицом к Средиземному морю, Багдад ознаменовал собой поворот арабо-мусульманской империи к Востоку» [198,с.38]. Именно тогда экономический и политический режим Халифата принял законченные формы и черты восточной государственности.

Отметим, что при халифе ал-Мансуре позиции и положение династии Аббасидов полностью стабилизировались. Для закрепления своей личной власти халиф сместил своих родственников и представителей алидской знати с важнейших постов в государстве. Подозреваемых из семьи халифа в претензиях на власть брали под пристальное наблюдение, многие их советники и секретари были казнены. На все высокие посты ал-Мансур назначал лично ему преданных лиц, часто весьма сомнительного происхождения.

Именно в это время выдвигается род Бармакидов, глава которого Халид был назначен наместником одной из провинций Халифата. Тогда же возвысился образованный перс Абу Убейдаллах Муавия, ставший воспитателем будущего халифа ал-

Махди [81,с.53], который впоследствии сделал его главным катибом (заведующим канцелярией). Дабы воспитание сына и наследника не было односторонним и чтобы будущий халиф не порвал с арабскими традициями, ал-Мансур назначил ему учителем известного литератора ал-Муфаддала да-Даби, составившего для своего ученика знаменитый сборник «Ал-Мафаддалият» - антологию произведений лучших арабских поэтов [65,с.114].

В результате заговора Абу Муслим был убит в 755 году. Этот выдающийся деятель, способствовавший падению халифов Омейядов и приходу к власти династии Аббасидов, все время вызывал опасения у ал-Мансура. Сыграв одну из ключевых ролей в решающих событиях государственного и династийного переворота в Халифате, Абу Муслим дал возможность второму халифу - ал-Мансуру почувствовать себя более свободным и уверенным. Однако теперь Аббасиду эта фигура стала не нужна и стала одной из жертв по нейтрализации новой династией своих явных и потенциальных политических соперников.

Убийство Абу Муслима было связано не только с желанием ал-Мансура освободиться от опасного и могущественного хорасанского наместника, но и с его намерением разорвать связи своей династии с одной из ее прежних опор - шиитами. Так состоялся поворот Аббасидов в сторону «джамаа», то есть общины большинства мусульман. Ал-Мансуру оставалось только сблизиться с суннитами и положить конец претензиям шиитов на власть, что он успешно и претворил в жизнь.

Уместно отметить, что одним из важных последствий победы Аббасидов стало окончательное размежевание двух главных противостоящих религиозно-политических течений в исламе. Ввиду того, что законность прихода к власти Аббасидов признавало суннитское большинство Халифата, были предприняты шаги к постепенному превращению суннизма в официальное религиозное обрамление государства. И хотя по форме правления Халифат первых Аббасидов по инерции еще оставался таким же полусветским государством, как и во времена Омейядов, новые власти сделали все, чтобы обрести атрибуты теократической

власти. При этом суннизм стал олицетворением правящих кругов, шиизм - воплощением религиозной оппозиционности и нестабильности, а хариджизм - бунтарства и насилия.

За убийством Абу Муслима последовали другие акции, предпринятые халифом ал-Мансуром против сторонников бывшего союзника Аббасидов. Самые преданные Абу Муслиму личности были удалены с должности либо, если имелась необходимость, уничтожались физически.

Вместе с тем отметим такое характерное явление, как привлечение и использование новых сил для дальнейшего укрепления власти новой династии. Когда ал-Мансур решил убрать сторонника Абу Муслима среди накيبов - Абу Насра Малика ибн Хусейна, он поручил это своему доверенному лицу Зубейру ат-Турки [1, V, с.478; 22, III, с.118], который являлся высокопоставленным чиновником халифатской администрации в Хамадане.

Зубейр ат-Турки, являвшийся маула арабского племени низаа, арестовал Абу Насра в Хамадане, но затем получил новый приказ халифа о помиловании пленника и назначении его наместником в другую область. Абу Наср был отпущен, но вскоре милость халифа вновь сменилась на гнев, и его решено было казнить. Однако было уже поздно, Абу Наср покинул Хорасан, и поэтому Зубейр не смог выполнить приказ ад-Мансура [49, I, с.161].

Кроме этого сообщения мы не встретили более упоминаний о Зубейре ат-Турки. Когда он принял ислам, находился ли ранее на военных и административных должностях до появления в Хамадане, участвовал ли в проаббасидском движении - ответов на эти вопросы нет. Можно лишь предположить, что покровители Зубейра ат-Турки из племени низаа, будучи сторонниками Аббасидов, приблизили его на службу еще при Омейядах.

В целом, для изучаемого периода характерно, что в военной и этнической структуре армии Халифата теперь происходили коренные изменения. Так, новая власть вряд ли имела основание полностью доверять некогда могущественной арабской племенной знати. Да и родоплеменной принцип формирования воинских

подразделений стал анахронизмом и не соответствовал изменившимся условиям.

Аббасиды большое значение придавали созданию личной гвардии, призванной защитить интересы династии и охранять халифа и его приближенных. С этой точки зрения самой приемлемой и отвечающей требованиям силой были тюркские воины. Ранее мы вкратце касались этой темы. Добавим что, с приходом к власти Аббасидов тюрки получили широкие возможности для продвижения по служебной лестнице и достижения не только высоких военных, но и государственных постов.

Количество тюрков в армии возросло настолько, что, по сведениям средневековых авторов, они жили в столице в специальных военных лагерях, даже обзаводились земельной собственностью. Источники также сообщают, что в центре строившегося Багдада стоял дворец халифа, вокруг него возвышались административные здания и мечети, дома придворных и, наряду с ними, казармы хорасанских военных отрядов, в которых тюрки составляли абсолютное большинство [200,с.42].

Ал-Йакуби отмечает, что при строительстве Багдада раздавали земельные пожалования – икта - военачальникам халифской армии, среди которых особо выделяет Мубарака ат-Турки [47,II,с.253]. Встречается также упоминание о последующей деятельности Мубарака, как доверенного лица халифа ал-Мансура и его везира Халида ибн Бармака [20,с.152-153].

Ат-Табари, также в связи со строительством Багдада, упоминает Хаммада ат-Турки [22,III,с.276]. Как он указывает при изложении дальнейших событий, этот тюрк был приближенным халифа ал-Мансура. Можно предположить, что он получил какой-то пост в период строительства новой столицы. Его упоминание источником свидетельствует, что Хаммад занимал высокое место при халифе. Такие личности, в принципе, должны были преданно служить своему сюзерену, ибо его благосклонность была их единственной опорой в обществе, в котором тюрки не имели прочных корней. Хаммад ат-Турки в 760 году [65,с.254] был на-

значен халифом ал-Мансуром наблюдать за политическим и экономическим состоянием в Севаде.

Конечно, нельзя представить себе полную картину положения тюрок в начальный период правления Аббасидов лишь на основании деятельности упоминаемых источниками отдельных высокопоставленных личностей. Тем не менее, многие из этих источников содержат сведения о тюрках, исполнявших определенные функции при халифе ал-Мансуре. Как утверждал ал-Джахиз: «ал-Мансур был первым халифом, давшим тюркам власть в государственной системе» [40, II, с. 29].

О том же самом довольно обстоятельно говорит Ибн ал-Асир, который цитирует завещание халифа ал-Мансура своему сыну ал-Махди: «Заботься о мавали, приближай их к себе, найди себе среди них много друзей. Потому что, если ты попадешь в беду, они поспешат к тебе на помощь. Особо рекомендую хорасанский народ, (имеются в виду тюрки - Н.А.), так как они отдали за это государство свое добро, кров, они твои сторонники и помощники» [1, VI, с. 19].

Исходя из этих и других высказываний, с большой долей вероятности можно полагать, что в воинских отрядах, созданных ал-Мансуром в Багдаде и укомплектованных из неарабов, было немало тюрок, которые отличались высокой боевой выучкой, активностью, благодаря чему выдвинулись в армии.

Выдвинувшийся в правление ал-Мансура Мубарак ат-Турки занимался политической деятельностью и при халифах ал-Махди (775-785) и ал-Хади (785-786). Ал-Махди даже назначил его на важную должность в области Казвина, где Мубарак построил себе небольшой город, названный Медина Мубарак, и разместил в нем своих людей [30, с. 282; 7, с. 323]. В 786 году Мубарак ат-Турки был направлен в Медину для подавления восстания одного из алидов Хусейна ибн Али, который пользовался поддержкой населения и присвоил городскую казну [3, с. 448; 22, III, с. 560]. По прибытии в город Мубарак собрал сторонников Аббасидов, однако усмирить повстанцев ему не удалось. Этим был вызван гнев халифа, который приказал конфисковать имущество Мубарака

[22,Ш,569]. По другим сведениям, имеющимся у ат-Табари, Мубарак ат-Турки тайно сочувствовал алавитам и поэтому не проявил должного усердия в порученном деле [1,VI,91]. Отдельно в этом ряду стоит сообщение ал-Балазури о том, что халиф ал-Махди отдал одного из своих сыновей - Ису на воспитание Мубараку ат-Турки [274,с.17; 6,с.296]. Однако подтверждения этого факта в других источниках мы не встречаем.

Известен также факт отправки ал-Махди писем восточным тюркским правителям, в которых халиф призывал их принять ислам [49,V,с.255].

В связи с тюрками на службе в Халифате следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Мусульманская армия еще со времен халифов Абу Бекра и Омара, завладев Сирией и ал-Джазирой, остановилась у горы Тавр. Позже, после захвата ряда провинций Византии, некоторых территорий на Южном Кавказе, пределы Халифата увеличились. Основные столкновения мусульман с византийской армией происходили, главным образом, на территории Сугур аш-Шам и Сугур ал-Джазира, по линии Тарсус-Адана-Мараш-Малатья. Византийский император, потерявший Сирию, переселил жителей приграничных районов во внутренние области своего государства и, чтобы остановить мусульманское вторжение, создал «зону пустыни» на значительных территориях. Там были размещены византийские военные гарнизоны, но мусульмане стали направлять сюда небольшие подразделения с целью воспрепятствовать оттоку византийского населения. Арабы называли такие местности «завахи» (в переносном смысле – «щели между зубами») [7,с.187].

Во всех этих событиях, сперва sporadически, а затем все чаще, упоминаются тюркские воины. Мусульманская армия, которая еще при Омейядах воевала с византийцами, стала занимать эти опустевшие обезлюдившие районы. Арабы приступили к восстановлению имевшихся здесь старых военных сооружений и размещению своих войск, в которых были также тюрки.

При Аббасидах такие территории стали обживать, сюда заселяли мусульман, в том числе неарабов. Воинские соединения,

участвовавшие в весеннем и зимнем походах против Византии, заметно возросли количественно, так как в них, наряду с профессиональными военными, появились многочисленные добровольцы. Среди профессионалов заметную прослойку составляли тюрки.

Отметим, что в 756\57 году наместник Сугура и ал-Джазиры Абдал Вахаб ибн Ибрагим, по приказу халифа ал-Мансура, отправился в Малатью. Заняв город, он разместил здесь хорасанских воинов, то есть тюрков. В следующем году мусульмане заняли Адану, где Салих ибн Али ибн Абдаллах также обустроил хорасанцев. [1, VII, с.158].

Как отмечают ал-Балазури и Ибн ал-Факих, Хасан ибн Кахтаба ат-Таи с армией, «укомплектованной из хорасанцев, мосульцев и жителей Шама, Ирака и Хиджаза, в 778\780 годах совершил поход против Византии» [7, с.163; 30, с.290].

Харун ар-Рашид (786-809), при котором Халифат достиг значительного расцвета и который понимал трудности управления такой большой территорией из центра, в 786\787 году сформировал на западных землях своих владений новую административную единицу - провинцию ал-Авасим [230, с.53]. Она представляла собой особые пограничные округа со своими военачальниками. Вдоль Средиземноморского побережья построили многочисленные крепости. По сведениям источников и в этой новой провинции тюрки занимали заметное место и проявляли активность.

Источники сообщают, что выступивший в 787 году по распоряжению Харуна ар-Рашида Харшам ибн Айям имел приказ укрепить город Тарсус. Исполнение задания Харшем поручил Абу Сулейму Фараджу ан-Надиму ат-Турки. Выполнив его, ат-Турки разместил в Тарсусе военный гарнизон. Первые три тысячи его воинов были хорасанцы [49, IV, с.28; 30, с.113; 7, с.169].

В течение ряда лет военачальники Харуна ар-Рашида успешно воевали с Византией, и в 794 году на короткий срок даже достигли Средиземно-морского побережья. Однако византийцы, владевшие островами Крит, Кипр и Родос, сумели сохранить за

собой Малую Азию и успешно защищали от арабского натиска ее пограничные территории.

В 796\97 году Харун ар-Рашид приказал укрепить пограничный с Византией город Айн Зарба. Здесь также разместили хорасанцев [49,IV,117]. По договору 798 года, халиф сумел добиться от Византии незначительных территориальных уступок, однако новый император Никифор I (802-811) отказался выполнить условия, и Харуну ар-Рашиду пришлось лично отправиться в новый поход.

Уместно напомнить, что с приходом к власти Аббасидов завоевательная политика была почти приостановлена, а происходившие баталии имели целью защитить границы Халифата. Правда, некоторые историки исключают из этого ряда битву с китаЙцами при Таласе (751), характеризуя ее как остаточное явление в завоеваниях эпохи Омейядов [132,с.19;236,с.78;76,с.47].

Нам представляется, что даже это сражение уже не являлось продолжением захвата новых территорий.

Ранее изложенные факты подтверждают наше мнение относительно битвы при Таласе. Это важное событие произошло по инициативе Танской династии, которая намеревалась завладеть новыми территориями в Центральной Азии.

После Таласа все войны и сражения как в Центральной Азии, так и с Византией имели для Халифата чисто оборонительный характер, они не приводили к крупным захватам. Поэтому военные столкновения с Византией вплоть до начала IX века представляли собой пограничные стычки и набеги. Причем именно византийцы во время таких локальных операций добились значительных успехов [209,с.126-129;167,с.13].

Однако в IX веке арабы проявили большую военную активность. И ее основу заложил, как уже отмечено, халиф Харун ар-Рашид. Традиция широкого использования тюрок в качестве военной силы, также началась со времени этого Аббасида. Сказанное подтверждается источниками.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что турки, как надежная и боеспособная военная сила, были использованы Аб-

басидами не только на восточном направлении арабских завоеваний. Так было при халифах Омейядах.

Как свидетельствуют источники, впоследствии «хорасанцев» привлекли для военных операций на западном направлении арабских завоеваний. И здесь важная заслуга принадлежит Аббасидам, в первую очередь халифу Харуну ар-Рашиду.

Следовательно, тюрки оказались востребованы Халифатом не только на территориях Центральной Азии, которую они хорошо знали и где действовали в привычной для себя обстановке. Они поэтапно были передислоцированы на Запад, незнакомый им огромный регион, где они сумели адаптироваться и продолжали исполнять те же военные функции, что и на Востоке.

Вместе с тем обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Халифы привлекали тюрков не только для военных операций. Они выдвигали их также на высокие посты военачальников, полководцев и командующих, высокопоставленных чиновников в центральной и провинциальной администрации Халифата. То есть тюркский этнос стал необходим арабам как на полях сражений, так и в структурах власти. Как оказалось впоследствии, это имело далеко идущие последствия для обеих сторон: и для арабов, и для тюрков.

Провинции, пограничные с Византией – ал-Авасим и Сугур, превратились в зону почти непрерывных и активных военных действий. Отметим, что это было повседневным явлением. Как известно, с самого начала арабских завоеваний основной ареной противоречий и военных столкновений являлась территория, пограничная с Византией. Воины приграничных гарнизонов каждый год совершали походы вглубь Анатолии. Несмотря на то, что с уходом Омейядов и воцарением новой династии халифов завоевательное движение заметно ослабло, и даже сошло на нет, походы в Малую Азию продолжались, что подтверждают источники.

Так, при ал-Мансуре и последующих халифах военные гарнизоны городов Сугура совершали походы на византийскую территорию. Более того, именно отсюда, как считали Аббасиды,

должно было осуществляться руководство этими акциями. Однако, в целом, халифы не вели целенаправленной завоевательной политики в Анатолии и, вероятно, смотрели на укрепленные города своих приграничных с Византией провинций ал-Авасим и Сугур, скорее, как на оборонительные центры.

Для нас не менее важно заметить, в связи с темой исследования, что источники почти единодушны в своих утверждениях, что в пограничных городах размещались военные соединения, в том числе укомплектованные из мавали [7,с.169;30,с.113].

Естественно, что среди них имелось достаточное количество тюрок.

Так, Ибн Раббих, автор «Игд аль-фарид» отмечает: «Индийский правитель отправил к халифу Харуну ар-Рашиду посла с многочисленными подарками. По его прибытии Харун ар-Рашид велел изготовит для тюрок щиты. Они изготовили два и принесли. Сами тюрки были в кольчугах и, кроме глаз, все у них было в броне» [28,II,с.203]. Как видно, Харун ар-Рашид имел в дворцовой охране тюрок, которым доверял.

Хотя этот халиф одержал ряд побед, совершая походы из своей ставки в Рее, они не изменили военной обстановки на границах с Византией. У Харуна ар-Рашида не имелось сил для того, чтобы нанести решающее поражение. А в 805 году военная кампания в Анатолии вообще была прекращена из-за волнений в Хорасане, жители которого страдали от непосильных поборов наместника, бывшего начальника багдадской гвардии Али ибн Исы ибн Махана.

Чтобы успокоить хорасанцев, Харун ар-Рашид прибыл в провинцию в 805 году, но не сместил наместника. Тогда внук бывшего омейядского наместника Хорасана – Насра ибн Саййяра – Рафии ибн Лейса спровоцировал в 806 году новые беспорядки. Он собрал иранцев и тюрок из Мавераннахра, и в 808 году захватил Самарканд [50,I,133]. Харун ар-Рашид вынужден был направиться с войском против него, но по дороге заболел в городе Тус и там же умер в марте 809 года.

В связи с арабо-византийскими столкновениями отметим, что еще в 808-809 году вновь был отстроен и укреплен город Адана в провинции Сугур. Ее наместник Абу Сулейман ат-Турки сам занимался размещением в этом городе хорасанцев

Оценив по достоинству деятельность Абу Сулеймана, новый халиф ал-Амин (809 – 813), оставив его в той же должности, приказал отправить в провинцию Сугур новые подкрепления из Хорасана [39,IV,с.415].

Еще в 802 году, во время хаджа, Харун ар-Рашид объявил о порядке наследования трона халифов его сыновьями ал-Амином, ал-Мамуном и ал-Мутамидом. Однако это не спасло Халифат от нарушения былого политического единства.

Отметим, что правление Харуна ар-Рашида стало для Багдада фактически последними мирными годами, поскольку при его преемниках ужесточились гражданские войны, и прежняя цельность державы постепенно исчезла.

В момент его смерти ал-Амин находился в Багдаде, а ал-Мамун в Мерве, так как был назначен отцом в 807 году бессменным правителем Хорасана. Везир Харуна ар-Рашида - Фадл ибн Раби, находившийся при нем в этот момент, сумел отправить верные войска, состоявшие из воинов хашимитского клана в Багдад, чтобы они обеспечили переход власти к ал-Амину, что и было достигнуто. Надо отметить, что ал-Мамун встретил такое решение без особого видимого недовольства [34,XIV,84].

Тем не менее между братьями ал-Амином и ал-Мамуном отношения были натянутыми, что существенно влияло на общую обстановку как в столице, так и вообще в Халифате. Именно они являлись основными наследниками-соперниками, ибо остальные их братья из-за своего малолетства (всего сыновей у Харуна ар-Рашида имелось 13), не воспринимались как серьезные претенденты на трон халифа.

Рознь между братьями – старшими сыновьями Харуна ар-Рашида в какой-то мере олицетворяла собой неприязненное, если не сказать враждебное, отношение друг к другу двух основных населявших Халифат этнических компонентов – арабов и неара-

бов. Причем под вторыми подразумевались тюрки, персы и другие народы, включенные силой оружия, вместе с их землями, в состав Халифата. Их взаимная негативная позиция дополнялась нередко конфессиональными и личностными различиями и антипатиями.

Так, если являвшийся правой рукой ал-Амина - Фадл ибн ар-Раби был предан арабским интересам, то воспитатель и доверенное лицо сына ал-Мамуна от жены – персиянки – Фадл ибн Сахл был зороастрийцем, и лишь в 806 году, по настоянию своего высокого покровителя, принял ислам. При дворе халифа он рьяно отстаивал интересы неарабов и тех, кто противостоял официальной власти.

С восшествием на трон ал-Амина в 809 году произошли некоторые изменения в управленческой структуре Халифата. После восстания, приведшего Аббасидов к власти, и убийства Абу Муслима, а также ликвидации персидского влияния, олицетворением которого были Бармакиды, эти изменения являлись неизбежными. Но в итоге арабы и неарабы вновь оказались во взаимной конфронтации. Арабская группировка приняла сторону ал-Амина и вступила в борьбу за политическое влияние с проперсидской группой ал-Мамуна.

Ал-Амин, матерью которого была Зубейра, из рода Хашимитов, внучка халифа ал-Мансура, отвечал надеждам и чаяниям знатных арабов, стремившихся поднять свой престиж в Халифате. Их лидером являлся везир Фадл ибн ар-Раби, сыгравший решающую роль в получении ал-Амином трона халифа. Еще при Харуне ар-Рашиде он отличился в интригах против персов Бармакидов, и после их устранения получил должность везира.

Ал-Мамун же, рожденный от наложницы Мараджил из Бахдгиса, по материнской линии имел персидские корни [39, VI, с.415]. Будучи сыном халифа, он был направлен наместником в Хорасан (807 г). После расправы над Бармакидами именно это обстоятельство спасло Халифат от открытого мятежа восточных провинций, так как, по понятиям хорасанцев, назначение правителем в эту провинцию «полуперса» означало предоставление им некоторой

автономии. Здесь же начались контакты ал-Мамуна с тюрками и их каганами, против которых он совершил ряд походов [48,II,с.525; 22,III,с.764]. С другой стороны, учитывая ситуацию в регионе, который способствовал приходу к власти Аббасидов, ал-Мамун пытался сблизиться с тюрками, склоняя их к исламу и ища у них поддержки. Так, Ал-Балазури сообщает, что он с большим почтением принимал перешедших в ислам тюркских правителей [6,с.168-179]. Дальнейшие политические события показали, что ал-Мамун был прав в своих действиях.

Вышеупомянутый Фадл ибн Сахл оставался в Хорасане при ал-Мамуне. Когда ал-Мамун стал халифом, он получил пост везира. Принявший ислам лишь в 806 году, Фадл ибн Сахл был персом и сыном зороастрийца. Он и его брат Хасан служили еще везирам Бармакидам, при которых получили государственные должности. Фадл ибн ар-Раби, бывший врагом Бармакидов, стал и их врагом.

Имевший некоторый опыт в военных и административных делах, Фадл ибн Сахл хорошо ориентировался в сложившейся ситуации. Поэтому он посоветовал ал-Мамуну отправиться с отцом в Хорасан, и сам был там с ними. Когда Харун ар-Рашид скончался в Тусе, Фадл ибн Сахл приобрел огромное влияние на ал-Мамуна, и вскоре стал его наставником во всех делах [75,с.18].

Таким образом, проарабская и проперсидская группировки в лице двух братьев и их советников нашли себе лидеров, и между ними началась борьба за власть.

Хотя стал халифом ал-Амин, ал-Мамун также получил вассальную присягу из многих провинций, что создавало для его венценосного брата серьезные политические коллизии. Поэтому ал-Амин стал искать пути для исключения ал-Мамуна из списка наследников трона. Под влиянием везира Фадла ибн ар-Раби и других близких ему лиц, которые утверждали, что приход впоследствии к власти ал-Мамуна повредит семье, ал-Амин в 810 году объявил обоим своим сыновей наследниками престола после своих братьев ал-Мамуна и ал-Мутасима [48,II,с.569; 2,III,с.777].

После этого отношения братьев испортились окончательно. Ал-Мамун сумел нейтрализовать восставшего против него Рафи ибн Лейса [22,Ш,с.778]. Затем стал привлекать на свою сторону персов, проводя по отношению к ним лояльную политику. Кроме того, ал-Мамуну удалось завоевать симпатии шиитов. Тогда ал-Амин приказал своему брату вернуться в Багдад с подчиненными ему военными силами, но встретил неповиновение и отказ. В ответ ал-Амин объявил своего сына Мусу первым в ряду наследников, и противостояние братьев вступило в критическую фазу.

В марте 811 года халиф послал в Хорасан большую армию, которой руководил бывший наместник этой провинции и отличившийся здесь большой жестокостью Али ибн Иса ибн Махан. Ал-Мамун выставил против армии брата войско, возглавляемое Тахиром ибн Хусейном [48,II,с.530]. Под его началом находились четыре тысячи всадников, семьсот из которых были тюрки из Хорезма и Хорасана [22,Ш,с.798; 39,VI,с.422]. Это – одно из свидетельств позитивных отношений ал-Мамуна с местными тюрками, что подтверждается также более поздними событиями. Так, когда ал-Мамун стал халифом, он передал объявленного в Багдаде халифом своего дядю Ибрагима ибн Махди (817-819) под охрану тюркскому соединению, руководимому Фараджем ат-Турки, который был из тех, кто находился под началом Тахира ибн Хусейна [22,Ш,с.975].

Армия Али ибн Исы в мае 811 года была разгромлена Тахиром возле города Рей. Вторая армия ал-Амина также потерпела неудачу, недалеко от Хамадана, и Тахир сумел подчинить ал-Мамуну все восточные провинции. Третья армия, посланная в 811-812 году, застряла у ворот Ханикина, и путь для ал-Мамуна был открыт.

Попытка халифа через влиятельного Абдал Малика ибн Али, который участвовал во многих начинаниях и походах его отца и принадлежал к кланам Аббасидов и Омейядов, привлечь на свою сторону арабов Сирии и ал-Джазиры окончилась неудачей. Противостояние братьев завершилось в июле 813 года, когда ал-Амин был убит [48,II,с.530;39,VI,с.422].

Став халифом и получив признание в центральных областях Халифата, ал-Мамун (813 – 833) по-прежнему оставался под огромным влиянием Фадла ибн Сахля. Так, он не пожелал отправиться в Багдад и оставался в Мерве. Получивший власть при поддержке восточных провинций, ал-Мамун в своих дальнейших действиях руководствовался политикой, выгодной неарабским элементам. В этой связи характерно, что тогда под управлением брата Фадла – Хасана оказались такие важнейшие районы, как Ахваз, Хиджаз, Ирак и Йемен, что свидетельствует об огромном авторитете советника нового халифа.

Политика ал-Мамуна, направленная на возвышение мавали, привела к тому, что арабы стали открыто проявлять недовольство. Так, в ал-Джазире восстало арабское племя мудар, и в 814-815 году сумело разгромить войско Тахира ибн Хусейна [35,с.388;22,III,с.1013]. Руководители восстания заявили, что примкнут к сторонникам Алавитов и Омейядов, если отношение халифа к неарабам останется прежним.

Фадл ибн Сахл докладывал ал-Мамуну о происходящих событиях в выгодном для себя свете, и это позволяло ему быть в делах практически самостоятельным, а халиф оставался в невыгодном положении перед влиятельными политическими силами. К примеру, казнь бывшего наместника Хорасана – влиятельного Харсема ибн Айяна привела в мае 816 года к сильным волнениям в Ираке [22,III,с.996].

Более того, ал-Мамун, не приняв во внимание выступление против него двух представителей дома Али, объявил в 817 году третьего члена этой семьи – Али ибн Мусу своим наследником. Одновременно он отказался от официального черного цвета Аббасидов и принял зеленый Алавитов. Этот поступок ал-Мамуна был осужден в Багдаде, и почти все население столицы Халифата присягнуло в 817 году на верность жившему здесь его дяде – Ибрагиму ибн Махди [1,VI,с.327].

Все это обеспокоило ал-Мамуна и нейтрализовало влияние советников. В конце 817 года он выступил из Мерва и, видимо, решив укрепить свои позиции в центре и привлечь на свою сто-

рону недовольных, в 818 году приказал казнить своего везира Фадла ибн Сахля [1, VI, с. 347; 269, I, с. 209; 224, с. 26].

Затем он прибыл в Тус вместе с объявленным наследником Али ибн Мусой и посетил могилу своего отца. В этом же городе вскоре, в конце 818 года, Али ибн Муса скончался, положив конец чаяниям шиитов на халифский престол. По другой версии, он был отравлен по приказу халифа [48, III, с. 550; 22, III, с. 1030].

Во время своего длительного похода ал-Мамун решил провести ряд акций по укреплению собственного положения. Он сумел нейтрализовать брата казненного везира - Хасана ибн Сахля. Постепенно взяв в руки управление государством, он завоевал симпатии багдадцев. Ибрагим ибн Махди был лишен власти, ал-Мамун прибыл в Багдад в августе 819 года и вновь объявил черный цвет символом династии Аббасидов.

Как видно из вышеизложенного, в период конфликта и борьбы за власть в Халифате основной опорой ал-Мамуна были мавали-персы, и его первые мероприятия осуществлены под их влиянием. С другой стороны, будучи сыном персиянки, он испытывал некоторую, пусть даже незначительную, симпатию к персам. Однако события, которые произошли во время его пребывания в Мерве, стали для ал-Мамуна поучительными. Осознав грозившую ему опасность, халиф был вынужден сменить свой политический ориентир.

В связи с этим стоит напомнить отношение ал-Мамуна к арабам до его прибытия в Багдад, что наглядно демонстрирует следующая фраза, обращенная к халифу толпой, преградившей ему дорогу по пути в столицу: «О повелитель правоверных! Просим тебя, смотри на арабов Шама, как на аджамов Хорасана» [75, с. 87].

Прибыв в Багдад и став во главе государственного управления, ал-Мамун проводил более осторожный и сбалансированный курс, учитывая, что он потерял опору как среди арабов, так и персов. В этой связи появилась необходимость опереться на новую силу, представители которой, будучи преданными ал-

Мамуну, могли быть назначены на военные и гражданские должности.

Наиболее подходящими, по всей видимости, стали тюрки, которые в период его правления в Хорасане сумели продемонстрировать будущему халифу свою преданность, политический опыт и военное искусство.

Ал-Йакуби приводит следующие сведения со слов некоего Джафара ибн Хушшаки: «ал-Мутасим (брат халифа - Н.А.) еще в правление ал-Мамуна послал меня к Нуху ибн Асаду, жившему в Самарканде, для покупки тюрок. Каждый год я покупал ему определенное количество. Так в Халифате ал-Мамуна собралось около трех тысяч тюркских воинов» [47,Ц,с.255].

Другое сообщение о покупке тюрок для халифатской армии в правление ал-Мамуна мы встречаем у Ибн Хордадбега. Он пишет, что наместник Хорасана Абдаллах ибн Тахир, отсылая харадж провинции в центр, отправил также две тысячи пленных гуззов (огузов), цена каждого из них была 600 тыс. дирхемов. Среди них находился Тулун - отец Ахмада, одного из самых выдающихся командиров гвардии ал-Мамуна и основателя династии Тулунидов в Египте [15,с.39;87,с.45].

Ибн Кутейба отмечает, что халиф ал-Мамун поручил Абдаллаху ибн Тахиру - наместнику Азербайджана и Арминийе и своему брату ал-Мутасиму, назначенному наместником в Египет и Сирию, собрать тюрок для борьбы с хуррамидами Бабека [35,с.391].

Сведения современников ал-Мамуна свидетельствуют, что халиф настойчиво стремился привлечь тюрок в армию, и даже возвел этот принцип в ранг государственной политики. Однако источники не сообщают, когда она была начата. По имеющимся данным ал-Мамун приступил к реализации своей идеи не в Хорасане, а после прибытия в Багдад, и в скором времени в его армии сформировались тюркские части. Довольно отчетливо прослеживается, что те тюркские военачальники, которые отличались при подавлении беспорядков и восстаний в Халифате во времена ал-

Мамуна, становились в дальнейшем видными государственными деятелями.

Сведения источников дают возможность также утверждать, что в правление ал-Мамуна военная деятельность тюрок приобретает заметное значение. Когда он еще находился в Мерве, а в Багдаде правил «халиф» Ибрагим ал-Махди, в государстве имели место частые волнения. Так, в 817/818 году близ Багдада восстали хариджиты во главе с Махди ибн Улвана ал-Харири. Это восстание было подавлено ал-Мутасимом, имевшим под своим началом тюркских командиров и воинов. Тогда особо отличился военачальник Ашнас, имя которого мы не раз встречаем в источниках. Также в этой связи упоминается другой тюркский военачальник Саид ибн Саджур [1, VI, с.241; 274, с.251].

В 820/821 году начались волнения племени зутт в окрестностях Басры. Ал-Мамун отправил тюрка Давуда ибн Батиджура для усмирения восставших и одновременно назначил его наместником Басры, Йемена, Бахрейна [22, III, с.1044]. Ал-Йакуби отмечает, что в 826/827 году наместником Египта был назначен Аббас ибн Хашим ибн Батиджур [48, II, с.561]. Вероятно, он - брат или родственник Давуда ибн Батиджура. Оба они находились на военной службе у халифа и пользовались его доверием.

Вместе с тем, в правление ал-Мамуна становилось все более очевидным, что любая попытка сохранить целостность Халифата обречена на неудачу. Гражданская война между братьями имела тяжелые последствия для государства. Еще при первых Аббасидах, как известно, была потеряна Испания, теперь пришлось иметь дело с Тунисом (Ифрикийей), где не прекращались волнения среди берберов [37, с.183].

Еще в 799 году столкнувшийся с этой проблемой и волнениями в расквартированной в Ифрикийе армии, Харун ар-Рашид был вынужден отдать контроль в этой провинции Ибрахиму ибн Аглабу, в прошлом начальнику хорасанского ополчения. Он сумел усмирить повстанцев, за что получил наследственное право на управление Ифрикийей при условии выплаты определенных

сумм в казну Халифата. Так в Тунисе на сто лет утвердилась власть династии Аглабидов (800-909).

Аналогичная ситуация при ал-Мамуне сложилась в Хорасане. Перебравшийся в Багдад халиф доверил в 821 году управление провинцией своему лучшему военачальнику Тахиру. Последний правил год, и перед своей смертью объявил доверенную ему провинцию независимой, и даже приказал не упоминать имени халифа в пятничной молитве, что было равносильно неповиновению. Поэтому ал-Мамун под давлением обстоятельств передал управление провинцией сыну Тахира - Тальхе (822-828), и с тех пор, до 873 года, в Хорасане установилась власть династии Тахиридов, со столицей в Нишапуре. Тем не менее отсюда ежегодно в Багдад поступала определенная сумма в казну халифа.

Однако ал-Мамуна беспокоило более всего движение хуррамитов в восточных провинциях Халифата.

Антиарабские выступления и до ал-Мамуна тревожили Халифат. Например, восстания под предводительством Муканны (776-783) в Центральной Азии и во главе с Абдул Гаххаром в Джуржане.

Однако начавшееся в Азербайджане в 816 году движение хуррамитов было наиболее мощным, широкомасштабным и весьма опасным для Халифата. Возглавляемое Бабеком, оно в течение 816-837 годов обрело невиданную мощь и влияние на огромной территории и стало народно-освободительной войной. Движение охватило Хорасан, Джибал, Арминию, Табаристан, Джурджан, Дейлем, Хамадан, Исфахан.

Об этом подробно речь пойдет ниже. Здесь отметим лишь, что все правление ал-Мамуна прошло в войнах с хуррамитам, но он так и не сумел одержать победу.

Тогда же ареной волнений в Халифате стал Египет. Назначив сюда наместником Абдаллаха ибн Тахира, халиф поручил ему навести порядок. Прибывший в Египет в 827 году, Абдаллах имел во главе своих передовых отрядов двух хорасанцев Аббаса и Хашима [37,188]. Это совпадает с приведенными выше сведениями ал-Йакуби об Аббасе ибн Хашиме ибн Батиджуре, бывшем

наместником Египта. Сравнивая факты, можно предположить, что в походе участвовали отец и сын, и после того, как Абдаллах ибн Тахир покинул Египет, Аббас остался там в качестве его представителя [10,II,с.208].

Следующее восстание в Египте, связанное со столкновениями между арабскими племенами кайситов и йеменитов, было поручено подавить ал-Мугасиму, брату халифа, наместнику Египта. Он в 829\830 году прибыл сюда с четырьмя тысячами тюркских воинов и быстро покончил с волнениями, после чего вернулся в Дамаск [37,с.188].

Ал-Мамун во время своего первого византийского похода имел среди полководцев Ашнаса ат-Турки, который по приказу халифа захватил крепость Сундус [146,II,с.102].

Возвращаясь из похода, ал-Мамун получил известие о новых волнениях в Египте и приказал своему брату ал-Мугасиму направить тюркского полководца Афшина для их подавления. Особо тяжелая ситуация сложилась в Нижнем Египте, в Барке и ал-Башаруде. Афшин, прибывший в конце 830 года в Барку, в первых же боях разгромил повстанцев и взял в плен их предводителя Муслима ибн Насра.

Однако волнения участились, к арабским племенам присоединились копты. Афшин занял ал-Башаруд, Нифтах и оттуда направился к Фустату. Таким образом, он сыграл значительную роль в подавлении египетских восстаний [37,с.189; 10,II,с.212].

В результате значительного роста численности тюрок на военной службе, особенно в конце правления ал-Мамуна, они заняли в армии Халифата важное место. Тогда впервые в истории Аббасидов тюркские военачальники выступали в поход совместно с халифами, активно участвовали в подавлении восстаний, причем нередко получали разрешение на самостоятельные акции.

Сыгравшие впоследствии важную роль в политической и военной истории Халифата, Афшин, Ашнас, Буга ас-Сагир и Буга ал-Кабир были из числа тех, кто выдвинулся в армии при ал-Мамуне.

То, что тюрки находились преимущественно под началом ал-Мутасима и он сам впоследствии пополнял ими армию, имело важное значение для его правления Халифатом и в истории тюркского этноса в мусульманском мире.

Смерть ал-Мамуна в августе 833 года во время его четвертого византийского похода, открыла его брату Абу Исхагу Мухаммаду путь к трону: он стал халифом и принял имя ал-Мутасим (833-842).

Воцарение ал-Мутасима знаменовало начало глубоких изменений в мусульманском государстве. Они стали логическим продолжением движения, приведшего к власти Аббасидов.

Вместе с тем это были перемены несколько иного рода. Проаббасидское движение имело в свое время мощную социальную базу и его целью было свержение Омейядов и изменение установленных ими порядков. Поэтому движение, связанное с именем Аббасидов, предполагало и провозглашало построение такого общества, которое бы отвечало всем требованиям мусульманской идеологии и ее основополагающим установкам.

«Революцию» ал-Мутасима проводила небольшая группа лиц, без поддержки народных масс, и они стремились не менять ничего в методах правления Аббасидов, а лишь укрепить позиции династии.

Для достижения поставленной цели халиф испытывал потребность в новых деятелях и новых путях. Поэтому он считал нужным руководствоваться обновленной идеологией, в связи с чем даже заложил новую столицу.

Можно сказать, что ал-Мутасим и сам являлся, в какой-то мере, носителем нового. Будучи одним из младших сыновей Харуна ар-Рашида, он даже не был упомянут отцом в его политическом завещании, не участвовал в его тщательно разрабатываемых мероприятиях, и ему было 15 лет, когда его братья ал-Амин и ал-Мамун вступили в борьбу за престол.

Ал-Мутасим жил в Багдаде и во время гражданской войны. Он поддержал дядю Ибрагима ибн Махди в его оппозиции к ал-Мамуну и советникам этого халифа – Сахлидам. С 814\15 года он

начал покупать рабов-тюрок с тем, чтобы обучать их военному делу. Такие яркие личности в военном искусстве, как Итах (он был прежде поваром) и Ашнас, находились на его службе с 817/818 года.

Ал-Мутасим также наладил связи с семьей Саманидов, контролировавших зону Самарканда, и они посылали ему рабов-тюрок [48,II,с.588].

Личная армия, которую он смог создать к концу правления ал-Мамуна, хотя и была не очень многочисленной, но хорошо обучена, дисциплинирована и обладала реальной силой. Это означало, что ал-Мутасим - единственный из членов Аббасидского клана, который имел военную поддержку, и ал-Мамун часто обращался к нему за помощью. Когда в 828 году Абдаллах ибн Тахир был назначен наместником Хорасана после смерти своего отца Тахира, у ал-Мутасима не осталось сильных противников в Сирии и Египте, и он сумел стать одним из могущественных людей в Халифате. В его распоряжении находилась военная сила, дополненная его личными качествами. Возможно, это побудило халифа ал-Мамуна предпочесть собственному сыну Аббасу ал-Мутасима и объявить его своим преемником.

Источники содержат несколько версий о назначении ал-Мутасима наследником халифа. Они мало чем отличаются друг от друга. Так, историк ад-Динавари (ум. 895) сообщает, что ал-Мамун определил наследником своего сына Аббаса и отправил его в Ирак. Но в момент смерти халифа его брат Абу Исхаг, собрав своих военачальников и часть армии, заявил о своем желании стать преемником. Они поддержали его, после чего будущий халиф вернулся в Багдад и лишил племянника права наследования [17,с.396].

Принять версию ад-Динавари довольно затруднительно, так как другие источники не подтверждают назначение Аббаса наследником престола в Халифате. Хотя по правилам того времени, это было бы закономерно. Согласно другим сообщениям, в момент смерти отца Аббас не находился в Ираке, а, являясь наместником ал-Джазиры, Сугура и Авасима, в 833 году был отправлен

отцом в поход против Византии. Эти сведения, которые имеются у ат-Табари, подтверждаются другими источниками, свидетельствующими также о симпатиях части армии сыну халифа, хорошо разбиравшемуся в воинских делах [22, III, с. 1100].

Авторитетные историки ал-Йакуби, ал-Масуди не сообщают, что ал-Мамун назначил сына или кого-либо наследником. Ал-Йакуби пишет, будто армия, отправившаяся в византийский поход, после смерти халифа присягнула Абу Исхагу, а через день Аббас принял власть своего дяди [48, II, с. 464; 43, с. 421]. Ал-Масуди же говорит о решении ал-Мамуна назначить наследником ал-Мутасима, которое возникло у него перед кончиной, и о трениях в связи с этим между Аббасом и ал-Мутасимом, а также о признании Аббасом халифом своего дяди [39, VII, с. 103].

Один из самых авторитетных авторов - ат-Табари, приводит четыре версии о назначении ал-Мутасима наследником.

1. Ал-Мамун накануне похода в 833 году отправил письма своим наместникам, в которых высказал пожелание о переходе власти к Абу Исхаку Мухаммаду.
2. Ал-Мамун не отправлял писем наместникам. Заболев и почувствовав близость конца, он написал своему сыну Аббасу, правителю Багдада Исхаку ибн Ибрагиму и наместнику Хорасана Абдаллаху ибн Тахиру о том, что в случае своей кончины он хотел бы видеть на троне собственного брата Абу Исхака Мухаммада. После отправки этих сообщений Абу Исхак начал распространять свои письма, подписанные титулами - «наместник Египта и Сирии, брат повелителя правоверных и халиф после него». Одно из таких писем попало в руки наместника Дамаска, Яхьи ибн Муаза, и он велел прочесть в мечети молитву на имя Абу Исхака, который станет халифом после ал-Мамуна.
3. Ал-Мамун во время своей болезни послал за сыном Аббасом, который по прибытии нашел его в бессознательном состоянии и узнал о письмах, отправленных отцом относительно его дяди.

4. Халифат был завещан Абу Исхаку на большом собрании, при участии авторитетных факихов, кади, полководцев и катибов-писцов [22, III, с. 113; 16, с. 378; 43, с. 378].

Все эти версии, по всей видимости, приведены у ат-Табари так подробно для того, чтобы как-то оправдать назначение ал-Мутасима, озвученное во время болезни брата.

По логике событий и существовавшей во всех крупных государствах того времени практике, власть при жизни взрослого и способного сына должна была перейти к нему. В том же, что произошло на самом деле, нельзя исключить близость ал-Мутасима к армии и тюркам, к их командирам. Именно это сыграло немаловажную роль в решении ал-Мамуна.

Даже беглое сравнение деятельности Аббаса и ал-Мутасима может подтвердить, что каждый из них проявил себя по-разному в делах государства. После возвращения ал-Мамуна в Багдад и до назначения им своего брата наместником Сирии и Египта (819-828), то есть почти 9 лет, ал-Мутасим не принимал активного участия в политических делах, военных походах, в то время как Аббас был назначен отцом наместником провинций ас-Сугур, Аवासим и ал-Джазира, участвовал в сражениях с византийской армией и приобрел значительный вес и популярность в Халифате [41, VI, с. 112].

Как видно, с личностной точки зрения, ал-Мутасим не имел особого преимущества перед Аббасом. Поэтому весьма спорными кажутся утверждения ат-Табари о том, что при таких заслугах Аббас не был назван не только первым, но и последующим претендентом на престол. Вместе с тем сведения ат-Табари, о назначении преемником ал-Мутасима совпадают со временем последнего похода халифа. Хотя до этого ал-Мамун был правителем Халифата почти двадцать лет и, вероятно, имел достаточно времени для обдумывания кандидатуры своего преемника, тем не менее он поступил по-своему. Судя по всему, ал-Мамун оказался в весьма затруднительном положении и, предположительно, на принятие им такого трудного и неординарного решения о на-

следнике оказала значительное влияние армия, то есть, скорее, самая боеспособная ее часть - тюркская.

Мы уже отмечали, что в последние годы правления ал-Мамуна в армии стремительно росло число тюрков. Они находились в подчинение ал-Мутасима. Такие в дальнейшем прославленные военачальники халифатской армии, как Афшин, Буга ал-Кабир, Ашнас и Инак, в этот период стали пользоваться у воинов и в государстве большим авторитетом. Другими словами, центр тяжести и влияния в военной организации Халифата перешел к тюркам. Весьма вероятно, что при назначении наследника было принято во внимание мнение тюрков. Причем учли также более чем позитивные отношения и доверительное взаимопонимание между ними и ал-Мутасимом.

Относительно этих сюжетов источники сообщают довольно конкретные сведения. Как указывалось, формирование тюркских военных соединений было поручено ал-Мутасиму. Они действовали, в основном, при нем и в тех провинциях, где он правил в качестве наместника. При его непосредственном покровительстве выдвинулись такие тюркские полководцы, как Афшин и Ашнас. Ясно, что силой, которой поддерживала его в армии, стали тюрки. А вокруг Аббаса ибн Мамуна сплотились те, которые ревностно относились к усилению тюркского влияния и даже организовали неудавшийся заговор [48,II,с.575;22,III,с.1164; 39,VI,с.103].

Став халифом, ал-Мутасим немедленно назначил на почти все командные посты в армии и на другие важные должности в государстве тюрков, и, опираясь на них, проводил свои нововведения. Халиф выделял их в армии, издал ряд указов, подтверждавших материальные и иные привилегии тюрков.

Более того, перебравшись в новую столицу Халифата - Самарру, ал-Мутасим обустроил там предавших ему тюркских воинов, что стало проявлением благоволения к ним [235,с.18]. Все это подтверждает наше мнение, что назначение ал-Мутасима наследником не обошлось без давления со стороны, скорее всего,

преданных ему лично тюркских полководцев, обладавших реальной силой в государстве.

С другой стороны, изменение ал-Мамуном им же самим установленного порядка престолонаследия в пользу ал-Мутасима убеждает в том, что, действительно, роль, влияние и значение тюркского этноса в Арабском халифате шли по нарастающей. Тюрки поэтапно и последовательно поднимались не только по военной и политической иерархической лестнице этого мусульманского государства, но и с каждым разом все ярвственнее проявлялась их организующая и решающая роль.

Вместе с тем несомненно, что сам Аббас ибн Мамун сыграл значительную роль в назначении наследником своего дяди и избрании его халифом.

Однако источники указывают, что после провозглашения ал-Мутасима главой государства часть армии не согласилась с этим и заявила о себе, как о стороннике Аббаса. Тогда последний публично присягнул на верность дяде и призвал своих сторонников последовать его примеру.

Если принять во внимание сообщение ат-Табари о том, что ал-Мамун перед смертью дал сыну поручение провести ряд военных операций, то Аббас, несомненно, имел в своем подчинении значительное войско, состоявшее из одних арабов. Поэтому он навряд ли стал бы подчиняться новому халифу, если бы не строгий контроль самого ал-Мутасима и его сторонников. Конечно, свою роль сыграло также присутствие влиятельных тюрков, в первую очередь в армии.

В момент смерти ал-Мамуна ал-Мутасим и Аббас находились при нем. Часть армии тут же присягнула ал-Мутасиму и признала его халифом [39, VII, с. 116]. Вероятно, это были, в первую очередь, мавали, то есть тюрки.

Вместе с тем провозглашение ал-Мутасима халифом вызвало среди военных, и это, скорее всего, были арабы, серьезные волнения. Такой вывод напрашивается из того обстоятельства, что поддерживавшая Аббаса проарабская группировка открыто заявила о своем желании видеть его на троне.

Осознавший сложность ситуации, ал-Мутасим вызвал племянника для переговоров. Аббас оказался перед необходимостью признать нового халифа, который опирался на значительное большинство в армии, состоящее из тюрок, и присягнул ему.

Поэтому арабская часть армии также подчинилась ал-Мутасиму [39, VII, с. 118].

Несмотря на это, новый халиф не мог рассчитывать на поддержку находящихся в его армии арабов, и отложил поход, начатый ал-Мамуном. Он предпочел немедленно вернуться в Багдад, чтобы предотвратить возможные выступления сторонников Аббаса в Ираке. В июле 833 года ал-Мутасим прибыл в столицу и принял регалии власти, положенные халифу. В итоге, благодаря своим быстрым действиям, нейтрализации Аббаса, поддержке тюркских военачальников новый халиф утвердился на троне.

Следом начались заметные перемены. Так, многие привилегированные группы общества утратили свой статус. Источник [14, с. 468] сообщает, что, как только ал-Мутасим сел на трон, он вычеркнул имена многих арабских родов из казенного списка обеспечения, и это означало, что они больше не будут получать жалование за свои прежние заслуги. Здесь показателен пример Египта, где знатные арабские семьи лишились своих прав, а тюркские наемники, напротив, были единственными, кому теперь выдавали жалование из казны.

Таким образом ал Мутасим дал понять обществу, что все мусульмане имеют право на доходы с завоеванных территорий. Один из его указов помог решить еще одну проблему – централизовать поступление податей в казну государства. Раньше подати, как правило, оставались там, где их собирали, наиболее яркий пример этого – Хорасан, теперь ситуация в сфере фиска изменилась.

Получение власти ал-Мутасимом при поддержке тюрок знаменовало начало нового периода в Арабском халифате. Время арабского и персидского влияния на государственные дела прошло, наступила эпоха тюркского этноса. Несмотря на то, что государственные должности все еще контролировала старая элита,

армия полностью находилась под контролем тюрок. А армия была наиболее организованной, дисциплинированной, мобильной и послушной силой. Именно она позволила тюркам возобладать в Халифате и поэтапно привела их на самые высокие и ответственные посты в государстве. Новый халиф, со своей стороны, не забыл услуги, оказанной ему тюркскими окружением, и продолжил политику привлечения тюрок к себе на службу.

В итоге, тюрки стали последовательно занимать в Арабском халифате все значительные позиции по вертикали и горизонтали, то есть в центре и в провинциях, причем не только по военной линии, но также по гражданской. Со временем их можно было встретить как в армии, так и среди чиновников различных рангов первого в истории мусульманского государства. Тем не менее, гораздо важнее и значительнее была ниша, занятая тюрками во дворце халифа, в центральном политическом аппарате, в руководстве армии.

Таким образом, сблизившиеся с ал-Мамуном еще при жизни его брата-халифа, теперь тюрки начали приобретать все больший вес и влияние, увеличиваться количественно и все заметнее вырисовываться на политической и военной сцене.

Это заключение относится, в первую очередь, к той роли, которую стала играть тюркская гвардия.

Вообще количество тюрок на государственной службе – военной и гражданской весьма увеличилось. Многие из них достигли очень высоких постов.

Низам ал-Мульк в своем сочинении «Книга о правлении» писал: «Ни у кого из халифов, потомков Аббаса, не было такого правления, грозной мощи, столько снаряжения и припасов, как у Мутасима. Он имел столько гулямов-тюрок, сколько никто не имел. Говорят, что он имел семьдесят тысяч гулямов-тюрок. Многих из своих гулямов он возвысил, возвел в ранг эмиров. Он постоянно говорил: «Нет лучшего слуги, чем тюрки» [56, с.51].

Известный востоковед К.Э.Босворт, отмечающий, что первые Аббасиды опирались в основном на персов и указывающий на их большое количество в армии, особенно во время борьбы за

власть между братьями ал-Амином и ал-Мамуном, так объясняет причины возвышения тюрок при ал-Мутасиме: «...эти персидские части начали приобретать собственные интересы и преследовать свои цели. Появилась нужда в воинах, вызванных из немусульманских стран, не скованных местными связями и способных быть попросту преданными своему господину. Халиф ал-Мутасим полагал, что нашел таких верных слуг в лице тюркских гулямов. На политическом и экономическом уровне рост армии из тюрок отражает общий экономический расцвет в Халифате, обеспечивающий халифам и местным правителям средства для приобретения и оплаты профессиональных регулярных армий» [140,с.24-25].

Правление нового халифа покоилось на организованной ал-Мутасимом армии, и можно заметить, что лишь несколько проблем средневековой истории, подобной этой, вызывало у ученых множество споров и противоречивых мнений. Многие из исследователей усматривают во введении «рабов-солдат» в мусульманский мир, по сути, некий исламский феномен, и его апогеем в арабском мире считают более позднее мамлюкское правление в Египте и Сирии в 1250 – 1517 годах [262,с.37]. Такие известные западные исследователи, как П. Крон и Д. Пайпс, видят в этом поворотную точку: крах арабской мусульманской политики, и отмечают, что тюркские воины вовсе не были рабами [216;262,с.89].

Принимая их мнение, мы согласны с обоими высказанными ими суждениями. Действительно, правление ал-Мутасима стало поворотным пунктом в истории первого мусульманского государства - Арабского халифата. Добавим лишь, что определение «арабский» следует дополнить прилагательным «тюркский». Крах арабской мусульманской политики стал итогом эволюции и трансформации созданного арабами государства. Исследователи правы, когда интерпретируют дефиницию «гулям» не как «раб», а - как технический термин для обозначения «слуга, служитель».

Отметим, что еще до того, как он стал халифом, в период своего египетского наместничества, ал-Мутасим создал тюркские

военные отряды. Став халифом и получив полную свободу действий, он начал широко привлекать тюрок к себе на службу.

Ал-Масуди по этому поводу сообщает: «ал-Мутасим любил собирать тюрок и покупал их для своих отрядов. Так он собрал четыре тыс. человек. Он наряжал их в шелковые одежды, подпоясанные шитыми золотом поясами. Тюрки отличались этой формой от остальных воинов Так за короткий срок он создал из тюрок большую армию» [39, VII, с.122].

Ибн Тагриберди также пишет, что с 835 года ал-Мутасим, не таясь, стал собирать тюрок, посылал для этого людей в Самарканд, Фергану и другие места, платил тюркам хорошее жалование, одевая их в шелк, потратил много усилий для увеличения их численности, и довел ее до 8 тыс., а по другому сообщению до 18 тыс. [10, II, 233]. Средневековый географ Ибн Хаукал говорит: «для образования регулярной гвардии личной охраны в Аббасидский халифат были привезены тюркские воины из Мавераннахра. Они превосходили все другие группы в армии. Командирами к тюркам назначались прибывшие с ними представители знатных родов, эти же тюркские эмиры управляли халифским двором и почтовым ведомством. Способность тюрок к военному делу, верность присяге и мощь стали основными причинами привлечения в качестве основного компонента охраны халифа. Тюрки превратились в самое привилегированное сословие армии Аббасидского халифата» [14, с.468].

Молодые воины-тюрки (гулямы) воспитывались при дворе в специальных школах, затем зачислялись в армию халифа. На такую новую наемную армию ал-Мутасим мог вполне положиться. Он не без основания полагал, что войско будет более надежным, если его укомплектовать иноземными наемниками, а не свободными жителями, вовлеченными в местные социальные и конфессиональные конфликты и проблемы.

Сведения Ибн Хаукала и других источников, довольно точно обрисовали картину событий времени ал-Мутасима. Прослеживается последовательная и целенаправленная политика по привлечению тюрок в ряды халифатской армии как в правление ал-Мамуна, так и его преемника.

В дальнейшем, при наследниках ал-Мутасима, эта традиция пресечется, и будет предпринята попытка освободиться от тюркского влияния. С этой целью после ал-Мутасима начали создание воинских соединений из представителей других этносов. Однако, начиная с правления ал-Мутаваккиля (847 – 851) столкновения между тюрками и халифами приняли такие формы, что отныне Аббасиды утратили возможность регулировать процесс. Если перечислить военачальников, названных Ибн Хаукалом, выясняется, что они из числа тех, которые появились на политической арене еще при ал-Мамуне и ал-Мутасиме, то есть они – из тюрков [14, с.470,473]. Это – достоверно, ибо сведения Ибн Хаукала датируются периодом с конца правления ал-Мамуна и до времени ал-Мутасима включительно.

Не ограничиваясь привлечением воинов из тюркских регионов, ал-Мутасим приближал к себе также тех тюрков, которые уже жили в Ираке, и даже в Багдаде. Среди таких были Ашнас, Васиф, Инак [47, II, с.256].

Воинскими соединениями тюрков командовали приближенные ал-Мутасимом к трону халифа представители тюркских аристократических родов. Получив от него значительные земельные пожалования (игта), они находились под особым покровительством и назначались командирами соединений воинов из своих регионов. По сведениям источников, представителей других этносов командирами тюрков не назначали.

Источники сообщают весьма противоречивые сведения о численности тюрков в халифатской армии при ал-Мутасиме. Ал-Кинди пишет, что в отправленной в 829-830 году халифом в Египет армии было около 4 тысяч тюркских воинов [37, с.188] Ибн Тагриберди говорит о том, что среди созданных ал-Мутасимом военных соединений было 8 или 18 тыс. тюрков. Причем вторую цифру он считает более достоверной [10, II, с.233]. Ал-Исфгани также говорит о 18 тысячах [4, IX, с.105]. Йакут же сообщает данные, сильно разнящиеся с вышеуказанными, и говорит о наличии у ал-Мутасима около 70 тыс. тюркских воинов [49, III, с.174]. Византийский хронист Генесий отмечает, что во время византийско-

го похода Афшина в его распоряжении находилось около 10 тысяч тюрок [185, I, с. 520]. В этом же походе со своими тюркскими соединениями принимали участие Ашнас, Инак, Буга ал-Кабир. Низам ал-Мульк пишет, что у ал-Мутасима было 70 тыс. тюркских гулямов [56, с. 61].

Таким образом, сведения источников весьма разнятся между собой, поэтому трудно однозначно ответить на вопрос о количестве тюрок в халифатской армии.

Вместе с тем разброс данных относительно численности тюрок в Халифате может служить свидетельством того, что, при ал-Мутасиме тюркский этнос уже прочно занимал свою нишу в военно-политической системе арабского государства, причем структурно. Влияние тюрок стало настолько ощутимым и реальным, что их фиксировали в количествах, какого могло и не быть на самом деле, но оно предполагалось, учитывая их присутствие во всех звеньях системы, как военной, так и политической. Раз уж источники столь часто и много говорят о тюрках в различных структурах Халифата, особенно при ал-Мутасиме, значит, так оно и было в реалиях своего времени.

Усиление тюркского влияния в армии и вообще в Халифате, предпочтение, которое отдавалось им перед другими этносами, личное покровительство халифа ал-Мутасима – все это стало причиной недовольства в арабском обществе. Тюрки превратились в серьезную силу, которая активно вмешивалась в жизнь столицы Халифата – Багдада. Так, они превратили этот город в свою военную базу, проводили здесь учения. Багдадцы были обеспокоены таким поворотом событий, но в самом городе не могли открыто высказывать и демонстрировать свое недовольство. Однако городские старшины достаточно резко говорили о халифу «недостойном» поведении его тюркской гвардии» [47, II, с. 256; 22, III, с. 184]. По всем этим причинам нередко имели место случаи убийства тюрок в окрестностях Багдада.

Ал-Мутасим был обеспокоен тем, что жители столицы могут взбунтоваться, и тогда начнутся вооруженные столкновения между багдадцами и его личной тюркской охраной.

Столь же существенным являлось и то, что традиционной старой арабской элите оставалось все меньше места в структурах Халифата, в первую очередь в самом Багдаде и центральных провинциях. Ее все больше и энергичнее теснили неарабы, преимущественно - тюрки, а это ухудшало отношения между ними и старой элитой.

Возможно, таковы были главные причины основания ал-Мутасимом новой столицы и ухода из беспокойного Багдада. С другой стороны, решение халифа стало констатацией, дальнейшего усиления влияния и веса в Халифате тюркского элемента. Как следствие этого смены халифом ал-Мутасимом ориентиров: старая арабская элита отслужила свое, теперь ставка - на тюркскую. А решение ал-Мутасима перенести столицу - это рубеж, с которого начался новый этап в истории Халифата, это - новый временной отсчет в положении тюрков в военно-политической структуре государства в исследуемый нами период.

Кратко говоря, наступил качественно новый рубеж, знаковый во многих аспектах, во взаимоотношениях арабского и тюркского элементов первого мусульманского государства. Хотя оно было создано исключительно арабами, но дальнейшая его судьба, как и самих создателей, была накрепко связана с тюрками.

И произошел этот поворот в судьбе Халифата и самих арабов при ал-Мутасиме, который уже на второй год своего правления задумал перенести столицу.

Халифы Аббасиды вообще имели слабость к строительству новых резиденций, которые символизировали бы их могущество. В 835 году было определено место для новой столицы ал-Мутасима - небольшое поселение на реке Тигр, недалеко от Багдада, названное халифом Сарра манн раа (возрадуется тот, кто увидит) - Самарра на Тигре, и было решено перенести центр Халифата именно туда [238, с. 1-3].

Через год начались строительные работы. Из различных областей Халифата собрали архитекторов, строителей, рабочих. Новый город дал возможность организовать качественно иные отношения в социально-экономической и военно-политической структуре государства, в котором все больше места занимали

тюрки. Здесь армия могла получить земли, многочисленные привилегии, что было исключено в Багдаде с его устоявшимися традициями, старой элитой, землевладельцами и купцами. Кроме того, в Самарре земля была фактически «ничейной», и халиф мог позволить своим приближенным не платить за нее харадж в казну, иметь большие доходы от построенных здесь лавок, караван-сараев и другой недвижимости.

Переезд в новую столицу, с одной стороны, позволял халифу увеличить число своих приближенных, свободных от традиций и условностей Багдада, с другой - получать для халифской казны огромные доходы от операций по приобретению земли и другой недвижимости.

Но, конечно, не менее важным явилось то, что в новой столице наибольший простор получили именно тюрки, не испытывая при этом неудобств от присутствия старой арабской элиты и других традиционных условностей прежней столицы. В Самарре фактически все было новым – сам город, его население, элита. Прежними оставались главным образом сами тюрки, их взаимоотношения с благоволившим им халифом.

За короткий срок были построены все необходимые здания. Как отмечают современники, у ал-Мутасима не имелось такого гениального зодчего как у ал-Мансура, создавшего неповторимый Багдад. Основная структура города была проста, у него не имелось даже постоянных источников питьевой воды и необходимых водных коммуникации. После сооружения дворца халифа и административных зданий ал-Мутасим вместе со своей личной гвардией обосновался в городе. Таким образом, центр Халифата официально переместился в Самарру [235,с.15]. Самыми важными постройками были мечети, дворцы членов династии и тюркских военачальников.

Конечно, это были не великолепные дворцы эпохи Омейядов в Дамаске, не красота и величие сооружений Багдада, но размеры Самарры по тем временам были впечатляющими. Город в течение полувека выполнял роль столицы Халифата. И как Багдад

был городом мавали, так Самарра стала городом новой тюркской армии ал-Мутасима и его наследников.

Тюрки, ставшие одной из причин основания Самарры, и здесь продолжали пользоваться особым покровительством халифа. Им были отданы самые красивые места города. Афшину, Ашнасу, Хагану Уртуджу, Васифу и Инаку ал-Мутасим выделил специальные кварталы, куда они переехали со своими кланами. Особое значение придавалось тому, чтобы тюрки не перемешались с другими. Тюркские воинские части сами занимались своим обеспечением, решением социальных и бытовых проблем. Обращалось внимание на то, чтобы потребности кварталов, населенных тюрками удовлетворялись должным образом. Вместе с тем прилагалось немало усилий для того, чтобы не было контактов с другими этническими группами. Даже заключение браков контролировалось властью. Из тюркских регионов для этой цели привозили девушек, которым из казны выделяли содержание [38, VII, с.121; 47, II, с.258].

Перенос столицы из Багдада в Самарру однозначно продемонстрировал ту степень влияния, которой добились тюрки в Арабском халифате. Вот почему правления ал-Мутасима это - новый период в истории первого мусульманское государства, называемый «самаррским».

Таким образом, эпоха Аббасидов, во всяком случае период, что является объектом нашего интереса, стала качественно новым этапом во взаимоотношениях тюрков и арабов. Если при Омейядах тюркский этнос арабы использовали преимущественно как военную силу, и только на восточном направлении - в Центральной Азии, то теперь ситуация заметно изменилась. С приходом на власть Аббасидов можно говорить о качественно новом взгляде халифов на тюрков.

Оставаясь важной составляющей в политике Халифата в Центральной Азии, причем преимущественно как военная сила, тюркский элемент оказался востребованным теперь в новом качестве. Он был использован Аббасидами не только как военная сила, но и как политический компонент на западном направлении

- главным образом в центральных провинциях Халифата, а также в Северной Африке. Не менее важно, что это был боевой заслон против Византийской империи и ударная военная сила на полях сражений с главным арабским противником на западных границах.

Наряду с этим, тюрки стали играть все возрастающую роль в государственных структурах Халифата. Одновременно они принимали активное участие в подавлении антиаббасидских восстаний, мятежей, движений в разных провинциях - от Центральной Азии и Кавказа до Передней Азии и Северной Африки.

В связи с историей династии Аббасидов и тюрками подчеркнем, что армия играла большую роль в судьбах Халифата интересующего нас времени. А в армии, как и в личной гвардии этой династии, главная роль была отведена именно тюркам. Отсюда логически и закономерно следует заключение: тюрки являлись тем неарабским этносом, которому стала принадлежать отныне пальма первенства в мусульманском арабском государстве.

ГЛАВА III.

РОЛЬ ТЮРОК В РЕШЕНИЕ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ, ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ И УСИЛЕНИЕ ТЮРКСКОГО ВЛИЯНИЯ (IX ВЕК)

1. Тюркское участие в политических процессах

Ранее было отмечено, что с приходом к власти ал-Мутасима раскрылись новые грани взаимоотношения арабов с тюрками. Используя тюркский этнос как военную силу, халиф привлек наиболее выдающихся его представителей к не менее важным делам в государственных структурах. Более того, реализацию задуманных перемен в Халифате можно охарактеризовать как своеобразные реформы, направленные на усиление династии Аббасидов.

При этом вряд ли халиф задумывался над положением самих арабов. В противном случае он сделал бы ставку на них. Но ситуация изменилась, опереться можно было только на другой этнос – тюркский.

Так, ал-Мутасим для создания более спокойной обстановки в обществе, недовольным усилением роли тюрков, основал новую столицу - Самарру, которая по многим признакам отличалась от Багдада. Например, там было больше тюрков, нежели арабов. Значит, действительно, тюркский этнос являлся надежной опорой трона.

Вместе с тем комплекс мер, осуществленных ал-Мутасимом, свидетельствует, что в истории Халифата наступил новый период, который исследователи, как правило, называют «самаррским». Мы бы использовали более близкое к реалиям обозначение периода – «тюркский».

Действительно, он качественно отличается от предыдущих, является новым, даже «инновационным», и характеризуется следующими чертами.

За «самаррский период», когда тюрки составили весомую и значимую часть халифатской армии, они стали еще более активно проникать в политическую и административную сферы государства. Ал-Мутасим в этом способствовал своим «любимцам». Однако в дальнейшем усиление роли тюрков в жизни Халифата привело к кровавым столкновениям между ними и преемниками ал-Мутасима. В итоге, тюрки постепенно теряли свое влияние, но одновременно халифы утрачивали политическую и связанную с ней военную мощь. Таким образом, можно констатировать, что тюрки и халифы Аббасиды были прочно связаны друг с другом, как сиамские близнецы. Поэтому изменения в состоянии одного из двух компонентов в такой связке незамедлительно сказывались на втором. С другой стороны, один из компонентов не мог существовать в полную силу без другого.

Также и на это нужно обратить особое внимание, вначале процесс интенсивного и активного сближения Аббасидов с тюрками, то есть в период от кончины ал-Мамуна в 833 году до прихода к власти в 861 году ал-Мутаваккиля, может быть охарактеризован как этап мира и процветания, по крайней мере, в центре Халифата.

Большая заслуга ал-Мутасима заключалась в том, что он не позволил своей тюркской армии остаться вне рамок ислама, обратил ее в религию Пророка Мухаммада. Его знаменитой и единственной военной кампанией после получения власти, в которой он принимал участие, был византийский поход и его кульминация – битва при Амории в 838 году [209,с.124].

История столь важного события в жизни Халифата и Византии такова. В 837 году византийский император Феофил (829-842), воспользовавшись войной Халифата с хуррамидами, совершил поход в Месопотамию. Однако справившиеся с Бабеком арабы остановили нашествие византийской армии. Была одержана важная победа, взят город Аморий в Малой Азии (Анатолии). Ибн ал-Ибри сообщает, что было убито 30 тыс. византийских воинов, и столько же попали в плен [22,III,с.182]. Но гораздо более важным стало то, что были надежно защищены западные провинции Халифата.

Благодаря двум таким важным событиям, - обращение тюрок в ислам и важная победа над Византией на поле брани - ал-Мутасим остался в памяти современников и потомков как халиф-воин.

Мощь тюркской армии и ее преданность ал-Мутасиму во многом способствовали военным успехам этого халифа. Победа над Византией была безоговорочной, и хотя Аморий не являлся крупным и значительным византийским городом, арабские хроники уделили битве большое внимание, и ее описание мы находим как у ат-Табари [22,IV,с.180], так и в поэтических и других формах художественных произведений [24,II,с.10].

И наконец, постепенно росли влияние и мощь тюрок в Халифате. Об их роли в подавлении внутренних беспорядков, восстаний и других социальных и политических негативов мы будем говорить позже. Здесь же отметим, что после решающих действий при подавлении восстания Бабека статус тюрок в арабском обществе стал еще весомее. А самое главное заключалось в том, что переход армии в их руки, а также определенное преимущество в других сферах Халифата, постоянная утрата арабской и иными этническими группами позиций в государственном управлении привели к образованию большой массы недовольных тюрок, которая к тому же сумела сформироваться организационно.

У недовольных был выдающийся лидер – Аббас ибн ал-Мамун. С 833 года Аббас, назначенный наместником Сугура, был удален от политической и военной деятельности, несмотря на свои заслуги перед династией. В 838 году он и его единомышленники составили заговор, в котором приняли участие те, кто ныне оказался не у дел. Это были преимущественно иранские военачальники из знатных родов, многие из которых в свое время воевали за ал-Мамуна и были довольны своим статусом, но теперь оказались вытеснены такими выдающимися личностями, как Итах и Ашнас. Поэтому главной мишенью заговорщиков были ал-Мутасим и тюрки. Целью заговора являлось устранение халифа, давшего тюнкам столько прав, привилегий и возможностей.

Формальной же причиной своего недовольства положением в Халифате заговорщики объявили передачу власти Аббасу ибн ал-Мамуну. В случае, если бы план удался, заговорщики намеревались удалить от трона под благовидном предлогом всемогущих Афшина, Ашнаса и других тюркских военачальников и наместников.

Удобным обстоятельством для успеха заговорщиков стало то, что после похода на Аморий часть армии во главе с Афшином продолжила византийскую кампанию, а значит в самом Халифате тюрков оставалось меньше. Один из вдохновителей заговора Усейф ибн Анбаса предложил воспользоваться этим и убить ал-Мутасима, но Аббас решительно отказался от такого намерения [1,IV,с.489;22,III,с.190]. Вместе с тем он занял откровенно выжидательную позицию, надеясь, что развитие событий само приведет к развязке.

Однако то, что львиная доля военной добычи после Аморийской битвы досталась тюркам, еще больше подстегнуло заговорщиков. Они стали призывать Аббаса к активным действиям, но он по-прежнему выжидал.

Тогда Усейф ибн Анбаса попытался спровоцировать беспорядки при распределении военной добычи, но халиф сумел пресечь их. Однако такое событие насторожило власти, и Ашнас, сумевший получить сведения о заговоре, доложил о нем ал-Мутасиму. В результате, все заговорщики во главе с Аббасом были арестованы. Халиф приказал тюркским командирам жестоко покарать их. Аббас был передан Афшину, Усейф – Инаку, другие – Ашнасу, и их убили [1,V,с.490;16,с.398].

Заговор Аббаса ибн ал-Мамуна очень дорого обошелся недовольным протюркской политикой халифа, то есть противникам тюрков. Они утратили свои позиции в армии, государственных структурах.

Однако на этом борьба за власть не закончилась, изменились лишь ее форма и средства достижения цели.

В последние годы правления ал-Мутасима наиболее ярким политическим событием стала нейтрализация его самого выдаю-

щегося тюркского военачальника Афшина, подавившего восстание в Египте и успешно завершившего 20-летнюю войну Халифата против хуррамитов в Азербайджане, победителя Бабека. Афшин пожинал лавры любимца халифа, наслаждался своей славой в течение ряда лет после своего триумфа в войне с Бабеком. Он был баловнем судьбы и ярким представителем новой аббасидско-тюркской элиты.

Хайдар ибн Кавус, принадлежавший к знатному роду Усрушаны, упоминается в источниках, как «ал-Афшин», означающий титул правителей этой исторической области Центральной Азии.

Источники не дают точных сведений о том, когда семья Афшина получила власть в Усрушане. Первый ее представитель упоминается в связи со столкновением между хорасанским наместником Асадом ибн Абдаллахом и каганом тюргешей Су-лу. Речь шла о стороннике кагана Кара Бугре [22,Ш,с.361; 1, V, с.205]. После этого события его имя больше не встречается в источниках. Начиная с VII века, в связи с ослаблением тюркского каганата, Фергана, Шаш, Самарканд, Бухара, а также Усрушана превратились в небольшие независимые раннефеодальные владения.

За неимением точных сведений, можно лишь предположить, что семья Бугры владела Усрушаной, которая стала ее доменом.

Сын Кара Бугры, имя которого приводится в источниках по-разному – Хан Хара или Гара, в 794\795 году проявил себя в столкновениях с наместником Хорасана Фазлом ибн Яхья ал-Бармаки, но далее сведения о нем более чем скудны [22,Ш,с.1613; 42,Ш,с.1274].

Очередное появление семьи Кара Бугры на политической арене относится ко времени ал-Мамуна (813 – 833). В годы гражданской войны за власть между сыновьями Харуна ар-Рашида в Мавераннахре то и дело вспыхивали восстания [129,с.210], продолжавшиеся до гибели халифа ал-Амина и воцарения ал-Мамуна.

Став халифом, ал-Мамун немедленно послал крупные силы в Фергану и Усрушану, где правил в это время отец Афшина – Кавус. Последний понимал, что не сможет справиться с халифской

армией. Поэтому он отправил письмо везиру ал-Мамуна – Фадлу ибн Сахлю, в котором просил отозвать посланные против Усрушаны войска, а взамен обещал своевременно выплачивать Халифату дань. Фадл согласился на условия Кавуса, и мир был заключен.

Однако он оказался недолговечным, так как после возвращения ал-Мамуна из Центральной Азии в Багдад в 819 году Кавус прекратил выплачивать дань Аббасидам [7,с.430].

В то время как политические отношения ал-Мамуна с Кавусом становились все хуже, в семье последнего тоже произошли некоторые события, в результате которых на историческую арену вышел Афшин. В пылу возникших разногласий он убил одного из отцовских приближенных, дочь которого, к тому же, была замужем за его братом. Боясь гнева Кавуса, Афшин бежал в Хутталь. При содействии местного правителя он хотел примириться с отцом, но события в Усрушане складывались не в пользу Афшина. Тогда он отправился в Багдад, где принял ислам [104,с.3-4].

Появление Афшина в Багдаде и его переход в ислам стали благоприятными для халифа, желавшего завладеть Усрушаной.

Сделавшись врагом собственной семьи, Афшин обещал халифу помощь в походе на Усрушану. Ал-Мамун назначил его военачальником в армии Ахмада ибн Абу Халида и отправил в Усрушану.

Не ожидавший нападения, Кавус послал своего сына Фадла за помощью к тюркам. Но Кавус был взят в плен Ахмадом ибн Халидом, что вынудило Фадла вернуться, не дождавшись помощи, и он также оказался в плену у арабов.

Отец и сын были доставлены в Багдад, где приняли ислам. Поэтому ал-Мамун оставил Кавуса в сане афшина [104,с.15]. Усрушаны, а после его смерти этот княжеский титул достался Хайдару [7,с.430].

Эти сведения ал-Балазури частично имеются у ат-Табари и ал-Йакуби. Ат-Табари, к примеру, сообщает о предпринятом по приказу ал-Мамуна Ахмадом ибн Халидом походе на Усрушану и взятии в плен Кавуса с сыном [22,III;1065;43,с.454]. Ал-

Балазури, в свою очередь, отмечает, что в походе Ахмада на Усрушану участвовал также Афшин [7,с.432].

В заключение экскурсии о княжестве Усрушана отметим, что последним известным его главой стал Саир ибн Абдаллах, правивший до 893/94 года: сохранились его монеты [224,с.206].

Таким образом, наибольшую известность среди князей, владевших исторической областью в Центральной Азии – Усрушной, получил Афшин. Это напрямую связано с его военной службой у халифов Аббасидов, тесными военно-политическими контактами тюрок и их ролью в Халифате того времени.

Когда Афшин перешел на службу к Аббасидам, точно не установлено. Однако сообщения ат-Табари о покорении Усрушаны дают определенный ответ. Если учесть, что восстание Кавуса произошло после возвращения ал-Мамуна в Багдад, то есть в августе 819 года, а Усрушана была покорена в 822\823 году, можно предположить, что Афшин появился в столице Халифата в 821\822 году.

Прежде, чем перейти к событиям, связанным с возвышением, падением и кончиной Афшина, деятельность которого протекала в правление ал-Мамуна и ал-Мутасима, коснемся его этнической принадлежности, вопроса, вызывающего сомнения у некоторых исследователей. В ряде исторических трудов [132,с.36;175,с.46;185, I,с.507] говорится, что он может быть как тюрком, так и персом. Такой разброс мнений связан с тем, что в источниках нет точных пояснений. Однако заметим, что в них имеются определенные факты, позволяющие сделать конкретные выводы.

Единственным и главным указанием на то, что Афшин был персом, является имя его отца – Кавус. Оно часто встречалось у местной аристократии, и поэтому должно вполне нормально восприниматься в регионе, где влияние иранской культуры было довольно ощутимым. К тому же, до принятия ислама Афшин и его отец являлись зороастрийцами.

Условно говоря, в местном обществе, куда входили и тюрки, существовала традиция давать детям персидские и арабские име-

на. Поэтому имя отца Афшина не является серьезным аргументом для этнической идентификации. Тем более, что сам Афшин после принятия ислама носил арабское имя – Хайдар.

Многие факты источников подтверждают тюркское происхождение Афшина. Как известно, и об этом мы говорили в I главе, к концу VII века Мавераннахр и Восточный Туркестан попали под власть тюрков, здесь утвердились тюркские династии. Другими словами, тюркский этнос, как и персы, широко был представлен в этих областях. Во времена кагана – Карахана (691 – 717) весь Восточный Туркестан находился под его властью. Вместе с тем в отдельных районах, таких, как Шаш, Фергана, Самарканд, Бухара, Усрушана, были местные тюркские правители, признавшие сюзеренитет кагана Карахана. [199,с.120-126;98,с.18;72,с.48].

Усрушана и ее первые попавшие в мусульманскую историю правители (к примеру Кара-Бутра), не выпадают из этого ряда.

Что касается имени деда Афшина, то оно состоит из двух частей и явно не персидского происхождения. Ат-Табари и Ибн ал-Асир указывают, что вторая часть его имени – «Хан». Ибн ал-Асир приводит также другую версию «Гара», и можно предположить, что деда звали Гара-хан. Такое мнение не исключено, если учесть, что арабские источники часто искажают немусульманские, в частности тюркские имена. С учетом же этнической пестроты в регионе, откуда был родом Афшин и имен его предков, тюркское происхождение владетельных князей Усрушаны не вызывает сомнений [22,Ш,с.130;1,VI,с.505].

У ал-Йакуби также имеется сходное сообщение: «после подавления восстания Бабека Афшин вернулся в Самарру, а управление вверенного ему Азербайджана поручил своему двоюродному брату (по матери) – Менгюджуру» [145,с.179-182].

О том, что последний был родственником Афшина, упоминают и другие источники [48,Ш,с.583]. Имя Менгюджур – тюркское, часто встречается. Поэтому очевидно, что и по материнской линии Афшин – тюрк. Таким образом, по этническому происхождению он является чистокровным тюрком.

С учетом изложенного, не случайно, что деятельность Афшина на службе у Аббасидов совпала по времени с организацией и ростом влияния тюркских воинских соединений в Халифате, и что во всех важных военных походах и делах он ими руководил. Один из кварталов Самарры, в которых обустроились тюрки, был предоставлен Афшину. В правление ал-Мутасима он стал фактическим главнокомандующим тюркских армейских соединений.

Начавшаяся при ал-Мамуне и продолженная при ал-Мутасиме военная карьера Афшина способствовала тому, что он пользовался влиянием в Халифате. Вместе с тем это породило зависть и ревность арабской элиты. Его недолюбливали даже свои – знатные полководцы тюрки – Итах и Ашнас.

Афшин также был соперником и смертельным врагом персов Тахиридов, которых надеялся вытеснить из Хорасана.

В связи с темой нашего исследования отметим, что основатель династии Тахиридов – Тахир ибн ал-Хусайн, по происхождению, был персидским маула. Он выдвинулся при халифе ал-Мамуне, командуя его армией во время братоубийственной войны с ал-Амином в 810 году. После захвата Багдада он стал правителем столицы Халифата и ал-Джазиры. Затем получил пост наместника Ирана и восточных провинций арабского государства. Впоследствии Тахир, став достаточно могущественным и не очень зависимым от Багдада, распорядился опустить имя халифа ал-Мамуна в пятничной молитве (хутбе), что было равнозначно мятежу и провозглашению независимости.

После смерти Тахира халиф передал в 822 году наместничество его сыну, и с тех пор Тахириды правили из своей резиденции Нишапура, пользуясь фактической независимостью, но продолжали исправно посылать халифу подати, в том числе тюрков, которые обычно становились воинами армии Аббасидов.

Этих Тахиридов и хотел лишить власти Афшин, однако против него ополчились не только потомки Тахира, но и другие местные владетели, недовольные возвышением тюрков в Халифате.

И не случайно, что дворцовые интриги возглавил Абдаллах ибн Тахир (828 – 845). Тахириды не только сохранили свое могущество и влияние при ал-Мутасиме и его наследниках. До своей

смерти Абдаллах ибн Тахир владел Хорасаном, его сменил Тахир II (845 – 862), сохранивший власть до волнений, последовавших за смертью халифа ал-Мутаваккиля (847 – 861) [69,с.216].

Тахириды владели не только Хорасаном, которым в свое время правил Абу Муслим, а затем – сын халифа ал-Мамун.

В то время, когда главная ветвь Тахиридов правила Хорасаном (821-873), другие члены этого рода вплоть до начала X века поочередно занимали важный пост начальника гарнизона (сахиб аш-шурта) Багдада.

Таким образом, Афшин настроил против себя весьма значительную антитюркскую оппозицию, не только Тахиридов, но и старую арабскую элиту и часть придворных халифа. Тахириды правили в Хорасане в союзе с местными силами, в том числе с персидской по происхождению семьей Саманидов в Самарканде, которая поддержала ал-Мамуна в гражданской войне.

Впоследствии, в знак благодарности, халиф ал-Мамун принял на службу в Хорасане четверых внуков Саман-худы, основателя династии Саманидов. Так, один из них – Нух был назначен правителем Самарканда, Ахмад – заместителем Ферганы, Йахья – правителем Шаша, Илийас получил в управление Герат.

В итоге, Саманиды прочно закрепились в Мавераннахре, который стал ядром Саманидского государства со столицей в Бухаре (819-1005).

Благодаря своему военному могуществу и влиянию в Центральной Азии, Тахириды стали первой независимой династией в обширном Халифате. Однако они всегда старались не нарушать позитивных связей с Аббасидами, которым отсылали из Хорасана большие суммы, а также - тюрок.

Будучи почти независимыми от халифов, Тахириды, тем не менее, стали той политической силой Аббасидов, которая могла способствовать интеграции провинции обширного Халифата. Важно также заметить, что Тахириды были сильны и в Багдаде, причем не меньше, чем в Хорасане. Возможно, что доходы этой провинции они использовали для своего влияния в столице. Поэтому не случайно, что, когда Абдаллах ибн Тахир был отправлен

наместником в Хорасан в 828 году, в Багдаде его сменил двоюродный брат Исхаг ибн Ибрагим, который до своей смерти в 850 году (почти 20 лет) управлял городом. Затем его сменил в той же должности другой Тахирид [240,с.302].

Управление Тахиридов в какой-то мере способствовало сохранению лояльности халифам беспокойного Багдада, особенно после переноса столицы в Самарру. Именно они подавили в городе единственную реальную угрозу Аббасидам - заговор Ахмада ибн Насра ал-Хуза в 846 году, направленный против правящей династии [250,с.91]. Они же способствовали тому, чтобы Багдад не стал мятежным соперником Самарры с ее тюркским населением. Одновременно Тахириды, наряду с тюрками, обеспечивали военную мощь Аббасидов. Вместе с тем, именно они ликвидировали многих тюркских военачальников в том числе Афшина.

Абдаллах ибн Тахир и Афшин стали непримиримыми после триумфальной победы тюркского военачальника над Бабеком, после чего их отношения окончательно испортились. Особенно когда стало известно, что Афшин отправлял дары и подношения местным правителям, а захваченную в сражениях с хуррамидами военную добычу не халифу, а в Усрушану [104, с.21]. Богатства эти везли через Хорасан, то есть владение Абдаллаха, который немедленно донес ал-Мутасиму о действиях Афшина.

Халиф захотел узнать размеры богатства, и Абдаллах, отобрав все у людей Афшина, отправил их в Самарру, чем заслужил доверие Аббасида.

Это происшествие стало последней каплей в продолжавшемся конфликте между Афшином и Абдаллахом и причиной бескомпромиссного противостояния между этими высокопоставленными сановниками.

После подавления восстания хуррамидов Афшин, укрепивший свое влияние и силу в Халифате, решил вновь обратить взор на одну из самых богатых и политически влиятельных провинций – Хорасан, где находилась и его наследственная вотчина – Усрушана. Понимавший это Абдаллах также пытался не упустить малейшую возможность дискредитировать и нейтрализовать своего

врага. Именно он донес халифу о предполагаемой роли Афшина в восстании Мазьяра ибн Карина и сыграл значительную роль в его низвержении [22, III, с. 1289; 43, с. 502].

Одновременно с такими действиями Абдаллаха ибн Тахира, в центре Халифата произошли события, отрицательно повлиявшие на положение Афшина. Во главе его недоброжелателей стоял главный кади и советник ал-Мутасима-Ахмад ибн Абу Дауд.

В связи с этими обстоятельствами отметим следующее. Еще с правления ал-Мамуна, наряду с возвышением тюркских военачальников тюрков и персидских Тахиридов, росло новое поколение административных кадров – везиров и наместников ранних Аббасидов. Халифы были заинтересованы в сборе податей из Ирака, а также не затронутых гражданской войной Ахваза и Фарса. Естественно, что они нуждались в кадрах, знающих и понимающих специфику этого процесса в Ираке, и для его осуществления необходим был новый слой чиновников. Как и Сахлиды, эти кадры являлись выходцами из землевладельцев и купцов, то есть почти все из персов или арамейев. Большинство среди них составляли мусульмане. Хотя они не имели военной поддержки, самые удачливые военачальники, в том числе тюркские, зависели от них.

В качестве примера сошлемся на историю с заменой главы администрации халифа. В начале своего правления ал-Мутасим оставил в должности прежнего везира – осторожного и бережливого Фадла ибн Мервана. Однако в 836 году заменил его на Мухаммада ибн Зияда, состоятельного купца, отец которого разбогател на снабжении столицы маслом.

Мухаммад исполнял свои обязанности как при ал-Мутасиме, так и при его сыне и преемнике ал-Васике. Он был смещен только при ал-Мутаваккиле [268, с. 163].

Мухаммад не оказывал влияния на формирование государственной политики, как его предшественник на посту везира, или в свое время династии везиров Бармакидов и Сахлидов. Но он был весьма сведущ в финансах, почему и прослужил столь долго. Однако черствость и грубость с окружающими стали причиной его

отставки. Мухаммадом были недовольны не только подданные халифа, но также чиновники (ахл ал-куттаб).

Наряду с известным обновлением кадров чиновничества, с привлечением новых лиц, а также с приближением к трону новой элиты, халифы искали обновленную мусульманскую идею. Изменившаяся ситуация в военной и политической, социальной и экономической сферах требовала новаций в государственной и идеологической областях.

В связи с этим весь ранний Аббасидский период пронизан попытками примирения семьи Алидов с теми, кто хотел религиозного лидерства для новой династии – халифов Аббасидов. Последовательнее других в этом процессе был ал-Мамун, который заменил черный цвет своего родового знамени на зеленый шиитов. Ал-Мамун и его наследники пытались найти нечто среднее между светской монархией Омейядов и чисто теократическим государством, которое импонировало шиитам и могло примирить обе стороны. Титул имама, который ввел ал-Мамун, продолжали использовать последующие халифы. Этот акт обозначал их притязания на религиозное лидерство, как и на принадлежавший им авторитет, что конкретно было выражено в пышной титулатуре халифов дефиницией «амир ал-муминин» (глава верующих).

Ал-Мамун также решил опереться на религиозную систему, известную как мутазилизм. Это учение было связано с природой авторитарности в обществе, ибо ставило вопрос о том, как глубоко мог халиф интерпретировать и использовать мусульманские традиции и божественные откровения [76, с. 72]. Ведь для верующих халиф был никем иным, как лицом, призванным управлять мусульманской общиной, опираясь на Коран и сунну, а имам пусть толкует откровения и на их основе объясняет происходящие в мусульманском обществе изменения.

Что касается мутазилизма, то он стоял где-то посредине этих двух позиций, и отличался тем, что считал Коран сотворенным, в отличие от тех, кто утверждал о его вечности и идентичности с Аллахом. А согласно логике учения мутазитов, если Коран сотворен, то он может быть изменен, чтобы соответствовал каждо-

му времени, и этому должно помогать законотворчество под эгидой представителя Аллаха – имама. Эта позиция стала ясна в период споров и конфликтов между Али и его противниками, и хотя мутазилиты не поддержали ни одну из сторон, они не желали также войны. К Али же, как представителю доверенной семьи Аллаха, мутазилиты относились с глубоким уважением. Короче говоря, мутазилизм был направлением, которое могло усилить политическую власть халифа в обществе, придав его слову религиозную силу.

Мутазилизм как система мировоззрения сформировался до прихода к власти ал-Мутасима, но в политике это учение появилось именно в IX веке. Между его идеями и правящей в Самарре элитой, окружавшей халифа, существовало определенное единение.

Лицом, ответственным за осуществление связи между религией и политической властью, был главный кади Ахмад ибн Абу Дауд, наверное, самый влиятельный из всех советников халифа, человек, чье воздействие на Аббасидов оставалось неизменным с конца правления ал-Мамуна до времени ал-Мутаваккиля.

Ал-Мамун и его советники не довольствовались демонстрацией своей приверженности мутазилитской доктрине, они требовали этого и от других. Имам-халиф представил обществу свое мнение, и вера в сотворенность Корана стала своего рода испытанием и проверкой на политическую благонадежность и лояльность к власти. Ал-Мамун ввел даже нечто наподобие инквизиции – михна для выявления религиозных взглядов своих подданных.

Указом халифа предписывалось подвергать испытанию в вере всех судей, теологов, чиновников. Не признававших мутазилитских догматов, в том числе сотворенности Корана, увольняли с государственной службы и подвергали наказаниям, вплоть до смертной казни. Лишь те считались лояльными и верными халифу, кто признавал положения мутазилизма.

Однако, несмотря на принудительные меры, мутазилитское учение в целом не было принято во всем Халифате. А при ал-

Мутаваккиле мутазилизм вновь объявили «ересью». При этом халифе вообще запретили какие-либо дискуссии и диспуты о происхождении Корана.

Но до этих мер ал-Мутаваккиля мутазилизм оставался в Халифате доминирующим учением. Он имел много сторонников в Самарре. Шииты, в свою очередь, оценили мутазилизм как защиту памяти четвертого праведного халифа, а христиане и иудеи были удовлетворены веротерпимостью этого учения.

Однако существовало также большое недовольство против доктрины мутазилитов, особенно в опальной столице – Багдаде. Здесь традиционалисты, руководимые Ахмадом ибн Ханбалом, заявили о недопустимости свободного истолкования Корана и сунны. Они считали, что ни один имам не должен позволить себе внести какие-либо изменения в изреченное Пророком [81,с.103;72,с.173].

Следует заметить, в связи с ханбалитами, что их учение стало не просто реакцией на мутазилизм, но своего рода демонстрацией неприятия самаррской элиты, которая состояла из новых приближенных халифа, в том числе тюрок. Поэтому восстание в Багдаде под руководством потомка одной из влиятельных семей мавали Ахмада ибн Насира ал-Хуза в 846 году, о чем упомянуто ранее, представляет собой очень серьезную попытку изменить состав доминирующей элиты в Ираке, в первую очередь, вытеснив из нее тюрок [226,с.349].

По этой причине следует считать, что противостояние тюркского военачальника Афшина и кади Ахмада Абу Дауда было не просто личной враждой двух высокопоставленных влиятельных персон, и даже не результатом политических интриг. Оно стало продолжением начавшегося еще при ал-Мамуне и продолжавшегося при ал-Мутасиме движения арабской элиты за ликвидацию в Халифате тюркского влияния. Особенно заметно это проявилось в истории с Афшином и в судебном процессе над ним.

Еще одной из причин, способствовавшей низвержению Афшина, было то, что, возвратившись после подавления движения Бабека в Самарру, он оставил в Азербайджане своего родствен-

ника, упомянутого Менгюджура. Последний же вскоре поднял мятеж, о чем противники немедленно донесли халифу, придав эти действиям политическую окраску, то есть попытку отложиться от Халифата [48, III, с. 583].

Однако нейтрализация такой видной высокопоставленной и влиятельной фигуры, как Афшин, было бы невозможно без определенной поддержки высших военных чинов.

Афшин представлял собой неординарную фигуру не только в военной, но и в политической структуре Халифата. Он имел большой вес в главной опоре Аббасидов - тюркской армии и гвардии халифов. Он был не просто выдающимся военачальником или даже полководцем, но «спасителем отечества», ибо избавил арабов и мусульманский мир от грозной опасности - народно-освободительной войны хуррамитов под руководством Бабека имевшей ярко выраженный антиарабский и антимусульманский характер. Поэтому в глазах халифа, его двора, тюрок и армии Афшин предстал героем.

Не случайно, Низам ал-Мульк пишет: «У Мутасима было три победы, все были к славе ислама: первая победа - над Румом (Византией. - *Н.А.*), вторая победа - над Бабеком, третья победа - над Мазнаром Гябром из Табаристана. Если бы не случилось хоть одной из этих побед, уничтожился бы ислам» [56, с. 227-228].

Поэтому к месту отметить, что все эти победы были одержаны благодаря тюркскому воинству Арабского халифата, а знаковой фигурой здесь являлся Афшин, победитель Бабека, чуть «не уничтожившего ислам» вместе с Халифатом.

Вот почему, не заручившись поддержкой тюркских военачальников, невозможно было расправиться с Афшином. В противном случае, в армии начались бы беспорядки. Поэтому искусно использовали ревность, которую испытывали Ашнас, Буга ал-Кабир, Инак и другие тюркские военачальники к более удачливому Афшину. Сыграли свою роль также жалобы и заявления Абдаллаха ибн Тахира. Все вместе позволило начать кампанию против Афшина.

Источники представляют причину его опалы в том, что будто Афшин пытался организовать заговор против халифа [16,с.404;43,с.518;1,VI,с.512]. Ат-Табари и зависимые от него сочинения сообщают, что Афшин почувствовал перемену в отношении к нему ал-Мутасима. Поэтому он решил бежать в Мосул, а оттуда через вверенные ему в управление Азербайджан и Армениийе в Хазарский каганат, враждебный Арабскому халифату. Однако, он все же посчитал такой поступок опасным для себя и, хотя все было готово, отказался от своего намерения, ибо задумал нечто иное.

Афшин хотел организовать в своем дворце пир с участием халифа и государственных деятелей и всех отравить. В случае же если ал-Мутасим не придет, отравить присутствующих, в том числе военачальников.

Если бы план удался, Афшин мог спокойно отправиться на свою родину, в Усрушану.

Но заговор не удался. Один из его людей донес обо всем ал-Мутасиму. Халиф пригласил Афшина к себе во дворец, где он был арестован. В связи с описанными событиями обращает на себя внимание то, что ни одно из описанных в источниках противоправных действий Афшина не фигурировали в судебном разбирательстве. А каждого из них было достаточно, чтобы приговорить Афшина к смерти без какого-либо разбирательства. В суде фигурировали весьма слабые доказательства, в том числе связи с изменником Мазьяром ибн Каринном, а восстание Менгюджура вообще упомянуто вскользь.

Поэтому можно полагать, что если бы все упоминаемые у ат-Табари и других авторов сведения о заговоре, о подстрекательствах к восстанию имели веские аргументы, то смертельный приговор был неминуемым. Возможно, что часть обвинений сфабриковали недоброжелатели Афшина, чтобы очернить его перед халифом.

Для суда над Афшином была создана коллегия в составе везира, главного кади и представителя семьи Тахиридов. Каждый из них имел свои счеты с подсудимым, и на лояльность судей нельзя было рассчитывать.

Афшину инкриминировали притеснение мусульман. Когда, хранение в своем дворце книг о религиях многобожников и идолопоклонников, что означало его вероотступничество от ислама [22, III, с. 1309; 43, с. 520; I, VI, с. 513].

Были проведены очные ставки Афшина с изменником Мазьяром ибн Каринном, рассказавшем о письме подсудимого своему брату, где он говорил о надеждах, связанных с Бабеком, и о будущем возрождении своей веры [16, с. 406; I, VI, 514; 142, с. 268]. Афшин отрицал все, но был осужден и препровожден в специальную тюрьму.

Как видно из изложенного, основным обвинением было то, что Афшин – не мусульманин и изменил исламу. Это утверждение суда весьма спорно, если учесть, что Афшин принял ислам еще при ал-Мамуне, участвовал в подавлении ряда восстаний и, наверное, не будь он полностью благонадежным, его не отправили бы усмирять Бабека.

В любом случае, анализируя сведения источников, можно констатировать, что суд имел иные цели и причины.

Он подтвердил, что происки недругов Афшина достигли своей цели – они сумели поколебать доверие ал-Мутасима к своему любимцу. Гораздо важнее было то, что окружение халифа попыталось таким способом дискредитировать в глазах Аббасида тюркское окружение трона. Тем самым арабы хотели вернуть себе прежние позиции во дворце. Обвинив Афшина в вероотступничестве, сторонники мутазилизма могли еще больше укрепить свои позиции в Халифате и вообще в мусульманской общине. Поэтому даже одного обвинения Афшина в «измене исламу» было достаточно для его осуждения и опалы.

Однако, тем не менее, суть затеянного над Афшином судилища имела, скорее всего, более глубинные причины. В Халифате происходили заметные перемены в социально-экономической, политической, конфессиональной сферах. Необходим был повод как для их поддержки, так и для объяснения необходимости перемен. Эпопея с Афшином, неарабом, подошла для этих целей как нельзя лучше вследствие вышеперечисленных причин.

Очевидно, Афшин сидел в тюрьме довольно долго. Некоторые источники указывают на почти годичный срок [16,с.406]. Ат-Табари косвенно это подтверждает, отметив, что суд состоялся в конце 840 года [22,IV,1314]. По сведениям других авторов, ал-Мутасим в середине 841 года даже посылал узнику свежие фрукты со своим сыном ал-Васиком.

Источники отмечают также, что Афшин просил халифа вместо фруктов прислать к нему человека, которому он мог поведать свои мысли. Ал-Мутасим внял просьбе и послал Халдуна ибн Исмаила, через которого Афшин передал: «Господин, ты сделал для меня много добра, возвысил меня, предпочел меня своим людям. Затем, даже не проверив обвинения против меня, поверил им. Но не подумал о том, как это могло случиться, как я все это мог сделать. Поверил в то, что я подтолкнул изменников к восстанию и приказал посланному против них военачальнику не воевать с ними. Ты знаешь войну, воевал и командовал армией. Разве возможно, чтобы военачальник приказывал своей армии не сражаться при встрече с врагом? Этого никто не сделает. Ты самый близкий мне человек. Я один из твоих рабов, и всего достиг благодаря тебе» [1,VI,с.57;43,с.504].

В обращении Афшина к халифу образно говорится также о его положении и о ситуации, в которой оказался сам ал-Мутасим: «О повелитель правоверных, моя ситуация подобна той, когда один человек вырастил теленка, и его состояние было прекрасным. А друзья этого человека жаждали отведать мяса теленка и предложили нарезать его для них. Однако этот человек не соглашался. Тогда однажды они сказали ему: «Нам жаль тебя, зачем ты растишь этого льва? Это дикое животное, оно вырастет и вернется к себе подобным. Человек возразил, что это не лев, а теленок, но ему стали доказывать, что лев, и что об этом можно узнать у любого. Причем они подучили всех, чтобы те называли теленка львом. И когда этот человек стал спрашивать, все отвечали ему, что при нем находится лев. После таких слов человек зарезал теленка. Вот и я именно тот теленок, как же я могу быть львом?» [22,III,с.1315-1316].

Но обращения Афшина не смягчили халифа. Напротив, он отдал распоряжение урезать ему содержание.

Посаженный на хлеб и воду, Афшин умер от голода весной 841 года. Источники сообщают также, что после его смерти в его дворце были найдены идолы, языческие книги, и это дало повод распять его труп, а затем сжечь, а пепел бросить в реку Тигр [22,Ш,с.1320].

По мнению З.М. Буниятова, Афшин питал в душе симпатии к хуррамитами, так как найденные в его дворце идолы действительно подтверждают его склонность к зороастризму [142,с.270].

Здесь уместно отметить, что у З.М. Буниятова весьма подробно и научно достоверно изложено все связанное с хуррамидами и Бабеком. Это – движение народных масс Азербайджана против Халифата, в том числе - история Джавидана, затем его преемника и последователя Бабека; рассказано о размахе движения хуррамитов, превратившегося в народно-освободительную войну; все этапы этой антиарабской, антихалифатской войны, а также влияние идей и движения хуррамитов на последующие выступления народных масс и на политические события в Халифате [142; с.264-280].

Возвращаясь к инкриминированному Афшину обвинению в идолопоклонстве и зороастризме, сразу отметим, что в нем много сомнительного. Например, почему обыск во дворце опального военачальника был произведен только после его смерти; почему халиф, который мог без всякого суда казнить или помиловать Афшина, все же держал его в заточении, и даже помнил о нем?

Возможные ответы связаны с целями и причинами, которые мы перечислили выше, упоминая о суде над Афшином и о составе судей. Здесь же обратим внимание на следующее.

Отметим, что при ал-Мамуне начался и при ал-Мутасиме усилился процесс привлечения тюрок в армию Халифата. Превратившись в реальную и влиятельную силу, они стали воздействовать через армию на политические процессы. Такая ситуация не могла не встревожить арабов, без того уже лишенных Аббасидами многих привилегий и возможностей. Поэтому старая араб-

ская элита направила свои усилия против тюркского засилья. Конкретной мишенью был избран очень влиятельный и широко известный своими заслугами перед династией Афшин. Только так можно было ослабить доверие к нему и посеять рознь между тюркской армией и халифом. Поэтому кровавые столкновения, начавшиеся при ал-Мутаваккиле между тюрками и халифами, можно расценить как последствия интриг арабской элиты, начатых при ал-Мутасиме.

Устранение Афшина, которое удалось арабам, можно считать их успехом. Однако это вовсе не означало, что тюрков лишили их позиций в Халифате, в том числе они сохранили даже более того, они усиливали свое положение и о чем можно судить по дальнейшим событиям.

Все халифы после ал-Мутасима по-прежнему зависели от собственных гвардейцев-тюрков.

После смерти Афшина его место занял другой тюрк – Ашнас, тем самым подтверждалось, что тюркский этнос, как и ранее, сохраняет свои позиции при халифе. Тогда же, в 841 году, Ашнас отправился в хадж. По пути следования его встречали с почтением, на его имя читалась хутба. Все это - свидетельство прежней роли тюрков, показатель того, что ничего не изменилось в их положении, и они сохраняли влияние в Халифате.

Таким образом, низложение, судилище и смерть одного из влиятельнейших сановников Халифата - Афшина не стали поводом для утраты тюрками их позиций в мусульманском государстве. Наоборот, можно констатировать, что после 841 года тюркское влияние и роль в армии и личной гвардии халифов остались прежними. Более того, теперь тюркский элемент упрочил свои позиции и в политической жизни Халифата.

Ал-Мутасим умер вскоре после Афшина - в 842 году. Его правление было успешным. Он сумел уничтожить всех, кто представлял угрозу его власти, а армия, которая была им создана, стала опорой Халифата. В результате, была создана крайне централизованная система управления государством, при которой полнота власти сосредоточилась в руках узкого круга лиц – как

военных, так и гражданских. Пока между ними не возникало трений, государственные дела решались без осложнений.

Ал-Мутасим остался в истории Халифата как один из самых благополучных аббасидских властителей, в заслугу которому ставились победа над Бабеком и строительство Самарры.

Трон унаследовал сын ал-Мутасима – ал-Васик (842 – 847). Годы его правления – довольно спокойный период во внутренней и внешней жизни Халифата. Оставаясь верным принципам отца, ал-Васик не вступал ни в какие столкновения с тюрками. Напротив, выдвигал их на руководящие посты и приближал к себе [82,с.14-15]. Именно при ал-Васике тюрки активно вошли в политическую жизнь государства. Он посылал их на усмирение восстаний арабов в арабские области, жаловал их командирам высокие посты и земельные владения на правах икта. Например, Ашнас стал правителем области, которая простиралась от «ворот дворца халифа до пределов Магриба». Итах управлял Хорасаном, Синдом и Кур Диджлой [105,с.55].

Армия также оставалась прежней, то есть тюркской и в руках тюрков. Везиром был Ибн аз-Зийяд, главным кади – Ибн Абу Дауд. Скончались влиятельные придворные – Ашнас и Абдаллах ибн Тахир, на их место пришли новые тюрки, – Васиф, Буга ал-Кабир и Буга ас-Сагир; среди персов – сын Абдаллаха – Тахир.

В результате, соотношение «этно-политических» сил не изменилось, и, пока оно не нарушалось, ничто не предвещало военных и политических бурь в верхах Халифата. Лишь в последние годы своего правления ал-Васик приказал конфисковать имущество секретарей тюрков Инака и Ашнаса [48,II,с.591], обвиненных в казнокрадстве, а также еще некоторых лиц. Но были казнены лишь тюркские чиновники, и это наводит на мысль, что не обошлось без влияния везира и кади, которые, не имея возможности открыто выразить свое недовольство, вынашивали планы ослабить тюркское влияние. Арабы, несмотря на всю сложность ситуации, в этот период сумели сохранить главенствующие позиции в религиозной и административной сферах.

Ал-Васик пробыл на троне пять лет. Но за этот короткий

срок он превратился в марионетку в руках своего окружения, в первую очередь тюрок. Возможно, добившись от него всего, чего можно было, тюрки сократили срок жизни этого халифа. Считается, что ал-Васик умер преждевременно, либо, как о нем писали, из-за беспутной жизни, либо же от рук взбунтовавшихся гвардейцев.

Наследник трона не был назначен. По этой причине впервые за время правления халифов Аббасидов собрали совет самых влиятельных лиц Самарры. В их числе были главный кади и везир, а также – тюрки. Некоторые члены совета предложили присягнуть юному сыну халифа – Мухаммаду. Однако тюрки, и среди них такие влиятельные военачальники, как Васиф ат-Турки и Итах, не сочли его кандидатуру соответствующей достоинству халифа.

По их настоянию халифом стал брат ал-Васика – Джафар, принявший имя ал-Мутаваккиль (847 – 861). Как указывал З.И. Буниатов, «возведение ими (тюрьками – *Н.А.*) на престол ал-Мутаваккиля указывает на то, что они имели огромное влияние на управление государством» [143,с.52]. Но если члены совета надеялись на то, что новый халиф будет потакать им во всем, то они серьезно просчитались.

Ал-Мутаваккиль проявил себя как один из самых вероломных, неблагодарных, жестоких представителей династии Аббасидов. Он хорошо понимал шаткость своего положения, зависимость от тюркского окружения. Поэтому очень скоро ал-Мутаваккиль сделал попытку избавиться от плотной опеки армии и укрепить свою власть, ослабляя и убирая сильных наместников, видные фигуры, служившие его отцу и брату. Первым он избавился от везира ибн Зийяда в 847 году [48,II,с.581;22,III,с.1368]. Затем обозначились его позиции в отношении тюрок, от которых халиф чувствовал серьезную для себя опасность, несмотря на то, что пришел к власти с их помощью.

Противостояние с тюрьками нарастало постепенно. После смерти в 844 году Ашнаса его должность главнокомандующего армии перешла к Итаху, который являлся также наместником

ряда областей и хаджибом (комендантом) халифского дворца. По натуре своей Итах был заносчив, вел себя вызывающе и не скрывал превосходства над другими, что и сделало его первой мишенью нового халифа. Ал-Мутаваккиль усыпил бдительность Итаха, возведшего его на трон, и договорился с Тахиридами, что этот высокопоставленный тюрок будет убит в Багдаде. В 849 году Итах отправился в хадж. Когда он покинул Самарру, хаджибом был назначен Васиф, сторонников которого сумели настроить против Итаха, повелев арестовать последнего по возвращении из Мекки. На обратном пути Итах был встречен близ Багдада Тахиридом Исхагом ибн Ибрагимом, который устроил ему ловушку, схватил и заключил в тюрьму, Итах умер там от жажды [105,с.57-58].

Несмотря на то, что был лишен власти и фактически убит один из влиятельнейших тюрок в Халифате, да еще представителем соперничающего персидского рода, ничего экстраординарного не произошло. Тем более, что это событие, как и ранее история с Афшином, не поколебало позиций тюрок, ибо их сила заключалась уже не в отдельных личностях, а в общей позиции и статусе тюркского элемента в Халифате.

Слишком большое место занимал тюркский этнос в военно-политических структурах государства Аббасидов, чтобы отдельные эпизоды, даже в отношении очень высокопоставленных тюрок, могли поколебать позиции этих неарабов в армии и администрации.

Однако халиф не остановился на содеянном против тюрок и осуществил еще ряд мер. Он назначил трех своих сыновей главами провинций, где ранее наместниками были Ашнас и Итах, — Египта, ал-Джазиры, Хорасана [77,с.175]. Хотя их наместничество носило номинальный характер, назначение сыновей халифа должно было подчеркнуть, что хозяевами в Халифате являются Аббасиды, а не тюрки.

В 851 был смещен Ибн Абу Дауд, один из влиятельных советников Самаррского периода, сыгравший важную роль в возведении на трон халифа ал-Мутаваккиля. Так как в арабских облас-

тях Халифата, за исключением Сирии, ортодоксальный ислам пользовался широкой популярностью, не удивительно, что ал-Мутаваккиль решил прослыть благочестивым мусульманином. Однако это несколько не изменило его отнюдь несправедливого времяпрепровождения в интимной обстановке [13, с.282].

Ал-Мутаваккиль запретил толкование Корана, отличное от канонического. В 850 году восстановил внешние отличительные признаки между мусульманами и иноверцами. Были внесены изменения в официальную идеологию и начата борьба с мутазилизмом, который еще при ал-Мамуне был провозглашен государственным вероисповеданием. Так, в 851/852 году ал-Мутаваккиль объявил ересью мутазилитский догмат о сотворении Корана и сменил на салафита – традиционалиста Ибн Ахтама верховного мутазилита Ахмада ибн Абу Дуада. Абу Дуад был заточен в тюрьму, где умер в 854 году.

После расправы с Итахом и его смерти решительных мер против тюрок халиф более предпринять не решался, так как их позиции в Самарре были очень сильны. По этому поводу ал-Масуди писал, что для ограничения тюркского влияния халиф пытался удалить их из своих охранных отрядов, уменьшить численность тюрок и привлечь на военную службу представителей других этносов [38, с.361; 274, с.73].

Ал-Мутаваккиль заменил своих советников. Однако новым везиром был назначен тюрк – Убейдаллах ибн Зийяд. Обновленное за счет арабов и нетюркских мавали Багдада войско составило 20 тыс. чел. 12 тыс. из них халиф разместил в самой Самарре под предлогом охраны своего сына ал-Мутаазза [39, VII, с.193]. Им платили такое же жалование, как и тюркам [1, VII, с.49].

Хотя изложенные выше сведения встречаются лишь у ал-Масуди, можно полагать, что перечисленные нововведения были характерными для политики ал-Мутаваккиля, носившей явно выраженную антитюркскую направленность.

Значит, можно с полным на то основанием констатировать, что во времена ал-Мутаваккиля тюркский элемент набрал очень большую силу в Арабском халифате. Причем не только в новой

столице – Самарре, но и в провинциях. Особенно сильными стали позиции тюрок в армии, являвшейся одной из основных, если не главной, опор власти халифов Аббасидов.

Ал-Мутаваккиль решил обезопасить себя и трон династии от тюрок. Однако, не будучи в состоянии в одночасье избавиться от них, он решился создать систему баланса и противовесов. В этой роли выступили как арабская элита, так и военные из представителей нетюркского этноса. Причем халиф использовал в своих интересах соперничество между старой и новой столицами Халифата – между Багдадом и Самаррой.

Соответственно с «новациями» в политике изменилось и отношение ал-Мутаваккиля к столице ал-Мутасима. Он принял решение покинуть Самарру, почти по тем же самым причинам, по которым его предшественник в свое время покинул Багдад. Переезд в Дамаск, как того пожелал халиф, в город, который был чисто арабским, должен был избавить его от тюркского давления.

Таким образом, основание новой столицы Самарры при ал-Мутасиме стало показателем чрезвычайно возросшего влияния тюркского элемента в Халифате. Переезд же ал-Мутаваккиля из Самарры стал демонстрацией желания этого халифа избавиться себя и Халифат от тюркского засилья и вновь приблизить арабский элемент.

Со своей стороны, арабы были удовлетворены таким поворотом событий. Это давало им возможность восстановить утраченные позиции в военной и политической жизни Халифата.

В марте 858 года халиф отправился в Дамаск, приказав разместить здесь диваны, административные институты, построить новые здания [242, с.83]. Однако это вызвало сильные волнения в Самарре, и ал-Мутаваккиль, пробыв в Дамаске два месяца, вернулся обратно. Но, тем не менее, внес определенные изменения. Так в 859\860 году администрацию халифа разместили в Махузе, на окраине Самарры. Этот район называли Джафарийя, по имени ал-Мутаваккиля и отделили от беспокойного города каналом.

В результате, отношения халифа с тюрками окончательно испортились. Хотя их давление на ал-Мутаваккиля уменьшилось, тюрки намеревались покончить с этим Аббасидом. Однако халиф продолжал жесткую антитюркскую политику. Он назначил наследником своего сына ал-Мунтасира, но тюрки сумели поссорить его с отцом. Причина заключалась в том, что близкие к халифу ал-Фатх ибн Хаган и Убейдаллах ибн Зийяд склонялись к кандидатуре другого сына – ал-Мутаза, ибо ему была поручена армия, в которую влились арабские части [39, VII, с.259]. Это заставило ал-Мунтасира войти в союз с другой группировкой тюрок во главе с Буга ас-Сагыром, Васифом и Отамышем, решившими поддержать его в борьбе за трон [1, VII, с.85].

Что касается близости ал-Фатха ибн Хагана и Убейдаллаха ибн Зийяда к халифу, то это можно объяснить и тем, что они были не из военного сословия. Не вполне доверяя окружающим его сановникам, ал-Мутаваккиль был одним из немногих аббасидских халифов, которые пытались управлять государством без официально назначенного везира.

Его функции выполнял ближайший помощник и советник ал-Мутаваккиля – тюрок ал-Фатх ибн Хаган. Он был известен как очень образованный и преданный Аббасидам талантливый администратор.

Правда, часто несправедливо арабские историки называют его интриганом и доносчиком [269, с.35].

Однако в данном случае для нас важно отметить, что в окружении халифа было много тюркских сановников и военачальников, занимавших высшие ступени в придворной иерархии, и ал-Фатх ибн Хаган в значительной степени нейтрализовал их влияние, чем, возможно, и заслужил неприязнь современников, не понявших истинной позиции этого везира ал-Мутаваккиля.

Ал-Фатх ибн Хаган принадлежал к знатной тюркской семье из Ферганы. Его отец возглавлял отряд тюркских воинов из Мавераннахра, который составлял личную гвардию ал-Мутасима. В возрасте шести лет он попал во дворец в качестве товарища для игр юного тогда ал-Мутаваккиля, и воспитывался вместе с ним.

Вот причина, по которой ал-Фатх стал другом и помощником этого халифата в государственных делах.

Ал-Мутаваккиль назначил его сперва надзирать за строительством в Самарре, а в 856 году – наместником Египта, сместив с этой должности собственного сына, будущего халифа ал-Мунтасира, чего последний не простил отцу и его другу [260,с.134].

Источники сообщают, что довольно просвещенный ал-Фатх ибн Хаган был большим меценатом, покровительствовал ученым, поэтам, писателям, среди которых наиболее известны историк ал-Джахиз, знаменитый арабский поэт ал-Бухтури (ум. 897), филолог ас-Салаб (ум. 904). Во дворце ал-Фатха имелась большая библиотека, открытая для ученых и теологов. Он сам любил читать и, по легенде, всякий раз, выходя из-за стола халифа, доставал из рукава или туфли какую-нибудь рукопись и читал ее, пока не возвращался за стол, а также сочинял стихи и прозу [1, VI, с.103].

У вернувшегося в Джафарийю под тюркским давлением халифа тюрки сначала потребовали повышения жалования, а затем, получив требуемое, решили устранить ал-Мутаваккиля. Этому помешал Буга ал-Кабир, которого потом, по навету недругов, халиф услав в византийский поход, лишившись, тем самым, верного сановника и военачальника [24, II, с.350].

Ал-Мутаваккиль продолжал свою антитюркскую политику. Так, он конфисковал имущество Васифа в Исфахане и ал-Джибале.

Тогда был составлен заговор видных тюркских военачальников во главе с Васифом и Бугой ас-Сагыром. В месяце шавваль [48, II, с.601; 39, VII, с.273] 861 года заговорщики ввели в Джафарийю верную им охрану, не пропускавшую никого во дворец халифа без их ведома. Затем Буга ас-Сагыра, Муса ибн Буга ал-Кабир, Харун ибн Сувабтекин, Багир ат-Турки вошли в покои халифа, который пребывал в сильном опьянении в компании с ал-Фатхом ибн Хаганом. Последний пытался своим телом заслонить от кинжала убийцы своего друга и покровителя. Но ал-Мутаваккиль был убит вместе с верным ему везиром [269, 289].

Эти серьезные события связаны с тем, что, ал-Мутаваккиль оказался очень опасным для тюркского элемента в Халифате. Халиф был весьма сильной и самостоятельной личностью. Ал-Мутаваккиль намеривался восстановить в своем государстве позиции арабов и освободить Халифат от зависимости от неарабского элемента. Однако тюрки вовремя почувствовали грозившую им опасность — лишиться всего, чего достигли в государстве Аббасидов. Многим высокопоставленным тюркским военачальникам и сановникам не понравилось и представлялось опасным, что ал-Мутаваккиль чрезмерно доверял ал-Фатху ибн Хагану. Среди таких был Васиф, которого халиф намеревался убить. Но у заговорщиков оказался могущественный союзник в лице наследника ал-Мунтасира.

Вместе с тем можно говорить о том, что во времена ал-Мутаваккиля в Халифате уже четко сформировались две главные тюркские группировки. Одна из них, к которой принадлежал ал-Фатх ибн Хатан, будучи вполне довольна своим положением, верой и правдой служила Аббасидам. Другая, к которой принадлежали заговорщики, опасалась, и вполне обоснованно, что ал-Мутаваккиль хочет нейтрализовать тюркский элемент на службе у Аббасидов.

Вторая тюркская группировка была права, в то время как первая включала, скорее всего, уже дезтнизировавшихся тюрок, больше осознававших себя мусульманами-нетюрками, хотя еще не арабами.

Победила группировка, члены которой не утратили связей со своими тюркскими корнями. В итоге, роль тюрок в военно-политической системе Арабского халифата была продлена еще на ряд столетий, вплоть до сельджукского периода, то есть до XI века включительно.

Убийство ал-Мутаваккиля, первого аббасидского халифа, погибшего в результате заговора тюркских гвардейцев, оставило след в исторической памяти мусульман и в сочинениях средневековых арабских авторов.

Ал-Масуди пишет, что в ночь накануне убийства у халифа собрались его сотрапезники-надимы. В разгар веселья из Йемена прибыл посланец, доставивший во дворец йеменский меч старинной работы. Было известно, что ал-Мутаваккиль являлся большим ценителем редкого оружия. Халиф вручил драгоценное приобретение одному из гулямов. Через некоторое время в его покои вошел слуга одной из жен ал-Мутаваккиля – Кабихи, неся ему дорогой подарок – богато украшенный халат. Обрадованный халиф решил примерить новое одеяние, но неловко повернулся и порвал его. Расстроившись, он вернул халат и велел передать жене, чтобы она сохранила эту одежду и надела на него, когда он умрет [258,с.78].

Большинство присутствующих сочло эти слова халифа дурным предзнаменованием. Действительно, под утро, когда ал-Мутаваккиль изрядно захмелел, в его покои ворвались тюркские гулямы во главе с Багиром. Испуганные слуги и приближенные халифа кинулись в разные стороны, и лишь везир ал-Фатх ибн Хаган пытался заслонить собой ал-Мутаваккиля. Однако гулямы хладнокровно убили обоих. Причем халиф был сражен тем самым йеменским мечом.

Утром того же дня повелитель правоверных был погребен, и верная слову Кабиха завернула тело убитого мужа в саван, сшитый из халата, который она накануне преподнесла халифу в подарок [1, VII, с.96].

Мы привели это сообщение ал-Масуди полностью не только с целью изложить подробности гибели ал-Мутаваккиля, но и оценить отношение и верность его окружения своему повелителю.

В частности, симптоматично, что как защитником халифа, пожертвовавшим собственной жизнью, так и убийцей были тюрки. Тем самым подтверждается наше мнение относительно того, что ко времени ал-Мутаваккиля в его ближайшем окружении сложились две тюркские группировки. Одна из них, представителем, а возможно и главой, которой являлся ал-Фатх ибн Хаган, была проаббасидской. В нее входили, скорее всего, придворные чины и гражданские советники.

Другая состояла из тюркских военачальников, которые решились на убийство ал-Мутаваккиля по ряду причин. Среди них – негативное отношение этого халифа к тюркским военным чинам, попытка переноса столицы из «тюркской» Самарры в «арабский» Дамаск, замена наместников – тюрков на арабов.

Однако, главной причиной убийства ал-Мутаваккиля была конечно, расправа с Афшином. Тюркские военачальники опасались, что так же халиф может поступить и с ними.

Поэтому можно полагать, что после убийства ал-Мутаваккиля в Халифате четко наметилось противоборство между дворцом халифа и тюркскими элементами. Теперь дворец олицетворял арабов и арабизированных тюрков, противоборствующая сторона объединяла военачальников и тюркских воинов, не утративших связей со своей этнической принадлежностью.

Поэтому симптоматично, что из преемников ал-Мутаваккиля – его сыновей ал-Мунтасира (861 – 862) и ал-Мутаза (866 – 869), двоюродного брата ал-Мустина (862 – 866) и брата ал-Мухтади (869 – 870), едва ли кто умер собственной смертью. В свою очередь, только двое из тюркских военачальников, один из организаторов заговора Буга ал-Кабир и его сын Муса – избежали мести Аббасидов, остальные же погибли насильственной смертью.

В истории Арабского халифата эпохи Аббасидов убийство ал-Мутаваккиля стало первым в череде последующих трагических событий, так или иначе связанных с тюрками. Не случайно ад-Дури отмечает, что «убийство Мутаваккиля было началом испытаний для Халифата, открылись ворота анархии» [71,с.219].

Убийцы – заговорщики не понесли наказания, напротив, они, стоявшие во главе 50-тысячной тюркской гвардии, стали вершить делами государства [48,II,с.601]. Халифы попали под власть тюрков, слабела не только их политическая, но и моральная власть в мусульманском обществе.

Убийство ал-Мутаваккиля вылилось в почти девятилетний период анархии (861 – 870) в Самарре. Настало время, когда халифы чередовались с невероятной быстротой. Это дало основание ал-Иакуби отметить, что тюрки «если хотели, оставляли (на

троне), если хотели – свергали, если хотели – убивали» [48, II, с. 601]. Таков был период, когда парализованный центр не мог оказывать достаточного влияния на предоставленные самим себе провинции. Власть халифов оказалась ограничена их собственным дворцом, так как даже в столице Самарре хозяйничали тюркские военачальники и верная им тюркская гвардия Аббасидов.

Чтобы понять причины такого состояния в Халифате, необходимо ознакомиться с мотивами главных акторов конфликта – тюрок.

Будучи инородцами в арабо-мусульманской среде, они благодаря своим способностям, в первую очередь в военном деле, возвысились на службе Халифату. Их жизнь и благосостояние полностью зависели от воли и расположения халифов. Заняв прочное положение, тем не менее, лидеры тюрок хотели опереться на такого правителя, который сам бы нуждался в них. Подобный симбиоз обеспечивал Аббасидам постоянную военную опору их власти, а тюнкам и их военачальникам – привилегии, льготы, продвижение по иерархической лестнице и богатство, должности и уверенность в своем положении.

Хотя ал-Мутаваккиль оставил полную казну в наследство своим преемникам, вскоре вся она оказалась опустошена в результате неумелого управления и казнокрадства. Воспользовавшись слабостью халифов, наместники стали распоряжаться доходами провинции по своему усмотрению.

Как указывают источники, после ал-Мутаваккиля халифы часто испытывали затруднения в денежных средствах [39, VII, с. 290; 22, III, с. 1471; 1, III, с. 103]. Это отражалось на тюнках, материальное вознаграждение которых за военную службу оказалось урезанным. Начались коллизии армии с халифами, а также с арабами и с другими этническими группами. Недовольство тюрок было направлено также против собственных военачальников. Иными словами, начались конфликты в самой тюркской среде.

Отметим, что тюнки в Халифате сталкивались с различными видами трудностей. Одна из главных – халифы. Какими бы сла-

быми они не были, халифы старались ограничить влияние своего тюркского окружения, в первую очередь – армии и гвардии. Чем это окончилось для ал-Мутаваккиля, известно. Однако и возможности тюрков были безграничны. После убийства халифа они фактически оказались изолированы в Самарре и не могли надеяться на поддержку вне столицы. Начались финансовые затруднения, что вносило раздор в тюркскую среду, в том числе служило причиной конфликтов между рядовыми воинами и военачальниками. Кроме того, тюрки в Халифате не были уже единой и однородной массой; появились корпоративные интересы – одних, приближенных к трону, других – в армии. Тюрки также столкнулись с враждебным отношением к себе государственных чиновников (куттаб). Причем среди последних имелись тюрки-секретари, которые контактировали с тюркскими военачальниками. При этом самые способные и энергичные из таких секретарей были решительно настроены против военного, то есть тюркского контроля над финансовыми делами. Они даже мечтали возродить везират и вернуть ему позиции времен Ибн Зийяда и ал-Фатха ибн Хагана, то есть выходцев из тюркской среды. Вместе с тем эта позиция тюркских секретарей и чиновников других рангов подтверждает, что имела место деэтнизация и даже арабизация таких тюрков.

Кроме того, у тюрков были соперники – военные, которые упоминаются в источниках как магрибинцы. Собирательным определением этой группы было «шакирийя», и они пытались занять главные позиции в армии.

Наконец, почти у каждого тюркского военачальника и савновника были враги из своих же. Триумф одного из них означал принижения роли, а иногда смерть другого.

И хотя тюрки проявили известное единство в борьбе против ал-Мутаваккиля, но даже после его убийства среди тюркской элиты не исчезли раскол и вражда. Причины этого перечислены выше.

После убийства ал-Мутаваккиля его сын ал-Мунтасир (861 – 862) наутро собрал в Джафарийе военачальников, секретарей и

других чиновников. Везир Ахмад ибн Хасиб объявил, что халифа убил его любимец ал-Фатх ибн Хаган, которого будто тут же прикончила дворцовая стража [48, II, с. 601].

После этого присутствующие присягнули ал-Мунтасиру, который сам являлся участником заговора. В этом – причина, почему подлинными убийцами, военачальниками Буга ас-Сагыр, Васиф и Отамьш, принадлежавшие к тюркской группировке противников ал-Мутаваккиля, оказались реабилитированы. К тому же именно они настояли на том, чтобы новым халифом объявили ал-Мунтасира.

Ал-Фатх ибн Хаган был объявлен убийцей, потому что, хотел видеть преемником ал-Мутаваккиля другого его сына – ал-Мутаза, он был предан халифу и возглавлял придворную тюркскую группировку – соперника тюркских военачальников.

Поэтому перемены во дворце и в администрации носили «косметический характер». Военная сфера, где доминировали тюрки, не претерпела каких-либо серьезных изменений. Тем более, что тюркские военачальники объявили о своей поддержке новому халифу, который фактически являлся их собственной креатурой, и полностью от них зависел. В итоге, эти военачальники получили сравнительно большую свободу действий и новые возможности в политической сфере.

На следующий день после присяги ал-Мунтасиру, под давлением Васифа и Буги, брата халифа – ал-Мутаза и ал-Муайяд отказались от претензий на трон и были выдворены из столицы. Одновременно эти тюркские военачальники начали подбирать такого же послушного наследника, каким был их ставленник ал-Мунтасир. Тем самым тюрки хотели обезопасить и обеспечить себя на будущее, укрепив позиции тюркского этноса в Арабском халифате. В результате, преемником ал-Мунтасира объявили его сына ал-Вахаба.

Провозглашение халифом ал-Мунтасира вызвало некоторое недовольство части общества. Это были те силы в армии, которые поддерживали ал-Мутаваккиля и его борьбе с тюркским зисильем в государстве и во дворце халифа. С ними была солидарна

часть жителей Халифата. Но тюрки сумели нейтрализовать оппозицию [22,III,с.1478;1,VII,с.105].

Несмотря на то, что новый халиф был близок с тюрками, которые возвели его на трон, он, тем не менее, опасался их и постарался дистанцироваться от своих «благодетелей». Однако, не имея другой опоры в армии, ал-Мунтасир не мог принять против них решительных мер. Правда, он назначил новым везиром Ахмада ибн Хасиба, который советовал халифу отдалить от себя тюрок.

Однако, ал-Мунтасир понимал, что здесь возможны только полумеры, ибо армия и гвардия находились во власти тюрок. Поэтому Васиф, получивший большие возможности, влияние и авторитет после смерти Итаха, вел себя довольно независимо. Новый везир всячески старался нейтрализовать его. Наконец, Васи́фа удалось отправить в поход против Византии на четыре года во главе армии «шакирийя». Но это не ослабило Васи́фа, наоборот, в дальнейшем ему очень пригодилось [10,II,с.326].

Таким образом, тюркское влияние на халифа и его дворец, на политическую и военную жизнь государства Аббасидов не ослабло. Наоборот, ал-Мунтасир превратился в руках тюрок в марионетку. Он был первым халифом, получившим трон из рук своих тюркских военачальников. Эти последние сумели нейтрализовать антитюркские силы во дворце и вообще в Халифате. Особенно после убийства проаббасидски настроенного ал-Фатха ибн Хагана, главы тюркской группировки – соперника военачальников. В распоряжении последних находилась самая действенная и организованная сила Халифата – тюркская армия и гвардия. Ал-Мунтасир, может быть, сам того не желая, укрепил позиции тюрок, взяв под свое покровительство семью Алавитов, которого они удостоились в период торжества мутазилизма при ал-Мутасиме, а затем лишились при ал-Мутаваккиле.

Ал-Мунтасир недолго пробыл на троне. Через полгода он умер (7 апреля 862 г.). По одной версии, халиф страдал болезнью легких, по другой версии был отравлен лекарем, вызванным пустить ему кровь во время сильного жара [1,VII,с.114; 22,III,с.1495]. Ал-

Масуди, сообщая об этом, приводит сведения, будто ал-Мунтасир, опасаясь тюрок, хотел отдалить их от себя, за что и поплатился жизнью.

Одному из своих приближенных он как-то сказал о своем желании нейтрализовать тюрок, распустить их военные соединения и даже отомстить за смерть отца [25, с. 357; 39, VII, с. 300]. Тюрки, узнав о его планах, опередили халифа и руками лекаря избавились от него.

После этого стало очевидным, что институт наследования потерял свое значение, его место заняли воля и желание тюркских военачальников. 8 апреля 862 года собрались трое предводителей тюрок – Буга ал-Кабир, Буга ал-Сагыр и Отамыш. Тюркские военачальники поручили им назначить нового халифа. В собрании принимал участие везир Ахмад ибн Хасиб. Собравшиеся посчитали, что назначение халифом одного из сыновей ал-Мунтасира может создать для тюрок проблемы в будущем, потому что он начнет мстить за отца. Поэтому выбор пал на одного из внуков ал-Мутасима, племянника ал-Мутаваккиля – Ахмада, и он стал халифом под именем ал-Мустина (862 – 868).

Почти все присягнули ему, кроме некоторых военачальников из рода Аббасидов. Они были сторонниками ал-Мутаза, брата ал-Мунтасира, и не согласились признать ал-Мустина. Начались волнения в арабской части армии и среди части жителей Багдада.

Однако тюрки во главе с Бугой ал-Кабирой, учинили кровавую расправу, и халифом осталась их креатура. После этих событий отношения тюрок с везиром Ахмадом ибн Хасибом испортились, он был отстранен от своей должности и сослан на о. Крит. Его место занял тюрк Отамаш, а секретарем при нем стал другой тюрк – Шуджа ибн Касим. Финансовое управление государства также было взято под тюркский контроль. В результате, новый халиф оказался не удел и попал под неусыпное наблюдение своего тюркского окружения [48, II, 604; 1, VII, с. 117].

Таким образом, если до ал-Мутаза Аббасиды имели относительную свободу действий, а ал-Мутаваккиль пытался избавиться от тюркского присутствия, то теперь тюрки стали хозяевами по-

ложения не только в армии, но и в гражданской администрации Халифата

Однако все это не означало, что недовольство тюрками прекратилось. Оно просто перешло в фазу ожидания, которая уже вскоре завершилась восстанием.

Весной 863 года против халифа поднялось население Багдада. Основной причиной волнений стало отношение всемогущих тюрок к главе государства, зависимость которого от тюркского окружения приняла явные формы. К восстанию примкнули военные части «шакирийя» и некоторые другие подразделения армии. Из тюрем были выпущены заключенные, спровоцировавшие беспорядки в городе.

Восставших в Багдаде удалось утихомирить. Но в мае того же года волнения имели место и в Самарре. Тюрки, которые попали в руки горожан, были убиты. Буга ас-Сагыр, Васиф, Отамыш приняли ответные меры и жестоко наказали повстанцев [275,с.236].

Ослабление политического и, соответственно религиозного авторитета халифов, которых теперь считали недееспособными марионетками их тюркского окружения, а также экономические проблемы, стали главными причинами восстаний и волнений в Халифате.

Эта анархия была результатом ряда факторов - социальных и военных, экономических и политических. Выше отмечено, что халиф фактически стал очередным пленником в собственном дворце. Однако арабы и арабская элита, горожане Багдада и Самарры проявили недовольство и по другим причинам. Они выступали против «тюркского засилья» которое, если раньше ощущалось в армии и во дворце Аббасида, теперь стало явным в государственных структурах, то есть в сфере политической власти. Недовольны были «шакирийя», составлявшие часть армии халифа, в которой по-прежнему доминировали те же тюрки. Негативно были настроены также арабы, составлявшие еще часть армии, и как отмечено, совершенно явным стало хозяйничанье тюрок во дворце халифа, который считался духовным и светским сюзером.

ном мусульманской общины не только в Халифате, но во всем средневековом мире ислама.

Таким образом, можно констатировать, что при халифе ал-Мустанине тюрки заняли ведущие позиции в военно-политической системе Арабского халифата.

Вместе с тем следует отметить, что среди некогда единых в своих действиях тюрок явно наблюдались разногласия, связанные с борьбой в тюркской среде за власть и гегемонию в Халифате. Тому были причины. Если на начальном этапе своего появления на службе у Аббасидов тюрки должны были найти собственную нишу в структуре Халифата, закрепиться в ней и отстаивать свое присутствие в мусульманском государстве, то впоследствии ситуация изменилась в их пользу. Тюрки стали костяком и ударной силой армии, которая фактически была полностью подконтрольной тюркским военачальникам. Они являлись теперь хозяевами во дворце халифа, чья личная гвардия также состояла из тюрок, которые уже могли низвергать и возводить на трон Аббасидов. Кроме того, в их руках сосредоточилась не только военная, но и политическая власть Халифата.

Однако, по мере ликвидации внешней опасности, всплывали противоречия в самой тюркской среде. Борьба шла за посты военачальников, наместников провинций, за влияние на халифов. В итоге, сложились две главные группы. Одна - проаббасидская, которая деэтнизировалась, и ее представители считали себя уже не тюрками а «арабами». Другая четко сохраняла свои тюркские корни и продолжала оставаться инородной частью в арабской среде.

Но вместе с тем обратим внимание на то, что первая группа, хотя и была малочисленной, но - более влиятельной, ибо находилась непосредственно возле халифа, занимала высокие должности, от нее зависело в Халифате немало. Вторая - более многочисленная, собственно, основная масса тюрок в Халифате, но - менее влиятельная. Судя по всему, халифы не вмешивались во внутренние распри тюрок, предпочитая оставаться над схваткой, но в итоге они склонялись на сторону победителя.

Первое серьезное столкновение между тюрками имело как политическую, так и финансовую подоплеку. Стало известно, что везир Отамыш сговорился с матерью халифа ал-Мустаина, и они тайно изымали ценности из государственной казны [1, VII, с. 121]. Об этом узнали Васиф и Буга ас-Сагыр, устроили заговор в апреле 863 года, убили везира и его секретаря, которые оба также были тюрками. Их дворцы разграбили и сожгли, имущество конфисковали [22, III, с. 1510]. Халиф был вынужден примириться с этим.

Следующее крупное столкновение в тюркской среде имело место в 865 году. Сыгравший видную роль в убийстве ал-Мутаваккиля Багир ат-Турки добился огромного влияния в армии и владел многочисленными землями в Куфе. Находившийся под его исключительным влиянием ал-Мустаин решил назначить Багира главнокомандующим армией. Однако это вызвало недовольство Васифа и Бути ас-Сагыра. Понимая, что его соперники не будут бездействовать, Багир организовал заговор, в который привлек верных ему людей. Было решено убить Васифа и Бугу ас-Сагыра.

Однако ал-Мустаин, опасавшийся весьма усилившихся Васифа и Бути ас-Сагыра, известил их о заговоре. Сблизившись теперь с ними, халиф велел Багиру явиться во дворец и арестовал его. Тогда заговорщики напали на дворец ал-Мустаина, где находились также Васиф и Буга ас-Сагыр. В такой усложнившейся ситуации Багир немедленно был казнен.

После этого заговорщики активизировались и привлекли на свою сторону часть жителей столицы, а также тюркских воинов. Они вновь напали на дворец и потребовали выдачи убийц их лидера.

Халиф и оба тюркских военачальника – Васиф и Буга ас-Сагыр поняли, что в результате своих действий потеряли позиции в армии и они стали искать пути к спасению. Васиф обратился за содействием к «шакирийя» и отправил их к тюркам с призывом разойтись по казармам. Однако взбунтовавшиеся тюркские воины отказались. Тогда, опасаясь за свои жизни, в начале 865 года

халиф, Буга ас-Сагыр и Вациф тайно покинули Самарру и бежали в Багдад [269,с.289;48,II,с.606].

Прибыв в старую столицу, ал-Мустаин и его спутники удостоились торжественной встречи, устроенной в их честь главой города Мухаммадом ибн Абдаллахом ибн Тахиром. Халиф поселился в его дворце. Следом за ал-Мустаином стали покидать Самарру члены Аббасидской семьи и высоко поставленные сановники. Все они собрались в Багдаде, поближе к халифу, Вацифу и Буге ал-Сагыру.

Оставшиеся в Самарре тюрки направили к халифу посредника, и просили его вернуться, обещая быть «верными ему и не выходить из повиновения». Но ал-Мустаин ответил отказом и обратился к жителям Багдада с призывом защитить его и его сторонников от мятежных тюрок Самарры.

После этих событий тюрки Самарры убедились, что халиф и его окружение стали прямой угрозой их политическим и экономическим позициям, и решились на военные действия.

Однако мятежникам необходимо было заручиться «легитимным» поводом для вооруженного выступления против законно избранного ал-Мустаина. Поэтому из тюрьмы были освобождены братья халифа, и одному из них – ал-Мутаззу (866-869) принесли присягу, а ал-Мустаина объявили низложенным. Одновременно тюрки взяли под контроль казну и правительственные учреждения в Самарре [39, VII, с.364; I, VII, с.141].

Таким образом, в Халифате образовалось двоевластие: один халиф – ал-Мустаин сидел в Багдаде, второй – ал-Мутазз в Самарре. Симптоматично, что оба они, по сути, являлись ставленниками всесильных тюрок. С другой стороны, двоевластие не стало диархией, но подтвердило, существование в тюркской среде Халифата двух группировок, а также соперничество между ними за власть и влияние в армии, политической жизни Халифата и на самого повелителя правоверных. Это было соперничество за должности, богатства. Бегство ал-Мустаина в Багдад показало, что халиф решил вернуть расположение арабской элиты, чтобы тем самым ослабить либо попытаться нейтрализовать тюркскую доминанту.

В итоге, Халифат оказался на грани гражданской войны.

Новоизбранный халиф ал-Мутазз был умен и решителен. Он немедленно стал действовать, окружил себя верными людьми; Ахмада ибн Исраила назначил везиром; разослал приказы наместникам отправлять харадж в Самарру, а не в Багдад. Такой приказ был доставлен также управителю Багдада Мухаммаду ибн Абдуллаху ибн Тахиру, но не дал, естественно, результатов [22, III, с. 1550; 277, с. 112].

Багдадцы же готовились к войне, укрепляя город и возводя вокруг него рвы и оборонительные сооружения.

В результате активных мер, принятых ал-Мутаззом, его позиции стали предпочтительнее, а переход на его сторону находившегося в Хомсе влиятельного тюрка Мусы ибн Буги ал-Кабира обернулся потерей для ал-Мустаина.

Против непокорного Багдада, оборона которого была поручена управителю города Мухаммеду ибн Абдулле ибн Тахиру, ал-Мутазз отправил 24 февраля 865 года 12 тыс. армию во главе со своим братом Абу Ахмадом. Ему было приказано любой ценой овладеть городом.

Итак, в гражданской войне, которая фактически была борьбой за власть между двумя халифами, проявились характерные нюансы. Но она стала в действительности отражением соперничества между двумя тюркскими группировками, и противостояние шло не просто между ал-Мустаином и ал-Мутаззом, или - между Самаррой и Багдадом. Соперничество и противостояние происходили между двумя группировками тюркской элиты Халифата за обладание полнотой власти во дворце и самом государстве.

Так, Буга ас-Сагыр и Васиф держали сторону «своего халифа» - ал-Мустаина, но армия и другие военачальники, не столь значительные, находились при «самозванце» ал-Мутаззе.

Стоит напомнить, что основной военной силой ал-Мустаина были жители Багдада и части, верные Тахиридам. У ал-Мутазза же были 7 тысяч тюркских воинов.

Багдад был осажден, перекрыты пути подвоза продовольствия и питьевой воды. Положение города оказалось тяжелым, ибо война затягивалась. Недовольные этим багдадцы обратились к халифу, и ал-Мустаин запросил мира: Абу Ахмад и Ибн Тахир были делегированы вести переговоры.

По условиям достигнутого соглашения, ал-Мустаин отказался от власти в пользу ал-Мутаза, который стал «законным» халифом с осени 866 года [39, VII, с.365; 10, II, с.332].

Таким образом, ал-Мустаин за годы своего правления не смог справиться с тюркским засильем в Халифате. Ал-Масуди так оценил итоги его правления: «Халиф был в клетке между Бугой и Васифом. Он повторял, как попугай все, что говорили они» [39, VII, с.358]. Памятуя о печальной участи своих предшественников, Ал-Мустаин не проявил особой решительности, и поэтому проиграл в противостоянии с тюрками. Это было опасно для самого халифа, так как он не располагал силой, достаточной для нейтрализации тюрков. Перед ним был свежий пример того, что произошло с ал-Мутаваккилем.

Не случайно, у современника сохранился следующий характерный диалог: «Когда престол Халифата занял ал-Мутаз, его приближенные позвали звездочетов и спросили у них: посмотрите, сколько (он) проживет и сколько лет останется на престоле?» На совете присутствовал один шутник, который сказал: «Я знаю лучше, чем они, сколько проживет и будет править халиф». Тогда спросили у него: «сколько проживет и будет править халиф?» Он ответил: «Столько, сколько захотят тюрки». И на совете не было никого, кто бы не смеялся» [143, с.53]. Было известно, что в свое время ал-Мутаз не получил трона из-за тюркской оппозиции, что тюрки являлись убийцами его отца, сам ал-Мутаз пришел к власти с их помощью. По всем этим причинам ал-Мутаз втайне не только опасался своего тюркского окружения, но попытался любым доступным способом нейтрализовать или вовсе избавиться от него. Можно сказать, что новый халиф, хотя и был обязан тюркам, но сразу же проявил твердость характера и постарался внести раскол в тюркскую среду и, воспользовавшись ситуацией, избавиться от своих «благодетелей».

Таким образом, ал-Мутааз продолжил антитюркскую политику своего отца ал-Мутаваккиля.

Среди принятых им мер были: создание новых воинских соединений из нетюркских этнических групп; вовлечение жителей столицы и других городов в противостояние с тюрками. Все это отныне должно было способствовать постепенному ослаблению тюркского влияния в Халифате. Еще до ал-Мутаазза поддержка жителями Багдада ал-Мустаина показала, что тюркскую угрозу можно нейтрализовать. Однако, это скорее являлось частным случаем, стремлением выдать желаемое за действительное.

На самом деле лишение ал-Мустаина власти вовсе не устранило для нового халифа всех проблем, в том числе, самой важной из них – тюркской. Еще живы были всесильные Васиф и Буга ас-Сагыр, в распоряжении которых находилась армия. Поэтому ал-Мутааз понимал, что не сможет быть спокоен, пока они есть.

Халиф назначил Ахмада ибн Исраила, преданного своему повелителю, везиром. Затем отправил письмо в Багдад – Мухаммаду ибн Абдаллаху и потребовал, чтобы Васиф, Буга ас-Сагыр и их сторонники были исключены из диванов, то есть удалены из государственных структур и лишены жалования [20,с.179-180].

Через своих людей в Самарре Васиф и Буга ас-Сагыр узнали об этих действиях ал-Мутаазза и довольно резко объяснялись с Мухаммадом ибн Абдаллахом. Они сказали ему: «О наместник, мы узнали, что некоторые люди, с которыми мы воевали, решили покончить с нами. Клянемся Аллахом, что, если они захотят убить нас, то не смогут» [80,с.227].

Мухаммад поклялся, что ничего не знает об этом. Однако, понимая, что в Багдаде, где находились они, у них не было достаточных сил, Васиф и Буга ас-Сагыр стремились вернуться в Самарру, к своим верным тюркским воинским соединениям.

Но это зависело от воли халифа, и он уступил, потому что тюркские части в Самарре обратились к ал-Мутаазу и потребовали, чтобы их военачальников - Васифа и Бугу ас-Сагыра повелитель правоверных вызвал в Самарру [25,с.358].

Получив согласие ал-Мутаза, один из тюркских командиров Байык Бек с 300-ми воинами направился в Багдад. В итоге, несмотря на противодействие верного халифу управителя Багдада Мухаммада ибн Абдаллаха, Васиф и Буга ас-Сагыр прибыли в Самарру, где ал-Мутазз против своей воли вернул им прежние чины и регалии, сделал ценные подарки.

Таким образом, статус-кво двух высших тюркских военных и государственных сановников был восстановлен.

Тем не менее, военно-политическая ситуация в Халифате приняла новые очертания. Стали реальностью, хотя еще и не правилом, столкновения между халифами и их самой надежной опорой – тюрками. Все более отчетливым становилось существование в столице двух главных тюркских группировок - прохалифской, арабизированной и деэтинзированной; и сохранявшей верность своим тюркским корням. Между ними шла борьба за власть и влияние в Халифате. Имели место столкновения тюрков с представителями других этносов, которые также хотели получить привилегии и льготы. Все отчетливее становилось соперничество между арабской и тюркской элитой, и халифы все больше склонялись на сторону своих арабов.

Таким образом, стало явной тенденция противостояния с тюрками других сил и групп в Халифате. Симптоматично в этом отношении событие конца лета 866 года, когда произошли первые серьезные столкновения между тюрками и магрибинцами, соединения которых были созданы еще ал-Мутаваккилем в противовес тюркам и как защита от них. Усилившиеся в период противостояния двух претендентов на трон – ал-Мустаина и ал-Мутаза, магрибинцы стали заметной частью армии Аббасидов. Переданные в ведение престолонаследника, они подчинялись ал-Мутаззу и стали его надежной опорой. Воспользовавшись финансовыми спорами тюрков с Исой ибн Фарруханшахом, высокопоставленным сановником, занимавшим ответственные посты в центральном управлении и убитом тюрками в 857 – 858 году, магрибинцы перешли к действиям, так как соперничество достигло предельной черты.

Возглавляемые Мухаммадом ибн Рашидом и Насром ибн Садом, магрибинцы направились к тюркским казармам, находившимся недалеко от Самарры, в специальном отстроенном месте. Вначале нападавшие сумели потеснить тюрок и даже очистили от них центральные кварталы города. При этом магрибинцы провозглашали, что те почти каждый день то убивают халифов, то низвергают их, то убивают везиров.

В свою очередь, тюрки обратились к соотечественникам, жившим в ближайших к казармам кварталах Самарры. Однако часть населения и «шакирийя» города поддержали магрибинцев. Тем не менее, последние не решались на радикальные действия. Наступило своеобразное «перемирие», во время которого обе стороны готовили силы для продолжения борьбы. Одновременно Байык Бек отправился к магрибинцам, у которых укрылись Мухаммад ибн Рашид и Насир ибн Саад. Они были схвачены и казнены [38,с.365;48,II,с.615].

Халиф ничего против действий Байык Бека не предпринял. В результате, влияние и сила вновь вернулись к тюркам.

После этих событий, магрибинцы, не сумевшие использовать свой шанс, вновь уступили тюркам главные позиции в армии.

Таким образом, очередная попытка Аббасидов избавиться от тюркского засилья в Самарре и Багдаде, вообще в Халифате, вновь окончилась неудачей. Причина главным образом в том, что тюрки по-прежнему оставались сильны в армии, бывшей главной опорой не только халифов, но и самого тюркского элемента. К тому же тюркские предводители действовали решительно и оперативно, имели достаточный опыт во взаимоотношениях с политическими структурами и персоналиями в Халифате.

Хотя вражда к тюркам присутствовала и в политике Тахиридов, самой сильной опоры Аббасидской семьи со времен ал-Мамуна, но и они пока что были не в состоянии одолеть тюркскую доминанту. Будучи почти полностью независимыми в Хорасане, Тахириды имели большое влияние на некоторые государственные дела Халифата.

Однако этого оказалось недостаточным для нейтрализации тюрков в государстве Аббасидов.

Мы уже отметили ту роль, которую сыграли Тахириды в устранении Афшина и Инака. В период новых столкновений в борьбе за власть между членами семьи Аббасидов Мухаммад ибн Абдаллах Тахирид не поддержал ал-Мугазза, и даже сражался против его сторонников. Тем не менее, после восшествия ал-Мугазза на престол стало ясно, что Тахириды сумели сохранить свои позиции, регалии и место среди наиболее почитаемых лиц государства. Так, когда осенью 867 года умер Мухаммад, его место главы Багдада занял Убейдаллах ибн Абдаллах ибн Тахир, имевший и другие государственные обязанности. Он и его семья в немалой степени сохранили свои позиции потому, что не прекращали попыток ослабить или ликвидировать тюркское засилье в Халифате. В данном конкретном случае речь не только о борьбе различных кланов за доминирование в Халифате. В немалой степени это – результат соперничества между тюркским и персидским этносами за господство в арабском мире, в первом мусульманском государстве.

Вскоре после возвращения из Багдада Буга ас-Сатыр и Васиф восстановили свое влияние на халифа и контроль над государственными делами. В итоге, сохранив свои позиции в военной структуре Халифата, тюрки вновь вернули себе позиции в его политической системе. Вот почему в июле 867 года ал-Мугазз, против своей воли, вынужден был преподнести этим двум военачальникам дорогие пояса и другие драгоценные украшения [22,III,с.1668], признавая тем самым тюркское доминирование в Халифате.

Однако одновременно он, тайно уведолив о своем положении правителя Хорасана Тахира ибн Мухаммада, просил его о военной помощи. Тахир направил своего дядю Сулеймана ибн Абдаллаха во главе армии из Хорасана в Багдад, где управителем был один из Тахиридов. Затем Сулейман прибыл в Самарру.

Тюрки, почувствовав опасность, вновь оказали давление на халифа, и тот был вынужден отказаться подмоги из Хорасана [270,с.57].

Таким образом, очередная попытка Аббасидов избавиться от тюрок потерпела фиаско. Вместе с тем не удалась попытка персов Тахиридов избавиться Халифат от тюркской доминанты и занять ее место, чтобы самим влиять на халифа и арабское общество, то есть на мир ислама.

В самой же столице халифа осложнились взаимоотношения внутри армии. Ослабление власти ал-Мутаза, хотя и косвенно, коснулось и положения военачальников. Тюрки не могли, как раньше, быть главными во всех воинских частях. С другой стороны, спонтанные изменения в командном составе мешали поддержанию армейской дисциплины и порядка.

В конце 867 года тюркский совет воинов из Ферганы и Усрушаны [1, VII, с. 168] потребовал выплаты задержанного четырехмесячного жалования. Им было отказано, и они взбунтовались. Васиф и Буга ас-Сагыр пытались утихомирить бунтовщиков, но безрезультатно. Васиф спросил, чего хотят воины, те ответили, что они голодны. В ответ им было сказано, что денег нет, и если они пожелают, могут есть хоть песок. А Буга ас-Сагыр добавил, что отправится к халифу и узнает его решение о выплате жалования. Он и Сима аш-Шараби ушли, оставив Васифа одного. Воспользовавшись ситуацией, соперники Васифа и Буги ас-Сагыра возбудили бунтовщиков, и те набросились на Васифа и дважды ударили его мечом. Затем один из них отрезал ему голову и нанизал на кочергу тандыра. Это важное событие произошло в сентябре 867 года [22, III, с. 1168; I, VII, с. 171].

Устранение одного из его опаснейших врагов было наруку ал-Мутазу. Он назначил главнокомандующим вместо убитого Васифа Бугу ас-Сагыра. Однако последний опасался, что он может кончить так же, как Васиф, и стал уговаривать халифа вернуться в Багдад.

Ал-Мутазз, опасавшийся участи своих предшественников на троне, решил на некоторые важные меры. Так, благодаря его внушению, второе лицо среди тюрок – Байык Бек отошел от Буги ас-Сагыра и решил, по совету халифа, убрать его.

Однако ал-Мутааз понимал, что совершить это, не навлекая на себя гнева армии, невозможно. Поэтому он пошел другим путем, и решил расколоть единство тюрок. Для этой цели халиф стал приближать к себе новых лиц, таких, как Байык Бек и Салих ибн Васиф. Тем самым он противопоставил их Буге ас-Сагыру, и преуспел в этом.

Таким образом, не сумев одолеть свое влиятельное тюркское окружение, воздействуя на него извне, ал-Мутааз пошел против тюрок старым, как мир, методом «Разделяй и властвуй!» То есть он попытался расколоть тюркский элемент в Халифате изнутри.

В итоге, отношения в тюркской верхушке накалились, и Байык Бек стал действовать в сговоре с халифом, собирая вокруг себя верные силы. Бугу ас-Сагыра, который почувствовал грозившую ему опасность и пытался скрыться, схватили, некоторое время держали в Самарре, а затем убили по приказу халифа. Его голову демонстрировали в Багдаде и Самарре. Магрибинцы топтали тело своего низвергнутого врага, а затем сожгли его [22,III,с.1680;VII,с.173].

Таким образом, тактика, избранная ал-Мутаазом в отношении своего тюркского окружения, стала приносить действенные результаты.

Ал-Масуди писал, что при живом Буге ас-Сагыре, ал-Мутааз не мог чувствовать себя спокойным. Он постоянно опасался его, боялся, что будет убит, и поэтому всегда носил при себе оружие [с.39,VII,с.397]. Их вражда началась еще тогда, когда Буга ас-Сагыр не поддержал кандидатуру ал-Мутааза на трон. Трения усилились после того, как этот халиф не смог помешать Буге ас-Сагыру вернуться в Самарру из Багдада.

Однако гибель двух очень влиятельных тюрок не уменьшила давления и недовольства других. Так, вскоре выступил на авансцену сын Васифа – Салих. Его первой жертвой стали везир Ахмад ибн Израил и его чиновники. Они были арестованы, их имущество конфисковано. Однако тюрки не ограничились акциями в столице. Они брали в свои руки власть на местах, назначали на должности своих представителей. В итоге халиф утратил опору в

лице близкого ему везира Ахмада ибн Исраила, лишился своего материального обеспечения.

Таким образом, одним ударом Салих ибн Васиф сумел нейтрализовать антитюркские силы в государственных структурах и в армии, укрепив тем самым позиции тюрков в столице и провинциях Халифата. Теперь уже Салих ибн Васиф, Байык Бек, Абу Наср Мухаммад ибн Буга ал-Кабир возглавили недовольных тюркских воинов, которые требовали выплаты жалованья.

Дворец халифа был окружен, но он не вышел к бунтовщикам, велел передать, что казна пуста, поэтому невозможно выполнить их требования. Однако, осознавая грозившую ему опасность, ал-Мутааз обратился к своей матери - Кабихе, владевшей большим состоянием, за финансовой поддержкой, но та ему отказала. Тогда недовольные тюркские воины ворвались во дворец и низложили халифа. Затем он был заключен в тюрьму, где умер после пыток, летом 869 года [20, с.422].

Тяжелые испытания, выпавшие на долю жителей столицы Халифата, отсутствие стабильной власти оказали негативное влияние на положение дел в провинции. Все десятилетие правления ал-Мутааза было временем невиданного произвола наместников – эмиров, чиновников, вышедших из под контроля столицы и облагавших жителей подвластных им территорией огромными податями в свою пользу. Это давало им экономическую самостоятельность и возможность содержать свои собственные военные силы, то есть полную независимость от халифа и его администрации. Понятно, что при такой ситуации государственная казна ничего не получала из провинций, и, как следствие, начались солдатские бунты. Правления ал-Мутааза характерно как пик тюркского влияния в Халифате, но одновременно это – период, когда усилилась консолидация недовольных тюрками сил, когда тюркский этнос начали рассматривать как дестабилизирующий общество элемент. Усиление магрибинцев, участие ранее пассивных жителей главных городов Халифата в антитюркских акциях, успешные порой попытки персидского этноса в лице тех же Тахиридов, физическое истребление наиболее одиозных

тюркских военачальников, попытки арабской элиты вернуть утраченные позиции, наконец, действия самих халифов Аббасидов по нейтрализации тюркского засилья в их дворце, в армии, в государственных структурах, - все это были признаки уменьшения тюркского господства.

На военном совете, где тон еще задавали тюрки, было решено провозгласить халифом ал-Мухтади (869 – 870), сына халифа ал-Васика и двоюродного брата ал-Мутаза.

Когда весть об этом дошла до Багдада, там начались волнения, так как в городе находился Абу Ахмад, сын ал-Мутаваккиля, отправленный сюда еще во время противостояния ал-Мутаза с ал-Мустином. Население Багдада и находившиеся там военные части не хотели присягать ал-Мухтади, пятничная хутба была прочитана на имя ал-Мутаза, и багдадцы решили принять сторону Абу Ахмада.

Тюркские военачальники в Самарре, зная о ситуации в Багдаде, послали туда Йарджуха ат-Турки с деньгами, которые должны были «сгладить» противоречия и привлечь недовольных на сторону их ставленника – ал-Мухтади. Эта акция не была встречена благожелательно, но так как и сам претендент не особо поддерживал своих сторонников, 21 июня Багдад присягнул ал-Мухтади [79,с.68].

Ал-Мухтади правил только одиннадцать месяцев. С первого дня он стремился зарекомендовать себя благочестивым и праведным правителем.

Сыгравший большую роль в возвышении ал-Мухтади тюрок Салих ибн Васиф имел большое влияние на него. Новый халиф был воспитан в строгих правилах, поэтому отличался пуританским нравом и простотой. Вместе с тем ал-Мухтади хотел освободиться от тюркских пут и восстановить былую мощь и величие титула халифа, как светского и духовного главы мусульманской общины.

Однако он вынужден был выполнять все требования Салиха и Байык Бека, ибо реальной силой и властью располагали в Халифате тюрки.

Но так продолжалось недолго, ибо в разгар событий в Самарру прибыл из Хамадана Муса ибн Буга, один из видных тюркских военачальников.

Источники приводят несколько версий его возвращения. По одной, Мусу просила о помощи мать свергнутого ал-Мутаazza, Кабиха, у которой тюрки конфисковали имущество и деньги [48, II, с. 617]. По другой, Мусу заставили вернуться его воины, которые не хотели воцарения ал-Мухтади [39, VII, с. 397; 1; VII, с. 198]. По третьей - Мусу пригласил в Самарру сам халиф, чтобы избавиться от Салиха ибн Васифа [22, III, с. 1712]. Эта версия представляется наиболее правдоподобной, особенно если принять во внимание желание ал-Мухтади избавиться от тех, кто помог ему стать халифом. Однако ал-Мухтади, фактически, менял одних тюрков-временщиков на других.

Прибытие Мусы в Самарру усугубило политические трения. Халиф, Салих и Муса опасались друг друга, так как один неверный шаг мог погубить кого-либо из троих. Вступив в город, Муса сразу же увел халифа из дворца в дом одного из близких ему тюркских военачальников - Йаджура, чтобы избавиться от Салиха. После обстоятельного разговора с халифом Муса решил покончить с Салихом, который, хотя и находился в столице среди верных ему тюркских воинов, не смог поднять своих сторонников против грозившей ему смертельной опасности. В итоге, 30 октября 869 года он был схвачен и убит.

После гибели Салиха ибн Васифа оставались еще два главных врага ал-Мухтади - Байык Бек и вошедший с ним в сговор против Салиха - временный союзник халифа Муса ибн Буга. Халиф стал искать возможность, чтобы избавиться и от этих тюрков. В начале апреля 870 года был найден повод удалить их из Самарры: ал-Мухтади приказал Байык Беку и Мусе отправиться на подавление уже несколько лет идущих в Мосуле волнений [22, III, с. 1787; 1, VII, с. 219].

Конечно, халиф мог воспользоваться благоприятной для себя ситуацией после убийства Салиха, и в самой Самарре избавиться от Байык Бека и Мусы. Однако ал-Мухтади не решился на столь

отчаянный шаг, ибо не располагал достаточной военной силой. Опереться же на нетюркскую часть армии халиф не мог, она была не столь многочисленной; кроме того замена халифом своего тюркского окружения без достаточно веских причин сразу вызвало бы подозрение у Байык Бека и Мусы.

Поэтому халиф решил отправить их из Самарры, но вместе с тем попытался опереться на магрибинцев, выдвигая их предводителей на высокие посты. Одновременно ал-Мухтади хотел поссорить Мусу с Байык Бекем.

Пока ал-Мухтади плел интриги, 5 апреля 870 года тюрки в Самарре вновь взбунтовались. Причиной стала невыплата жалованья. Халиф заявил, что деньги выданы Мусе и Абу Насру Мухаммаду ибн Буге, и тем попытался натравить бунтовщиков на военачальников. В ответ Абу Наср отправился к старшему по должности Мусе, чтобы получить разъяснения.

Тогда перепуганный халиф послал за ним гонцов с просьбой вернуться. Поверив ал-Мухтади, Абу Наср возвратился, но был арестован вместе со своим военным эскортом. А халиф велел сообщить Мусе, что арест произведен по приказу Байык Бека. В письме же, отправленном Байыку приказал убить Мусу или доставить его к халифу. Одновременно ал-Мухтади писал, что Байык Бек получит пост главнокомандующего. Байык Бек понял, что халиф замыслил против тюрков заговор. Поэтому он отправился к Мусе, показал ему письмо халифа, после чего вернулся в Самарру.

Прибыв в столицу, Байык Бек отправился к халифу, чтобы прояснить ситуацию. Ал-Мухтади задержал его у себя, но охрана, обеспокоенная тем, что их предводитель не возвращается, осадила дворец под предводительством коменданта Байык Бека – Ахмада ибн Хагана. Тюрки ворвались во дворец и тогда ал-Мухтади приказал убить Байык Бека и бросить голову его охране.

Одновременно он послал за верными ему войсками, и началось кровавое побоище между сторонниками халифа и тюрками. Оно продолжалось несколько дней. Тюрки потеряли около тысячи человек. Затем тюрки, находившиеся на стороне ал-Мухтади,

перешли в противоположный лагерь. Магрибинцы и жители Самарры, поддержавшие халифа, остались в меньшинстве и были разгромлены.

Халифу оставалось только бежать из своей столицы. Но бросившийся за ним в погоню Ахмад ибн Хаган схватил ал-Мухтади, доставил в свой дворец. По решению тюркских военачальников, ал-Мухтади был отправлен в тюрьму и через несколько дней казнен [22, III, с. 1813; 48, II, с. 618; 22, III, с. 1813; 1, VII, с. 228]. Таким образом, очередная попытка очередного Аббасида избавиться от тюркского военного и политического засилья в Халифате опять окончилась неудачей. Тюрки сохранили свои позиции в армии и государственных структурах, а халиф вновь расстался с тронem и жизнью. Без серьезной подготовки тюркское влияние в Халифате одолеть не представлялось возможным. Прежде всего потому, что Аббасиды не располагали достаточной военной силой. И Тюрки прочно закрепились в Халифате по вертикали и горизонтали. Кроме того, они были достаточно хорошо организованы, и в целом держались друг за друга. Такая организованность и взаимовыручка были необходимы, потому что тюрки не имели корней в арабском обществе, многие представители которого мечтали избавиться от тюркского элемента в Халифате.

После этих критических событий, в которых пострадали обе стороны, на престол был возведен тюрками находившийся в заточении сын ал-Мутаваккиля – Абу-л-Ахмад под именем ал-Мутамида (870 – 892).

В Самарре и вообще в Халифате наступило относительное спокойствие. Новость была сообщена Мусе ибн Буге, находившемуся в отъезде, и он также встретил ее благожелательно [39, VIII, с. 9].

К этому времени относится появление на политической сцене брата ал-Мутамида – ал-Муваффага, который происходивших событиях принял сторону тюрков. Он поддерживал тесные отношения с Мусой ибн Бугой ас-Сагыром, со времени, его пребывания в ссылке в Хамадане. После возвращения Мусы в Самарру позиции ал-Муваффага усилились.

Уместно отметить, что характеризуемый в исторической литературе как «бездарный и развратный человек, видевший смысл жизни в удовольствиях», ал-Мутамид просидел на троне дольше, чем его предшественники. Можно согласиться с мнением ряда исследователей о том, что его необычно долгое правление стало возможным благодаря снисходительности ал-Муваффага. Последний, будучи способным и деятельным военачальником, являлся фактическим правителем, то есть всесильным временщиком [198,с.87;113,с.318].

Ал-Мутамид в первые годы своего правления поддержал тюрок. Так, он назначил везиром тюрка Убейдаллаха ибн Йахью Ибн Хагана, поручив ему административные дела в центре. Другой тюрок – Муса ибн Буга стал влиятельной фигурой в армии.

Таким образом, при ал-Мутамиде, как и при ближайших его предшественниках, сохранялась тюркская доминанта как в военной, так и политической структурах Халифата.

Однако новым и довольно интересным было то, что, несмотря на военное преимущество тюрок, их политический вес постепенно падал. Правда, это пока что проявлялось лишь как тенденция. Но, во всяком случае, брат халифа – ал-Муваффаг превратился в реальную политическую силу. Он стал, возможно, единственным из Аббасидов того периода, который мог, в случае необходимости, прибегнуть к помощи той части военных, которые поддерживали его политические амбиции. Например, до самой своей смерти в 877 году Муса ибн Буга являлся правой рукой ал-Муваффага, поддерживал его во всех начинаниях.

Этот военно-политический дуэт позволил повысить боеспособность послушной теперь им армии, избавил Багдад, снова ставший столицей Халифата, от опасного персидского лидера Йакуба ибн Лейса, восставших вскоре зинджей.

Однако, союз ал-Муваффага и Мусы ибн Буги не смог предотвратить начавшийся спад тюркского военного и политического влияния.

Причины превращения тенденции в реальность были весьма вескими. Ал-Муваффаг, даже в союзе с тюнком Мусой ибн Бу-

гой, вряд ли забывал о своем арабском происхождении и как все- сильный временщик, он использовал тюрок как средство для достижения собственных целей. Его задача была ясна – сохранить на троне Аббасидов как самостоятельных глав мусульманского мира. Да среди самих тюрок не было единства. Заметим, что как арабская, так и неарабская, нетюркская среда стремилась нейтрализовать в собственных интересах тюркскую доминанту в Халифате.

Анализируя причины ослабления тюркского влияния в правление ал-Мутамида, когда даже столица в 889-890 году была перенесена из Самарры в Багдад, то есть из города специально выстроенного для тюрок, в город арабов, можно отметить следующие. Политика привлечения тюрок на военную службу и увеличение их численности в армии, начатая ал-Мамуном и продолженная ал-Мутасимом, при ал-Мутаваккиле была изменена, за что этот халиф поплатился жизнью. Однако с его времени приток тюрок в армию Халифата стал уменьшаться. Их постепенно заменяли представители других этносов.

Тем не менее, это была пока что тенденция, ибо удельный вес тюркского элемента в военной и политической структурах Халифата оставался довольно значительным.

Против тюрок было и то, что они постоянно участвовали в подавлении различных восстаний, что, естественно, вызывало против них антипатию и недовольство в государстве. К тому же, в военных походах, как против Византии, так и на восточном направлении, тюрки несли потери. Вместе с тем иссякала «тюркская подпитка» из Центральной Азии. Да и внутренние тюркские разногласия снижали их потенциал в Халифате.

В связи с этим подчеркивается, что столкновения между халифами и тюрками взаимно их ослабили. С одной стороны, халифы теряли трон, иногда вместе с жизнью, с другой – убрали со сцены самых видных тюркских военачальников. Поэтому в правление ал-Мутамида кроме Мусы ибн Буги не было такой же влиятельной тюркской фигуры, и это, естественно, уменьшало давление тюрок на халифа.

В первые же годы правления ал-Мутамида его брат ал-Муваффаг бывший наместником Ирака и Аравии, в 875 году был объявлен наиб ал-халифа, то есть наследником трона, и правителем восточных провинций. Со стороны ал-Мутамида такие назначения являлись вынужденными шагами. Ал-Муваффаг, был подлинным государственным деятелем и проявил способности как в административных, так и в военных делах. Поэтому он пользовался большим влиянием, противостоять ему было достаточно трудно.

Тем не менее, халиф старался ослабить позиции своего брата, для чего хотел даже войти в союз с правителем Египта – Ахмадом ибн Тулуном [87,с.48;66,III,с.11]. В 882 году, чтобы избавиться от опеки ал-Муваффага, он пытался наладить прямой контакт с Ахмадом ибн Тулуном в Рагге, но его планам помешал правитель Мосула, бывший заодно с всесильным временщиком. Поэтому халифа даже сослали на юг области Васит [40,I,с.314].

Борьба между братьями сильно отразилась на административных делах – возросла роль везиров. Такая ситуация сохранялась до смерти ал-Муваффага в 892 году.

Отметим, что пока шла борьба между братьями, проявились и другие негативы. Например, как ни парадоксально, ослабление позиции тюрок нанесло вред не только им. Имел место прогрессирующий упадок центральной власти. Халифат слабел как в политической, так и военной сферах. Возрос политический сепаратизм на местах, а халифы становились все более бессильными.

Конечно, в определенном смысле негативы стали следствием утраты тюрками своих прежних позиций в Халифате. Но, с другой стороны, сложившаяся ситуация стала свидетельством того, что у Аббасидов не нашлось достаточно весомой альтернативы тюркской составляющей, способной, заняв место тюрок, сохранить Халифат в его прежнем блеске.

Более того, взаимное ослабление халифов и тюрок привело к тому, что ранее остававшиеся нейтральными, то есть вне борьбы за политическое влияние, арабские элементы пытались изменить

положение в свою пользу. В армии стали создавать арабские части, количество которых быстро росло.

Вместе с тем, в конце самарского периода ослабление политической власти как халифов, так и самих тюрок спровоцировало многочисленные восстания в провинциях, которые создали большие проблемы для государства.

2. Усиление социальных противоречий в Халифате и роль тюрок в их урегулировании.

В Арабском халифате, представлявшем собой обширное политическое государство, нередкостью были различные движения и восстания, возникавшие на религиозной, политической, экономической почве. Такими являлись движения ридда и хариджизма в период праведных халифов, восстания хариджитов и алавитов при Омейядах. Все они требовали напряжения военных и материальных сил и нередко угрожали целостности Халифата и его главам.

При Аббасидах выступления продолжались, порой стали возникать также волнения среди арабских племен.

Однако, ни одно социальное движение не смогло потрясти Халифат так, как освободительная война хуррамитов под руководством Бабека, эпицентром которой был Азербайджан (816-837). Сравниться с этой войной могут только восстания зинджей в Ираке (869-883), Саффаридов на Иранском географическом пространстве, карматов на Аравийском полуострове, что на протяжении ста лет сотрясали устои Халифата и даже основы ислама, ибо они вели вооруженную борьбу как с Аббасидами, так и с ортодоксией. Не случайно, по мнению Е.А.Беляева, «некоторые движения, являющиеся проявлением социальных противоречий, ...составляли основное содержание истории Багдадского халифата» [132,с.93].

Как ранее отмечено, в период борьбы за власть Аббасиды давали народным массам множество обещаний, но затем забыли

о них. Среди них главным было обещание облегчить фискальный гнет. Однако все закончилось увеличением сумм обложения и введением новых податей. В итоге, почти с первых дней правления Аббасидов в Халифате начались народные выступления.

Хотя вначале эти движения носили локальный характер, и без особого труда подавлялись, однако они стали возникать вновь и вновь в различных провинциях, а интервалы между ними сокращались. Халифы были вынуждены тратить на подавление социальных движений огромные суммы и военные силы. Отметим, например, что ликвидация освободительной войны хуррамитов, продолжавшаяся более 20 лет, потребовала гигантских усилий и сотрясла основы Халифата.

Как только стало известно о коварном убийстве Абу Муслима один из его ярых сторонников - Сумбад Маг поднял в 755 году восстание, охватившее территорию от Хорасана до Азербайджана. Убийца Абу Муслима - халиф ал-Мансур с трудом подавил это выступление [53,с.358-361].

В связи с историей Абу Муслима напомним, что династия Аббасидов во многом обязана была именно его движению, ибо оно способствовало их победе в борьбе за трон халифа. Однако ал-Мансур оказался неблагодарным, что очень скоро привело к серьезным для него и Аббасидов последствиям. В 758 году в Центральной Азии восстал другой сторонник Абу Муслима - Исхак по прозвищу Тюрюк. Он проповедовал веру в Абу Муслима и объединил вокруг себя тысячи единомышленников. Но движение было подавлено, а сам Исхак погиб.

В 767 году в Восточном Хорасане имело место антихалифское движение во главе с Устадом Сисом. Он выдавал себя за нового пророка и сумел собрать в окрестностях Герата, в Систане и некоторых областях Хорасана до 300 тыс. приверженцев. Однако через год и это восстание было подавлено.

В 778/779 году в Гургане произошло восстание так называемых краснознаменных крестьян [53,с.361].

Другое, более значительное, выступление крестьян имело место в 773-783 годах в Мавераннахре. Его участники получили

известность как «одетые в белое», а само выступление - как восстание Муканны. Это связано с предводителем восставших. Им был Хашим ибн Хаким, служивший катибом (секретарем) у Абу Муслима. Для того, чтобы напустить на себя покров таинственности, Хашим постоянно появлялся перед своими приверженцами закутанным в зеленый золототканый шелковый покров, отчего и получил лакаб «аль-Муканна» («Покрытый»). По другой версии, Хашим был крив на один глаз, почему и скрывал свой лик.

Восстание ал-Муканны было подавлено в 783 году, а его предводитель вместе со своими женами и ближайшим окружением принял яд, не выдержав долгой и изнурительной осады в городе Кеш [63,с.217]. По другой версии, ал-Муканна приказал сжечь свой труп, чтобы он не попал в руки врагов. Однако этого сделать не удалось, полуобгоревший труп обнаружили, отрубили голову и отправили халифу [63,с.220].

Возглавил подавление восстания Устада Сиса и ал-Муканны аббасидский военачальник и наместник Хорасана ал-Муазз ибн ал-Муслим ибн ал-Муазз. Хотя оба эти восстания были весьма значительными и сильно обеспокоили Аббасидов, в источниках мы не встретили подробных сведений о роли тюрок в их подавлении. Нет даже упоминаний о тюркских военачальниках, стоявших во главе армий, отправленных на подавление этих выступлений.

Однако, несмотря на это, следует сказать следующее. Во-первых, указанные восстания происходили на традиционно тюркских территориях, и в тех областях, где жили многочисленные тюрки. Поэтому, например, среди сторонников Абу Муслима, а также в его войске большинство должны были составить именно тюрки Центральной Азии. На эту тему мы довольно подробно писали ранее. Здесь же просто отметим, что среди инсургентов доминировали тюрки. И тот факт, что один из их предводителей носил прозвище «Тюрк», дает нам основание утвердиться в своем мнении.

Во-вторых, не касаться этих восстаний нельзя и потому, что, как отметил И.П.Петрушевский, их идеологической оболочкой

было учение хуррамитов. Последних называли также маздакитами, потому что они заимствовали идеи маздака, которыми дополнили учение крайних шиитов. Например - относительно непрерывного воплощения Бога в людях. В частности, воплощениями Бога они считали Абу Муслима и ал-Муканну.

Особую важность в связи со сказанным имеют сведения средневекового автора ан-Наршахи. Он приводит следующие слова ал-Муканны, обращенные к жителям Мерва: «Я ваш Бог, и Бог вашего мира. Я себя называю, каким хочу именем, я тот, кто является народу в облике Адама, а потом в облике Нуха (Ноя), потом в облике Ибрахима (Авраама), потом в облике Мусы (Моисея), потом в облике Исы (Иисуса), потом в облике Мухаммада, потом в облике Абу Муслима и, наконец, в том облике, в каком вы теперь меня видите» [201, с.109;46;с.480].

Арабские источники сообщают, что учение хуррамитов [39, VII, с.281] было распространено исключительно среди крестьян Азербайджана, Ирана и Центральной Азии. В начале IX века на этом обширном пространстве произошло грандиозное вооруженное восстание хуррамитов, потрясшее основы Халифата и сделавшее его упадок неизбежным. Именно под влиянием хуррамитского движения и его идей набравшие в VIII веке силу антихалифатские социальные выступления стали более опасными и проявились в первые годы IX века.

Этот век, в целом, явился периодом обострения социальных противоречий и временем очень высокого накала социальной борьбы во всем Халифате: в Передней и Центральной Азии, в Северной Африке. Народные движения вбирали в себя широкие массы населения, охватывали обширные территории. Они носили общехалифатский характер, так как не ограничивались одной областью, к ним присоединялись другие, а иногда целые страны. Последствия этих выступлений оказали влияние не только на отдельные регионы и страны, но и на весь Халифат, на все его жизненно важные сферы.

Самым крупным было восстание «красных хуррамитов», фактически являвшееся в 816-837 годах большой народной вой-

ной под предводительством Бабека. Начавшись в южных областях Азербайджана, она быстро распространилась в Западном Иране, вплоть до Исфахана и Кермана.

Несомненно, что одной из ярких личностей не только в мусульманской, но и мировой истории является Бабек. О его жизни до начала восстания в 816\17 году источники приводят много легендарных сведений [40,с.480-482]. Общеизвестно, что, когда он встал во главе хуррамитского движения, оно приобрело большую значительность и размах. Поэтому уже современники уделяли большое внимание хуррамитах, которые в своем учении опирались не на ислам, а на манихейство и маздакизм: они опирались также на ненависть мавали к арабам. Религиозные установки хуррамитов, их вера в божественность каждого человека, нетрадиционные для мусульман нормы поведения были несовместимы с исламом. Поэтому учение хуррамитов считали еретическим и противоречащим религии арабов.

В целом же, движение хуррамитов стало выражением недовольства народных масс господством арабов, считавших остальных подданных халифа людьми второго сорта, особенно тех, кто не принимал ислама. Поэтому оно носило не только антиарабский характер, но выражало иные религиозные и политические чаяния, свойственные неарабскому населению Халифата.

Обосновавшийся в Баззе [7,с.308;15,с.121] Бабек начал собирать вокруг себя сторонников, и умело использовал столкновения за власть ал-Амина и ал-Мамуна, что способствовало расширению влияния хуррамитов. В итоге, в 816-817 годах восстание под его предводительством распространилось на значительной территории. Кроме Азербайджана и остального Южного Кавказа оно охватило Джибаль, Табаристан, Джуржан, Дейлем, Хамадан, Исфахан и, самое главное, - Хорасан, где еще не угасли воспоминания о «покрытом» ал-Муканне.

В первые годы восстания, поглощенные событиями в центре Халифата, ал-Мамун и его приближенные не придали особого значения выступлению Бабека. Халиф поэтому отправил первую

армию против хуррамитов под командованием Яхьи ибн Муазза ибн Муслима лишь в 819 году.

До этого против хуррамитов направляли войска наместников. Однако местное население активно поддерживало бабекитов, вступало в их ряды, в результате чего небольшие воинские контингенты наместников оказались неэффективными.

Но отправленная ал-Мамуном регулярная армия, хотя также не смогла одолеть хуррамитов, не потерпела поражения. Сражения велись с переменным успехом, ни одна из сторон не могла добиться превосходства. Тогда халиф отправил в 820\21 году другую армию, которая также не справилась с хуррамидами.

Ал-Мамун считал, что во всем виноваты военачальники и часто сменял их. Вместе с тем он отправлял против Бабек все более многочисленные армии. Но до конца своего правления ал-Мамун так и не получил ни одной победной реплики от своих военачальников.

Тем временем повстанцы, накопившие достаточные силы, оказывали успешное сопротивление армиям халифа. Свою роль сыграло также то, что, борясь с Бабеком, ал-Мамун продолжал свои византийские походы.

Ал-Мамун умер в 833 году и оставил своему брату и преемнику ал-Мутасиму в качестве главной задачи борьбу с хуррамидами.

Новый халиф знал, что большая часть населения ал-Джибалия, Хамадана, Исфахана и Хорасана не признает его власти и следует учению хуррамитов. Источники сообщают, что ал-Мутасим принял решительные меры для борьбы с инсургентами. Он реорганизовал армию и, в отличие от брата и других предшественников, набрал тюрок и поставил во главе тюркских военачальников. Благодаря этому, ал-Мутасим добился перелома в войне с Бабеком. Правда, первая армия, возглавляемая тюркским военачальником Хашимом ибн Батиджуром, была разбита [37,с.183].

Тогда ал-Мутасим поручил военные операции против хуррамитов наместнику Египта - небызвестному Афшину.

До этого Афшин подавил восстание египтян 829-832 годов.

Средневековые авторы и современные исследователи единодушны во мнении, что это было одно из довольно значительных выступлений. Волнения в Египте оставили ощутимый след в жизни всего Халифата эпохи ранних Аббасидов. Оно началось в ал-Хауфе, где в январе 829 года выступили арабские племена йеменитов и кайситов. Затем к ним присоединились копты. Причины восстания связаны с увеличением хараджа наместником Египта Исой ибн Йезидом.

Центральное правительство, напуганное значительными победами повстанцев, сменило наместника, назначив Умейра ибн ал-Валида. Он пытался договориться с предводителями йеменитов и кайситов ибн ал-Джалисом и Абд ас-Саламом [48,II,с.543]. Убедившись в тщетности своих намерений, наместник начал военные действия, в ходе которых Умейр ибн ал-Валид погиб, а его армия отступила [48,II,с.546].

Наместником вновь стал Иса ибн Йезид, который возобновил борьбу с восставшими. Последние каждый раз выходили из сражений победителями, и это укрепило их морально.

Когда весть об успехах инсургентов дошла до халифа ал-Мамуна, он направил в Египет четырехтысячную армию, состоявшую исключительно из тюрок, под руководством своего брата ал-Мутасима. Прибыв в страну в октябре 829 года и начав военные операции против кайситов и йеменитов, ал-Мутасим добился перелома. Его армия разгромила повстанцев, многие их руководители попали в плен или были убиты [35,с.388].

После этого ситуация в Египте на некоторое время стабилизировалась, и в 830 году наместником был назначен Абдавейх ибн Джабал. Он навел порядок, но затем сам выступил против халифа и отказался отправлять подати в Багдад. Такие случаи в Халифате были нередкостью, ибо представители местной знати, в первую очередь наместники, используя в собственные интересах недовольство населения, отказывались пополнять государственную казну.

Чтобы усмирить наместника, халиф направил в Египет в начале 831 года Афшина Хайдара ибн Кавуса, который разгромил Абдавейха и сместил с должности [165,с.44].

Наместником был назначен Иса ибн Мансур, на период правления которого пришелся разгар социальной борьбы в Египте. Непрекращающиеся волнения, связанные с произволом сборщиков податей, переросли в крупные беспорядки. Положение стало угрожающим, войска наместника не справлялись с ситуацией. Повстанческие отряды захватили главный город Фустат и изгнали оттуда наместника [10,II,с.215].

Власть Аббасидов в Египте подверглась очень серьезной опасности, поэтому халиф вновь призвал Афшина для подавления восстания. В 831 году Афшин прибыл в Египет.

Ему удалось взять Ашлим, затем ал-Хауф [37,с.216], в которых провели карательные операции. Затем Афшин отправился в Александрию, где подняло восстание пламя Бену Мудлидж. Он сумел справиться с ситуацией, в том числе с предводителем восстания Абу Суром ад-Дахма.

В декабре 831 года Афшин вошел в Дамир, где население поднялось против наместника. Непокойной по-прежнему оставалась также Александрия, и 29 декабря 832 года Афшин продолжил сражения вблизи этого города.

Хотя все складывалось для Афшина удачно, окончательно замирить провинцию не удалось.

В то же время Халифату угрожало восстание Бабека, что осложняло ситуацию как в Багдаде, так и в Египте. Таким образом, опасность надвигалась одновременно как с востока, так и с запада. Поэтому ал-Мамун решил лично отправиться в Египет, и в феврале 832 года он прибыл в страну. Халиф обвинил наместника Ису ибн Мансура в неумении управлять, а также в том, что его администрация взвалила на население непомерные подати. Ал-Мамун заявил, что от него скрывали правду о реальной ситуации [1,VI,с.421;75,с.96]. Он сместил Ису и лично встал во главе войска для того, чтобы сразиться с повстанцами. До назначения нового наместника халиф решил сам управлять страной. В этом ему

помогал выходец из Центральной Азии Ахмад ибн Бистам ибн ал-Азди [37,с.216], бывший сахибом аш-шурта Египта.

Наведя порядок в Фустате, ал-Мамун отправился в провинции. В самую беспокойную из них - в Саид, в Верхнем Египте, была введена армия во главе с Рашидом ат-Турки, который одержал ряд побед и, объединившись с армией Афшина, взял Саха, затем Башарруд. В итоге, удалось потушить очаги восстаний во всем Египте, но тяжелые события 829\832 годов не прошли бесследно, и ал-Мамун был вынужден понизить ставку хараджа в этой стране.

Афшин же за свои заслуги впоследствии был назначен наместником Египта.

По причине того, что хуррамнты превращались во все более реальную и неодолимую силу на востоке Халифата, ал-Мутасим назначил Афшина летом 835 года наместником ал-Джибалия и Азербайджана, поручив ему усмирить Бабека. Он был назначен главнокомандующим всеми военными силами, направленными против хуррамитов [49, I, с.361].

Афшин не сразу приступил к военным операциям, решив сперва обеспечить свои тылы. С этой целью он разместил во всех крепостях от Багдада до Берзенда, где был его штаб, воинские гарнизоны, обеспечив тем самым связь со столицей и охрану путей подвоза провианта и снаряжения. Афшин обновил почтовую связь провинций, добившись того, что все новости доходили до Багдада за четыре дня. Ему удалось также внедрить своих лазутчиков в хуррамитский лагерь и получать, хотя и малочисленные, но важные сведения о Бабеке [48, II, с.575].

Ат-Табари сообщает, что ал-Мутасим для поддержания стабильного обеспечения армии, послал другого известного тюркского военачальника Бугу ал-Кабира с казной и провиантом на помощь Афшину [22, III, с.1170].

Узнав через лазутчиков о пути следования Буги ал-Кабира, Бабек стал готовиться к нападению. Однако Афшин, поняв, что противник не упустит возможности взять такую ценную добычу, предпринял ряд мер, в результате которых не только уберег кара-

ван Буги, но и нейтрализовал Бабека. Последний отступил в свою крепость Базз.

Афшин, прошедший зиму 835 года в Берзенде, осенью начал военные операции против Бабека. Он послал Бугу в местечко Хаштадсар, недалеко от Берзенда, а сам продвигался к Баззу, разбив свой лагерь неподалеку от него, в Дарвазе. Неожиданно Буга, не предупредив Афшина, довольно близко подошел к мятежной крепости с намерением атаковать ее. Бабек, разгадав замысел, первым нанес удар, и отряды Буги понесли тяжелые потери. Еле спасшийся Буга ал-Кабир, просил помощи у Афшина, который послал ему отряды во главе со своим братом Фадлом [1, VII, с. 419].

После поражения Буги было организовано полномасштабное наступление на Бабека, с привлечением всех сил. Разделив армию на две части и поручив командование одной из них Буге, Афшин во главе другой направился к Баззу. Попав в сильную бурю, Буга повернул назад, но Афшин все же атаковал лагерь хуррамитов, взял богатую добычу и пленников, среди которых была жена Бабека.

После такой удачи Афшин вернулся в свой штаб в Держезе. Не зная об уходе Афшина, Буга, переждав непогоду, повторно пошел в наступление на Базз, но получил известие об уходе главнокомандующего. Поэтому он также решил вернуться на исходные позиции. Отряды хуррамитов стали преследовать армию Буги, который, не надеясь на лояльность населения, продвигался днем, а ночами разбивал лагерь, который усиленно охранялся. На одной из таких стоянок, вновь подвергшись нападению, Буга с тяжелыми потерями добрался до Хаштадсара и через некоторое время получил приказ Афшина перебраться в Марагу на зимовку. Другая часть армии также ушла на зимние квартиры [22, III, с. 188].

Проведя зиму 835\836 года в Берзенде, Афшин получил от ал-Мутасима новое снаряжение, деньги и подкрепление во главе с тюркским военачальником Инаком Джафаром ибн Динара.

Некоторые источники сообщают, что Бабек после вестей об усилении направленной против него армии обратился к византийскому императору Теофилу с письмом, в котором предлагал организовать совместный поход против Халифата [51,IV,с.529].

Тем временем Афшин, объединив свою армию и присланное халифом военное подкрепление, вышел из Берзенда и разбил лагерь рядом с Баззом, в местечке Килан-руз. Бабек выслал своего командира Азина с отрядом против врага, но тот не сумел добиться успеха [1,VII,с.420].

Тем временем Афшин, который уже более двух лет воевал с Бабеком, приступил к решающим операциям. Однако в незнакомой местности его армия продвигалась медленно и с осторожностью, опасаясь нападений. Тем не менее, несмотря на наступление зимы, в начале 837 года он дошел до Базза, находившемся высоко в горах. Развернув здесь лагерь, Афшин окружил мятежную крепость. Разделив армию на несколько частей, он назначил их командирами опытных и доверенных военачальников. Среди особо близких Афшину командиров источники отмечают главу бухарских тюркских соединений Бухар Худата [69,с.402].

После того, как Базза был полностью окружен, из осторожности Афшин не решался переходить в наступление. Само расположение крепости, окруженной горами, делало ее труднодоступной, и армия, наступающая с низины, подвергалась большой опасности. Однако промедление давало Бабеку возможность маневра и укрепления обороны. Поэтому, уступая советам своих военачальников, Афшин объявил о генеральном наступлении.

Один из тюркских отрядов под предводительством Бешар ат-Турки был направлен против Азина. Быстро одолев его, Бешар стал наступать на Базз.

Вскоре Бабек и Афшин вступили в переговоры, во время которых шла также речь о судьбе хуррамитов, которым было предложено сдаться. Так как помилование инсургентов зависело только от халифа, переговоры затягивались.

Афшин отдал приказ временно прекратить штурм крепости, но когда узнал, что командир отряда ферганцев Бешар ат-Турки

ворвался в Базз, приказал вновь начать военные действия [50, I, с. 361]. В городе шли ожесточенные и кровопролитные бои. Был захвачен дворец Бабека, но он сам, воспользовавшись общей суматохой, сумел скрыться. В течение трех дней победители грабили и разрушали Базз.

Ат-Табари отмечает, что Базз был взят 27 августа 837 года [22, III, с. 1197], ал-Йакуби сообщает, что общее наступление было начато 15 августа [48, II, с. 579], а ал-Масуди повествует о падении крепости в июле-августе того же года [38, с. 355].

В погоню за Бабеком был отправлен отряд из пятисот воинов. Афшин послал также предупреждение местным феодалам о том, что в случае задержания и выдачи мятежника они получат щедрое вознаграждение.

Сначала Бабек искал убежище у своего недавнего союзника - Византии, но не мог уйти от преследователей. Наконец, он остановился у албанского феодала Сахля ибн Сумбата, который и выдал его Афшину. Бабек был доставлен в Берзенд, куда вернулась армия [I, VI, с. 471], а затем, по приказу халифа, отправлен в Самарру.

Получив в Самарре известие о победе, ал-Мутасим отправил Афшину поздравительное послание. Когда армия приблизилась к столице, его встречали все государственные деятели во главе с сыном халифа ал-Васиком [I, VI, с. 472]. Осенью 838 года Афшин с почестями вошел в Самарру, а на следующий день перед халифом и народом был подвергнут мучительной казни Бабек [107, с. 259].

Арест и казнь Бабека стали причиной большой радости в мусульманском мире. Известные поэты того времени воспели подвиги Афшина в хвалебных касыдах [22, III, с. 1233]. Халиф же, кроме почестей, удостоил своего главнокомандующего короной, халатами, большой суммой денег, одновременно назначив его наместником Синда [22, III, с. 1233].

Победа над Бабеком и проявленное при этом военное мастерство выдвинули Афшина и его тюркские соединения в ряды наиболее надежной опоры Халифата.

Таким образом, после разгрома хуррамитов начинается период активного участия тюркской армии и ее военачальников в усмирении социальных выступлений и недовольства в Халифате.

Использование тюрок в качестве главной карательной силы внутри государства восходит ко времени ал-Мамуна. Именно тюркские отряды под командованием Афшина проявили себя в египетских событиях 929\931 годов с лучшей стороны. Естественно, это было связано с военным мастерством тюрок. Однако, с другой стороны, - с надежностью тюркской силы, которая была верна халифам.

В последние годы правления ал-Мутасима тюрки по-прежнему были главной военной силой, используемой для подавления восстаний.

Один из них - восстание двоюродного брата Афшина Менгюджур в Азербайджане. После ареста Бабека и возвращения в Самарру Афшин назначил его своим представителем (векилом) для ведения дел во вверенной ему провинции [22,III,с.1234]. Однако Менгюджур, получив в распоряжение казну Бабека, не сообщил об этом ни халифу, ни даже Афшину, распорядился ею по своему усмотрению. Тогда сахиб ал-барид Азербайджана Абдаллах ибн Абдаррахман уведомил обо всем халифа [1,VI,с.505;48,II,с.583] Ал-Мутасим потребовал от Афшина решительных действий. Узнав об этом, Менгюджур бежал из Ардебилля в горные районы, где стал собирать оставшихся в живых сторонников Бабека. За короткое время к нему примкнули многие, и он поднял восстание против халифа. Подавление восстания поручили Буге ал-Кабиру, который начал усиленные военные операции. Менгюджур вынужден был просить пощады. Привезенный в Самарру и посаженный в тюрьму он вскоре там умер.

Еще одно восстание при ал-Мутасиме произошло в 841 году в Мосуле, где поднялись курдские племена. Их предводитель Джафар ибн Михраджаш ал-Курди перестал повиноваться приказам халифа и собирал к себе курдов. Ал-Мутасим назначил Абдаллаха ибн Сейида ибн Инаса наместником Мосула и поручил усмирение инсургентов. Разбитые в сражении, курды отступили в

горные районы, где одолели преследовавшего их Абдуллу и убили. Тогда халиф отправил вторую армию, которой командовал тюрок Инак, и он расправился с курдами самым жестоким образом [I, VI, с. 506].

В правление халифа ал-Васика (842-847) внутренние беспорядки особенно ярко проявились в Хиджазе и Йемене. В первую очередь, они были связаны с деятельностью кочевавших здесь бедуинских племен, производивших разорительные набеги на соседние территории.

Более других в этом проявило себя племя кайс, особенно одно из его колен - род бену сулейм. Их выступления начались в Хиджазе под предводительством Узейза ибн Хаттаба ас-Сулеми. Повстанцы, воодушевленные тем, что против них не выслали армию, в феврале-марте 845 года захватили земли племен Бахиль и Бену Кинан, причинив им большой урон. Хотя вали Медины Мухаммад ибн Салих ал-Хашими приказал своему военачальнику - Хамаду ибн Джариру подавить восстание, его войско было разбито, и сам он погиб в сражении. Почувствовав свою силу, повстанцы предприняли новые военные акции, и под их контроль попала дорога между Меккой и Мединой, на которой они бесчинствовали, наводя ужас на окружающее население [I, VII, с. 12; 48, II, с. 586].

Ал-Васик, опасавшийся распространения восстания по своему Аравийскому полуострову, послал из Самарры армию, скомплектованную из тюрок и возглавляемую Бугой ал-Кабиром. В апреле-мае 845 года Буга прибыл в Хиджаз, и после небольшого совещания с военными выслал передовой отряд с военачальником Тардушем ат-Турки для ведения боевых действий против бену сулейм. В местечке Суваркийя бедуины были разбиты. Буга обещал помиловать всякого, кто сдастся, и многие сложили оружие. Однако некоторые из них затем были обвинены за участие в восстании и посажены в тюрьму в Медине [22, III, с. 1337].

После подавления восстания бену сулейм Буга направился для расправы с мятежным племенем Бену хилал. Разгромив его,

он арестовал главу клана, которого также привез в Медину и заключил в тюрьму вместе с главой Бену сулейм.

Оставив охрану, Буга направился против еще одного беспокойного племени - Бену мурра. Арестованные, узнав об уходе Буги из Медины, организовали побег, перебив охранников. Однако жители города, уставшие от неурядиц и грабежей, взялись за оружие и задержали беглецов, при этом часть их была убита.

Буга же разбил отряды Бену мурра и фезар, обитавших в Хиджазе, и захватил Федек. В течение сорока дней после этого Буга навел порядок среди племен на границе Хиджаза и Сирии, взял пленных и вернулся в Медину [1, VII, с.20].

Другим беспокойным регионом Аравии была Йемама. Она стала ареной выступлений с середины 846 года. Восстание, поднятое здесь племенем Бену нумейр, охватило все оседлые арабские племена Йемамы. Его участники совершали набеги и опустошали населенные пункты.

Получив весть об этом, ал-Васик отправил в Йемаму Бугу, находившегося в Медине. По пути Буга сумел усмирить некоторые мелкие группы племен, сочувствовавших мятежникам, а последним предложил сдаться. Однако его обращение желаемых результатов не принесло.

В конце июля 846 года прибывший в Нихайлу Буга направил парламентаров к обитавшему здесь племени Бену дабба и призвал его к повиновению. Но племя отошло в труднодоступные районы и отвергло предложение о сдаче. Послав против них отряд, Буга сам пошел против племени Бену нумейр. В местности Равзат ал-Абан бедуины разбили его, и Буга был вынужден вернуться в свой лагерь, куда следом ворвались его преследователи. Но отряд, оставленный для усмирения Бену дабба, неожиданно подоспел на помощь и спас Бугу от печальной участи.

Повстанцы, бывшие на конях, успели покинуть поле боя, но пешие почти все были перебиты. Буга направил оставшимся в живых членам племени Бену нумейр послание, призывая их отказаться от продолжения мятежа. В случае неподчинения грозил им

расправой. Обращение подействовало, но всех сдавшихся ждала тюрьма.

После усмирения племени Бену нумейр, Буга не покинул Йемаму, разбил свой лагерь в Хисн Бахиле, и отсюда совершил походы для подавления разрозненных групп повстанцев. В результате он подавил все выступления, после чего вернулся в Самарру в августе 847 года [43,с.533].

К концу правления ал-Васика в восточных провинциях Халифата имели место новые выступления. В этой связи ат-Табари [22,III,с.1376] сообщает, что в 845\46 году Васиф ат-Турки был послан в области Исфахана, ал-Джибала и Фарса для усмирения восстания курдов и вернулся оттуда с пятьюстами пленниками. За это халиф пожаловал ему 75 тыс. динаров, меч и халат.

Сообщение ат-Табари довольно краткое и не содержит сведений о причинах и ходе восстания, хотя известно, что выступления курдов имели место и в Мосуле, и на их подавление был отправлен тюркский военачальник Инак.

При ал-Мутаваккиле социальная активность жителей восточных провинций сильно возросла. С ослаблением центральной власти начинают выступать различные религиозные и этнические группы, выражающие протест против арабского господства.

Одно из таких выступлений началось в 848\49 году в Азербайджане во главе с Мухаммадом ибн Буйазом. Он владел двумя крепостями около города Маранд и был союзником Бабека. Однако затем перешел на сторону Афшина и оказал ему ряд услуг [1,VI,с.447,458]. Наряду с этими сведениями, в источниках имеются сообщения о том, что в 848\49 году Мухаммад ибн Буйаз находился в тюрьме в Самарре. Он был арестован Ибрагимом ибн Мусой и отправлен в столицу Халифата. Время и причина ареста - неизвестны. Можно лишь предположить, что Мухаммад ибн Буйаз был взят под стражу из-за своих прежних симпатий к хуррамитами. Это заключение верно уже потому, что, халиф и его двор были весьма напуганы движением хуррамитов, ибо другого такого в истории Халифата еще не было. Мухаммад ибн Буйаз был посажен в темницу, скорее всего, после подавления восста-

ния хуррамитов - в назидание другим недовольным властью арабов и распространением их религии. Халиф же мог опасаться, что даже после казни Бабека его явные и тайные сторонники и союзники объединятся для нового выступления против Аббасидов. История Мухаммада ибн Буйаза - подтверждение сказанного.

Ему удалось при содействии некоего Халифа бежать из Самарры в середине 848 года. Мухаммад ибн Буйад вернулся в Азербайджан и укрылся в принадлежащих ему крепостях возле Маранда. Укрепив свое убежище, он собрал две тысячи воинов.

Убедившись в неспособности наместника Азербайджана Мухаммада ибн Херсема справиться с ситуацией, халиф ал-Мутаваккиль назначил вместо него Хамдавейха ибн Али ибн Фазла и послал с десятитысячной армией.

Узнавший об этом Мухаммад укрылся в Маранде и подготовился к обороне. Осада города, имевшего большие запасы воды и продовольствия, не дала результатов. Тогда ал-Мутаваккиль усилил армию двумя тысячами тюркских всадников под руководством Зирека ат-Турки, но и это оказалось бесполезным [48, II, с. 594; I, VI, с. 41].

Осада Маранда продолжалась около 8 месяцев, но оказалась безуспешной.

Тогда в Азербайджан была направлена мощная армия, состоявшая из тюрков, «шакирийя» и магрибинцев, которой командовал Буга ас-Сагыр. По прибытии к осажденному городу он не сразу приступил к военной операции, а постарался внести раскол в стан мятежников, и вскоре большое количество сторонников Ибн Буйаза предали своего предводителя. Они открыли ворота Маранда, и Буга без боя вошел в город.

Пытавшийся скрыться Мухаммад был схвачен, доставлен в Самарру в мае 850 года и казнен [22, III, с. 1381; I, VII, с. 42; 225, с. 48].

В правление ал-Мутаваккилья опасными были также восстания, поднятые в провинции Арминийя местными феодалами. Назначаемые сюда наместники, как правило, были озабочены преимущественно тем, чтобы вовремя собирался харадж. С дру-

гой стороны, в провинции не происходили опасные для Халифата события. Все локальные проблемы решала местная знать, которая сохраняла свое влияние [7,с.211;48,II,с.598].

Воспользовавшись сменой халифа и бездействием наместника, знать подняла мятеж. В 849 году ал-Мутаваккиль назначил наместником в Арминийю Абу Саида Мухаммада ибн Юсифа ал-Мервеза и приказал ему подавить мятежников.

Решительные действия Абу Саида не подействовали на жителей провинции, они продолжали неповиновение. Абу Саида сменил его сын Юсуф, у которого восставшие стали просить пощады. Объявив, что он согласен на мир, Юсуф арестовал одного из феодалов и отослал в Самарру. Тогда остальные вновь объединились и напали на войско наместника, а он сам был убит в сражении [7,с.211;1,VII,с.58].

Со смертью Юсуфа возросла опасность более серьезных событий, и, чтобы не допустить этого, в конце 851 года из Самарры в провинцию было направлено большое военное соединение во главе с тюркским военачальником Бугой ал-Кабиром. Первой целью Буги стала нейтрализация выступавшего заодно с местными феодалами и участвовавшего в убийстве Юсуфа правителя Ерзена и Битлиса Мусы ибн Зирара. И хотя по прибытии Буги в Ерзен Муса просил у него пощады, он был арестован и отправлен в Самарру [7,с.211].

После этого Буга направил Зирека ат-Турки на восточный берег озера Ван, а сам пошел на одного из руководителей мятежа. Последний надеясь на помощь местной знати, выступил против Буги, но, убедившись в тщетности своих надежд на подмогу, укрылся в крепости и искал путь к спасению. Окруженный войском Буги, мятежник не смог долго сопротивляться и, поняв бессмысленность своих действий, сдался. Он был казнен в Самарре, куда его отправил Буга [48,II,с.588].

Наведя порядок и продолжив поход, Буга месяц оставался в городе Дабил (Двин), а 30 августа 852 года отправил Зирека ат-Турки в Тифлис, и сам двинулся следом. В это время правителем города был маула Омейядов Исхак ибн Исмаил, который пребы-

вал в этой должности более двадцати лет. Пользуясь нестабильностью в Халифате, он не только не подчинялся приказам халифа, но подстрекал местных феодалов к восстанию. Зирек и Буга с двух сторон окружили Тифлис. Исхак решил напасть в первую очередь на Зирека, но успеха не добился. Затем тюркские лучники забросали город стрелами, пропитанными горючей жидкостью, и начался пожар, который деморализовал войско Исхака. Воспользовавшись замешательством в рядах осажденных, воины Буга ворвались в город. Исхак ибн Исмаил был схвачен и казнен, а Тифлис - разграблен [22, III, с. 1414; 48, II, с. 558].

После взятия Тифлиса Буга для нейтрализации местных феодалов послал своих военачальников в их крепости и города, и навел в провинции порядок. Буга оставался в Тифлисе почти четыре года и вернулся в Самарру лишь в 855\56 году [1, VII, с. 68].

В 864 году в Табаристане вспыхнуло восстание алавитов. Оно продолжалось довольно длительное время - до 869 года. Его возглавил Хасан ибн Зейд, знавший, что жители провинции благосклонно относятся к клану Али. За короткое время он сумел собрать большие силы. Ему присягнули многие города Табаристана, а также население Дейлема. Слабые Тахириды не могли подавить восстание.

В события вмешался халиф. Муса ибн Буга, являвшийся верховным наместником восточных провинций, получил приказ покончить с восстанием и направил своего военачальника Муфлиха ат-Турки против Хасана.

В 869 году Муфлих вошел в Табаристан, разгромил Хасана и захватил ряд поддержавших его городов. Преследуя Хасана, который бежал в Дейлем, Муфлих настиг его, но схватить не смог.

Тогда же важные политические события в Самарре заставили Мусу и Муфлиха вернуться в столицу, благодаря чему Хасан избежал грозившей ему опасности [1, VII, с. 203].

В результате, Хасан получил возможность продолжить свои антиаббасидские действия, и в 870 году вернул себе Рей. Халиф ал-Мутамид отправил Мусу против мятежников, и хотя и на этот раз удача была на стороне армии халифа, одолевшей инсургентов

в сражениях 871\72 года, Хасан вновь сумел ускользнуть [22,Ш,с.1523,1527].

Однако у него начались столкновения с Саффаридами, ставшими позднее правителями Хорасана.

В правление ал-Мутаваккиля произошло восстание жителей Хомса, возмущенных жестоким правлением амиля Абу Мугиса Мусы ибн Ибрагима. Случилось оно осенью 854 года, и по приказу халифа наместник был смещен. Но восставшие, а это были не только мусульмане, но и христиане, не успокоились и при новом амиле Мухаммаде ибн Хамдавейхе. Второе за один год восстание в Хомсе заставило ал-Мугаваккиля отправить амиля Дамаска Салиха ибн Аббаса ат-Турки на помощь. Только так удалось восстановить порядок [22,Ш,с.1420].

Источники весьма скупо сообщают о мятеже Абу Амуда ас-Салаби в 862\63 году. Халиф ал-Мустаин отправил на его подавление Ануджура ат-Турки, который выполнил приказ и казнил Абу Амуда [1, VII, с.119].

При ал-Мустаине произошло новое восстание в Хомсе, население которого выступило вместе с племенем Калб. Имея во главе Утайвам ибн Нимам ал-Келби, восставшие летом 864 года напали на амиля города Фадла ибн Карина и убили его.

Халиф послал против повстанцев Мусу ибн Бугу ал-Кабира. Последний отправился из Самарры осенью того же года, на подходе к Хомсу был встречен отрядами инсургентов. Несмотря на упорное сопротивление, Муса одержал победу, вошел в город, и для наказания взбунтовавшегося Хомса приказал разграбить его, а часть жителей перебить [7, с.134; 1, VII, с.134].

Когда из-за вспыхнувших в Самарре беспорядков халиф ал-Мустаин бежал в Багдад, и одновременно шла борьба за власть между ним и ал-Мутазом, воспользовавшись ситуацией, алавит Хусейн ибн Мухаммад в конце 865 года поднял восстание в Куфе. Этот город, бывший пристанищем алавитов, не раз устраивал мятежи против правящей династии.

Восстание поддерживало племя Бену асад. Оставив в городе в качестве своего представителя (вакиля) одного из алавитов -

Мухаммада ибн Джафара, Хусейн отправился в соседние районы с пропагандой своих идей. Главной его целью было привлечь к своему движению как можно больше людей.

Ал-Мустанн, занятый борьбой с ал-Мутаазом, опасался, что алавитская опасность осложнит его положение. Поэтому он срочно отправил в Куфу армию, под предводительством тюрка Музахима ибн Хагана, ибо амир города Ахмад ибн Наср ал-Хузаи был бессилен против повстанцев. Музахим разбил лагерь возле Куфы и послал отряды, но они не добились быстрого успеха. Однако уже вскоре наступил перелом, и Хусейн бежал из города. Тем не менее горожане не сдавались. Отрядам Музахима удалось проникнуть в Куфу лишь после ряда кровопролитных сражений. В результате часть города оказалась разрушена, а восставшие – казнены [3, с.665;39, VII, с.345].

В апреле 865 года другой алавит - Хусейн ибн Ахмад ал-Каукаби захватил Казвин и Занджан и прогнал оттуда представителей Тахиридов. К концу следующего года ал-Каукаби объединился с правителем Дейлема Агаром ибн Джустаном и алавитом Ахмадом ибн Иса ал-Алави. Они захватили Рей и разграбили город.

Тогда наместник ал-Джибала приказал тюрку Мусе ибн Буге подавить восстание. Находившийся в это время в Хамадане Муса в декабре 867 года встретился на поле битвы у Казвина с ал-Каукаби. Но еще до начала сражения Муса приказал полить горючей жидкостью свой военный лагерь и имитировал отступление. Когда воины ал-Каукаби вошли в лагерь, Муса приказал своим лучникам метать огненные стрелы. Лагерь загорелся, и многие алавиты заживо сгорели. Сам ал-Каукаби еле спасся и укрылся в Дейлеме. Муса же вошел в Казвин [1, VII, с.203].

В 867 году в Мосульском вилайете под предводительством Мусавира ибн Абдулхамида аш-Шари началось восстание, которое охватило значительные территории с центром в Тикрите, и было продолжительным. Мусавир сумел собрать значительные силы хариджитов.

Халиф ал-Мугазз послал против него армию во главе с Савтекином ат-Турки, который разбил восставших. Однако Мусавиру удалось спастись, и он направился к Мосулу, где поднял курдов и часть бедуинских племен. В результате, в конце 867 года Мусавир разбил новую армию халифа во главе с тюркским военачальником Хотармыншем ат-Турки. Завладев Мосулом и его областью, Мусавир в 868 году вновь одержал верх над армией халифа, что способствовало усилению хариджитов [1, VII, с. 205-215].

Поражение тюркской армии, не знавшей до того громких неудач на полях сражений, имело далеко идущие последствия. Стало очевидным, что среди тюркских военачальников нет прежнего согласия. Более того, они соперничали друг с другом, а это отрицательно сказывалось на боевом духе армии, снижало ее боеспособность. Халифы получили формальный повод для принятия давно назревшего решения против тюркского доминирования во дворце, в армии, в политических структурах Халифата. Так, ал-Мухтади воспользовался поражением тюркского военачальника Хотармыша ат-Турки, которого одолели хариджиты мятежного Мусавира.

С другой стороны, Салих ибн Васиф, имевший большое влияние на халифа ал-Мухтади, добился удаления из столицы соперничавших с ним и влиятельных тюркских военачальников. В результате, против Мусавира были отправлены Муса ибн Буга и Байык Бек. Они разгромили хариджитов, и один из победителей - Байык Бек вернулся в столицу. Он хотел разобраться со слухами, дошедшими из столицы, будто халиф пытается рассорить его с Мусой.

Тем временем к концу 870 года Мусе удалось нейтрализовать хариджитов, близ Ханикина они были разгромлены. Но Мусавиру вновь удалось уйти от преследователей.

Затем Муса вернулся в Самарру, что дало передышку хариджитам [22, III, с. 1840]. Мусавир до своей смерти в 876/77 году еще несколько раз встретился в боях с армией халифа. Сражения шли с переменным успехом, но Мусавир так и не был схвачен.

Восстание хариджитов оказалось на редкость длительным. Оно продолжалось десять лет. В первую очередь, это было связано с тем, что политические события в Самарре, требовавшие большого напряжения сил, не давали возможности серьезно заняться хариджитами. Но, с другой стороны, им не придавалось большого значения.

Вместе с тем надо отметить, что в годы, когда Халифат сотрясали следовавшие одно за другим выступления народных масс, усилились сепаратистские тенденции на местах. В Египте тюрок по происхождению Ахмад ибн Тулун сумел превратить свою личную власть в наследственную. Он стал родоначальником династии Тулунидов (868-905) - первой местной династии в Египте и Сирии, добившейся независимости от халифов.

Когда ал-Мутамид стал халифом в 879 году, все провинции признали его власть и присягнули ему. Наместник Палестины Иса ибн Шейх хранил молчание, не отослал вовремя харадж. Более того, присвоил себе подати, отправленные из Египта. Представителю ал-Мутамида он заявил, что не будет присягать халифу, отсылать в столицу харадж и не оставит Палестины.

Получив такие вести, ал-Мутамид послал в Палестину 700 тюркских воинов во главе с Амаджуром ат-Турки. Узнав об этом, Иса подготовился и встретил тюркский отряд близ Дамаска. Однако потерпел поражение и был вынужден подчиниться халифу. А Амаджур за заслуги в усмирении мятежника получил пост наместника Дамаска [48, II, с. 620].

Одновременно происходили попытки захвата политической власти в окраинных - восточных и западных - провинциях Халифата.

В целом, восстания и мятежи, следовавшие один за другим, отрицательно сказывались как на политическом, так и экономическом состоянии арабского государства.

Особенную опасность представляли периоды, когда социальные выступления в провинциях Халифата происходили одновременно.

Так, параллельно с движением зинджей в Басре, то есть в центральной провинции, происходили не менее значительные выступления в других частях Халифата.

В IX веке в Систане имели место сильные волнения, в которых приняли участие бежавшие сюда хариджиты. Соседние Тахириды понесли значительный урон. В итоге, владельцы Систана стали независимыми правителями: в 867 году появилась династия Саффаридов. Халиф ал-Мутамид в 870 году признал их наместниками Систана, Хорасана и Фарса.

В провинции Фарс в 869\70 году поднял восстание Мухаммад ибн Васил и напал на армию наместника Хариса ибн Симаш-Шараби. Убив его, Мухаммад завладел Фарсом, объявив себя наместником [151,с.64]. Через год он отослал харадж Фарса халифу с выражением покорности и извинениями за совершенное. Однако ал-Мутамид не простил ему убийства наместника. Чтобы наказать мятежника, он приказал Мусе ибн Буге отправить армию в Фарс - против мятежного Мухаммада. Во главе армии были поставлены тюркские военачальники Абдуррахман Ибн Муфлих ат-Турки и Таштемир .

Мухаммад ибн Васил, заранее оповещенный об этом, стал готовиться к сражению. В бою около Рамхурмузда армия халифа была разбита. Ибн Мухлиф попал в плен, Таштемир погиб. Победителю досталась богатая военная добыча.

Окрыленный одержанной победой, Мухаммад отказался принять послание халифа с требованием отпустить Ибн Муфлиха, и решил совершить поход на запад и дойти до Ахваза.

Муса ибн Буга, оценив усложнявшуюся ситуацию, просил халифа освободить его от обязанности верховного наместника восточных провинций. Халиф удовлетворил его просьбу и назначил Абу Ахмада ал-Муваффага.

В то время как Ибн Васил взял Ахваз, поднялся новый сепаратист - Ягуб ибн Лейс. Он начал наступление на Багдад и дошел до Фарса. Узнав об этом, Ибн Васил вернулся в Фарс, чтобы сразиться. В августе 875 года Ягуб одержал победу. Так, один мятежник сумел обезвредить другого [140,с.26].

В результате, ослабление центральной власти, усиление сепаратизма наместников, и местных феодалов привели к тому, что анархия парализовала власть. Все вместе за несколько лет нанесло Халифату огромный политический, экономический и моральный ущерб. И в дальнейшем оказалось невозможным его восполнить.

В Фарсе аббасидско-тахиридская доминанта оказалась почти утраченной. Теперь здесь фактическая власть принадлежала Саффаридам.

Их история в связи с Аббасидами исследуемого нами периода весьма симптоматична. Поэтому о Саффаридах следует рассказать несколько детальнее. Систан, ставший центром их владений, всегда был пограничной чертой исламского мира. Поэтому он превратился в довольно беспокойный регион и пристанище для мятежников и недовольных, бежавших от различного рода притеснений. Здесь были созданы вооруженные группы, называемые айярун (бродяги).

К 861 году родоначальник династии Саффаридов Якуб, будучи предводителем айярунов, захватил столицу Систана - Зарандж. В 865 году он распространил свою власть на весь Систан и обратил взоры на соседние территории. В 867 году разбил армию наместников Хорасана Тахиридов и стал правителем Фарса. В том же году Якуб захватил Герат, Балх и Кабул.

В итоге он стал родоначальником династии Саффаридов, центром владений которых был Систан. Якуб правил в 867 - 879 годах.

Опасаясь его растущей силы, военных успехов и популярности, всемогущий временщик ал-Муваффах был вынужден предложить Якубу должность наместника Балха, Тохаристана и Синда. Тем самым он надеялся обезопасить себя и нейтрализовать «вассального» правителя.

Однако Якуб отказался и занял столицу Тахиридов Нишапур, даже сумел схватить Мухаммада ибн Тахира [208, с. 101].

Затем он организовал поход против Зейдидов в Табаристан, но был разбит и понес большие потери.

Однако, несмотря на это, Якуб стал требовать, чтобы халиф назначил его наместником Хорасана. И угрожал, что если этого не произойдет, он со всеми своими силами двинет на запад [39, VIII, с. 41].

Осенью 875 года Якуб отправился в поход на Багдад. Халиф ал-Мутамид послал Исмаила ибн Исхага и Буграджа на переговоры с мятежником, но не добился положительного результата. Неизбежность военного столкновения становилась очевидной. Ал-Мутамид с большой армией сам отправился из Самарры к Багдаду и объединился здесь со своим братом ал-Муваффаком.

Якуб же 24 марта вошел в Васит. Армия халифа готовилась к наступлению, а он сам, поручив руководство операцией ал-Муваффаку и везиру Убейдаллаху ибн Йахье, удалился.

Ал-Муваффак и Якуб встретились у местечка Дейр ал-Акул, на берегу Тигра, между Васитом и Багдадом. Ал-Муваффак поручил командование правым крылом армии Мусе ибн Буге, левым - Месруру ал-Балхи, а сам встал в центре.

Сражение началось с того, что 8 марта 876 года Якуб напал на Мусу ибн Бугу и нанес ему большие потери. Ряд командиров, в том числе Ибрагим ибн Сима ат-Турки, Табага ат-Турки и Мухаммад Тогта ат-Турки, храбро сражались и погибли в кровопролитном бою. Заметив ослабление своего правого фланга, ал-Муваффак послал туда подмогу.

Сражение, продолжавшееся до вечера, окончилось поражением Якуба, и вся заслуга в этом принадлежала как ал-Муваффаку, так и его тюркским частям [1, VII, с. 290].

В целом, как и прежде, главную роль в ликвидации военной опасности, угрожавшей Халифату, сыграли тюрки – военачальники и воины.

Таким образом, была устранена опасность со стороны Саффаридов, и халиф мог отправить значительные военные силы против вспыхнувшего в это время восстания зинджей.

Смерть Якуба в 879 году освободила Ирак от владычества Саффаридов, хотя его сменил брат Амур (879 – 901). Однако весь Хорасан ему не подчинился, и он встретил здесь сильную оппо-

зицию. Тем не менее, ал-Мутамид передал в управление Саффридам Хорасан, Фарс, Исфаган, Систан, Керман и Синд. Это был вынужденный со стороны халифа шаг, ибо он опасался, что продолжатся военные действия, и вновь придется дробить военные силы.

Суть дела в том, что Аббасидам грозила опасность из Египта. Правивший здесь Ахмад ибн Тулун (868 – 884) создал мощную армию. Он намеревался установить контроль над Сирией и организовать походы против Византии через сирийскую границу. Формально ибн Тулун признавал своим сюзереном халифа и регулярно отправлял харадж в его казну [87,с.101].

Ал-Мутамид был доволен такой ситуацией. Однако в 882 году его брат ал-Муваффик пытался перейти со своей армией на зависимые от Тулунидов территории. В результате, отношения между ними испортились, так как Ахмад ибн Тулун намеревался захватить ал-Джазиру и Рагу.

Правда, у Тулунидов возникли проблемы с военачальниками в своей тюркской армии, особенно с Исхаком ибн Кундаджиком, который поддерживал притязания Аббасидов на Мосул и Северную ал-Джазиру.

После смерти Ахмада ибн Тулуна в 884 году ал-Муваффик отправил сына Мутадида, чтобы тот склонился на сторону Аббасидов Хумаравейха ибн Ахмада ибн Тулуна (884 – 896). Попытка не удалась, договорились лишь о том, что Тулуниды будут ежегодно платить в казну халифа около 300 тыс. динаров [114,с.16].

Немалую угрозу для Халифата представляли зинджи (черные рабы), поднявшие в 868 году восстание в Южном Ираке [115]. Началось оно близ Басры.

Во главе мятежников стоял Али ибн Мухаммад, провозгласивший себя прямым наследником Али и Фатимы. Он сумел сплотить вокруг себя рабов – зинджей, работавших на плантациях и осушении соляных болот в районе Басры, пообещав им богатую жизнь взамен жалких условиях, в которых они находились. Зинджи арестовали своих владельцев, конфисковали их имущество и стали хозяевами положения. Несмотря на то, что религи-

озные взгляды Али ибн Мухаммада были ближе к хариджизму, он предпочитал считать себя алавитом с тем, чтобы симпатизирующие семье Али примкнули к нему [115,с.12].

За очень короткий срок зинджей стали несокрушимой силой, захватили арабский речной флот, находившийся на Шатт эл-Арабе. Затем овладели Оболлой, Абаданом и Басрой и укрепились в этих городах. Восставшие разгромили армию халифа, и Али ибн Мухаммад стал независимо править в новой, основанной им столице – Мухтара, недалеко от Басры, чеканил собственные монеты и присвоил себе титул ал-Махди (Мессия) [22,III,с.1836;с.1859;1, VII,с.36;244,с.252].

Восстание зинджей продолжалось в течение 15 лет – до 883 года. Его удалось подавить исключительно благодаря тюркской армии и ее военачальникам.

Для ликвидации восстания осенью 873 года Халиф назначил главнокомандующим Мусу ибн Бугу и богато его одарил. Муса направил своих военачальников – Абдаррахмана ибн Муфлиха в Ахваз, Исхака ибн Кундаджика в Басру, а Ибрагима ибн Сима в Безаверд, приказав начать военные операции против зинджей. Несмотря на то, что Абдаррахман потерпел поражение от военачальника зинджей Али ибн Абана, впоследствии он одерживал победы и нанес восставшим тяжелые потери.

Ибрагим вместе с воинами Абдарахмана, которыми командовал Таштемир, вышел победителем из второго сражения с зинджами. Затем Таштемир выиграл и другое сражение с Али ибн Абаном и заставил его сдаться.

В это же время Исхак ибн Кундаджик осадил зинджей в Басре.

Али ибн Мухаммад в ответ направил зинджей против Исхака, но успеха не добился. А тюркские военачальники, отправленные Мусой, одерживали победы одну за другой. Так продолжалось десять лет.

Решив, что опасность миновала, халиф отозвал армию из Южного Ирака. Уход Мусы ибн Буги и направление военных сил Халифата на борьбу с Саффаридами дали возможность Али ибн Мухаммаду вновь активизироваться и перейти в наступление.

Новые успехи зинджей привлекли на их сторону местные бедуинские племена. Столица зинджей – построенная среди болот и каналов Мухтара была превращена в крепость и хорошо обеспечена оружием и продовольствием. Во главе армии восставших был Сулейман ибн Джами.

Халиф ал-Мутамид вынужден был направить часть своих военных сил против зинджей. Руководили ими тюркские военачальники Муса ибн Отамыш, Джулан ат-Турки и Абу ат-Турки. Последний был наиболее активен. Однако всего этого казалось недостаточно, и зинджды одерживали победы [16,IV,с.25].

Тогда началась серьезная подготовка к длительной войне. Абу Ахмад ал-Муваффах в июле 877 года вместе с Мусой ибн Бугой и большой армией направился против зинджей. Когда армия прибыла в Багдад, Муса ибн Буга скончался, и ал-Муваффах вынужден был отменить запланированное крупномасштабное наступление. Он ограничился отправкой против зинджей небольших соединений и тем самым пытался держать ситуацию под контролем [22,III,с.1912].

С 877 года против зинджей, возглавляемых Сулейманом ибн Джами, военные действия вел тюркский военачальник Текин ал-Бухари. Столкновения продолжались несколько лет с переменным успехом. Так, часть воинов Текина попала в засаду и была перебита, но он продолжил военные операции, и довольно успешно. Тогда Сулейман попросил у Али ибн Мухаммада помощи и, получив 1500 всадников, напал на назначенного ал-Муваффахом вали Васита Мухаммада ибн Мувааллада ат-Турки. Отряды зинджей одержали победу и сумели войти в Васит. Находившийся в городе Кунджур ат-Турки продержался против повстанцев почти сутки, и только после его гибели население города перестало сопротивляться. Зинджи разграбили город, учинив здесь поджоги и убийства [22,III,с.1920]. С падением Васита для восставших открылась дорога на Багдад, который оказался в очень опасном положении.

Хотя ал-Муваффах отложил на время поход против зинджей, чтобы не утратить контроля над ситуацией, он назначил Месрура

ал-Балхи наместником Ахваза и ответственным за борьбу с зинджами. Месрур сделал своим заместителем (наибом) вышеупомянутого тюркского военачальника Текина ал-Бухари и направил его в Ахваз, который в это время находился под контролем зинджа Али ибн Абана.

Текин нанес поражение Али, который был занят осадой Туштера, и, заняв город, организовал здесь военный лагерь.

После этих событий зинджи во всех сражениях, которые происходили между Али ибн Абаном и Текином, несли большие потери. Тогда Али вступил в переговоры с Текином.

Месрур ал-Балхи, проведав об этом, увидел опасность. Он отозвал Текина и арестовал [1, VII, с.1329]. На его место был назначен другой известный тюрк - Агартмыш ат-Турки. Он прибыл в Туштер в апреле - мае 880 года, реорганизовал находившиеся здесь воинские соединения, а затем направился в Аскер Мукрем, где встретился в сражении с Али ибн Абаном, но не добился успеха. Али возвратился в Ахваз, но через некоторое время вновь встретился на поле брани с Агартмышем. Ни одна из сторон не добилась успеха. Вскоре, получив из Ахваза подкрепление, Али ибн Абан, применив военную хитрость, одержал победу над Агартмышем, который погиб на поле боя [10, III, с.4].

Ввиду того, что военные операции против зинджей не давали позитивных результатов, отборные тюркские части, возглавляемые именитыми военачальниками - тюрками, терпели неудачи. Тогда всесильный временщик ал-Муваффах начал поиски других путей решения проблемы.

Он лично возглавил очередной поход против зинджей. Ал-Муваффах отправил передовые отряды под началом своего сына Абу-л-Аббаса, а следом двинулся сам. Началась планомерная война с зинджами. После двухлетних сражений 882 - 883 годов Али ибн Мухаммад был взят в плен, Мухтара разрушена.

Таким образом, длившееся 15 лет и сотрясавшее Халифат восстание было подавлено.

Несмотря на то, что в описании источниками последнего похода ал-Муваффаха против зинджей имена тюркских военачаль-

ников не упоминаются, несомненно, что в его армии они были, как и сами тюркские части. Поэтому имеются все основания считать, что от начала и до конца в подавлении восстания зинджей тюрки сыграли значительную роль.

В связи с сотрясавшими Халифат социальными движениями и ролью тюрков в ликвидации этой грозной опасности отметим следующие важные обстоятельства.

Фактический правитель Халифата ал-Муваффах был довольно крутым временщиком. Он не пользовался особой любовью подданных, обложенных многочисленными новыми податями. Однако жители Ирака были благодарны ему за то, что он ликвидировал такую большую опасность, как восстание зинджей. Ал-Муваффах своей главной целью поставил любыми путями сохранить целостность государства, но добиться этого в полной мере ему не удалось. Победа над зинджами не устранила опасности местного сепаратизма, но на несколько десятилетий все же задержала окончательный распад государства. Главной же опорой ал-Муваффаха во всей его деятельности продолжали оставаться тюрки и их военачальники, которых он щедро вознаграждал.

3. Военные походы Аббасидов и тюрки

Как видно из изложенного, именно военная деятельность тюрков выдвинула их на передовые позиции в Халифате. Известно также, что период правления Аббасидов не характеризуется особой активностью внешней политики и завоеваниями, как это было при Омейядах. Однако даже в тех немногих военных походах, что имели место, тюркская армия сумела отличиться и зарекомендовать себя как надежная опора власти халифов.

Выше отмечено, что, начиная с правления ал-Мамуна, численность тюрков в армии Аббасидов возросла, и они превратились в главную военную силу. После того, как тюрки укрепили свои позиции в военной сфере, они стали заявлять о себе и в других областях, в том числе в управленческой и политической.

В последние годы правления ал-Мамуна (818-833) и в начале халифатства ал-Мутасима (833-842) стала заметна роль тюрок в византийских походах. В целом же, говоря о преобладании тюркского элемента в армии, не следует ни в коем случае забывать, что это вовсе не означает отсутствия в ней арабов или представителей других этносов. Когда мы говорили о военной деятельности тюрок, то упоминали о магрибинцах и других воинских соединениях, созданных в армии, а также о наличии в ней арабских и персидских частей. Поэтому говорить о каком-либо военном походе, в котором участвовали только тюрки, было бы неверным. Однако, и это подтверждается сведениями источников, участие тюркских воинов во главе со своими военачальниками в походах за пределы Халифата всегда оставалось приоритетным.

Военные походы Аббасидов были связаны преимущественно с Византией. Когда ал-Мутасим был занят подавлением грандиозного восстания Бабека и направил почти всю свою армию в Азербайджан, византийский император Феофил напал на Зубатру. Он вмешивался в некоторые события в мусульманском мире, что приводило к нестабильности.

После ликвидации восстания хуррамитов ал-Мутасим решил на серьезные меры против византийцев, и с большой армией в апреле 838 года отправился в поход на Аморий, имевший важное стратегическое значение для Византийской империи. Не случайно, этот город считали «малым Константинополем».

Поход ал-Мутасима занял значительное место в его византийских кампаниях, так как закончился полной победой. Вклад тюрок в успехи халифа оказался довольно большим. Частью армии, ступившей на византийскую территорию со стороны Тарса, командовал сам халиф, а второй, вошедшей в Анатолию со стороны Малатьи, - победитель хуррамитов Афшин. У ал-Мутасима передовые отряды возглавлял известный тюркский военачальник Ашнас, тылы - Буга ал-Кабир, правое крыло - Инак [39, VII, с. 135].

В этом походе участвовали два военачальника нетюрка - Джафар ибн Динар ал-Хайят и Усайф ибн Анбаса, про которых

известно, что по возвращении они были вовлечены в заговор Аббаса ибн ал-Мамуна, схвачены и казнены.

Можно предположить, что армия Афшина целиком состояла из тюрок: источники указывают, что их было 10 тыс [146,II,с.38].

Главной целью была Анкира. Для того, чтобы с минимальными потерями пройти немалый путь по враждебной территории, нужно было хорошее обеспечение армии. Это поручили командиру передовых сил – Ашнасу. Ему также предписывалось собрать сведения о византийской армии и обеспечить безопасность своих войск. Иными словами, его роль в походе на Анкиру была немаловажной [22,III,с.1236].

Афшин со своей, большей, частью армии вторгся в византийские пределы со стороны Дерб ал-Хадеса. По договоренности с халифом и по его плану, обе части армии должны были встретиться у Анкиры.

Узнав о вторжении мусульман, Феофил выступил в мае из Константинополя. Он послал подкрепление для обороны Амория, затем двинулся в Центральную Анатолию, разбил военный лагерь у реки Кызылырмак, где должен был остановить халифа с его частью армии. В это время император получил сведения о том, что появилась вторая часть армии мусульман. Феофил вышел навстречу и скрестил оружие с Афшином летом в местечке Каз-оба весной 838 г [146,II,с.154].

Вначале удача сопутствовала византийцам, а передовые отряды Афшина, состоявшие из арабских и других нетюркских воинов, отступили, даже бежали с поля боя. Но затем в дело была введена тюркская конница, которая стремительно ворвалась на поле сражения, стала осыпать стрелами византийцев. Среди последних началась сильная паника. Ряды неприятеля были расстроены, их разметало в разные стороны. У императора осталось мало сил, а Афшин преследовал его, но, воспользовавшись наступившей темнотой, Феофил сумел уйти и спастись от неминуемого плена, а может даже и смерти. Когда весть о поражении императора дошла до его армии, стоявший у Кызылырмака, она была деморализована. В итоге, после возвращения Феофила в Константинополь Анатолия осталась почти без прикрытия.

Обе части армии победителей соединились в Анкире, получили передышку, а затем вновь разошлись. Теперь ее большей частью командовал халиф, правым крылом Афшин, а левым – Ашнас. После недельного продвижения армия подошла к Аморию, и в начале августа окружила этот город-крепость. Халиф лично обозначил задачу своих военачальников. Все соединения выполняли его приказы и действовали согласно его распоряжениям. Источники сообщают, что после двенадцатидневной осады, в которой участвовал также Афшин, Аморий был взят штурмом 12 августа 838 года. Значительная часть военной добычи досталась тюркам [43, с.485].

После захвата Амория аббасидско-византийские столкновения стали напоминать скорее отдельные стычки, нежели целенаправленные военные кампании. Это было следствием внутренних неурядиц в обоих государствах.

Известно, что, начиная с ал-Мутаваккиля, халифы вступили в полосу противостояния с тюрками и недолго задерживались на троне. Это не давало Халифату возможности продолжать активную внешнюю политику. Аббасиды часто не были в состоянии вообще отправиться в какой-либо поход.

Византийские императоры, в свою очередь, были заняты нейтрализацией Аглабидов, пытавшихся захватить Сицилию и Южную Италию.

Основатель этой династии – Ибрагим I в 800 году получил от халифа Харуна ар-Рашида в управление провинцию Ифрикия (совр. Тунис). Впоследствии Аглабиды (800 – 909) завладели также Алжиром и Сицилией, совершали грабительные морские экспедиции в Южную Италию, Сардинию, Корсику. Одно время они захватили Мальту.

Обычно ежегодно, ближе к весне, аббасидские гарнизоны, расположенные в городах пограничной провинции Сугур, начинали превентивные военные акции, чтобы предупредить возможные нападения византийцев. При этом мусульманам доставалась военная добыча.

При таких локальных столкновениях не было необходимости в значительных военных контингентах, хотя иногда здесь появлялась армия халифа [209,с.126].

Как упоминалось, ал-Мутаваккиль, испортивший отношения с тюрками, переехал в Дамаск, но, не найдя и там покоя, возвратился в Самарру, а затем приказал Буге ал-Кабиру отправиться в византийский поход [22,III,с.1459]. Тем самым халиф удалил из столицы опасного тюркского военачальника.

Летом 865 года Буга ал-Кабир отправился в Анатолию и сумел захватить город Самалу, который часто упоминается в источниках в связи с этим походом. Хотя сведений о дальнейших византийских успехах Буги в источниках больше не встречается, можно предположить, что он вернулся в Сугур. Он пробыл там несколько лет, участвовал в некоторых военных операциях. Об этом сообщает ат-Табари, когда говорит, что Бугу убили в городе Самосата [22,III,с.1449].

Византийский император Михаил III (842 – 867) в 859\860 году совершил поход на Самосату, в ходе которого взял в плен и убил около 500 мусульман [10,II,с.320], а затем вернулся в Константинополь. В ответ наместник Сугура Али ибн Йяхья начал военную операцию. С ним был тюркский военачальник Билгеджур. Когда мусульмане подошли к часто упоминаемому в мусульманских источниках городку Лули, его жители хотели открыть ворота и тем самым избежать военных действий. Тогда император послал сюда нового коменданта с обещанием выплатить всем жителям денежное пособие с тем, чтобы они подтвердили признание его власти. Деньги были приняты, но жители Лули все же сдали город и византийского коменданта Билгеджуру, а тот, в свою очередь, отправил его к халифу ал-Мутаваккилю [1,VII,с.89].

Затем мы встречаем в источниках новые данные о деятельности Билгеджура, который в 860\861 году участвовал в походе на византийские земли и вернулся с большой военной добычей и пленниками [211,с.48].

Возглавивший Халифат после ал-Мутаваккиля ал-Мунтасыр за время своего короткого правления, желая удалить из центра

Васифа ат-Турки, отослал его на византийскую границу. Хотя реальная причина заключалась в нейтрализации Васифа, было сказано, что халиф недоволен бесконечными набегами византийцев на свои владения [214,с.83]. Во время аудиенции ал-Мунтасыр объявил, что Васиф утвержден командующим нового византийского похода и должен немедленно отправиться к месту назначения. У всех, даже у багдадского наместника, были запрошены вспомогательные силы, и вскоре под началом Васифа, кроме его собственных войск, оказалось еще около 10 тысяч, в том числе шакирийя, мавали.

Начался поход на Малатью. Передовыми отрядами командовал брат Фатха ибн Хагана – Музахим ибн Хаган.

Покинув Самарру в апреле 862 года, Васиф вошел в византийские пределы. Халиф повторно приказал наместникам соседних провинций оказать армии Васифа необходимую помощь, а его самого уведомил, что, по достижении поставленной цели, он не должен возвращаться в Самарру. Васифу предписывалось еще четыре года пробыть в Сугуре и вести войну с Византией [1, VII, с.111; 10, II, с.326].

Получив в Сугуре весть о смерти ал-Мунтасыра, Васиф не вернулся обратно, напротив, овладел византийской крепостью Фурурийя, как дает это название ат-Табари [22, III, с.1508]. Однако вскоре, искушенный в политических интригах, он в 863 году вернулся в Самарру.

Столкновения между ал-Мустанном и ал-Мугаззом в борьбе за трон уменьшали вероятность очередных византийских акций, но те тюркские военачальники, которые оставались в Сугуре, продолжали нападения на Анатолию. Можно в этой связи отметить поход Билгеджура в середине 864 года. О нем вкратце сообщает ат-Табари, хотя не указывает его целей и результатов [22, III, с.1534].

Новую военную операцию против Византии Билгеджур провел в 865 году. На этот раз он повел более многочисленную армию и сумел захватить Матмурех, взять много пленных и добычу. Весть об этой победе дошла до халифа ал-Мустанна 28 мая

[48,II,с.612]. Но после мы более не находим в источниках сведений о дальнейшей деятельности этого тюркского военачальника в Сугуре.

Ал-Йакуби указывает, что в правление ал-Мутазза Музахим ибн Хаган также предпринял поход в Анатолию из Малатьи. В кратком сообщении не указаны цели и результаты акции, а также ее точная дата [48,II,с.613]. Мы знаем только, что вскоре Музахим вернулся в Самарру, так как этого требовала сложившаяся политическая ситуация.

Последней страницей арабо-византийских походов, предпринятых Аббасидами, можно считать правление халифа ал-Мутамида. Они были совершены наместником Тарса тюрком Йазманом. Являвшийся маула Фатха ибн Хагана, он упоминается в источниках в качестве амила Тарса с 882 года [39,VIII,с.72]. О том, кем Йазман был до того, занимался военной или политической деятельностью, когда прибыл в Тарс источники умалчивают. Однако из них мы узнаем, что летом 882 года один из военачальников Ахмада ибн Тулуна – Халеф ал-Фергани арестовал Йазмана, но население Тарса вызволило его. Недовольный этим, Ахмад ибн Тулун дошел с армией до Аданы, но не стал брать Тарса, где Йазман правил как полусамостоятельный правитель [87,с.81].

Можно предположить, что до прибытия в Тарс он находился в Сугуре, где также участвовал в некоторых военных акциях.

Осенью 883 года большая византийская армия, возглавляемая пятью патрициями, главным из которых был Кеста Ступиатес, устроила свой лагерь в Каламийе, недалеко от Тарса [1,VII,с.396].

Узнав об этом, Йазман выступил из Тарса, разгромил византийскую армию. Многие, в том числе ее предводитель, были убиты, а мусульманам досталась богатая добыча [22,III,с.2103]. В октябре 884 года Йазман произвел обмен пленными, а весной 885 года выступил в очередной византийский поход [1,VII,с.420].

В последние годы правления императора Василия I (867 – 886) и в период Льва IV (886 – 912) Йазман был наиболее актив-

ным возмутителем спокойствия на границах империи. Он предпринимал набеги на византийские земли как с суши, так и с моря. Каждый год он выступал из Тарса и возвращался туда с пленниками и добычей. Зимой 888 года его отряды дошли до Маскана и, вновь добившись успеха, вернулись в свою провинцию [15, с. 101]. В 889 году было совершено нападение на византийскую эскадру, в результате чего мусульмане стали обладателями четырех военных кораблей неприятеля. Но источники не сообщают, куда направлялась армия Йазмана и где именно произошло морское сражение.

Последняя военная акция Йазмана против Византии датируется 891 годом. Тогда в Тарс прибыл тюркский военачальник Ахмад ибн Тоган, и за счет его воинов местная армия заметно укрепилась и усилилась. Осенью 891 года Йазман направился в Саланду, и во время осады города был серьезно ранен. Армия вынуждена была повернуть обратно, а по дороге ее военачальник скончался. Его привезли в Тарс и похоронили в Баб ал-Джихаде [10, III, с. 7]

Со смертью Йазмана, деятельность которого в Тарсе дала новый импульс военным операциям против Византии, мусульмане потеряли активного и деятельного предводителя. Он сумел внести оживление в пограничные провинции, и если даже мусульманская армия не захватывала новые земли, крепости и города, военная активность Йазмана серьезно беспокоила Византию. В последующие периоды нападения мусульман на византийские земли из Сугура заметно уменьшились, и инициатива перешла к империи.

Главной задачей правящей арабской элиты во главе с халифами стало сохранение власти и существующего строя и его укрепление, усиление государственной администрации. С помощью эти мер они надеялись обеспечить контроль над обществом.

Однако налицо были ослабление государства в результате все возрастающих политических противоречий и социальных противостояний; увеличение кризисных явлений и, как итог, рост дезинтеграционных импульсов. Это проявлялось в сепаратизме

региональных правителей, или в стремлении представителей центральной власти воспользоваться сложившейся ситуацией и высидеться в государственной иерархии, используя все средства для уничтожения своих противников.

В результате арабская элита, в том числе сами халифы, утратили исключительные привилегии в государственных структурах. И не в последнюю очередь – в военной и политической сферах.

Поэтому в Халифате кардинально изменились взаимоотношения между этносами. Была нарушена система баланса, противовесов и сдержек во всех системах первого мусульманского государства.

На смену резкому противопоставлению «своих» «чужим» брала верх тенденция к сглаживанию этнических различий, к консолидации арабов и неарабов в рамках единого государства.

Роль ислама в этом процессе была существенной. Исламизация народов, включенных в состав Халифата, оказала влияние на процесс, который, в свою очередь, ускорил и расширил принятие неарабами религии Пророка Мухаммада.

В таких условиях тюрки превратились в один из сильных и влиятельных этносов в военно-политической жизни Халифата. Сохранение власти Аббасидами, обеспечение контроля халифов над обществом, защита безопасности государства и сохранение в нем стабильности, обеспечение его военной и политической мощи – все это теперь зависело от тюрков.

Появилась необходимость обращения к тюркам для надежной охраны территории и рубежей Халифата, обеспечения безопасности пограничных провинций, использования их в военных кампаниях и подавлении социальных движений в государстве.

Важное значение для сохранения Халифата в исследуемый нами период имели меры по предотвращению опасности, угрожавшей Аббасидам как извне, так и внутри государства. Не исключено, что внутренние коллизии были порой гораздо более значимыми по своему негативу, нежели внешние.

Это были не только социальные выступления, но также борьба между членами династии Аббасидов за трон халифа, се-

цессионные устремления наместников, столкновения внутри властвующей элиты, между этническими кланами, «сражения» за должности, привилегии, почетные пенсии, государственную казну, за влияние на халифа и его окружение, стремление доминировать во дворце, диванах, армии, управлении.

Абстрагируясь от частностей, которыми так богата история изучаемого нами периода, отметим то важное, что определяло лицо Халифата. Это - тюркская доминанта. Неизвестно, как долго сохранился бы Халифат, не появившись на авансцене тюрки, которые стали важным элементом в военной и политической структуре государства Аббасидов.

Время правления ал-Мамуна (813-833), ал-Мутасима (833-842), ал-Васика (842-847), ал-Мутаваккиля (847-861), то есть почти 40-летний период, стало эпохой, когда в Арабском халифате назревали и происходили очередные перемены по вертикали и горизонтали. Они коснулись как политической и религиозной, так и военной и социально-экономической сфер. В определенной степени они оказали влияние на положение тюрков в Халифате. Однако тюркский этнос по-прежнему сохранял свою нишу, влияние, роль и значение в военно-политической структуре первого мусульманского государства, в том числе во дворце, окружении халифов, в армии и в провинциях.

Движение против тюркского влияния и засилья среди арабской элиты и других нетюркских элементов было довольно значительным, наблюдалось определенное расслоение среди самих тюрков. Но, в конечном итоге, оппозиция тюркскому этносу оказалась не очень результативной, ибо была неорганизованной.

Антитюркское движение добивалось лишь тактических успехов, лишая позиций только отдельных представителей тюркского этноса в Халифате. Он оставался, если так можно сказать, этносом-гегемоном, занимавшим ключевые посты в военной и политической системе государства.

В целом, тюрки сохраняли свое положение. Тем не менее, соперничество между ними и арабами, внутри самого этноса-гегемона, между тюрками и нетюрками никогда не прекращалось.

Оно протекало явно или латентно, под благовидным предлогом. Но не было ситуационным, то есть тюркский статус-кво сохранялся.

Однако, зная силу тюрок в армии, личной гвардии халифа и в его дворце, арабская элита и другие нетюрки действовали осторожно и осмотрительно. Поэтому соперничество, оппозиция тюркам растянулись на длительное время. Во всяком случае, в отмеченные 40 лет серьезных перемен не произошло: тюрки сохранили ключевое положение в Халифате.

ГЛАВА IV

ТЮРКИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО СОСЛОВИЯ ХАЛИФАТА

1. Тюрки в системе административного управления Халифата (IX век)

Анализируя проблемы, связанные с функциями и возможностями господствующего сословия Халифата, отметим следующее. В феодальном обществе, где основным средством производства была земля, господствующим считалось то сословие, которое ею владело. Поэтому оно могло присваивать большую часть прибавочного продукта, осуществлять административно-судебную власть непосредственно либо через органы централизованного государства, либо по формуле «сюзерен-вассал». В государствах средневекового Востока, в частности в Халифате, присвоение прибавочного продукта господствующим сословием происходило с участием структур централизованного государства.

Господствующее сословие Халифата представляло собой открытую, но корпоративную группу (категирию), которая могла пополняться представителями различных слоев, то есть процесс ее изменений не регламентировался определенной правовой процедурой. Таким образом, принадлежность к господствующему сословию в Халифате была фактором не права, а, скорее, социальной категорией.

Отметим, что в исследуемое время, именно престиж (включая связанные с ним привилегии) был тем импульсом, стимулом, который включал амбиции способных членов общества и побуждал их щедро отдавать социуму свои силы и материальные средства.

Следует сказать, что огромная роль этого импульса, и вообще исключительное место престижа, в системе социальных цен-

ностей общества с его первых шагов, ныне являются общепризнанными. Обладание престижем не идет ни в какое сравнение со всеми остальными ценностями, включая материальные. Одним словом, принадлежность к господствующему сословию предопределялась совокупностью таких факторов, как родовитость, чиновность, богатство, суть которых с течением времени подвергалась заметным изменениям.

Среди этих факторов определенное место можно выделить родовитости, хотя благородная арабская элита больше ценилась в предшествующие периоды. При Аббасидах ее использовали в основном при решении межгосударственных, а не внутренних проблем. В целом, то, какое место в арабо-мусульманском обществе отводилось фактору родовитости, характеризуют слова халифа ал-Мамуна: «благородный араб ближе к благородному аджаму (т.е. неарабу – *H. A.*), чем к простому арабу, а благородный аджам ближе к благородному арабу, чем к простому аджаму, ибо благородные образуют одно сословие, а простые – другое» [201, с.117].

Постепенно складывалась и служилая аристократия, представители которой, долгое время находясь в аппарате управления, начинали занимать те или иные должности по наследству.

Господствующее сословие Халифата, как и остального мусульманского Востока, реализовало свое право на землю не непосредственно в виде феодальной собственности на нее, а в рамках государственной собственности. Это находило свое выражение в уплате хараджа в государственную казну. Землевладелец осуществлял свое право, прежде всего, через государство, и поэтому место человека в обществе определялось его причастностью к государственной власти.

Господствующее сословие было по своим общественным функциям представлено военной и гражданской (чиновной) аристократией, или, как их называют арабские источники, ахл-ал-сайф (люди меча) и ахл-ал-калам (люди пера). Это - различные социальные составляющие, хотя переход из одного состояния в другое не был невозможным. Господствующее сословие было неоднородным и по этническому составу. В разное время пред-

ставители различных народов преобладали в государственных структурах.

В связи с этим большой интерес представляет история тюрок. Вследствие многообразных метаморфоз, которые происходили в арабском обществе при Аббасидах, роль и место тюрок в нем были настолько заметны, что не ускользнули от внимания современников, и довольно подробно отражены в источниках. В них содержится множество сведений о богатстве и всемогуществе тюркских военачальников.

Тюрки, выдвинувшиеся за короткий срок на важные военно-административные посты в Халифате, имели социальный статус, отличавший их от других представителей правящей элиты. Не обладая прочными корнями в арабском обществе, они имели в активе, если не единственный, то важный «козырь», - милость халифов. Это было их опорой. Вместе с тем определяющими были личные качества тюрок: их боевая выучка и преданность трону, корпоративность и чувство землячества.

Арабские источники отмечают также превращение верхушки тюркской гвардии в богатых землевладельцев. Отметим, что, параллельно с земельными пожалованиями тюркским военачальникам, развивался и институт чиновных земельных пожалований. Они были связаны с определенным постом в структурах управления и передавались обычно по наследству [120,с.56].

Многие исследователи, следуя за арабскими источниками, считают, что по мере увеличения численности и жалования тюркской армии, которую содержали за счет государственных доходов, разорялась казна, расширялась практика откупов. Все это негативно влияло на состояние сельского хозяйства и вообще экономику мусульманского государства [241,с.163]. Даже утверждают, что увеличение военных расходов стало основной причиной замены денежного содержания войска земельными пожалованиями за службу [248,с.186;217,с.76].

Экономические сложности и создаваемая деятельностью тюрок нестабильность в урегулировании политических проблем государства дали возможность большинству арабских историков

считать, что именно усиление тюркского влияния стало той главной причиной, которая привела к упадку могущественный Халифат [77,с.108;68,с.259,с.202].

Тюркская знать представляла важный элемент господствующего сословия Халифата. По своим функциям, она принадлежала главным образом к военным. Но если в период становления власти Аббасидов тюрки действительно проявляли себя больше в военном деле и, следовательно, выступали в качестве исключительно военной знати, то в годы правления первых Аббасидов их деятельность начинает приобретать новые оттенки. Они занимают государственные должности в центре и провинциях, хотя пока не имеют возможности оказывать влияние на политику халифа или государства.

Однако постепенно положение тюрков в государственной структуре претерпевает качественные изменения. С правления халифа ал-Мутасима (833 – 842), став основным поставщиком высших военных кадров и начав борьбу за политические привилегии, тюрки проникают на влиятельные административные должности. В итоге они включались в принятие решений не только в военной сфере, но и в политической, в том числе на уровне самих халифов. Эту прослойку уже можно характеризовать как военно-гражданскую или военно-чиновничью, а в дальнейшем она становится «чисто» гражданско-чиновничьей.

Именно с ал-Мутасима тюрки сумели возвыситься до уровня наместников (вали) провинцией – одной из важнейших государственных должностей при этом халифе. Они, скорее, были военными наместниками, то есть своеобразными генерал-губернаторами средневековья осуществляя в центре функции военачальников армейских соединений, состоящих из тюрков, и глав администрации в провинциях.

Чиновниками такого ранга обычно назначали известных военачальников, пользующихся особым доверием халифа. Как правило, отдавая приоритет ратному делу, они не бывали в назначенных им провинциях, а отправляли туда своих представителей. В редких случаях, когда во вверенных им областях происхо-

дили значительные события, наместники отправлялись в свои провинции и, наведя там порядок, возвращались. Поэтому, когда в какой-либо части государства вспыхивали восстания, то ответственный за их подавление военачальник назначался туда наместником. Целью этого было сосредоточение военной и гражданской власти в одних руках в особо беспокойные и опасные для государства времена.

Вместе с тем подобная практика позволяла таким назначенцам расширять сферу своей деятельности, а следом и влияния. Такое заключение зиждется на истории появления и возвышения тюркского этноса в Халифате в период Аббасидов.

Другой административной «ступенью», освоенной тюрками в рассматриваемый период, была должность амила.

Источники сообщают о ней различные сведения. Известно, что амил исполнял во времена Аббасидов функции в широком диапазоне: от сбора хараджа и других установленных податей в провинциях до управления областью или городом. Отметим, что в исследуемый период амил занимался больше управленческими делами, а чтобы отличить его функции от финансовых была учреждена специальная должность «амил ал-харадж».

Таким образом, тюрки, получавшие должность амила, были фактически теми же наместниками, хотя и носили другой титул.

Что касается центральных структур Халифата, то здесь тюрки не были так многочисленны, как на периферии. Хотя они доминировали в армии, они в администрации халифа играли не очень заметную роль. Такая ситуация имеет свое объяснение.

Еще омейядский халиф Абд ал-Малик (685 – 705) для того, чтобы избавить аппарат государства от сасанидского и византийского влияния, ввел в делопроизводство арабский язык, знание которого стало обязательным. Все его преемники, в том числе Аббасиды, следовали этому правилу и на официальном уровне говорили и писали только по-арабски.

Естественно, получить государственную должность мог лишь тот, кто знал арабский.

Тюрки на первых порах им не владели, как не знали мусуль-

манской культуры.

Таким образом, первоначально в Халифате доступной для них являлась только военная служба. Тем более, что военачальники также были тюрками.

С момента своего появления в Халифате тюрки составляли заметную часть армии Аббасидов. Напомним, что арабские источники неоднократно сообщают об отправке халифам наместниками из Центральной Азии вместе с податями и военной добычей тюрков. Последние были известны как отличные воины, поэтому их сразу направляли на военную службу.

Однако, пребывание в армии, а значит нередко в походах, незнание арабского языка, принадлежность к аджамам (в лучшем случае к маула) – все это служило причиной изолированности тюрков от арабского общества.

Более того, как указано ранее, даже брак и создание семьи разрешали тюркам только в своей этнической среде. По сведениям ат-Табари, еще во второй половине IX века, то есть когда тюрки прочно вошли в арабскую среду, они разговаривали между собой по-тюркски [22,III,с.521].

Тот же автор, пишет что, в 876 году тюркские воины не получали жалования и подняли мятеж. Их военачальник вышел к ним и сказал что-то по-тюркски. Они закричали в ответ: «йок, йок!».

Интересно, что ат-Табари приводит ответ тюрков на их языке [22,III,с.1539].

В некоторых случаях даже высокие тюркские чины не говорили по-арабски. Так, главнокомандующий армии Тузун, являвшийся вторым лицом в Халифате, предпочитал говорить на родном языке. Источники сообщают, что он владел арабским, но не употреблял его. Когда спрашивали, почему Тузун говорит на своем, он отвечал, что боится ошибиться на арабском, а ошибка руководителя непростительна [48,II,с.615].

Однако уже вскоре после появления в Халифате тюрки овладели арабским языком и приобщились к мусульманской культуре. Но этого было недостаточно для продвижения на гражданской

службе.

Поэтому в истории Халифата на таких постах, как везир и секретари (катиб), за исключением двух случаев, тюрки не представлены. Однако на должности дворцовых комендантов (хаджиб), а она связана с военными обязанностями, тюрки перебивали почти постоянно. Благодаря этому, они сумели добиться влияния во дворце, при назначениях на государственные посты. Подобное оказалось возможным потому, что тюрки, в том числе дворцовые коменданты, опирались на «своих» в армии.

Даже несмотря на притеснения тюрков, начавшиеся со времени халифа ал-Мугаваккиля (847 – 861), все дворцовые коменданты халифов Самаррского периода (836 – 892) были из тюрков.

Как указывалось, по административной служебной лестнице возвышение тюрков началось при первых Аббасидах, когда их стали назначать наместниками (вали) небольших провинций. До прихода к власти ал-Мугасима больших изменений в этой политике не наблюдалось, но с его воцарением руководство большими и жизненно важными провинциями переходит к доверенным тюркам.

В связи с этим первым шагом нового халифа, бывшего до того наместником Египта, стало назначение в эту страну Ашнаса ат-Турки [37,с.194].

Египет был одной из беспокойных провинций Халифата. Восстания и протесты происходили здесь нередко. Кроме того, по морю сюда доходили византийцы, создавая дополнительную напряженность в стране. В целом, проблемы требовали присутствия в Египте военного наместника, и Ашнас оставался в этой должности до своей кончины в 845 год. Будучи главой тюркских военных соединений в центре Халифата, Ашнас управлял Египтом через своих доверенных лиц – векилов. За годы его наместничества в этой стране было относительное социальное спокойствие, благотворно отразившееся на экономическом положении провинции. Поэтому больших проблем у Ашнаса не возникало, почему он мог позволить себе управлять Египтом, не покидая столицы Халифата.

После смерти Ашнаса наместником Египта был назначен

другой тюрк – Инак [10,II,с.239], также из военачальников.

Отсюда следует вывод, что Аббасиды в беспокойные провинции своего государства назначали своеобразных «генерал-губернаторов». Сочетая в одном лице гражданскую и военную власть, такие наместники отлично справлялись с возложенными на них обязанностями.

Другая особенность подобной практики – такими «генерал-губернаторами», как правило, были тюрки, которым Аббасиды доверяли больше, чем представители других этносов, даже своему арабскому.

Как и его предшественник, Инак управлял Египтом через доверенных векилов.

Когда же к власти пришел ал-Мутаваккиль, ситуация несколько изменилась. Этот халиф поставил целью избавиться от тюркской опеки, в том числе от Инака. Ал-Мутаваккиль решил удалить его вместе с армией из столицы и назначил Инака, бывшего наместником Египта, одновременно на ту же должность в Хиджазе, Куфе, Мекке и Медине [10,II,с.275;22,III,с.1382].

Обладая военной силой в центре и властью в важных провинциях, часть доходов которых оставалась у них, тюркские военачальники превращались в опасность для халифов. Это особенно стало ясно в противостоянии могущественного Инака с халифом ал-Мутаваккилем. После убийства Инака в 849 году наместником стал сын халифа ал-Мунтасыр.

Однако он недолго оставался наместником, так как испортил отношения с отцом и лишился должности. Халиф вновь назначил тюрка, но не военачальника, а близкого себе гражданского Фатха ибн Хагана, который пробыл на должности с 856 по 861 годы [260,с.140].

Таким образом, ал-Мутаваккиль, опасавшийся дальнейшего усиления тюркского элемента в Халифате, не мог тем не менее обойтись без него. Практика показала, что ослабленная государственная власть, как в центре, так и в провинциях требовала «сильной руки». А это были тюрки, и обойтись без них в сложившейся ситуации было невозможно.

За пятилетнее пребывание на должности Фатх не занимался

египетскими делами, и всем заправлял назначенный наибом в октябре 856 года Йезид ибн Абдулла ат-Турки, то есть именно он был фактически наместником.

За годы его управления византийская флотилия нередко делала попытки проникнуть в Египет. В мае – июне 859 года неприятель даже высадился в Дамиетте, куда вскоре отправился узнавший об этом наместник. Однако византийские отряды быстро покинули город, поэтому он остановился в Фустате. Тогда византийцы вновь попытались укрепиться в Дамиетте, но Йезид подошел к городу, и враг спешно покинул его без боя [37, II, с. 134].

Йезид ибн Абдулла ат-Турки проявил себя исполнительным сторонником ал-Мутаваккиля. Был суров к немусульманам и шиитам, многих выдворил из Египта, конфисковал их имущество. Он пресекал различного рода выступления. Например, в 862 -863 годах алавиту Мухаммаду ибн Али присягнула часть местного населения. Йезид организовал карательную операцию и разгромил отряды повстанцев, а затем выслал всех алавитов из страны [10, II, с. 134].

При ал-Мутаваккиле важное значение придавалось борьбе против шиитов. По его распоряжению, шиитам запретили паломничество к могиле Али, разрушили усыпальницу имама Хусейна в Кербеле. Посмевшегося нарушить распоряжение халифа ждало суровое наказание. Одновременно всех шиитов выселили из столицы в Медину и содержали там под неусыпным наблюдением.

Йезид ат-Турки следовал в Египте в отношении шиитов распоряжениям ал-Мутаваккиля.

Однако репрессии не заставили шиитов изменить убеждения, напротив, они и впоследствии выступали под своими лозунгами как в центре Халифата, так и в провинциях. Самым большим и причинившим значительное беспокойство восстанием в Египте в годы правления Йезида ибн Абдуллы ат-Турки было выступление в мае 866 года Джабира ибн Валида в Александрии. К нему, добившемуся успеха, стали стекаться местные жители. Захватив ряд территорий, Джабир взимал харадж в свою пользу.

К нему примкнул Абдулла ибн Ахмад, объявивший себя

алавитом, что еще больше осложнило ситуацию.

Понимая, что он не сможет справиться своими силами со столь масштабным движением, Йезид запросил помощи у халифа.

Ал-Мутазз направил в Египет влиятельного военачальника Музахима ибн Хагана, который прибыл на место 15 августа 866 года.

Ситуация изменилась в пользу Йезида. Один из военачальников Музахима – Салтук ат-Турки разгромил восставших, и один из их предводителей – Абдулла ибн Ахмад сдался на милость победителя.

Оставшись один, Джабир продержался некоторое время и оказывал сопротивление, но затем вынужден был сложить оружие и сдаться. Восстание прекратилось. Однако Йезид ибн Абдулла, не сумевший с ним справиться, был отозван из Египта 24 июля 866 года [37,с.205;10,II,с.314].

После отставки Йезида ал-Мутазз в марте 867 года назначил наместником Египта опять же тюрка – Музахима ибн Хагана, которому вскоре пришлось возобновить борьбу с мятежниками. После подавления восстания Джабира Александрия не утихомирилась. Здесь происходили небольшие волнения. Музахим вначале расправился с восстанием в районе ал-Хауф под предводительством ибн Азиза, а затем двинулся против Джабира. Хотя в середине мая 867 года он разгромил его отряды, самого главаря пленить не сумел. Во время второго сражения в Файюме Джабир запросил пощады, был арестован и выслан в Ирак.

Наместничество же Музахима ибн Хагана в Египте продолжалось вплоть до его смерти в октябре 868 года [22,III,с.1693].

Музахима сменил его сын Ахмад, которого назначил халиф ал-Мутазз. Но уже 7 апреля 869 года он скончался, и наместником стал Узджур ат-Турки [10,II,с.315], начальник египетской гвардии при Мухазиме и Ахмаде. Отец Узджура – Улуг Тархан ат-Турки прибыл в Багдад еще в правление ал-Мамуна, где и родился его сын. Военную службу будущий наместник прошел в армии, под началом тюркских военачальников. Достигнув высокого положения, Узджур отправился в Египет вместе с отрядами

Музахима, где стал начальником гвардии – шурта (полиции – Н.А.).

Однако наместником Узджур пробыл недолго. Тем не менее, он усмирил алавитское восстание. Но уже в начале осени 868 года покинул Египет, чтобы совершить хадж. Наместником Египта был назначен Ахмад ибн Тулун [27, I, 69]. Его фактически самостоятельное правление здесь привело к потере Халифатом столь важной провинции. Египета, затем Сирия стали независимым владением во главе с династией Тулунидов (865 – 905). Это – совершенно отдельная тема, и мы ее касаться не будем, так как она – вне рамок нашего исследования, посвященного другой проблеме.

Деятельность тюркских наместников в такой важной провинции Халифата, как Египет, обеспечивала, прежде всего, спокойствие и порядок в этой стране. Начиная с Музахима, вместе с ними в Египте появлялось все большее количество тюркских военных сил. В итоге, эта страна постепенно превращалась в «тюркскую» зону. И когда Ахмад ибн Тулун объявлял себя независимым от халифа правителем (868 – 884), он, несомненно, опирался на поддержку находившихся в Египте тюркских воинских частей.

Население государства Тулунидов преимущественно состояло из арабов и других нетюрок. Но военная сила, а также чиновники были тюрками.

Несомненно, это было «последним» пребыванием здесь наместников-тюрок, в том числе родоначальника владетельных Тулунидов, которые стали уже независимой династией вдали от «тюркской Родины».

Были еще два важных наместничества, куда Аббасиды также назначали тюрок, и тоже как «генерал-губернаторов». Это – Сирия и ас-Сугур, нередко являвшиеся объектами нападения Византии. Вот почему здесь постоянно находились значительные военные силы Халифата, которыми командовали тюркские военачальники.

Сирия и ас-Сугур были опорными военными базами му-

сультман, а, с другой стороны - объектом вражеских нападений. Поэтому наместниками этих провинций назначались, как правило, военачальники.

В их обязанности входили как управление провинцией, так и походы против Византии. Таким образом, наместники приграничных провинций действительно являлись генерал-губернаторами, ибо они осуществляли как гражданские, так и военные функции. По этим причинам более других на должности наместников приграничных провинций Халифата подходили тюрки.

Первым тюркским наместником Сирии и ас-Сугура стал Ашнас ат-Турки. Получивший египетское наместничество в 834 году, он после ареста Афшина и назначения его главнокомандующим армии, был отправлен ал-Мутасимом в 869 году в Сирию и ал-Джазиру [10,II,286]. При халифе ал-Васике Ашнас продолжал отправлять свои обязанности. Как и в Египте, он управлял Сирией и ас-Сугуром через своих доверенных лиц, то есть не покидал столицу.

Несмотря на такую форму управления, в названных провинциях не происходили какие-либо экстраординарные события. Хотя, как и в других частях Халифата, порой имели место социальные явления. Но и тогда халифы призывали на помощь тех же тюрок.

Так, в 850\851 году в Сирии вспыхнуло восстание, подавление которого ал-Мутавиккиль поручил Афридуну ат-Турки, назначив его эмиром Дамаска. С заданием он справился, но погиб в результате несчастного случая [83,с.316].

Ат-Табари сообщает, что во время подавления Бугой ал-Кабиром ряда восстаний на Аравийском полуострове выдвинулся Салих ал-Аббаси ат-Турки. В 855\856 году он упомянут в источнике как амил Дамаска [22,III,с.1697].

Акцентируя внимание на участие тюрок не только в военной, но преимущественно в гражданской сфере, мы хотим привлечь внимание к очень важной метаморфозе. Если первоначально тюрки доминировали только в армии, то есть халифы использовали их как надежную военную опору своей власти, то впослед-

ствии их положение претерпело определенные изменения.

Теперь тюрки, наряду с военными функциями, стали исполнять и гражданские. Такие перемены в их статусе свидетельствуют о многом. Во-первых, об изменении военно-политической ситуации в Халифате. Во-вторых, о росте роли и влияния тюркского элемента на халифов. В-третьих, о том, что Аббасиды именно в тюрках видели гарантию своей власти, в-четвертых, зарекомендовав себя отличными военачальниками, тюрки обратили на себя внимание халифов как деятельные и исполнительные организаторы. В-пятых, халифы все больше надеялись на свое тюркское окружение, нежели на арабскую элиту.

Таким образом, действительно, есть все основания акцентировать внимание на тюркском элементе в Халифате не только как на военной составляющей, но и как на опоре центральной власти.

Как сообщает ибн Адим [27, I, с. 73], во время византийского похода прославленного Буги ал-Кабира в 858 году ему было поручено также руководство опорным пунктом в Киннесрине. Это стало уже характерным, когда военачальника, отправленного против Византии, назначали одновременно наместником приграничного города в ас-Сугуре. После смерти ал-Мутаваккиля Буга ал-Кабир вернулся в Самарру, значит, его наместничество в Киннесрине продолжалось около трех лет.

В источниках мы также встречаем сведения о том, что во время двухмесячного пребывания в 858\859 году ал-Мутаваккиля в Дамаске при нем неразлучно находился Фатх ибн Хаган, назначенный наместником Сирии. После поспешного возвращения халифа и Фатха в Самарру представителем последнего в этот важной приграничной провинции был назначен тюрк Гюльбатекин [I, VII, с. 269]. Таким образом, как и в Египте, эта должность оставалась за Фатхом, хотя он находился в столице.

Ал-Йакуби сообщает, что во время восстания Фазла ибн Карина поддержавшие его жители Хомса пострадали от противодействия амила Дамаска Нушри ибн Таджбека ат-Турки, назначенного на эту должность в 866 году [48, II, с. 618]. По сведениям ат-Табари, Нушри в 868 году вступил в сражение с Мисавиром

аш-Шари и нанес ему поражение [22,III,с.1840]. Это свидетельствует, что он продолжал исполнять обязанности главы Дамаска.

В 870 году амилом Дамаска назван уже Амаджур ат-Турки, видимо, вступивший в должность после Нушри. Он подавил восстание Исы ибн Шейха в том году и заставил его искать убежище в Суре. Отмечено, что Амаджур был амилом до 877\878 года, после его смерти должность унаследовал его сын – Али ибн Амаджур, который оставался в Дамаске до захвата города Тулунидами [1, VII, с.263].

Муса ибн Буга, отправленный на подавление восстания в Хомсе в 864 году, согласно сведениям ибн Адима, [27, I, с.76] был назначен наместником Киннесрина, Халеба и Хомса. Здесь он оставался недолго, так как после усмирения восстания Муса вернулся в центр, и упомянутые города были отданы под другое начало.

В 872\873 году ал-Мутаид назначил наместником в Мосул, ставшим объектом нападений хариджитов тюрка Асатекина. Он выдвинулся во время соперничества ал-Мутаида с ал-Мутаззом, в исходе которого сыграл значительную роль. Однако Асатекин не стал удаляться из Самарры и направил в Мосул своего сына Азгутекина

Последний оказался очень жестоким в отношении горожан, которые, к тому же, испытывали непомерные фискальные тяготы. Чашу их терпения переполнило недостойное поведение одного из воинов наместника по отношению к женщине.

Жители Мосула вышли из повиновения. Сплотившись вокруг Йяхьи ибн Сулеймана, они вступили в сражение с Азгутекином и вынудили его бежать из города. В конце 874 года Асатекин направил против повстанцев военные силы, но и они не добились успеха. На том и закончилось его наместничество [1, VII, с.269].

В результате бедуйских восстаний в Хомсе в 873\ 874 году был убит наместник города тюрок Манджур, место которого занял Бектемир ибн Таштемир. Ат-Табари [22, III, с.1885] и Ибн ал-Асир [1, VII, с.272] не сообщают подробностей, хотя указывают, что Бектемир был отправлен в 879\90 году в Исфаган для подав-

ления вспыхнувшего там бунта и после его подавления вернулся в Багдад.

20 июля 875 года ал-Мутамид, объявил своего сына Муфаввада наследником престола, передал ему в управление все восточные провинции Халифата. Его помощником он назначил весьма уважаемого тюрка Мусу ибн Бугу. Наследник, в свою очередь, назначил Мусу наместником Магриба [198,с.133].

Однако к тому времени все западные провинции, включая Египет, были утрачены Аббасидами. Теперь Египет был у Тулунидов, у Аглабидов - Ифрикийя. Поэтому должность Мусы оказалась чисто номинальной.

Являвшийся фактическим правителем Халифата, ал-Муваффах не считался с мнением брата - халифа, не советовался с ним при принятии важных решений. Такое положение беспокоило ал-Мутамида, и он изыскивал возможности, чтобы избавиться от всемогущего брата – временщика. Он решил в конце октября 882 года отправиться к Ахмаду ибн Тулуну в Египет, и покинул Самарру.

Когда халиф прибыл в Мосул, бывший амилом Мосула и ал-Джазиры тюркский военачальник Исхак ибн Кундаджик, следуя приказу ал-Муваффаха, арестовал всех находившихся при халифе командиров, а самого халифа уговорил, скорее сказать вынудил, вернуться в Самарру [1, VII, с.394].

Источники не указывают точной даты назначения Исхака ибн Кундаджика амилом, но отмечают, что в 879\80 году он уже действовал в этих провинциях [48, II, с.942]. Они же упоминают о приказе Исхаку подавить одно из восстаний в эти годы. Поэтому можно предположить, что тогда он и вступил в должность [1, VII, с.333].

За помощь в возвращении халифа в Самарру, ал-Муваффах наградил Исхака халатом и мечом. Одновременно временщик назначил Исхака ибн Кундаджика наместником всех подвластных Тулунидам территории. Правда, это назначение оказалось чисто символическим, так как Ахмад ибн Тулун прочно сидел в Египте. Более того, он вынашивал план захвата Сирии. Формальное наместничество Исхака ибн Кундаджика во владениях Тулунидов

и реальное – в Мосуле и ал-Джазире продолжалось до 886\887 года [16, VI, с. 77].

Тюркские военачальники получали посты наместников, совмещая их со своими армейскими обязанностями, в не только в западных провинциях Арабского халифата.

Другими территориями, где наместниками также были назначены тюрки, стали провинции Азербайджан и Арминийя. Здесь также требовалось присутствие армии, ибо и тут периодически происходили социальные движения.

3 июня 835 года ал-Мутасим назначил наместником Азербайджана, Джибала и Арминийя Афшина, которому приказал подавить восстание Бабека [7, с. 211]. В знак благодарности за ликвидацию столь грозной для существования Халифата опасности ал-Мутасим, наряду с ценными подарками, халатами, короной, передал Афшину управление Синдом. До своего ареста в 840 году он оставался также наместником Азербайджана. Однако Афшин не покидал Самарры и в Азербайджане находился его родственник Менгюджур, который до конца 839 года управлял этой важной провинцией [48, II, 587].

Халиф ал-Васик произвел новые назначения наместников. Ал-Йакуби [48, II, с. 585] указывает, что тюрку Инаку были поручены Синд, Хорасан, Басра и Нижний Тигр.

Известно о хороших отношениях халифов с Тахиридами, правившими в Хорасане со времен ал-Мамуна. Поэтому назначение в эту провинцию наместника стало попыткой халифа вернуть богатый и важный Хорасан под юрисдикцию Аббасидов.

В середине 851 года, по сообщению ал-Балазури [7, с. 314], Буга ал-Кабир, посланный для подавления беспорядков в провинции Арминийя, был назначен ее наместником. Он пробыл в этой должности до 855/856 года. Другие источники добавляют, что до него наместниками провинции Арминийя являлись тюрки Абу Саид и затем его сын Юсиф. Им было поручено подавить волнение, но, как видно, они не справились с заданием.

Однако в данном контексте неважно, кто был назначен и как он исполнил поручение. Привлекает внимание сама практика

управления провинциями Халифата. На должности наместников претендовали многие, ибо это было не только почетно, но и давало преимущества в структуре государства.

Но предпочтение было отдано тюркам, ибо только они могли сочетать в одном лице военного и гражданского чиновника на местах, будь то город или провинция.

Период правления Аббасидов, отмечен многими социальными, религиозными и политическими катаклизмами. Поэтому порученцы халифов должны были не только управлять, но и усмирять мятежные выступления в городах и провинциях.

В таких реалиях обойтись Аббасидам без тюрок оказалось невозможным.

В начале 862 года Буга ас-Сагыр получил новое назначение наместником в Хулван, Мазебезан и Михрачанказак в провинции ал-Джибал [8,с.312]. Здесь он оставался до халифа ал-Мутаза, примерно до 866 года.

В это время в ал-Джибал был назначен наместником Муса ибн Буга ал-Кабир, присланный для подавления восстания ал-Каукаби [8,с.314].

Пробыв около двух лет и наведя здесь порядок, в 869 году он возвратился в Самарру, как того потребовала политическая ситуация. Хотя после этого Муса не вернулся в ал-Джибал, так как должен был подавить восстание зинджей, он считался по-прежнему наместником этой провинции.

В 874\875 году ал-Мутамид назначил Мусу ибн Бугу наместником Фарса, Ахваза, Басры, Бахрейна и Йемамы. Его предшественник – Харис ибн Симаи был убит во время военных столкновений с повстанцами, руководимыми Мухаммадом ибн Василем. Муса, почти непрерывно занятый подавлением восстаний, просил халифа освободить его от обязанности наместника. Произошло это в 875 году.

На его место был назначен ал-Муваффах, а заместителем последнего стал Месрур ал-Балхи. В том же 875 году он передал обязанности наместника Ахваза тюрку ал-Бухари, который оставался в этой должности около пяти лет, до 878\879 года. Затем

наместником стал Агартмыш ат-Турки, которого в 879\ 880 году сменил один из военачальников восставших зинджей – Али ибн Абана [1, VII, с. 278].

Когда в 872\73 году в Рее умер ас-Саллаби назначенный сюда Мусой ибн Бугой, наместником стал влиятельный в Самарре тюрок Кайыглык [100, с. 175]. Не ясно, как долго он оставался здесь, но источники сообщают, что, когда осенью 879 года Асатекин взял город, то застал тут в качестве амиля (заместителя) некоего Таламджура [1, VII, с. 332]. Затем Асатекин и его сын Азготекин направились в Казвин, где сидел брат Кайыглыка, и, заключив с ним мир, вернулись в Рей [22, III, с. 1874]. Предположительно, наместничество Кайыглыка закончилось до этого, а Асатекин правил тут до восстания Рафии ибн Лейса в 888 году [1, VII, с. 332].

В источниках указано назначение Кунджура ат-Турки в 870 году наместником в город Куфу, после того, как он усмирил там восстание алавитов. Он оставался в должности до 872\873 года. В других говорится, что проявивший себя во многих политических и военных акциях Кунджур покинул Куфу без позволения халифа и направился в Самарру. Однако в пути он был схвачен и казнен по его приказу. Произошло это в том же 872\873 году. Таким образом, его наместничество продолжалось около трех лет [22, III, с. 1936].

При халифах Аббасидах в мире ислама многое изменилось, в том числе в государственной структуре. В первую очередь, это проявилось в учреждении должности везира, которая стала как бы данью сасанидской традиции [84, с. 56]. Первым везиром Аббасидов был перс Абу Салам, после которого многие иранцы, в том числе Бармакиды, исполняли эту важную должность и сыграли заметную роль в истории Халифата.

Везиром мог стать любой мусульманин, как суннит, так и шиит. Это – одна из особенностей института везиров в арабском государстве. Другая – в том, что почти все везиры Аббасидов были из мавали, то есть из неарабов. Еще одна особенность в том, что, несмотря на принадлежность к разным этносам и политиче-

ские пристрастия, везиры всегда верно служили своему сюзерену – халифу Аббасиду. Они понимали, что именно от него зависели их положение и благополучие. Везиры были опытными как в административном, так и в финансовом делах. Они контролировали поступление податей из провинций, несли ответственность за подготовку военных кампаний и ведали внешними сношениями. Однако финансы оставались их главной сферой. Властью над армией везиры не обладали. Эмиры-военачальники были самостоятельными и независимыми. В лучшем случае они признавали только халифа.

Везиры же, не имея влияния на армию, бывшую реальной силой в Халифате, не могли препятствовать центробежным тенденциям в государстве, которым фактически управляли.

В связи с этим отметим, что везир являлся, по официальной иерархии, вторым лицом в Халифате. Но так было по положению. Хотя везир мог влиять на халифа, однако с усилением тюркского элемента в армии, с его возрастающей ролью в гражданской, администрации ситуация менялась.

Оставаясь, по табели о рангах, главной фигурой в администрации Халифата, везир все больше утрачивал свои позиции. Но этой метаморфозы не происходило в том случае, если везиром назначали тюрка.

Таким образом, можно констатировать, что со временем, наряду с главной ролью в армии и в институте наместников, тюрки стали заметными и влиятельными фигурами в системе везирата.

Обладая подобной триадой военно-политической власти, тюркский элемент сумел еще больше укрепить свои позиции в Халифате, дворце халифа и почти во всех структурах государственной власти в центре и на месте, то есть по вертикали и горизонтали.

Первым известным тюрком везиром в истории Халифата стал Убейдаллах ибн Йяхья ибн Хаган. О его происхождении и корнях в источниках нет достаточных сведений. Известно лишь, что он был родом из Мерва и стал маула племени Езд. Его сын Яхья в правление ал-Мамуна являлся секретарем Хасана ибн

Сахля. Позднее, уже при Мутаваккиле, в апреле – мае 848 года его определили в Диван ал-харадж – (податное ведомство). Сам Убейдаллах занимал сперва незначительные должности, но в 850\851 году стал секретарем, а затем везиром халифа ал-Мутаваккиля [269,с.273].

Убейдаллах координировал отношения между центральными диванами и халифом. Он сосредоточил в своих руках решение многих дел. Однако уже вскоре его растущее влияние попытался нейтрализовать Васиф ат-Турки.

Последний считал недопустимым единоличное влияние везира на халифа и мешал его деятельности. Однако Убейдаллах за короткое время сумел установить полный контроль над деятельностью всех центральных ведомств. Ему также удалось добиться того, что все назначения в провинциальные ведомства: почтовые, податные, фискальные происходили только с его ведома. Он имел решающий голос даже при назначении религиозных судей-кадиев. Все новости, доставленные почтовой службой, сперва поступали к Убейдаллаху, а только потом доводились до сведения халифа [48,II,с.597].

В истории Аббасидов это был первый случай такого расширения поля деятельности везира, который контролировал все ветви власти, кроме одной – военной.

Можно считать, что подобное произошло не только из-за личных качеств Убейдаллаха. Очень важным обстоятельством являлось то, что он был выходцем из тюркской военной среды и в своей деятельности на гражданском поприще опирался на нее.

С одной стороны, успехи Убейдаллаха подняли престиж института везирата. Они стали причиной того, что высокопоставленные тюрки теперь стремились занять этот пост, и борьба за него явилась основанием для соперничества среди тюркской элиты.

С другой стороны, сила и влияние Убейдаллаха ибн Йяхьи и та степень доверия, которая оказывалась ему халифом, вызывали зависть у других, нетюркских и арабских, высокопоставленных чиновников. Начались интриги против везира-тюрка.

Самым опасным противником Убейдаллаха был глава дива-

на ат-тавкийя (служба охраны) Неджах ибн Салама. Однако везиру не стоило особого труда убрать своих соперников и ослабить их в глазах халифа. В итоге, Убейдаллах не только сохранил свои позиции и влияние во дворце Абассида, но стал полным хозяином положения и непререкаемым авторитетом для повелителя правоверных [22,III,с.1443].

В этот период ал-Мутааз пребывал в довольно затруднительной ситуации. Он вроде бы находился под покровительством сыновей ал-Мутаваккиля, но на самом деле пытался ослабить влияние тюрок. С этой целью он создал 12-тысячное войско из арабов и представителей других этносов и подчинил его везиру. Таким образом, Убейдаллаху удалось возвыситься до чина эмира, что было редкостью для его должности [38,с.361].

Как видно, интриги против везира, в данном случае против Убейдаллаха, не только не оказали негативного влияния на его положение, но, напротив, только его возвысили. В его ведение были переданы армейские части, везир превратился в хозяина гражданской и военной жизни. Так в Халифате была заложена новая традиция, и она связана с тюркским этносом. Вместе с тем как эта традиция, как и другие новации, о которых сказано раньше, подтверждают роль, значение и влияние тюрок в Халифате. Они же – свидетельство прочности положения тюрок как в центре, так и на местах, как в армии, так и в гражданской административной сфере.

Отметим, что Убейдаллах не стал вмешиваться в довольно жесткую политику халифа ал-Мутаваккиля в отношении немусульман, алавитов и мутазилитов. До последнего момента он оставался нейтральным. Хорошее знание государственных дел, добросовестность их исполнения были его положительными качествами. Можно сказать, что только Фатх ибн Хаган оказался более доверенным и приближенным к халифу. Оба они – тюрки, возвысившиеся при дворе и на службе халифа, но путь каждого из них наверх был индивидуален. Единственное, возможно, что их «объединяло», - это имена их отцов – Хаган. Вместе с тем подчеркнем, что гораздо важнее другое: тюрки были поставлены

во главе администрации Арабского халифата. Однако отец Фатха – Хаган при ал-Мутасиме был одним из влиятельных тюркских военачальников и проявил много усердия при строительстве Самарры. Что касается отца Убейдаллаха, тоже Хагана, то доподлинно неизвестно даже, был ли он вообще когда-либо в Халифате [269,с.281;224,с.86].

В последние годы правления ал-Мутаваккиля Убейдаллах вместе с Фатхом старались устранить ал-Мунтасыра в качестве первого наследника и отдавали предпочтение ал-Мутаззу. Они преуспели и в этом. Однако последствия такого шага оказались неблагоприятными и закончились гибелью как халифа ал-Мутаваккиля, так и Фатха. В ночь убийства Убейдаллаха не было во дворце, и он избежал смерти. Найдя убежище при ал-Мутаззе, Убейдаллах удалился от политических дел и даже некоторое время провел в ссылке [73,с.48].

Тем не менее, в данном контексте важен сам факт участия двух высоко-поставленных тюрок в решении вопроса престолонаследия в Арабском халифате. Тем более, что дальнейшие события показали, что тюрки при дворе далеко не утратили свои позиции.

Так, вскоре после того, как халифом стал ал-Мутамид, Убейдаллах был вновь назначен на должность везира. Ат-Табари называет его Абдаллах [22,III,с.1457]. По его версии, у Убейдаллаха был брат с таким именем. Кроме того, ат-Табари также указывает дату смерти Убейдаллаха в марте – апреле 866 года, хотя в другом месте указывают июнь 877 года. Он же отмечает, что его должность занял Сулейман ибн Вехб.

Ал-Масуди, который, как Ибн ал-Асир, описывает события, опираясь на труд ат-Табари, сообщает, что именно ал-Мутамид вернул Убейдаллаха на должность [39,VII,с.39].

Вероятно, в текст ат-Табари вкралась ошибка, или же те, кто ссылались на него, были неточны, так как имя везира встречается в разных написаниях и создает путаницу [28,V,с.122;20,с.414].

Некоторые историки, в противовес ат-Табари, утверждают, что Убейдаллах был призван ал-Мутамидом и вновь стал во главе

администрации халифа [25,с.350].

Убейдаллах ибн Яхья во время своего второго везирата не занимался активной политической деятельностью. Это было связано как с предшествующими его возвращению событиями, так и с влиянием брата халифа – ал-Муваффага, бывшего всесильным временщиком. Когда в июне 877 года Убейдаллах погиб, упав с коня, его сыну Мухаммаду и внуку Абдаллаху еще предстоял путь до поста везира при последующих халифах [25,с.351].

В связи с этим следует отметить следующее знаменательное явление в истории тюрок и Халифата: Убейдаллах, его сын Мухаммад и сын последнего Абдаллах занимали высокий пост везира – второго лица в Халифате. Таким образом, тюрки в известной степени повторили путь персов Бармакидов которые были везирами у ряда Аббасидов. С одной стороны, это – показатель роста влияния и значения тюркского этноса в Халифате; с другой, - утраты персидским этносом важных позиций в государстве Аббасидов.

Можно также отметить, что один и тот же тюрк исполнял обязанности везира при нескольких халифах. В этом отношении интересна история Отамыша, который был везиром Аббасидов. Отамыш – один из военачальников воинских частей, размещенных ал-Мутасимом в Самарре. На политической арене он появился как участник заговора против ал-Мутаваккиля, который был убит [38,с.363]. В период краткосрочного правления ал-Мунтасыра Отамыш развил активную деятельность.

Следующий халиф - ал-Мустаин, также оставил Отамыша на посту везира [64,с.280].

Достигнув высокого положения, Отамыш стал смещать некоторых чиновников и назначать на их место своих людей. Дошло до того, что он вместе со своим секретарем Шахагом ан-Надимом и матерью халифа взяли под контроль, как административную сферу, так и казну. Пользуясь влиянием на ал-Мустаина, Отамыш добился того, что халиф ничего не предпринял без ведома везира.

Однако присвоение казенных средств и близость Отамыша к трону вызывали недовольство тюркских военачальников Васифа

и Буги. Поэтому в мае – июне 863 года он был ими убит [48, II, с. 606].

Что касается Фатха ибн Хагана, упомянутого выше в связи с политическими событиями в Халифате, то некоторые источники сообщают, что он был везиром ал-Мутаваккиля [25, с. 350; 49, VI, с. 117]. Однако самые известные историки-современники событий – ат-Табари и ал-Йакуби не подтверждают этого. Везирами ал-Мутаваккиля они называют Мухаммада ибн Абд-ал-Малика аз-Зийяда, Мухаммада ибн Фазла ал-Джаржараи и Убейдаллаха ибн Яхью [38, с. 364].

Выросший вместе с халифом и бывший его близким другом Фатх впервые был назначен на должность 849-850 году – в службу охраны (диван ат-тавкийя). Историк О. Пинто полагает, что он стал главой этой службы, но прямых подтверждений в источниках нет [260, с. 146]. Его считали «везиром» только потому, что Фатх был близок с халифом.

Другой должностью, которой достигли тюрки в центральных структурах Халифата, был хаджиб (дворцовый комендант). Первые тюрки – хаджибы появились при ал-Мутасиме, и среди них источники называют Васифа, Сима ад-Димашки, Ашнаса и Инака [28, V, 121; 274, с. 53].

Дворцовый комендант был очень важным лицом в администрации халифа и государства. От него во многом зависела жизнь самого Аббасида. Хаджиб мог допустить либо запретить доступ к халифу. В его подчинении находилась охрана дворца, состоявшая из тюрок-гвардейцев.

Вместе с тем должность дворцового коменданта открывала дорогу к другим высоким ступеням в иерархии Халифата. Перечисленные выше тюрки – наглядное тому доказательство. Все они были известными военачальниками и «делали погоду» во дворце и в Халифате.

После ал-Мутасима все халифы выбирали себе хаджибов среди тюрок, нередко под давлением обстоятельств. Хаджиб ал-Васика Инак оставался в этой должности и при ал-Мутаваккиле. Когда в 849 году он отправился из Самарры в хадж, его сменил Васиф [38, с. 361]. Некоторые источники указывают его имя среди

хаджибов даже при Инаке [48,II,с.602].

После смерти Инака в последние годы правления ал-Мутаваккиля хаджибом стал Буга ас-Сагыр, при ал-Мунтасыре и ал-Мустаине – Васиф и Буга [28,V,с.123]. Автор Игд ал-Фарида причисляет к плеяде дворцовых хаджибов ал-Мустаина также Отамыша [28,V,с.124].

Сторонники ал-Мустаина в его борьбе с ал-Мутаазом – Буга и Васиф при воцарении последнего лишились своих постов. Однако это не изменило общего положения дел, и хаджибами вновь назначались тюрки. При ал-Мутаазе должность занимали Салих ибн Васиф и Байык Бек [28,V,с.124]. При ал-Мухтади хаджибом стал Муса ибн Буга [38,с.367].

Несмотря на то, что в правление ал-Мухтади его брат ал-Муваффах единолично управлял государственными делами, и тюркская эра в Халифате начала клониться к закату, среди его хаджибов были тюрки Йарджун ат-Турки, Хотармыш и Бектемир. Однако они уже не обладали таким влиянием на халифа, как их предшественники.

В центральных диванах, не связанных с военными делами, тюрки были представлены мало. Среди них можно отметить семью Сули и Хагани. Обе они, не связав себя с армией, стали активно приобщаться к мусульманской культуре. Среди Сули были поэты, историки, а среди Хагани - административные деятели высокого ранга.

Первым Сули, занявшим заметное место в Халифате и названным в источниках накибом, был Мухаммад ибн Сул. Его внуки Ибрагим и Абдулла ибн Аббас служили при везире ал-Мамуна Фазле ибн Сахле. При этом халифе, а также при ал-Мутасиме, ал-Васике и ал-Мутаваккиле Сули занимали различные чиновные должности. Упомянутый Ибрагим, который считался одним из известных поэтов своего времени, после перевода столицы в Самарру, до своей смерти в 857 году [19,II,с.36] стоял во главе «Диван аз-зия ва-л-навагат» ведомство культуры.

О Хагани мы говорили выше. Ат-Табари указывает, что в правление ал-Мустаина казну контролировали его представители – Асатекин и Таламджур [22,III,с.1545].

Вышеизложенное приводит нас к выводу, что открытость правящего сословия Арабского халифата, возможность попасть в него благодаря личным способностям, а также родовитость играли определенную роль в изменении и обновлении его этнического состава. Так в этом сословии появились тюрки.

Начав в Халифате путь наверх, они поэтапно поднимались вверх по армейской иерархии. Это открыло им путь во дворец халифа и далее на высокие гражданские посты – везиров и наместников областей, дворцовых комендантов и глав диванов.

В этом процессе они могли рассчитывать только на свои способности. Вот почему тюрки являют собой яркий образец меритократии, то есть выдвижения на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев и этнических групп.

Поэтому можно констатировать, что в Халифате в исследуемый нами период из числа тюркских военачальников формировалась служилая элита Аббасидов как по вертикали, так и по горизонтали. Одновременно с возвышением по военной службе тюрки превращались в землевладельцев. Получавшие земли икта на определенных условиях, представители тюркской военной элиты первоначально не обладали правом собственности на них. Порой они не могли даже передавать икта по наследству. Они имели только право на доходы.

Тем не менее, тюрки-иктадары заняли заметное место в военно-ленной системе Халифата. Их роль возросла с назначением тюркских военачальников амилами или наместниками. Вместо жалованья из казны они и на этих должностях, как и на военной службе, получали содержание за счет – икта, предоставляемых за службу сюзерену – халифу.

Уместно напомнить, что в рассматриваемый период усилилась тенденция использования тюрок в качестве наместников и амилов. В то время как наместник являлся лицом военным, а амил – гражданским, тюрки, служившие в последней должности, в отличие от прочих, выполняли и военные функции. С этой точки зрения, их можно соотнести не с гражданским, а с военно-

гражданским слоем правящего сословия. Тюрки не имели намерений, достигнув постов везира, секретаря, навсегда оставаться в гражданском ведомстве. И в этой сфере они расширяли свои полномочия, превращаясь в носителей военно-гражданских функций.

В связи с этим интересно отметить, что в тюркской среде правящего сословия сложилась традиция передачи должностей от отца к сыну. Иначе говоря, она обрела зримые черты наследования, то есть складывались своеобразные «династии».

Естественно, в данном случае речь шла не о военных, а о военно-гражданских чинах, и подобная практика привела, в конечном счете, к превращению личной власти в династийную. Примерами стали история тюркских владетелей – Тулунидов (868 – 905) и Ихшидидов (935 – 969). Первая из этих династий независимо правила в бывших провинциях Халифата – в Египте и Сирии. Вторая – наследовала ей в этих странах.

С другой стороны, укрепление статуса тюркских династий в составе господствующего сословия стало реальностью. Достаточно оснований для такого утверждения дает история семей Сули и двух семей Хагани.

Таким образом, тюрки, превратившиеся в составную часть правящей элиты, нашли свою нишу и превратились в значительную и реальную силу. Они стали известны во всех структурах мусульманского общества, сохранили свои позиции и им нередко принадлежало решающее слово.

Отметим также сферу государственного управления, где тюрки были многочисленны и сильны. Главной отличительной чертой мусульманской социальной системы является абсолютное преобладание государства над обществом. Формируя общественные идеалы, вкусы и отношения, оно выступило как «универсальное государство», созданное «навечно» в качестве воплощения на земле высших человеческих идеалов и стремлений.

Это дает основание заключить, что синхронность появления тюрков в государственно-управленческих структурах Халифата и ослабления и упадка этого мусульманского государства связана с тюркским этносом.

Основанием для подобного заключения служат, многочисленные сведения источников, в которых достаточно подробно освещена история Аббасидов и метаморфозы тюркского элемента на службе у этой династии халифов. Кроме того, нередкие сообщения тех же источников о деградации арабской элиты, измельчание которой принуждало халифов искать ей замену, способную сохранить государство. Такая замена нашлась в армии, как единственной четко структурированной организации. А в армии доминировали тюрки, военачальники которых идеально подошли для замены арабов в гражданской администрации по вертикали и горизонтали.

В итоге, произошла метаморфоза: неарабский элемент – тюрки заняли важнейшие посты в военной и политической структуре Халифата. Они стали новой элитой, важнейшей составной частью господствующего сословия во времена Аббасидов.

2. Политическая ситуация в Арабском Халифате и участие тюрок в процессе его сохранения (конец IX – середина X вв).

Халифат времени Аббасидов сумел сохранить политическую, военную, экономическую и территориальную целостность лишь до начала IX века. С этого времени в кажущейся незыблемости империи проявлялись черты грядущего кризиса.

Написано об этом немало. Общая точка зрения исследователей заключается в том, что кризис был связан с различным уровнем развития стран, включенных силой оружия в состав Халифата. Они не имели между собой прочных экономических, политических и этнических связей. В них всегда были сильны центробежные тенденции и стремление к сепаратизму. К тому же почти бесконечные социальные движения подрывала устойчивость государства.

К концу IX – началу X веков Халифат утратил не только политическое и экономическое, но также территориальное единство, стал превращаться в слабое и распадающееся государство. Местные правители и наместники создавали свою полу – или полностью независимую власть, которую укрепляли, и игнорировали своего сюзерена – халифа. Процесс сецессии настолько возрос, что в конечном итоге привел к распаду первого мусульманского государства. Теперь реальная власть Аббасидов ограничивалась Багдадом и столичной областью, хотя они по-прежнему считались сюзеренами мира ислама.

Выше отмечено, что политические столкновения в Халифате несколько утихли после смерти ал-Мухтади и воцарения ал-Мутамида (870 – 892). Регентом при последнем был его брат, всесильный временщик и фактический глава государства ал-Муваффах (ум. 891 г.), который опирался на армию, как на наиболее организованную и управляемую силу.

Борьба за власть, которую вели между собой братья на протяжении ряда лет, сильно повлияла на административное управление. Возросла роль везиров. В 878 году эту должность при ал-Мутамиде исполнял перс Исмаил ибн Бульбул, который с 885 го-

да стал также советником обоих братьев и обладал широкими полномочиями [32, I, с. 107].

Однако борьба между братьями не прекращалась. Халиф ал-Мутамид опирался на гражданскую администрацию. Ал-Мувафак – на военных.

В такой обстановке среди чиновничества, в первую очередь среди секретарей, формировались две группировки. Везир приблизил к себе двух богатых купцов Ахмада и Али ибн ал-Фурата, которые помогли ему увеличить доходность провинции. Они же обеспечили халифу ал-Мутамиду поддержку шиитской верхушки, обладавшей значительным экономическим и политическим потенциалом.

Опорой ал-Муваффака оставалась армия и тюркские военачальники, которых он щедро вознаграждал. Правда, он пытался опереться и на служилую аристократию, на мавали и несторианских христианских чиновников, чье влияние при нем в обществе довольно возросло. Самой влиятельной среди них была семья Бану-ал-Джарраха, ставшая главным соперником семьи ал-Фурата.

Самаррский период и царившая в Халифате анархия парализовали центральную власть, позволив всплыть на поверхность разногласиям и противоречиям в провинциях.

В итоге поляризации сил в обществе политической мощи Халифата был причинен сильный ущерб, который трудно было впоследствии восстановить. Так, в Хорасане партнерство Аббасидов с Тахиридами нарушили новые и более сильные правители – Саффарицы Систана. Систан всегда был беспокойной окраиной мусульманского мира, подверженной проявлениям всякого рода негативов, местом, где находили убежище недовольные и беглый люд.

Чтобы как-то предотвратить возникающие в этой провинции столкновения и разногласия, ее жители организовали вооруженные группы самообороны, называемые аййарун [252, с. 91]. К 861 году столица Систана – Зарандж была захвачена предводителем одной из таких групп – Йакубом ибн Лейсом [68, с. 312].

К 865 году он сумел распространить свою власть на весь Систан [68,с.76]. В 867 году, Йакуб ибн Лейс разбил армию Тахиридов, захватил Герат. В 873 году, с захватом Нишапура, эпоха Тахиридов закончилась.

В 876 году Йакуб направился в Багдад, но вскоре был разбит объединенными силами ал-Муваффага и Мусы ибн Буги в местечке Дейр Агул [276,с.36].

Смерть Йакуба в 879 году освободила Ирак от угрозы Саффаридов, однако его брат Амр вел ту же самую политику. Хотя он не имел сильной поддержки, ему в управление были переданы Хорасан, Фарс, Исфаган, Систан, Кирман и Синд.

Таким образом, Саффариды получили признание халифа, но стали фактически независимыми.

Однако гораздо большая угроза Аббасидам исходила от западных окраин Халифата. Здесь возвысился Ахмад ибн Тулун, ставший наместником, а затем правителем Египта (868 – 884).

История тюркской династии Тулунидов не является темой нашего исследования. Поэтому отметим лишь, что Ахмад сумел создать преимущественно из тюрок мощную и боеспособную армию. Она нужна была для того, чтобы установить контроль над Сирией и совершать военные походы против Византии.

Ахмад ибн Тулун всегда демонстрировал свое повиновение Аббасидам, как сюзеренам, и регулярно отсылал им харадж [39,II,с.209]. Ал-Мутамид был доволен этим и, как указано выше, в 882 году даже пытался уйти к Тулунидам в надежде найти у них поддержку против своего могущественного брата – временщика.

Отношения же Ахмада ибн Тулуна и ал-Муваффака были недружественными, каждый видел в другом соперника в борьбе за власть в Халифате. Между ними происходили коллизии территориального характера, так как Тулуниды сумели захватить не только Сирию, но и ал-Джазиру и Раггу.

Однако Тулуниды испытывали дискомфорт также в своем ближайшем окружении. Тюркская верхушка их армии раскололась. Одни, возглавляемые Исхаком ибн Кундаджиком, поддерживали притязания Аббасидов на Мосул и северную часть ал-Джазир [40,I,134]. Другие же не были согласны с этим.

После смерти Ахмада ибн Тулуна в 884 году ал-Муваффах послал своего сына ал-Мутадида на переговоры с его наследником Хумававайхом ибн Ахмадом ибн Тулуном. Они должны были разрешить политические и территориальные противоречия. Однако попытка не увенчалась успехом, а закончилась лишь согласием Тулунидов выплачивать в казну халифа 300 тыс. динаров ежегодно [40, I, с.319].

В связи с этими событиями находится меткое заключение В.В.Бартольда: «Факт распада мусульманского мира на несколько государств, независимых друг от друга и даже враждебных друг другу, сравнительно мало отразился на воззрениях мусульманского общества... Политическое распадение рассматривалось как случайный факт, не имеющий никакой правовой основы ... На войну между мусульманскими династиями все больше привыкли смотреть как на частное дело этих династий, нисколько не касавшееся их подданных» [127, с.28-29].

То же самое, в контексте этого заключения, можно сказать относительно социальных катаклизмов, нередко сотрясавших Халифат, особенно при Аббасидах.

Тем не менее, заключение В.В. Бартольда по сути своей верно и правильно, объективно отражает и характеризует состояние мира ислама и мусульманского общества в эпоху Арабского халифата. Иными словами, гораздо важнее было конфессиональное единство, нежели политическое, ибо ислам цементировал мусульманское общество гораздо прочнее, чем политическая власть халифов или каких-то других венценосцев.

Таким образом, сказанное В.В. Бартольдом подтверждается всем ходом истории Халифата, будь то эпоха Омейядов или Аббасидов. Как наше исследование, так и труды других авторов подтверждают заключение В.В. Бартольда. Верно оно также относительно периода, которой посвящена наша книга.

Диархия времени халифа ал-Мутаида и его брата – временщика ал-Муваффаха продолжалась до 891 года. В том году умер фактический правитель государства, активный и деятельный ал-Муваффах, сумевший добиться объявления своего сына ал-Мутаида вторым наследником (после сына самого халифа).

Однако ал-Мутаидид оказался более удачливым, и он стал халифом; сумел использовать унаследованную от отца многочисленную и боеспособную тюркскую армию, которая была создана ал-Муваффаком и Мусой ибн Бугой. С ее помощью в 892 году ал-Мутаидид был провозглашен халифом (892 – 902). Это произошло не в Самарре, а в Багдаде, куда незадолго до того была перенесена столица. С тех пор Багдад оставался центром Халифата до монгольского завоевания в 1258 году.

Основной целью нового халифа стало увеличение подвластной ему территории и упорядочение финансов. Армия была дружественна по отношению к нему и являлась главным инструментом его политики. Это тем более стало значимым, если напомнить, что многие провинции вышли из-под контроля, наместники не повиновались Аббасидам, а казна была пуста.

Кроме армии, для нормализации ситуации халиф прибег также к поддержке опытного везира Убейдаллаха ибн Сулеймана ибн Вахаба, который был сыном одного из очень влиятельных секретарей ал-Муваффака [20,с.282]. Как и его отец, Убейдаллах обладал широкими полномочиями, но гражданская администрация уже не имела действенных рычагов для влияния и контроля. Происходящие события требовали взаимодействия военной и политической составляющих, координации их усилий.

Тесное сотрудничество гражданских и военных чинов было налажено еще при ал-Муваффаке. Продолжалось оно при его сыне.

В связи с этим нелишне отметить, что обе ветви власти уже находились под тюркским контролем. Даже происходившие между высокопоставленными тюрками коллизии, не могли лишить их влияния и позиций в военной и гражданской сферах Халифата.

Командующий армией тюрк Бадр, сын одного из друзей ал-Мутаваккиля и приближенный к ал-Муваффаку военный, стал при ал-Мутаидиде очень важной персоной. Неслучайно, сын халифа женился на его дочери [11,VI,с.180]. Бадр был также близким другом и опорой везира Убейдаллаха, вместе с которым они осуществляли меры по укреплению основ государственности.

Главной же проблемой ал-Мутагида стали поиски средств для выплаты жалования государственным чиновникам и, что было гораздо важнее, - армии и ее военачальникам. Без поддержки последних его власть была призрачной, как и правление его предшественников.

Отметим, что с конца IX века халифы были вынуждены балансировать между различными враждебными друг другу этническими и религиозными группировками. Ал-Мутагид старался идти путем халифа ал-Мутаваккиля, в свое время пытавшегося опереться на суннитских традиционалистов - ханбалитов [187,с.42]. Он тоже шел на уступки ханбалитам по некоторым правовым вопросам, но затем в силу финансовых и государственных проблем смягчил политику по отношению к мавали и шиитам. Главам шиитских семей принадлежали значительные материальные средства, и халиф искал с ними компромисса для укрепления экономической и политической стабильности своего государства.

Так, шиитов стали привлекать на государственную службу, где они исполняли обязанности не только чиновников, но, подчас, и везиров. Более того, в 892 году халиф освободил из тюрьмы влиятельного шиитского лидера из богатой семьи Ахмада ибн ал-Фурата, который был замечен в интригах против его отца ал-Муваффака и тогда же арестован [84,с.103]. Ахмад был опытным финансистом и мог, как представлялось халифу, навести порядок в податной системе восточных провинций, где у него имелись обширные связи.

Таким образом, действия ал-Мутагида были направлены на усиление централизации государства.

Не случайно, что именно при этом халифе и его преемнике ал-Муктафи (902 – 908) наблюдалось определенное укрепление властных структур, а также финансов.

Например, хотя халиф сохранял позитивные отношения с Тулунидами, в нужные моменты мог проявить и жесткость. Так, в 896 году, когда умер Хумаравайх Тулунид, Аббасиды разгромили в Тарсе его вышедшую из повиновения армию [32, I, с. 118].

Политика халифа в отношении тех восточных провинций, где властвовали Саффариды, строилась, в первую очередь, на личных связях, которые существовали между ал-Мутаидом и Амиром ибн Лейсом. В то время как Аббасиды стремились упрочить свою власть в ал-Джибале и Исфагане, Амр не упускал из своих рук Фарс. Поэтому позиция халифа к фактически независимым Саффаридам изменилась. В 898 году он назначил наместником Фарса Саманида Исмаила ибн Ахмада. Попытки Саффаридов вернуть себе эту провинцию окончились неудачей, а в 902 году Амр ибн Лейс был убит. Это случилось некоторое время спустя после смерти самого ал-Мутаида, и Исмаил ибн Ахмад Саманид стал полновластным правителем Хорасана и Мавераннахра [157,с.87].

Период также характерен мятежами бедуинских племен. При ал-Мутаиде продолжались волнения в ал-Джазире. Особую опасность эти выступления, начавшиеся с 809 года, стали представлять, когда во главе их появились карматские лидеры [141,с.83].

К месту напомнить, что карматы – последователи Хамдана по прозвищу Кармат, основателя одного из двух течений ислама исмаилитского толка. Он возглавил широкое антиаббасидское движение в конце IX – начале X веков. С 923 года карматы, которые базировались на Бахрейнских островах в Персидском заливе, развернули на территории Ирака выступления против халифов. В 926 – 927 годах они едва не взяли Багдад. Последним всплеском их активности в Ираке была неудачная попытка поднять восстание в 928 году.

Определенную роль в антиаббасидских выступлениях сыграла личность самого ал-Мутаида. По сведениям источников, он был жестоким, тратил на свои удовольствия много средств [43,ХV,с.474]. Поэтому о его внезапной смерти в 902 ходило много слухов. Сын ал-Мутаида-ал-Муктафи (902 – 908) за короткий срок правления упорядочил функционирование государственных институтов.

Всесильный и жестокий ал-Касим ибн Убейдаллах стал ве-

зиром, и ему было поручено покончить с казнокрадством и злоупотреблениями. Понимая, что своеволие тюркской армии и ее руководителей являлось одной из причин дестабилизации в государстве, ал-Касим первым делом отстранил от должности гвардейского военачальника тюрка Бадра. Этот шаг на какое-то время ослабил влияние тюркских эмиров на политические процессы в государстве, и везир стал лично контролировать дела армии, ибо он возглавил как военную, так и гражданскую администрацию.

Таким образом, власть везира, бывшего вторым лицом в Халифате, распространилась на все государственные структуры. В итоге, хотя ал-Касим ибн Убейдаллах в какой-то мере нейтрализовал тюркское влияние в армии, тем не менее, в целом Халифат почти полностью находился во власти тюркской элиты. Немалая роль в этом принадлежала самому везиру-тюрку.

Финансовые структуры при ал-Муктафи по-прежнему оставались в ведении шиитских чиновников, которые были необходимы халифу, как специалисты, но часть доходов казны они присваивали.

Поэтому везир ал-Касим добился смещения с руководящих постов финансового ведомства Ахмада ал-Фурата, а после его смерти и брата Али. Однако пресечь казнокрадство не сумел.

После смерти везира в 904 году с финансовыми злоупотреблениями уже никто не пытался бороться. Преемник ал-Касима – ал-Аббас не вмещивался в финансовые дела, и Али ибн ал-Фурат продолжал управлять финансами государства.

Ал-Муктафи смог также укрепить власть халифа в Сирии и Египте, которыми владели Тулуниды. Его успехам способствовали военные неудачи последних в борьбе с карматами, которые совершали грабительские походы на Ирак и Сирию. Тулуниды ничего не могли с ними поделать. Лишь халифу удалось изгнать карматов из Сирии в 903 году [43, XV, с.554]. В 905 году его войска захватили полностью эту провинцию, следом за ней – Египет. После взятия же столицы Фустата члены династии Тулунидов были отправлены в Багдад. Таким образом, две важные и богатые провинции Халифата вернулись под власть Аббасидов.

Однако успехи Багдада были временными. После смерти ал-

Муктафи в 908 году Халифат вновь попал в полосу политического кризиса. Одновременно завершается не особенно длинный ряд сильных халифов, и государство начинает неудержимо клониться к упадку.

В этом, как нам представляется, не последнюю роль сыграли борьба и противоречия внутри господствующего сословия, особенно между военной и гражданской элитой.

Болезнь и ранняя смерть ал-Муктафи не дали ему возможности распорядиться относительно своего преемника. Выборы нового халифа еще раз продемонстрировали, в чьих руках находилась реальная власть в государстве. Если в аналогичной ситуации в 847 году, после внезапной смерти ал-Васика, выбор был сделан группой, куда входили везир, два катиба (секретаря), главный кади и, самое главное, - военачальники тюрки Итах и Васиф, то теперь все решала чиновная бюрократия.

Везир Али ибн Иса спрашивал совета у различных лиц, так как сын умершего халифа Джафар был еще малолетним, и его возведение на престол являлось трудным делом. В качестве альтернативы предлагали сына халифа ал-Мутаза – Абдуллу. Он был достаточно опытным и образованным, способным управлять государством.

Однако всемогущий Али ибн Фурат убедил везира остановиться на слабой кандидатуре Джафара [36, XI, с.187], который стал халифом под именем ал-Муктадира (908 – 923).

Это стало тревожным симптомом, так как во власть пришел тот, кем было легко управлять и манипулировать.

Таким образом, все четче обозначалась деградация правящей династии халифов, в противовес – усиление позиций чиновной элиты. И то, и другое имело отрицательные последствия для Аббасидов и самого Халифата. Последующие события показали справедливость такого заключения.

Вступление на престол ал-Муктадира стало триумфом гражданской аристократии. Начиная с его правления, заканчиваются связи престола с военными, налаженные ал-Муваффаком, ал-Мутаидом и ал-Муктафи. Они еще были способны предот-

вращать мятежи армии, а с ее помощью – многочисленные восстания.

Теперь ситуация менялась. Центр тяжести власти переместился в гражданский сектор. Однако это не означало, что маргинализованные военачальники и армия так просто сдадут свои позиции. Вместе с тем чиновная элита, в отличие от армии, не была столь монолитна, сплочена и единодушна. Разногласия в ее среде проявлялись более широко в виде борьбы различных группировок.

Однако сторонники ибн ал-Мутаза развили активность с тем, чтобы вернуть свои прежние позиции. Уже в этом проявлялись те подспудные течения в системе управления Халифата, симптомы чего периодически давали о себе знать. Теперь они выплеснулись наружу.

О сложности ситуации в Халифате свидетельствует следующий инцидент. 17 декабря 908 года группа сановников совершила государственный переворот. Был убит везир ал-Аббас, а 46-летний сын убитого в 869 году халифа ал-Мутаза – ал-Муртаза провозглашен халифом [244,с.91]. Однако он пробыл во дворце всего один день, затем был свергнут и вскоре убит.

К месту отметить, что «халиф на один день» ал-Муртаза был известным поэтом. Он родился в 861/2 году, а когда был убит его отец – халиф ал-Мутазз, ему было всего 8 лет от роду [16,II,с.41;360].

Ал-Муктадир вернулся на трон, но вся полнота власти перешла к везиру Али ибн ал-Фурату. Вообще в первые годы его царствования Халифатом управляли везиры. Они контролировали поступление податей из провинций, готовили военные экспедиции, вели переговоры с послами. Халиф царствовал, но не управлял, подписывал указы и другие документы. Вместе с тем везиры оберегали Аббасида, так как он служил защитой и гарантией их благополучия.

Однако положение везиров было непрочным, потому что они не имели власти над армией. Военачальники в своих действиях были независимы, так как опирались на армию.

Руководство военными силами Халифата принадлежало

тюркам. Не обладая влиянием на них, везиры не могли использовать армию, как наиболее организованную структуру, для прекращения дезинтеграционных процессов в государстве.

При ал-Муктадире продолжалось соперничество за везират, то есть за самый высокий и влиятельный пост, между двумя группировками. Одна из них – это шиитский клан, который возглавлял Али ал-Фурат (казнен в 924 году), трижды занимавший пост везира. Другой – суннитский, во главе которого стоял просвещенный и прагматичный Али ибн Иса.

Вокруг этих обеих фигур группировались их многочисленные родственники и сторонники. Они служили для них поддержкой, но заодно приобретали различные блага. Смена везиров выходила то одну группировку, то – другую. Однако в обоих случаях решающее слово оставалось за самой организованной структурной – армией. Кто опирался на нее, тот, в конечном итоге, оставался в выигрыше, а в военной структуре доминировали турки.

Глава клана ибн Фурата – Али слыл чрезвычайно способным финансистом, преданным идее увеличения государственных доходов [244,с.83]. К тому же он был просвещенным, богатым и великодушным.

Однако становился безжалостным, когда дело касалось его собственных интересов, осторожным в осуждении взяточничества и казнокрадства, так как его собственное состояние было приобретено не вполне законными путями.

Иными чертами характера и действий был известен его соперник Али ибн Иса [269,с.176]. Он строго пресекал нарушения закона, не перечил халифу, не ограничивал расходы на содержание двора, что наносило казне большой урон. В постоянных поисках дополнительных источников финансирования казны Али ибн Иса вводил новые статьи обложения, чем нажил себе многочисленных врагов. Тем не менее, его сторонники высоко ценили честность и заботу Али ибн Исы о государстве. Источники сообщают, что он считался хорошим везиром [3,с.283].

Одним из главных достоинств Али ибн Исы (ум. в 946 г.), которым он очень гордился, было доверие военных. Главная фи-

гура в армии халифа, численность которой достигала 9 тысяч, - тюрк Мунис, получивший прозвище «Музаффар» [20,с.282], был самым сильным и влиятельным военачальником ал-Муктадира. С ним у Али ибн Исы сложились прекрасные отношения, этот везир в отличие от своих предшественников, понимал, что без опоры на армию нет реальной власти.

С другой стороны, его позитивное отношение к военным подтверждало, что удаление тюрк с ключевых постов в Халифате вовсе нелегкая задача.

Поэтому, имея даже временное преимущество, гражданские чины, в том числе их глава везир Али ибн Иса, стремились к сближению с военными. Вот почему позитивные взаимоотношения везира Али ибн Исы с Мунисом ат-Турки были неизбежной необходимостью.

Со своей стороны, этот всесильный тюркский военачальник не нарушал союза с Али ибн Исой. Он поддерживал его методы решения государственных дел. Вместе с тем Мунис приобретал обширные земли, особенно в Фарсе.

Вслед за Мунисом в армии вторым по рангу шел Мухаммад ибн Йакут. Между ними существовало соперничество. В 921 году положение ибн Йакута усилилось. Наряду с функциями шурта (городской полиции), он получил влияние в казначействе, куда сумел устроить своих сторонников. Не менее влиятельный Мунис почувствовал опасность, и просил ал-Муктадира удалить соперника от дел казначейства. Он обосновал свое обращение тем, что казначейством могут распоряжаться только кадии и их помощники. Халиф пошел навстречу своему эмиру, удалил ибн Йакута и его сына, приказав им покинуть столицу и отправиться в Медаин, как того просил Мунис [73,с.75]. Вместо них были назначены другие тюрки – Ибрагим ибн Раиг и его брат Мухаммад, ставленники Муниса.

Однако вскоре началась неприязнь между ним и ал-Муктадиром.

Дело в том, что до Муниса стали доходить сведения, будто везир ал-Хусейн ибн ал-Касым поощряет интриги группы влия-

тельных лиц, которые недовольны всесилием Муниса. Тогда последний потребовал у халифа сместить везира. Ал-Муктадир оставил ал-Хусейна в должности, но ограничил его полномочия. Муниса это не удовлетворило [26,с.8].

В свою очередь, ал-Хусейн отправил письмо Харуну ибн Гарибу, одному их высокопоставленных, умных и предприимчивых чиновников, и просил его прибыть в Багдад. Другое письмо он направил Мухаммаду ибн Йакуту, которого также вызвал в столицу.

Так завязалась большая интрига, свидетельствующая о соперничестве и взаимной неприязни между высшей гражданской администрацией и руководством армией. С другой стороны, это стало показателем недовольства чиновничества военным засильем в Халифате.

Неприязнь Муниса к везиру возросла, так как он понял, что против него что-то затевается. Так, ему стало известно, что во дворце халифа везир формирует отряды из преданных ему людей [11,VI,с.388].

Тогда Мунис отправил своего доверенного приближенного к ал-Муктадиру с требованием выдать ему везира, но получил отказ. Более того, везир оскорбил посланца самого Муниса, которого приказал избить, конфисковать его имущество, разграбить дворец.

Узнав о содеянном в отношении его посланца к халифу, Мунис, в целях безопасности, со своими отрядами ушел в Мосул. Воспользовавшись этим, ал-Хусейн реквизирует владения Муниса и его сторонников, заполучив таким путем огромные богатства. Более того, он укрепил свое положение везира. Ал-Муктадир, довольный такими действиями, присвоил везиру почетное звание старейшины государства, и даже отчеканил динары и дирхемы с его изображением [16,II,с.60].

Город Мосул был столицей одной из ветвей династии Хамданидов (905 – 991), владевших обширными территориями в ал-Джазире и Сирии.

Покинувший Багдад Мунис отбил Мосул у Хамданидов, отобрал их земли и имущество. Под его властью оказалось боль-

шое количество воинов из Сирии и Египта. Они собрались под знамена Муниса, помня хорошее отношение к себе этого тюркского военачальника. В дальнейшем они помогли Мунису вернуться триумфатором в Багдад [144,с.113-114].

Еще один клан, откуда выходили везиры, представлял тюрк Мухаммад ибн Убейдаллах ал-Хагани (ум. 926 г.). Как отмечают источники, он не проявлял большого интереса к служебным делам, и годы его везирата были не самыми лучшими для государственного управления. Когда его назначили везиром, он конфисковал недвижимость, в том числе земли, урожай и капитал Ибн ал-Фурата. Все это оценивалось в миллион с лишним динаров наличными и около шестисот тысяч в виде имущества.

Начавший таким путем свою деятельность, ибн Хагани все конфискованное имущество перевел в казну, чтобы покрыть расходы халифа. Во избежание участи своего предшественника, он ничего себе не оставил, но получил 40 тыс. динаров [83,с.139].

По сведениям источников, ибн Хагани пренебрегал своими прямыми обязанностями, был непостоянен в решениях и отвечал на полученные письма бюрократическими отписками. Хотя в канцелярию везира приходило много корреспонденции, он днями оставлял ее без внимания, не читал, несмотря на то, что там могли быть важные финансовые документы.

Ибн Хагани мог назначить чиновника на должность еще до того, как снял предыдущего, чтобы получить взятку. О нем говорили, что однажды он собрал семь человек, и в течение двадцати дней каждого из них назначал надзирать за водоснабжением Куфы, а также направил пятерых в Мосул на одну и ту же должность. Они же и сетовали на то, что каждый заплатил ему деньги, надеясь вернуть их за счет высокого жалования [269,с.48].

Если везира просили о чем-нибудь, он бил себя в грудь и обещал – «сделаю». За это ал-Хагани получил прозвище «бьющий себя в грудь». Однако, как сообщает современник: «Его рука всегда была протянута за взяткой». Ибн Хагани подписывал письма о награждениях, выделении земель, сдачи их в аренду и делал многое другое, что привело к потере уважения к нему лич-

но и ухудшению положения в Халифате. Стала ощущаться нехватка продуктов, и росли долги казны. Все это привело к волнениям в армии, которой пришлось выдать жалование из личной казны халифа. Однако волнения продолжались, и тогда ал-Муктадир вынужден был лишить везиров части их полномочий и передать почти всю власть главе армии – Мунису.

В ряду везиров тюрок в источниках отмечается и сын Мухаммада ибн Убайдаллаха ибн Хагани – Абдулла. Он был не более удачлив, чем его предшественники. На него поступил донос, в котором описали «грехи и пороки» Абдуллы и его сына Абд ал-Ваххаба. Отмечалось, что они беспомощны и попусту тратят деньги казны. Говорилось также, что везир болен, поэтому не может обеспечить приток денег в казну. По этой причине опять взбунтовались воины и стали требовать жалования.

Ал-Муктадир приказал везиру исправить ситуацию, но тот не смог, и тогда был отстранен от своих обязанностей. Произошло это, по сообщению источника, в месяц рамазан 313 (915) года [251,с.118;40,III,с.252-254]. Везиром стал Абу ал-Аббас ал-Хасаби.

Несколько выйдя за рамки изложения, хотелось бы отметить, что в прямой связи с тюркскими везирами, военачальниками и армией Халифата, с самими Аббасидами следует остановиться на фискальных мотивах. Это тем более необходимо, ибо напрямую связано как с общим состоянием государства и положением Аббасидов, так и с провинциями, наместниками, с взаимоотношениями на всех уровнях власти.

Несмотря на опытность и решительность везиров ал-Муктадира, они не могли контролировать поступления податей из провинции. Халиф постоянно ощущал нехватку средств, особенно опасную при задержке жалования армии.

К тому же, чем дальше, тем все больше снижалась доходность провинции. Так, одна из богатейших - столичная провинция Савад в течении столетия значительно «обеднела». В период раннего ислама Савад ежегодно давал в казну более 100 млн. дирхемов [119,с.56;148,с.84-90].

О том, как велика была эта сумма, можно судить по весу 1 дирхема: классический серебряный дирхем во второй половине VIII века весил около 3 г. Таким образом, по весу 100 млн. дирхемов составляли почти 300 тонн серебра. Так было вплоть до второго халифа Аббасида ал-Мансура (754 – 775), то есть до второй половины VIII века. В начале X века та же провинция давала втрое меньше дохода – всего 31 млн. дирхемов [119,с.64].

К тому же, даже из собранного не все достигало столицы. Снижение доходности Савада стало наиболее ощутимым с тех пор, как многие провинции, в том числе такие богатые, как Египет и Фарс, начиная со второй половины IX века, перестали пополнять казну, или же их поступления оскудели.

Причины снижения доходов были различными. Это – и неумелое управление делами государства и почти постоянные социальные движения, растущее казнокрадство, рост центробежных сил и стремление к независимости наместников провинций и городов, военные кампании, непомерные траты двора халифа, разбазаривание земельного фонда.

Несмотря на свое богатство и доходность, провинции требовали постоянного внимания и определенных вложений. При Омейядах и ранних Аббасидах сельское хозяйство Савада процветало. Однако ситуация со временем стала меняться. Так, начиная с середины IX и до начала X веков, встречаются известия лишь о спорадических попытках [73,с.124] восстановить поврежденную ирригационную систему, улучшить сельскохозяйственное производство. Дело в том, что у государства теперь не было достаточных средств на крупные нововведения. Проблема еще более усугубилась, когда правительство обязалось предоставить земли высоким военным чинам в обмен на поддержку армии. Как заметил Д. Крамер: «Тот факт, что Савад уклонялся от налоговых платежей, приводит к снижению уровня сельского хозяйства, экономики, в то время как вельможи, военные, члены правящей семьи закрепили здесь за собой огромные латифундии» [241,с.189].

В связи со сказанным стоит напомнить, что, несмотря на трудности, предшественники ал-Муктадира - ал-Мутаид и ал-Муктафи за время своего правления ежегодно экономили около 1 млн. дирхемов (почти 3 тонны серебра) [43, XV, 474], и сумели значительно пополнить казну. Кроме того, доходы периодически увеличивались, когда Фарс и Египет оказывались под властью Багдада. Они давали ежегодно 18 млн. дирхемов (почти 54 тонны серебра). Этого было достаточно, чтобы оплатить содержание тюркских отрядов всемогущего Муниса в столице.

Кроме того, халифы практиковали конфискации имущества опальных везиров. Так, от клана ибн ал-Фурата в казну поступило около 2,3 млн. дирхемов.

Тем не менее, ибн Мискавейх обвинял халифов в пустой трате денег и неспособности обеспечить жалованьем армию, следовательно, порядок в государстве. Некоторые его современники писали о том же самом [43, XV, с. 475].

Наряду с этим, источники отмечают, что некоторые везиры старались навести порядок в финансах государства. Так, везир Али ибн Иса пытался упорядочить взимание податей, и в этом его поддерживал военачальник Мунис. Последний полагал, что власть должна быть ответственной в государственных делах. Но везир оказался не в состоянии контролировать личные расходы халифа ал-Муктадира, не подконтрольные кому-либо.

Большим бременем для казны была также армия. Количество воинов Муниса в Багдаде достигло 8 тысяч [273, с. 82]. Как указывают источники, их годовое жалование составляло около 600 тыс. дирхемов, то есть содержание одного воина столичного гарнизона стоило казне 75 дирхемов в год. Эту сумму он получал с предоставленного за службу икта. Однако с 924 года армия потребовала выплаты ежемесячного жалования наличными [18, с. 153].

Наиболее дальновидные везиры, например, Али ибн Иса, умело лавировали между армией и бюрократией, уменьшая выплаты последней и увеличивая армейское содержание. В войнах была большая нужда, нежели в чиновниках, так как только армия могла, например, защитить Ирак от мятежа карматов.

Попытки же решить денежные проблемы за счет будущих податных поступлений, то есть жизнь государства в долг, привели Халифат к финансовой катастрофе.

Она же стала, наряду с другими, причиной стагнации и последующей гибели первого мусульманского государства.

В целом, можно констатировать, что только столичная провинция - Ирак была обеспечена в это время боеспособной армией. Однако, чтобы не допустить усиления ее роли в обществе, а тем более стремления к бунту, везиры старались своевременно и регулярно выплачивать ей жалованье. Для этого порой приходилось изыскивать средства «нетрадиционными» способами, коль скоро казна государства хронически была пуста.

Наиболее доступный способ предполагал увеличение товарооборота и изъятие денег у впавшей в немилость части знати. Таким путем шли везиры Сулейман ибн Иса (ум. 929 г.) и его сын Гасым (ум. 932 г.), занимавшие свои посты вплоть до собственной смерти. Поведая о богатстве своих предшественников халифу, они добивались их ареста конфискации им богатств [83, с.62].

Тем не менее, ситуация не улучшалась, так как, подобные реквизиции происходили лишь от случая к случаю, то есть нерегулярно и спорадически. А порой конфискация ничего не приносила казне, так как не все опальные вельможи оказывались сказочно богатыми.

Центральное правительство больше рассчитывало удовлетворять свои финансовые потребности за счет доходов с Савада и других иракских провинций. Это достигалось несколькими путями. Первый заключался в полном поступлении в казну халифа установленного ежегодного хараджа, бывшего важной и главной статьей доходов государства. Он представлял собой наиболее идеальный вариант пополнения казны. Радевшие за государство везиры Ибн ал-Фурат и Али ибн Иса были сторонниками такой системы, ибо считали этот путь наилучшим. Он позволял регулярно обеспечивать расходы и одновременно способствовал процветанию Халифата. Но следовать этим путем с каждым годом было все труднее. Отсутствие честных и хорошо оплачиваемых

сборщиков податей, которые утаивали часть собираемых сумм плохие урожаи, восстания в провинциях уменьшали доходы государства, и это усугубляло политический кризис [123,с.72].

В сложившейся ситуации везиры вынуждены были обращаться ко второму пути сбора податей. Это - система откупов. Она гарантировала регулярные поступления в казну. Однако, с другой стороны, откупщики, взимая больше, нежели стоил откуп, нажились, своевольно повышая ставки податей. А это нередко приводило к социальным движениям податного сословия.

Имена откупщиков появляются в хрониках этого времени [269,с.483]. Наиболее богатые, такие, как Васиф ибн ал-Абба, наживали огромные состояния. После отвоевания в 905 году у Тулунидов военачальником ал-Муктафи Мухаммадом ибн Сулайманом - богатейших провинций - Сирии и Египта они были фактически отданы в распоряжение армии [37,с.278]. Другими словами, обеспечив денежное довольствие военных, казна ничего не получала.

Тем не менее, откупная система решила ряд проблем, в частности своевременную выплату армейского жалованья. Общеизвестно, что во все времена задержка с денежным и иным обеспечением вела к солдатским бунтам. А ведь армия - один из государственных столпов, опора действующего режима и монарха. Возрастала эксплуатация крестьян с целью получения откупщиками быстрой прибыли. Позднее они даже не в состоянии были выполнить свои обязательства, так как, возмещая понесенные на получение откупа расходы, они разоряли провинции.

К тому же угроза вторжения в 918 году халифов Фатамидов - соперников Аббасидов - в Египет, а позднее в Сирию, уменьшила поступления из этих провинций. А из Сирии вообще в 928-932 годах не было никаких доходов [1, VII, с.191].

Третий путь состоял в предоставлении наместникам права присвоения части податей с пожалованных им икта в свою пользу. Так, наместник Азербайджана Йусуф ибн Абу ас-Садж собрал подати, заплатил своей армии и присвоил значительную часть отсылаемых в Багдад доходов [2, с.161]. То же самое имело место

в этой провинции ранее, при ал-Мамуне (813-833). Тогда здесь происходили длительные восстания, в том числе народно-освободительная война под руководством Бабека, и халиф предлагал денежное вознаграждение и должность наместника тому, кто мог сокрушить врагов Халифата.

Вместе с тем, в отдаленных провинциях Халифата, где начались центробежные тенденции и попытки отложиться от Багдада, предлагались всякого рода полюбовные сделки. Так, став везиром ал-Муктадира, Ибн ал-Фурат убедил наместника Азербайджана Йусуфа ибн Абу ас-Саджа ежегодно отсылать в столицу довольно скромную сумму в 120 тыс. дин. Это должно было подтверждать, что страна - часть Халифата [14,с.83].

В то же время Ибн ал-Фурат пытался восстановить контроль Багдада над Фарсом. Он послал туда армию, чтобы помочь номинальным вассалам Халифата Саффаридам захватить эту провинцию. Однако Субкари, который являлся гулямом Амра ибн ал-Лейса Саффарида и наместником Фарса заявил, что после выплаты жалования своей армии он может отправить в центр лишь 10 млн. дирхемов. В результате новой военной акции Багдада выплата в казну халифа была установлена в 13 млн. дирхемов [18,с.12]. Но в 908/9 году этот самый Субкари поднял восстание против халифа, но уже вскоре был разгромлен, и Фарс отошел Лейсу ибн Али ибн Лейсу Саффариду.

Таким образом, система земельных пожалований за службу халифу - условный икта, будучи третьим путем, обеспечивал доходы казны. Вместе с тем он должен был гарантировать «послушание» наместников Багдаду.

Еще одним способом обеспечить хотя бы минимальные поступления в казну халифа и в то же время – спокойствие на местах и в армии стала система облегченного податного обложения элиты. Так, после попытки сместить халифа ал-Муктадира в 928 году везир ибн Мукла (ум. 940 г.) получил его распоряжение продавать государственные земли военным по очень низким ценам [120,с.58]. Тем самым Аббасид гарантировал свою безопасность и поддержку военачальников, то есть своей главной опоры

- армии. Новые землевладельцы обязаны были передавать в казну только ушр (десятину). Такая практика широко распространилась в центральных провинциях Халифата.

Правление ал-Муктадира полно политических инцидентов. Две попытки свергнуть этого слабого халифа были предприняты вскоре после его вступления на престол в 908 году. Заговор организовали клан бану Джаррах и его союзники Хамданиды во главе с военачальником армии халифа ал-Хусайном ибн Хамданом.

Представитель арабского рода Джаррах еще при Омейядах в 722 - 726 годах был наместником провинций Азербайджан и Арминийа. Арабский род Хамданидов (905-1004) владел ал-Джазирой и Сирией.

Судя по развернувшимся событиям, оба клана были недовольны тюркским засильем в Арабском халифате и воспользовались ситуацией для достижения своих целей в интересах арабской элиты. Они совершили дворцовый переворот и возвели на трон Ибн ал-Мутаза.

Однако, как отмечено ранее, буквально через день сторонники ал-Муктадира подавили мятеж. Заговорщики были схвачены и заключены в тюрьму. Часть их казнили. Только осторожность везира Али ибн Исы, замешанного в событиях, спасла его от расправы, хотя он принадлежал к роду Джаррах [56,с.51].

Сведения источников позволяют заключить, что власть Аббасидов пошатнулась уже к 924 году. Главной причиной они считают нападение карматов на караван с паломниками, отправившимся из Багдада в Мекку.

Власти не смогли обеспечить их безопасность и настроили против себя общество. Жители Багдада были возмущены как этим, так и другими событиями. Вот почему халиф был вынужден ограничить круг обязанностей везира и передать часть его полномочий военачальнику Мунису, хотя ранее изгнал его из столицы [16,Ц,с.39].

Таким образом, свершилось то, чего так опасались везиры: гражданская администрация уступила пальму первенства армии, то есть тюркам.

Став полновластным хозяином столицы, а значит и во дворце халифа, эмир Мунис расправился со своими соперниками, отдавая от государственных дел высших чиновников, вплоть до везиров, и не удостоивал внимания даже приказы самого ал-Муктадира. Прозвище «Музаффар», которое он получил за победы, одержанные над Фатимидами, подняли его авторитет в обществе. К тому же Мунис успешно защищал Багдад от карматских набегов.

Источники сообщают, что в этот период в Багдаде была учреждена должность шихна (начальник гарнизона, военный губернатор), и им стал тюрок Вазук Абу Мансур. Он одновременно являлся начальником городской полиции, и в его подчинении находились до 14 тыс. военных [18,с.25]. Шихна должен был следить за порядком в столице, не допускать волнений, разбоев и грабежей, защищать жителей. Ему предписывалось оказывать всяческую помощь амир ал-умара (главнокомандующему) в военных делах, так как шихна считался его подчиненным.

В 929 году Мунис принял тайное участие в дворцовом перевороте и заговоре против ал-Муктадира, поводом к которому послужило отстранение от должности близкого к нему везира Али ибн Исы. В течение нескольких дней брат халифа Мухаммад ибн Тахир просидел на престоле. При поддержке верных ему военных частей ал-Муктадир вернул себе трон [1, VIII, с.38].

Хотя участие Муниса в этих событиях не было доказано, тем не менее халиф удалил его из своей столицы в Мосул, то есть фактически в ссылку.

В 932 году Мунис выступил уже открыто, и вновь попытался низвергнуть ал-Муктадира. На этот раз удача сопутствовала опальному военачальнику. Он направился в Багдад во главе армии из Мосула. Часть тюрок отказалась поддерживать мятежника и была готова защищать ал-Муктадира. Однако этого оказалось далеко недостаточно, так как, получив известие о приближении Муниса, войско Багдада потребовало свое жалование и взбунтовалось. Ал-Муктадир выдал военным огромные суммы, но, как

пишет современник, «они не насытились» [32,I,106] и не стали мешать продвижению к Багдаду армии Муниса.

Таким образом, недостаток средств для армии, неумение халифа ладить с военными [120,с.59] привели к тому, что ряды его сторонников рассеялись.

Мунис приблизился уже к воротам Шамсийя у стен Багдад. Напуганный халиф и его сторонники решили бежать из столицы в провинцию Васит. Но его отговорил Мухаммад ибн Йакут и постарался вселить в него уверенность, говоря, что, как только он выйдет к народу, тот сплотится вокруг халифа. Несмотря на сомнения, ал-Муктадир вышел на поле брани, но стал на холме вдали от войска. Так и не решившись начать сражение с Мунисом, повернул назад. Однако халифа задержали берберы и мавританцы. Один из них ударил ал-Муктадира мечом в плечо, и когда тот упал, остальные стали его добивать. Отрезали голову, проклиная халифа [43,XV,с.474].

Мунис вступил в столицу триумфатором. Он хотел посадить на трон Валада Абу Ахмада, молодого, набожного, добродетельного и преданного, который не был причастен к убийству своего предшественника. Но влиятельный Абу Йакуб Исхаг ибн Исмаил из знатного шиитского рода ан-Наубахти не согласился, сказав: «Довольно нам халифа, за которого правят мать, тети и слуги. Государству нужен человек, который сам способен принимать решения» [190,с.108; 1,VIII,с.42].

Мунис возражал, но затем дал согласие на кандидатуру сына ал-Мугадида, отметив, что тот «злобный, злонамеренный, но не хитрый» [16,II,с.63].

Так халифом был объявлен брат ал-Муктадира – Мухаммад, под именем ал-Кахир (932-934).

Первым делом он повелел казнить возведшего его на престол Муниса ал-Музаффара и его приближенных, чем вызвал недовольство среди тюркских воинов.

Таким образом, в очередной раз в истории Халифата тюркская армия решила судьбу трона и венценосца. Если тюрки подерживали ал-Муктадира и его предшественников, тому были

веские причины. Тогда удалось вернуть Фарс в состав Халифата, Азербайджан также остался в его пределах. Была надежно защищена граница с Византией. Набеги карматов и нашествия Фатимидов прекращены.

Однако после 923 года ситуация стала ухудшаться. Карматы, закрепившиеся в Сирии и Бахрейне, сумели восстановить свои силы и стали вновь совершать набеги на Ирак. Возможно, это было связано с отставкой везира Али ибн Исы, который пользовался поддержкой армии. Но когда его сменил Абу Бахир ал-Джаннат [11,VI,338], военные отвернулись от него, и оборона центральных провинций значительно ухудшилась.

Поэтому, отряд карматов всего в 1700 человек напал на Басру и безнаказанно опустошил город. Выше отмечено, что через год карматами был атакован караван паломников. Это привело к серьезному политическому кризису. Его усугубил Ибн ал-Фурат. Ставший везиром в третий раз, он в поисках денег использовал насильственные методы. Так, разрешал своему сыну ал-Мухсину арестовывать и подвергать пыткам государственных чиновников. Пытаясь укрепить свою власть и влияние при дворе, Ибн ал-Фурат удалил из Багдада и отправил в ссылку влиятельных тюркских эмиров Муниса и ал-Раиға.

Однако опустошение карматами Басры и уничтожение каравана паломников привели к бунту в Багдаде, усилению влияния военных при дворе. В результате, Мунис был возвращен из ссылки, а Ибн ал-Фурат и его сын арестованы и убиты в тюрьме [16,II,65].

Так произошел переворот, означавший конец доминирования гражданских чинов в государственном управлении. Ибн ал-Фурат утратил поддержку армии, так как не мог своевременно выплачивать жалованье. Казна была пуста.

Армия, а значит тюрки, восстановила свои позиции. Теперь от них зависело, кто займет должность везира. Тюркский элемент еще раз подтвердил свое доминирование во дворце халифа, в государственных и военных структурах.

Тем временем набеги карматов продолжались и, несмотря на

охрану из 6 тыс. воинов, караван паломников в следующем году вновь был атакован ими по дороге в Мекку [141,с.162]. Не лучше обстояло во внутренних делах. Везиры, назначенные после Ибн ал-Фурата, очень быстро сменялись из-за неспособности восполнить дефицит казны и выполнить финансовые обязанности государства.

В 926 году везир ал-Касиб пригласил наместника Азербайджана Йусуфа ибн Абу ас-Саджа прибыть в Ирак со своими отрядами и помочь халифу в борьбе с карматами, угрожавшими непосредственно Саваду [14,с.201]. Вопрос о жаловании ему и его воинам не ставился, так как денег в казне не было. Вместо этого доходы ал-Джибала и Азербайджана в течение военной кампании отдавали ас-Саджу «для его стола». Он был назначен наместником Ирана, который стал также его икта, как и Азербайджан и Арминийа, которыми он управлял [149,с.67].

Однако карматы разбили ас-Саджа. Это произошло, скорее всего, потому, что его отряды не имели опыта ведения боевых действий в пустыне. Сам ас-Садж был захвачен в декабре 927 года и убит [106,с.89].

Так закончилось правление Саджидов в Азербайджане. Назначенные в 889/90 году наместниками Азербайджана, Саджиды стали независимыми от Багдада наследственными правителями этой страны. Их власть продолжалась до 930 года, когда Аббасиды сумели восстановить свой сюзеренитет в этой важной и богатой провинции.

В связи с нашей темой заметим, что родоначальник династии Саджидов – Йусуф Дивласт происходил из Усрушаны.

Об их независимости свидетельствует собственный монетный чекан, что являлось прерогативой самостоятельных правителей. В разное время члены династии были наместниками Халеба, Мекки, ал-Анбара, Рейа. Резиденциями Саджидов являлись города Марага, Ардабиль, Барда. Наибольшую известность и власть они обрели, став обладателями Азербайджана и Арминийа.

Следующий год стал успешным для Муниса, сумевшего преодолеть сопротивление придворных и добиться назначения близкого себе Али ибн Исы везиром как раз перед большим на-

ступлением карматов на Багдад в 927 году. Казалось, что столица падет, но опасность была успешно ликвидирована Мунисом. Ему помогли Хамданиды [110,с.77].

В 930 году карматы захватили Мекку и перевезли Черный Камень из Каабы в свой военный лагерь. Это было серьезным ударом по престижу халифа. Но начавшиеся раздоры среди карматов значительно их ослабили, и снизили опасность для Аббасидов. В последующие годы ситуация стабилизировалась.

Неудачные походы против карматов, потеря доходов опустошенного Савада, напряженное противостояние в Багдаде – все это достигло своей кульминации к 928 году. После смещения Али ибн Исы с должности везира военачальник Мунис намеревался взять под свой контроль гражданскую администрацию. В следующие три года он и его соперники ожесточенно боролись между собой за влияние на халифа. Противостояние завершилась победой Муниса и убийством ал-Муктадира [144,с.61].

Как и прежде, убийство халифа стало сигналом к беспорядкам и анархии. Одновременно рост влияния армии в управлении государством, начавшийся после казни ибн ал-Фурата, еще больше увеличился со смертью ал-Муктадира.

Однако, как свидетельствуют события, тюркские военные лидеры никогда не пытались ликвидировать власть халифов или заменить правящую династию. Суть политической интриги, связанная с армией и тюрками, была в другом. Для них было удобнее и важнее управлять халифами и иметь доступ к доходам Савада. Все это позволяло обеспечить потребности армии в обмен на ее лояльность и поддержку правящей династии.

После устранения ал-Муктадира победители во главе с Мунисом посадили на престол его брата Мухаммада (ал-Кахира). Новый халиф имел собственные намерения, был довольно энергичным, но уже с первых дней правления столкнулся с серьезными трудностями.

Одной из проблем стала нейтрализация сторонников убитого халифа. Большая их часть сосредоточилась в Южном Ираке и Ахвазе. Во главе них был род Бариди. Они опирались на под-

держку некоторых военных отрядов, но вскоре создали свои воинские части и установили власть над Южным Ираком и Ахвазом [43, XV, с. 508].

Не имея достаточного военного опыта, Бариди оказались рачительными владетелями и сумели восстановить экономику подвластных территорий. При сложившейся в Халифате политической ситуации, когда противоборствующие стороны испытывали острую финансовую нужду, деятельность Бариди имела большое значение. Они сумели укрепить позиции владетелей Южного Ирака и подготовили появление династии Буидов (Бувейхидов), правившей в 932-1062 годах в Фарсе, Хузистане, Кирмане, ал-Джибале, Рее и Ираке.

Мунис и его сторонники из числа высшего чиновничества надеялись, что сохранили за собой монополию военной власти и обеспечили контроль над доходами казны. Однако уже вскоре они были обеспокоены тем, что халиф, которого они возвели на престол, за их спиной ведет переговоры с Мухаммадом ибн Йакутом и другими членами враждебной придворной группировки [1, VIII, с. 112].

Позиции Муниса оказались под угрозой, и на военном совете было решено свергнуть ал-Кахира, но заговорщики недооценили этого Аббасида.

Так, Мунис приказал обыскивать всех, кто входил во дворец, и увести из него тех, кто содержался под стражей. Ал-Кахир, заподозрив неладное и зная, что опорой Муниса являлись воины, ранее служившие саджидам, пообещал их предводителю – ибн Мукле свое покровительство и поддержку. В обмен халиф просил его быть в курсе событий в окружении Муниса.

В результате, часть воинов Муниса выразила желание служить ал-Кахиру, перебежала к нему. Халиф разместил их в своем дворце. Так ему удалось предотвратить покушение на себя, арестовать заговорщиков и казнить многих из них. Даже Мунис, несмотря на его сильные позиции в армии, был арестован. Как отметили источники его зарезали, «подобно овце» [1, VIII, с. 115].

Однако произошедшие события усугубили проблемы Хали-

фата, Ал-Кахир оказался не в состоянии найти себе сторонников, популярных и влиятельных в армии, чтобы они заменили Муни-са. Сильный и жестокий характер халифа не вызывал к нему до-верия военачальников. К тому же армия была недовольна дейст-виями ал-Кахира. И это недовольство нарастало.

Все, кто помог халифу, опомнились и раскаялись. Неизбежен был новый заговор. И его организовал ал-Мукла (ум. 940), кото-рый был везиром до неудачной попытки дворцового переворота Муни-са. Начались переговоры с военачальниками, которых при-зывали выступить против халифа. Соглашение было достигнуто, и ворвавшиеся во дворец заговорщики схватили ал-Кахира и ос-лепили [39, VIII, с.45; 127, с.586].

Во всей этой истории обращает на себя внимание следую-щее. Дворцовые или государственные перевороты, заговоры про-тив халифов были и прежде. Но в связи с низложением ал-Кахира обращает на себя внимание то обстоятельство, что лишение вен-ценосца зрения произошло в истории Арабского халифата впер-вые. Это связано с тем, что, как отметили источники, член дина-стии, имеющий физический недостаток, не мог стать халифом, но продолжал жить. Так, ослепленный ал-Кахир прожил еще 17 лет, но до своей смерти в 970 году влачил жалкое существование.

Экзекуция над ал-Кахиром комментируется исследователями по-разному. Наиболее обстоятельно высказался В.В.Бартольд: «предвзятое мнение, что в мусульманском мире вся жизнь слагалась под влиянием предписаний религии, вероятно, еще долго будет мешать правильной оценке исторических явлений. Евну-хов, вероятно, еще долго будут связывать с гаремом, хотя в хри-стианской Византии они были гораздо раньше, чем в Халифате; обычай ослеплять низложенного государя еще долго будут свя-зывать с требованиями, предъявляемыми к государю мусульман-ским правом, тогда как в действительности тот же обычай давно известен в Византии, откуда и перешел к мусульманам, причем первым примером было ослепление халифа Кахира в 934 г., на-званное у Масуди... небывалым фактом» [127, с.586].

Армия поддержала одного из сыновей ал-Муктадира - Абу Аббаса Ахмада, ставшего халифом под именем ар-Ради (934-940). Военачальники разыскали его после низложения ал-Кахира в заточении вместе с матерью.

После этого послали за бывшим везиром Али ибн Исой, который составил документ о провозглашении нового повелителя правоверных, и все ему присягнули [20,с.280;24,III,с.155;38,с.388].

По сравнению со своими предшественниками, ар-Ради был выдержанным и спокойным, сведущим в науках, но почти не имел шансов исправить ситуацию, так как не обладал необходимыми политическими талантами.

Интриги и заговоры, окружавшие халифа в Багдаде, становились все более неприемлемыми для общества. Более того, правление ар-Ради отмечено спадом и потрясениями во всех сферах. Элита столичной провинции - Ирака была занята соперничеством. В результате, Ирак беднел, в то время как другие территории процветали, а их мусульманские правители увеличивали свою мощь. Так, Андалузия находилась на подъеме, и ее талантливый правитель Абд ар-Рахман III ан-Насир (912-961) стал именовать себя «повелителем правоверных». Он был из династии испанских Омейядов (756 - 1031) и являлся самым выдающимся ее представителем.

Усиливались также правители провинций, объявлявшие себя независимыми от Багдада.

Византия пыталась воспользоваться благоприятным моментом - политическим расколом в мусульманском мире и возобновить завоевания.

В такой ситуации в период своего третьего и последнего везирата в 928/9 году, то есть за шесть лет до начала правления халифа ар-Ради, Али ибн Иса составил полный реестр доходов Халифата. Кроме Северной Африки и Хорасана, в него были внесены все основные провинции и города государства, в том числе Египет, Сирия, ал-Джазира, западный Иран, включая Рей и Фарс.

Самыми доходными являлись Савад, Ахваз, Фарс и Египет [186,с.20].

Реестр выглядел весьма оптимистично. Шесть лет спустя, при ар-Ради, все это уже представлялось далеким прошлым экономического и финансового благополучия Халифата. Более того, не только отдаленные провинции, но даже Савад вышел из-под контроля Аббасидов. Египет и Сирия находились в руках династии Ихшидидов (935 - 969); Мосул и ал-Джазира - у династии Хамданидов (905-1004). В Западном Иране сидели дейлемиты; в Фарсе правила одна из ветвей Буидов (932-1062).

Многочисленные нарекания элиты вызывала ситуация в столичной провинции Ирак. На его юге Бариди пытались расширить свое влияние и начали переговоры с Ахмадом ибн Буидом (945-967) о захвате всей провинции [11,VI,с.288]. В Васите военачальник тюрок Мухаммад Ибн Раиг отказывался посылать подати в Багдад, говоря, что они необходимы ему для собственных целей.

Везир ибн Мукла предпринял попытку исправить ситуацию и возглавил в 935 году поход на Мосул, чтобы поднять свой авторитет в обществе. Но интриги в Багдаде заставили его вернуться в столицу. На следующий год он убедил халифа самому предпринять поход против почти узурпировавшего Васит Ибн Раига. Событие примечательно тем, что за двести лет существования Арабского халифата его глава впервые начал военную кампанию не по собственной инициативе. Но и это не удалось, а везира арестовали.

Налицо было политическое поражение, ибо поход халифа закончился неудачей. Однако это не просто военное невезение. Важнее то, что оно, в конечном счете, стоило Аббасиду трона.

Ибн Раиг через посредников передал халифу, что может возглавить как гражданскую, так и военную администрацию. Вначале ар-Ради ответил ему отказом, но в сложившейся военно-политической ситуации не видел ему альтернативы. Он сообщил Ибн Раигу о своем согласии, и последний в 936 году прибыл в Багдад, где в сане амир ал-умара возглавил администрацию Халифата [1, VIII, с. 112; 20; с. 282, 36, X, с. 184; 10, III, с. 258].

С этого времени реальная власть сосредоточилась в руках Ибн Раига, который стал «амир ал-умара» – главнокомандующим.

Должность амир ал-умара Багдада являлась весьма важной при Аббасидах. На это указывают многие обстоятельства и события, связанные с тем, кто занимал столь высокий пост. Здесь же достаточно отметить, что у амир ал-умара был свой везир. Первый у кого был везир - это Ибн Раиг [244,с.10].

Ибн Раиг стал также заниматься финансами - контролировал поступление хараджа и распределение субсидии. Должность такого финансового контролера была учреждена специально для Ибн Раига [20,с.282].

Таким образом, Ибн Раиг стал очередным временщиком. Однако, в отличие от предшественников, он официально сосредоточил в своих руках почти все рычаги власти - политический, экономический и военный. Разница заключалась также в том, что халиф официально передал многие свои прерогативы Ибн Раигу.

С другой стороны, ар-Ради отказался от ненадежной опоры на гражданских чинов и полностью положился на военную силу. Это стало еще одним, очередным знаковым событием в истории Халифата. И оно также связано с тюркской доминантой. Средневековые историки отмечают, что диваны и везират с этого времени потеряли всякий смысл в государстве [43, VII, с.474; 1, VIII, с.112]. Власть была у Ибн Раига и у тех, кто после него занимал те же ключевые посты в военной и гражданской структурах Халифата рассматриваемого нами периода [31, I, с.106].

От имени халифа Ибн Раиг предложил наместнику Египта и Сирии Абд-ал-Фаттаху Джафару ибн Фурату, занять пост везира. Тем самым всемогущий временщик надеялся пополнить казну за счет доходов этих богатых провинций. Тот согласился, и стал везиром, халифа и амир ал-умара Багдада.

Вручая в 935/36 году должность амир ал-умара Ибн Раигу, халиф пытался создать хотя бы видимость спокойствия в государстве и столице, ограничить произвол наместников, остановить

усобицы. Однако результат получился противоположным. К имеющимся в Халифате противоречиям добавилась теперь борьба за получение этой престижной и влиятельной должности [27, I, с. 139].

У самого халифа не было ни армии, ни администрации, которыми он мог распоряжаться. Можно сказать, что в обществе произошли кардинальные изменения. Военная составляющая власти Ибн Раиға хазарского тюрка основывалась на тюркских отрядах, недавно прибывших из Ирана, где они служили вместе с дейлемитами Мардавиджу ибн Зийяду до самой его смерти, наступившей за год до описанных выше событий [66, III, с. 38].

На лидирующих позициях среди тюрков находились Баджкам и Тузун, ставшие позже амир ал-умара со всеми вытекающими из этой должности правами. Когда Ибн Раиға взял на себя тотальное управление Халифатом, он распустил старую армию Багдада [262, с. 141]. Он не смог опереться на нее, так как эта была военная организация, созданная еще ал-Муваффаком и Мусой ибн Бугой. То есть это была армия, которая способствовала укреплению власти Аббасидов. Вот почему она не подходила для Ибн Раиға.

Переход всей полноты власти к Ибн Раиға означал конец старого института везирата. Ибн Мукла был последним традиционным великим везиром Аббасидов, плеяда которых началась с династии везиров Бармакидов (750-803). Этот клан высокопоставленных гражданских сановников оставил заметный след в истории ранних Аббасидов и вообще мусульманского мира. Из Бармакидов вышли не только везиры, но также наместники провинций, главы диванов, даже хаджибы.

После Ибн Муклы некоторые функции везира выполняли секретари амиров. Старые методы управления диванами были упразднены. Сохранились только базовые функции государства.

Чтобы укрепить свои позиции, Ибн Раиға решил заняться Ах-вазом. Он посоветовал халифу с войском отправиться в Васит, и потребовать, чтобы Абу Абдалла ал-Бариди отослал доходы провинции в казну. Ар-Ради согласился. Узнав об их прибытие в Васит и о требовании халифа, ал-Бариди согласился присылать еже-

годно 360 тыс. динаров [36,VI,с.187]. Поэтому халиф с войском вернулись в Багдад. Однако ал-Бариди не сдержал слова и не платил ничего.

Ибн Раиг понял, что ал-Бариди достаточно силен и его следует нейтрализовать иным способом. Он предложил ему стать везиром и прислать своего векиля (доверенное лицо) в Багдад. Ал-Бариди направил Ахмада ибн Али ал-Куфи. После этого Басра, которой управлял Ибн Раиг, перешла к брату ал-Бариди - Юсуфу. Однако на этом вражда между Ибн Раигом и ал-Бариди не прекратилась [11,VI,с.288].

В результате, положение нового амир аль-умара оказалось не очень прочным, что следует из дальнейших событий. Заметив усиление ал-Бариди, Ибн Раиг решил послать войско в Ахваз. Военачальники Ибн Раига - Баджкам и Бадр ал-Харшани во главе тюркских отрядов пошли на Сус и захватили его. Тогда ал-Бариди и его приближенные, забрав 300 тыс. дирхемов, погрузились на судно. Однако оно затонуло, но пассажиров спасли, и они уже на другом доплыли до города Оболлы. Отсюда ал-Бариди отправил письмо Ибн Раигу с просьбой о прощении, но тот не ответил.

Тогда же жители Басры выступили против Ибн Раига и несколько раз разбили его войско. В ответ он сам отправился в Васит и написал Баджкаму в Ахваз с приказанием прибыть к нему с войском. Однако новое войско также потерпело поражение [32,I,с.107].

Ал-Бариди понимал, что ему нужна помощь против тюрков. Он обратился к Буидам и спровоцировал их поход на Ирак. Муизз ад-Даула Буид напал на Ахваз и захватил его. Баджкам бежал в Васит. Но союз между ал-Бариди и Буидом оказался недолгим, так как каждый из них преследовал лишь собственные цели.

Кончилось все тем, что Баджкам отбил Сус и Джундишабур. Ахваз остался у ал-Бариди, пока его не захватил Муизз ад-Даула Буид. Ал-Бариди пришлось бежать в Басру [43,VII,с.576].

Тем временем положение Ибн Раига в Багдаде оставалось сложным. Баджкам, одолевший мятежного ал-Бариди, решил ис-

пользовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах. Он оставил у себя доходы Васита и вознамерился занять пост амир ал-умара, то есть хотел сместить с этой важной должности Ибн Раига. В этом ему содействовал везир ал-Мукла, который получил согласие халифа. Узнав о позиции Ар-Ради, Баджкам выступил против своего патрона Ибн Раига. На подходе к Багдаду путь ему преградили отряды Ибн Раига, но были разбиты [11, VI, с.288].

Ибн Раиг был свергнут в сентябре 938 года, халиф одарил Баджкама и назначил его амир ал-умара. Новый временщик пробыл в этой должности до 941 года. Он предложил сторонникам Ибн Раига присягнуть на верность халифу. Большинство согласилось, а Ибн Раиг на время исчез. Он пробыл на должности амир ал-умара чуть меньше двух лет [32, I, с.107; 11, VI, с.289].

После этих событий начался сложный период борьбы за влияние на халифа. Ее главными участниками были военные тюрки, прибывшие в столицу вместе с будущими амиром ал-умара Баджкамом (938-941) и Тузуном (943-945), а также Хамданиды.

Таким образом, можно констатировать, что соперничество за реальную власть в Халифате шло между различными тюркскими группировками. Представители других этносов, в том числе арабы, как правило, исполняли роли статистов в крупной политической игре. Поэтому нетрудно заключить, что халифы Аббасиды становились попеременно заложниками то одной, то другой тюркской группировки. Иными словами, при смене декораций главными фигурами по-прежнему оставались тюрки.

Однако, есть заметная разница в распределении ролей. Если первоначально тюрки были только в армии, то со временем, кроме военной составляющей, они заняли ключевые позиции и в гражданских структурах. Так, они появились на постах везиров и наместников, амир ал-умара и глав диванов. В начале 938 года владетель Мосула Насир ад-Даула Хамдан прекратил отсылать доходы в Багдад. Тогда халиф и Баджкам отправились туда «для наведения порядка». Ар-Ради остался в Тикрите, а Баджкам пошел дальше и разбил войско Хамданида [11, VI, с.295].

Тем временем объявился Ибн Раиғ и, воспользовавшись отсутствием халифа и Баджжама, в Багдаде вошел в столицу. Отсюда он направил им письмо с предложением «мира». Халиф и Баджжам поспешили заключить мир с Насир ад-Даулой, удовлетворившись выплатой 500 тыс. дирхемов, и повернули на Багдад. Возвратившись в свою столицу, халиф назначил в управление Ибн Раиғу территории вдоль Евфрата [43, VII, с.576].

Тем временем Баджжам хотел вернуть халифу горные территории, где сидели Буиды. Он договорился с ал-Бариди, тот пошел в Ахваз, а сам Баджжам в ал-Джибаль. Однако Баджжам выяснил, что ал-Бариди пытался обмануть его. Поэтому он вернулся в Багдад и, вместо того, чтобы идти на Буидов, отправился в Васит - против ал-Бариди [26, с.25].

Так проходило правление ар-Ради, усугубленное противостоянием в обществе. Следствием стали уменьшение территории Халифата, рост центробежных сил, потеря значительной части доходов казны, ослабление власти халифа, усиление военных временщиков.

Проблем добавили усилившиеся религиозные противоречия в столице. В Багдаде стало быстро распространяться учение ханбалитов. Это были последователи религиозно-правовой школы имама Ахмада ибн Ханбалия, одного из четырех мазхабов, признанных поныне в мусульманском мире. Распространению ханбалитского толка способствовала идейная реакция, наступившая в Халифате после того, как учение мутазилитов, занявших на время (827-851) господствующее положение при халифах ал-Мамуне, ал-Мутасиме и ал-Васике, было отвергнуто при халифе ал-Мутаваккиле.

При халифе ар-Ради идейная реакция в форме учения ханбалитов наступила также потому, что Халифат испытывал сильные внутривосточные потрясения и неудачи во внешней политике.

Правовая система ханбалитов отмечается узким буквализмом и крайней нетерпимостью ко всякого рода «новациям», от-

рицианием свободы мнений в религии, фанатической строгостью в соблюдении обрядовых и правовых норм шариата. Ханбалиты отвергали любую попытку свободного истолкования Корана и хадисов [174,2 II,с.63].

По всем этим причинам ханбалиты были против винопития, уничтожали музыкальные инструменты, и даже мешали нормальной торговле. Они не позволяли мужчинам ходить по городу вместе с женщинами и подростками. Все это вызвало большое недовольство в Багдаде, и халиф ар-Ради подписал указ, направленный против ханбалитов [19,I,с.32].

Однако, ни запретительные меры, ни другие действия халифа и его окружения не могли воспрепятствовать дальнейшему ухудшению внутри - и внешнеполитической ситуации, а также переменам в идейно-религиозной сфере.

Ар-Ради стал последним Аббасидом, который пытался самостоятельно вершить дела государственного управления. Он был также последним, кто читал проповеди во время пятничной молитвы как амир ал-моминин; сидела сотрапезником во время приемов, общался с учеными. Одним словом, ар-Ради был последним халифом – политиком. В его правление институт амир ал-умара Багдада, учрежденный в 929 – 930 году, при халифе ал-Муктадире (908 – 932), набрав силу, стал фактическим олицетворением власти Аббасидов.

О значении, важности и влиянии амир ал-умара можно судить как по событиям, связанным с носителями этого звания, так и по тому, что амир ал-умара, начиная с Ибн Раиға, то есть со времени халифа ар-Ради, имели своих везиров. И так было вплоть до середины X века. Впоследствии, уже после этой даты амир ал-умара Багдада стали Буиды, превратившие эту должность в наследственную в своем роде. И при них обязательно были везиры [24,I,с.58].

Таким образом, начиная с ар-Ради, Аббасиды из собственной столицы «правили, но не управляли» Халифатом.

Ар-Ради умер в 940 году. В это время Баджкам был в Васите. Он прислал со своим везиром ал-Куфи письмо, в котором приказал ему и везиру ар-Ради Абу-л-Касиму ибн ал-Хасану собрать совет кадиев, глав диванов и авторитетных лиц Халифата, чтобы они избрали нового халифа. Им стал брат умершего халифа – ал-Муттаки (940 – 944).

Баджкам одобрил их выбор и, как подданный, принес присягу на верность ал-Муттаки. Последний отправил ему подарки и указ, подтверждавший власть Баджкама над Васитом [38,с.397].

Баджкам, будучи амир ал-умара, по-прежнему обладал реальной властью в Халифате. Но он недолго оставался на этой должности. Ал-Бариди все еще метил на его место, поэтому собрал войско и направился из Басры в Мазар. Против него было посланы отряды во главе с влиятельным тюркским эмиром Тузуном.

Они начали сражение, и чаша весов склонялась на сторону ал-Бариди. Тогда Тузун обратился к Баджкаму с просьбой о помощи. Тот поспешил на помощь, но еще до его прибытия Тузун справился с неприятелем и отправил сообщение о победе. После этого Баджкам решил вернуться в Васит. Но по дороге у реки Джур его убили местные курды [32, I, с.111].

Смерть Баджкама оказалась очень своевременной для ал-Бариди и выгодной для халифа, который конфисковал его дворец и более миллиона динаров [36, XI, с.199].

Ал-Муттаки был более решительным, чем его предшественник, в своих попытках восстановить власть халифов. Когда Баджкам был убит, часть его армии перешла на сторону ал-Бариди, который усилился за их счет и возобновил свои претензии на Багдад. Халиф ничего не смог противопоставить ему, и в июне 940 года ал-Бариди вошел в Багдад. Его встречали везир, кадии и местная знать. Сам халиф приветствовал и поздравил его с благополучным прибытием. Но ал-Бариди не удалось довести до конца задуманное, так как от него отвернулись служившие в армии

тюрки. Поэтому ему пришлось покинуть Багдад через 24 дня после торжественного въезда в столицу [31, I, с. 111].

Во главе армии стал эмир Куртакин, которого халиф ал-Муттаки и назначил амир ал-умара. Время его власти (июль 940) оказалось смутным, так как большинство жителей Багдада страдало от бесчинства армии, а Куртакин не предпринимал ничего, чтобы остановить своих воинов.

Поэтому ал-Муттаки вызвал Ибн Раига из Сирии, предложив ему вновь занять пост амир ал-умара. Куртакин не пожелал смириться с волей халифа и вышел навстречу армии Ибн Раига. Произошло сражение у местечка Акбара. Куртакин был разбит, взят в плен вместе с 400 своих воинов. Все они были убиты, а победитель вновь стал амир ал-умара [25, I, с. 158-159].

Между тем, узнав об ослаблении позиции тюрок и дейлемитов, ал-Бариди решил вновь попытать счастья. Он послал свое войско в Багдад, которое вошло в город, не встретив серьезного сопротивления. Халиф и Ибн Раиг бежали в Мосул. Воины ал-Бариди бесчинствовали в Багдаде, убили всех, кого нашли во дворце халифа, разграбили дворцы его жен [32, I, с. 112].

Торговцы и ремесленники прекратили работу из-за непомерных поборов. Такого жители Багдада еще не видели.

Тогда халиф ал-Муттаки призвал на помощь владетеля Мосула Насир ад-Даула ибн Хамдана. Последний отправил своего брата Сейф-ад-Даула, который встретил Ибн Раига и халифа в Тикрите и вернулся вместе с ними в Мосул. Туда же прибыл Насир ад-Даула, вознамерившийся убить Ибн Раига, чтобы занять его должность. Так оно и случилось [43, VII, с. 10; 11, VI, с. 326; I, VIII, с. 135].

Халиф назначил Хамданида амир-ал-умара в 941\942 году, после чего Насир ад-Даула отправился вместе с ал-Муттаки в Багдад. Ал-Бариди бежал в Васит после 110 дней пребывания в столице [24, с. 158].

Затем армия была послана в Васит, чтобы покончить с ал-

Бариди. Недалеко от Медаина войска встретились в тяжелой битве. Поначалу ал-Бариди стал одерживать верх, но Насир ад-Даула вовремя отправил брату подмогу, враг был разбит и бежал в Васит. После небольшой передышки Сейф-ад-Даула направился в Васит, завладел им, а ал-Бариди бежал в Басру. Сейф-ад-Даула обосновался в Васите, затем хотел завладеть и Басрой. Но у него не хватало на это сил. Тогда он просил о помощи брата, но тот не поддержал его. В результате, между братьями возникла вражда.

Сейф-ад-Даула пошел войной на Насир ад-Даулу, не встретил серьезного сопротивления, потому что военачальники амир ал-умара давно не получали жалованья [66,III,с.31].

Лагерь Насира ад-Даула – Хамданида захватили Буиды, сам он бежал в Мосул, а халиф назначил на должность амир ал-умара военачальника – тюрка Тузуна. Однако ал-Муттаки опасался его, поэтому бежал в Мосул, под защиту Хамданидов.

Тогда Тузун собрал войско и отправился за ним. По пути он разбил армию Сейф-ад-Даулы. Халиф бежал дальше, в местечко Насибейн, откуда послал Тузуну письмо с просьбой о мире [25,с.158].

Переговоры между Аббасидом и его амир ал-умара завершились тем, что Хамданиды обещали ежегодно в течение трех лет выплачивать казне по 3 миллиона 600 тыс. дирхемов, а халифу гарантировали беспрепятственный въезд в Багдад.

Ал-Муттаки пытался возродить традиционный везират, но безуспешно. Полнота власти осталась у военных. Спустя три года, в 944 году, халифу выпал последний шанс что-либо изменить, когда правитель Египта Мухаммад ибн Тугдж (Ихшидид) встретился с ним в Рагге и предложил ал-Муттаки объединить свои силы [32,I,с.113;25,с.159]. Однако халиф предпочел вернуться в Багдад. Здесь Тузун встретил его, поцеловал перед ним землю и сказал: «Я сдержал свое обещание», затем ослепил его и лишил власти [25,VIII,с.288;38,с.397].

Новый халиф ал-Мустакфи (944 – 946) был назначен Тузу-

ном. Но положение в Багдаде усложнялось. Большую активность в столице развил представитель персидский военно-феодальный группировки Ахмад ибн Буид, которого поддержали Баридиды, сидевшие в Южном Ираке [11, VI, с.388].

Пока во власти находился Тузун, он и его тюркские соратники обеспечивали независимость Халифата, ибо опирались, в первую очередь, на армию. Однако после его смерти в собственном дворце в августе 945 года, захват Буидами Багдада был лишь вопросом времени. Секретарь Тузуна-Ибн Ширзад пытался предотвратить намерение Буидов и хотел вступить в союз с правителем Мосула Насир ад-Даула Хамданидом [32, I, с.113]. Но это ни к чему не привело, и в декабре 945 года Ахмад Буид захватил Багдад. Халиф вручил ему должность амир ал-умара.

С тех пор, с 945 года, должность амир ал-умара в Багдаде перешла к Буидам. Они отправляли ее до 1055 года [32, I, с.118; 11, VI, с.344], то есть вплоть до прихода в столицу Арабского халифата первого великого султана Сальджукида Тогрул-бека. В том же году хутба в Багдаде была прочитана на его имя.

Таким образом, в 945 году в Халифате произошел «мирный» государственный переворот. В результате, тюркская доминанта уступила место персидской. Возврат к власти в Халифате персов можно считать закономерным, как и утрату тюрками своих позиций в первом мусульманском государстве. Причины такого поворота событий различные, но важно отметить следующее.

Во-первых, тюркская армия утратила свою монолитность, высокую организованность и дисциплинированность.

Во-вторых, соперничество между тюркскими военачальниками достигло такого уровня, когда уже невозможно было их примирить.

В-третьих, тюркский элемент в Халифате утратил прежнее единство, что помогло в свое время добиться высокого положения в иноязычной, иноэтнической и незнакомой среде. Появились

корпоративные группы, оспаривавшие друг у друга должности, внимание халифов. Они соперничали между собой в армии, во дворце халифа, в гражданской администрации. Там самым, они взаимно ослабляли друг друга.

В четвертых, в такой ситуации возросли столкновения между тюрками и другими этническими группами.

В итоге, во власть пришла персидская группировка, которая, наряду с самими арабами, оспаривала самые высокие позиции в Халифате.

Поэтому 945 год стал пограничной датой, после которой пальма первенства в Арабском халифате вновь перешла к персам в лице династии Буидов. В течение 932-1062 годов они являлись владетельной династией в Иране и Ираке.

Это было в X - начале XI веков, то есть до прихода новых тюрков - Сельджукидов, самой могущественной династии, обладавшей наиболее обширными владениями.

После 945 года, в течение последующих 110 лет, Буиды являлись фактическими главами Арабского халифата. Как до того, примерно такое количество лет, в этом государстве доминировали тюрки. Как известно, они носили и титул амир ал-умара, должность которого была создана халифом ал-Муктадиром в 929/30 году специально для тюркских временщиков при Аббасидах.

Теперь амир ал-умара стали новые временщики - Буиды, которым халиф ал-Мустакфи разрешил собственный чекан. Эта прерогатива во все времена принадлежали правителям.

Симптоматично также, что Буиды, являвшиеся Шиинами, стали фактическими вершителями судеб Халифата и Аббасидов, бывших суннитами. Значит, конфессиональный фактор не был определяющим. Гораздо важнее была военная сила, служившая опорой политического могущества.

После перехода фактической власти от тюрков к Буидам в жизни стран и народов, входящих в Халифат, начался новый

этап, отличавшийся от предыдущего своими особенностями.

Столь стремительные события привели в результате к новой реальности. Имел место фактически полный и окончательный распад Халифата.

Теперь власть Аббасида ограничивалась Багдадом и столичной провинцией. Поэтому не случайно некоторые исследователи предпочитают именовать Арабский халифат этого времени Багдадским. Он уже не был «арабским», и не представлял собой то могущественное государство, что досталось Аббасидам в наследство от Омейядов.

В странах, входивших в Халифат, появились свои политические системы на основе определенного этнического единства и географических границ. Если они и признавали халифа, то только как религиозного сюзерена.

Процесс распада Халифата начался гораздо раньше, еще при господстве тюрок, продолжался долгое время. Правда, после анархии, последовавшей за смертью ал-Мутаваккиля, Аббасиды еще имели возможность восстановить свою былую мощь и власть. Но этого не случилось из-за экономического и политического кризиса в Халифате в первой половине X века.

Можно предположить, что имелось немало причин для кризиса. Во-первых, - сами халифы. Ни один из них, начиная с ал-Муктадира, не смог добиться союза с тюрками - военными. Армия оказалась изолированной от двorca.

Во-вторых, структура армии изменилась. В конце Самаррского периода большинство военачальников, например, тюрки Салих ибн Васиф и Муса ибн Буга, были опорой династии. Мунис ат-Турки был последним из военачальников, служивших верой и правдой Аббасидам. Последние же тюркские военачальники - Баджкам и Тузун со своими воинами, недавно прибывшие в Халифат с востока, мыслили по-иному.

Там, на Востоке, они контактировали с Мардавиджем, который отвергал Халифат. Поэтому у них не было традиции верно-

сти Аббасидам. Вот почему участь этой династии была предопределена в тот момент, когда влиятельный тюркский военачальник - всемогущий амир ал-умара Мухаммад ибн Раиғ расформировал старую багдадскую армию.

В Самаррский период тюрки хотели одного - чтобы у них было гарантированное жалованье и награды. Они не испытывали враждебности к власти, но хотели иметь возможность оберегать свои интересы.

Однако воины и военачальники начала X века были совершенно иными. Они не зависели от жалованья, победы за пределами Халифата стали для них более предпочтительным занятием. Личности, подобные Ибн Раиғу, проявляли заинтересованность в проведении собственных преобразований, и по этой причине любые попытки усиления власти халифа вызывали у них враждебную реакцию, ибо могли повредить их амбициозным планам.

В-третьих, снова и снова проблемы Аббасидов сводились к экономическим трудностям, в данном случае к нехватке денежных средств. Постоянное гражданское противостояние в обществе и действия карматов привели к тому, что провинция Савад оказалась в финансовом отношении полностью истощена. Ахваз, Фарс и даже Мосул оставались сравнительно процветающими и доходными. Но ни одна из этих провинций не была подконтрольна династии. Столичная провинция Багдада была полностью опустошена.

Иногда, из-за соперничества военачальников, их даже «мирные» действия наносили Халифату большой экономический урон. Напомним: лишь в одном 937 году Ибн Раиғ, стараясь воспрепятствовать продвижению отрядов своего соперника Баджжамы, устроил наводнение, разрушив Нахраванский канал, который снабжал водой большую часть Савада. Маневр не удался, но последствия его остались: урон, нанесенный сельскому хозяйству вокруг столицы, оказался уже невозможным.

Вместе с тем разрушение канала Нахраван стало драматическим явлением времени и символом конца правления Аббасидов, как в свое время разрушение Маарибской плотины стало финалом доисламской Аравии.

Халиф ал-Мустакфи, поручая Буидам – представителям персидской военно-феодальной группировки должность амир ал-умара, надеялся на них и радовался своему избавлению от тюрок. Однако персы заняли по отношению к Аббасидам более жесткую позицию, чем их предшественники-тюрки. Буиды полностью лишили халифов политической власти, и Аббасиды превратились в простых смертных, получающих ежедневно из казны пенсию в 5 тыс. дирхемов [24,с.160]. Буиды же трансформировались в абсолютных правителей Халифата.

Так завершилась для арабов эра их некогда военно-политического могущества созданного ими государства, раскинувшегося на трех континентах. Одновременно закатилась звезда тюрок. Условия, породившие их могущество в Халифате, обернулись против самого тюркского этноса, служившего Аббасидам.

Начав путь наверх в халифате по военной линии, тюрки стали важными фигурами в политической структуре, заняли все мыслимые должности. Они стали, наряду с высоким положением в армии, «своими» во дворце халифа, заняли посты наместников провинций и важнейших городов, везиров. Специально для них был учрежден институт амир ал-умара.

Однако все это раскололо тюркский монолит, и стало началом их конца в определяющих структурах Халифата.

Естественно, что конец тюркского господства в Арабском халифате вовсе не означал, что их влияние в мусульманском мире исчерпалось. Тюрки, как военная сила, остались в ряде арабомусульманских стран, где они изначально были. С этой точки зрения особенно примечательны Египет и Сирия. Их средневековая история характерна сохранением здесь тюрок в качестве гла-

венствующей силы, обладающей всей полнотой политической и военной власти.

Итак, мы постарались выше не только продемонстрировать, но и фундировать, что тюрки, начав свою службу в Халифате как военная сила, впоследствии поэтапно заняли также другие позиции в структурах власти. Среди них не менее важной, чем армия, оказалась их служба в гражданской сфере. Правда, и тут они сочетали ее с военной составляющей. Таков был институт амир ал-умара, а также наместников.

Таким образом, тюркский элемент, действительно, оказался широко представленным в военно-гражданских структурах времени правления Аббасидов исследуемого нами периода.

Тюрки стали не только выдающимися военачальниками и полководцами, одержавшими немало важных побед на полях сражений во славу Арабского халифата. Они проявили себя не только как организаторы боеспособной армии Аббасидов, но и как успешные наместники провинций, везиры и амир ал-умара. Лишь благодаря им регулярно пополнялась казна государства, и самые непокорные провинции оказались замиренены, ликвидирована военная опасность извне.

Одновременно, как военачальники и наместники, как везиры и амир ал-умара, они успешно ликвидировали не менее грозные, чем военная опасность, социальные движения, мятежи элиты, финансовые и иные затруднения, угрожавшие Халифату. И в этих сферах деятельности проявились их талант и умение как организаторов и исполнителей воли Аббасидов.

Вместе с тем обращает на себя внимание, следующее обстоятельство. Тюркские военачальники, назначенные наместниками, как правило, оставались в столице, где они были постоянно востребованы в качестве армейских чинов. Поэтому в провинциях их заменяли представители, обычно также бывшие из тюрков. Этот институт заместителей стал характерен для времени, когда наместниками назначали именно тюркских военачальников.

При этом, что важно подчеркнуть, тюркских военачальников назначали наместниками именно туда, откуда исходила угроза Халифату. Это были приграничные провинции, либо – зоны социальных выступлений.

Однако должность амир ал-умара, связанная непосредственно со столицей Халифата, никому не перепоручалась. Институт амир ал-умара, как ни парадоксально это звучит, оказался заменой власти венценосца. В руках амир ал-умара оказались сосредоточены как военные, так политические, финансовые и гражданские рычаги государства. Не случайно поэтому, что, когда тюрки стали утрачивать свои позиции в Халифате, пришедшие им на смену персы Буиды заняли именно должность амир ал-умара.

Появившись в Арабском халифате в качестве важной военной составляющей, тюрки проделали большой путь в структурах этого государства. Со временем они превратились в незаменимых наместников, и с их именем можно связать создание института генерал-губернаторов и института амир ал-умара, перерождение института везирата.

Появившись на должности везиров, тюрки стали вторыми лицами в Халифате, а когда они получили сан амир ал-умара, то фактически заменяли самих Аббасидов, которые теперь царствовали, но не управляли.

В итоге, тюркский элемент стал сочетать в себе высшую военную, административную и политическую власть. Можно констатировать, что тюркская доминанта сыграла важную роль в истории Халифата середины VIII – середины X веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение ислама и образование первого мусульманского государства – Арабского халифата стали эпохальными событиями мировой истории и оказали огромное влияние на судьбу Евразийского мира. Арабы, как первые носители ислама и создатели мусульманского государства, превратились в господствующий этнос, который, по меньшей мере, целое столетие единолично управлял Халифатом – самой обширной и могущественной империей своего времени, утвердившейся на трех континентах.

В этой связи вызывают интерес вопросы, как господствующий этнос налаживал отношения с народами, включенными в состав империи, а также с народами соседних стран; каковы были конкретные результаты, ибо ислам и мусульманская культура оказали ощутимое воздействие на все стороны жизни и деятельности многих стран и народов, находившихся в орбите Халифата.

Так как предметом нашего интереса является арабо-тюркские отношения, то прежде всего укажем, что их история восходит к более ранним, чем хронология нашей монографии, периодам истории. Это подтверждает, по меньшей мере, наличие в священной книге мусульман – Коране – тюркских слов, а также, хоть и очень скудные, сведения исторических источников и образцов доисламской (джахилийской) поэзии. Изучение их различных аспектов – одна из важных задач, стоящих перед исторической наукой. Нам же представляется, что с возникновением ислама и образованием Халифата наблюдается определенная динамика в арабо-тюркских отношениях, что дает возможность оценивать этот исторический период уже в новых условиях.

Начавшиеся со времен Пророка арабо-тюркские отношения возросли и расширились в период арабских завоеваний, превратившись, особенно при первых трех праведных халифах, в военное противостояние. То есть контакты и взаимоотношения между арабами-мусульманами и тюрками-немусульманами носили преимущественно военный характер. Тюрки в начальный период

Халифата оказались в гуще военных и политических событий, связанных с носителями ислама. В результате налаживающихся отношений оба этноса – арабы и тюрки получили более широкую возможность лучше узнать друг друга. Отметим, что начальный период этих взаимоотношений не отличался особой дружелюбностью, и тюрки не проявляли большого рвения переходить в ислам.

Правда, в период Омейядского халифата (661 – 750) в характере арабо-тюркских отношений произошли изменения. Между ними, наряду с военными столкновениями, происходило налаживание мирных связей, даже вовлечение тюрков в государственные структуры на определенном уровне, первоначально сугубо в военном плане. Однако позиция Омейядов, относившихся к неарабам, даже к мусульманам-неарабам, как к второстепенным подданным, невозможность пробиваться на высокие военно-политические и экономические позиции в Халифате создавали для тюрков, как и для других неарабских этносов, в мусульманском обществе многочисленные трудности. Но со временем, особенно начиная с VIII века, Омейяды стали отдавать предпочтение политике исламизации населения завоеванных стран. И если этим арабы создавали себе в лице новых мусульман военных и политических сторонников, то и местное население, пусть даже теоретически, приобрело право стать полноценным членом мусульманского общества.

В результате, независимо от степени реализации стремлений сторон, во-первых, равноправие мусульман-неарабов на практике до конца омейядского периода так и не стало возможным. Во-вторых, совпадение их интересов привело к тому, что зародилась правовая база для установления, углубления и расширения делового сотрудничества мусульман-арабов и мусульман-неарабов. При этом, по сведениям арабских источников, перешедшие в ислам тюрки проявляли большее религиозное рвение, чем сами арабы-мусульмане. В итоге, тюрки, доселе славившиеся как воины, а теперь также и симпатией к исламу, получили возможность стать важным фактором мусульманского общества.

Тюрки в качестве военно-политической силы не только встали в один ряд с арабами в деле укрепления и защиты Халифата, но выступили инициаторами борьбы за паритетные отношения между арабами-мусульманами и неарабами-мусульманами. Именно эта идея в процессе противостояния Аббасидов с Омейядами стала одной из главных причин привлечения тюрок в ряды сторонников первых. И не случайно, что реализация зародившихся в центральных провинциях Халифата идеологических основ антиомейядской борьбы началась и была доведена до конца в восточных провинциях, точнее - на территориях с неарабским, в том числе тюркским, населением, и при его активном участии. В результате начавшегося в 747 году восстания Абу Муслима в Хорасане, в котором, наряду с арабами, участвовали местные народы, в том числе тюрки, была свергнута династия Омейядов, к власти пришли Аббасиды.

Аббасиды и поддерживающие их военно-политические силы знали, что исламизация покоренных народов, с одной стороны, отвечала интересам мусульманского государства. Но с другой, - гегемония арабов нарушала принципы исламского эгалитаризма, вызывая серьезные протесты традиционалистов, особенно новообращенных мусульман. По этой причине среди первых мероприятий Аббасидов было устранение разрыва между идеей и действительностью. Чтобы удержать власть в мусульманской империи новой династии следовало найти пути смягчения опасной для единства общины проблемы.

В результате ее решения переход власти к Аббасидам не стал простой передачей полномочий одной династией другой. Он знаменовал собой поворотный пункт в истории ислама. Арабское государство, каковым по сути был Халифат, превратилось в общемусульманскую империю. Иными словами, место рядом с арабами в административно-управленческой, военно-политической, финансово-экономической, культурной и других сферах жизни Халифата заняли принявшие ислам представители покоренных народов. Появились ранее не принятые в арабском государстве институты власти, заимствованные у завоеванных стран.

Все это стало, по сути, предпосылкой единения арабского и неарабского мира, когда слияния арабов с покоренными народами сделало возможным, чтобы арабы и неарабы, в том числе тюрки, выйдя за рамки своей этнической принадлежности, сравнялись как мусульмане. Результатом их взаимовлияния и взаимообогащения стала единая культура, возникла приемлемая для всех мусульманская цивилизация. Тем более, что в ее создании участвовали представители всех народов, включенных в состав Халифата.

Отметим, что в начальный период правления Аббасидов большим влиянием в Халифате пользовались персы, особенно в управлении государством. Параллельно с персами, росло влияние тюрков, которых использовали больше как военную силу. Сами же арабы постепенно стали отходить на второй план и, удаляясь из военно-политической сферы, вовлекались в науку, торговлю и прочие области. Для быстрого и масштабного развития за очень короткий срок мусульманской культуры это обстоятельство сыграло важную роль.

Халифы, в свою очередь, с первых дней правления, осторожно относились к возвышению новых сил и старались создать между ними определенный баланс равновесия. Убийство Абу Муслима, уничтожение рода Бармакидов, долгое время выполнявших обязанности везиров – события из этого ряда. В период гражданской войны, начатой ал-Мамуном за обладание властью, был нанесен последний и сокрушительный удар персам, когда халиф жестоко обошелся со своим везиром и его сторонниками – все они были персами.

Напряженные отношения халифов с арабской и персидской военно-политическими группировками вывели на первый план третью силу - тюрков. Превращение тюрков в одно из важнейших звеньев Халифата имело далеко идущие последствия. Так как халифам было известно военное искусство тюрков, они привлекали их больше в эту сферу. Очень скоро соотношение в армии изменилось в пользу тюрков, и они стали одной из решающих сил в государстве.

Опыт использования тюркских воинов существовал и ранее, однако отказ Аббасидов от ставшей анахронизмом родоплеменной структуры армии и переход к формированию собственной гвардии показали, что самыми приемлемыми для нее были тюркские воины. Так создались условия возвышения для тюрков. Увеличиваясь численно и живя в специальных лагерях в столице, они достигли не только военных и государственных постов, но превращались также в землевладельцев.

Расширение арабо-тюркских связей привело к тому, что, во-первых, тюрки ближе познакомились с жизнью мусульман не только в центре, но и на своих территориях. Во-вторых, они все больше подвергались влиянию не столько ислама, как религии, сколько вообще мусульманской культуры. В-третьих, приобщение тюрков к мусульманскому культурному миру стало возможным только при условии принятия ислама.

С другой стороны, принятие тюрками ислама, причем на добровольной основе, стало торжеством этой религии. Пограничные мусульманские области теперь имели соседей – единоверцев, а арабы приобрели новых союзников в лице тюрков-мусульман в борьбе с немусульманским миром. В итоге, ислам перестал быть религией единственного народа и войны, превратившись в религию мира и согласия. Поэтому, вследствие расширения отношений с тюрками-мусульманами на Востоке, долгое время не наблюдалось таких знаковых военных операций с соседними государствами, какой была Таласская битва 751 года.

Тюрки-мусульмане обратили свое оружие против тех стран, с которыми арабы имели далеко немирные контакты. По этой причине предотвращение непрерывных столкновений с Византией, строительство крепостей и укреплений на границах и их защита со времен халифа Харуна ар-Рашида поручались тюркам.

Обострение борьбы за власть между сыновьями Харуна ар-Рашида ал-Амином и ал-Мамуном, поиск противоборствующими сторонами надежной опоры дали новый толчок тюркскому возвышению. Назначение их на военные и гражданские должности, большой приток тюрков из Центральной Азии приняли традици-

онный характер. Тюркские военачальники и рядовые воины сыграли исключительную роль в подавлении мятежей, восстаний и социальных движений. Особенно велика оказалась их роль в подавлении народно-освободительной войны под предводительством Бабека.

Сближение Аббасидов с тюрками достигло пика в период халифа ал-Мутасима. Самые высшие посты в армии и государстве заняли тюрки. Они стали наиболее привилегированным сословием в армии. Для них построили город Самарру, куда халиф перенес свою резиденцию.

Тюрки стали играть решающую роль в жизни Халифата, а Самарра на протяжении полувека своей славой достойно выполняла роль столицы Халифата.

Называемый «Самаррским», период истории Халифата был эрой тюркского господства.

Однако, наряду с этим, уже при преемниках ал-Мутасима, особенно при ал-Мутаваккиле, проявилась тенденция ограничения тюркского влияния, предпринимались попытки избавиться от тюркской зависимости. Суть была в том, что тюрки более не ограничивались военной сферой, взяв в свои руки административно-политическую жизнь Халифата. Важную роль в процессе расширения функций тюрков сыграло то, что именно им принадлежала исключительная заслуга в подавлении восстания хуррамитов в Азербайджане, зинджей в Ираке, коптов в Египте, разного рода религиозных и политических выступлений в Халифате. Положение стало таковым, что без тюркского участия и воли не происходило ни одно значительное событие.

Именно на этой почве будущие столкновения халифов с тюрками стали неизбежными и, как правило, приводили к гибели Аббасида, пытавшегося противостоять им. Достаточно указать, что после убийства халифа ал-Мутаваккиля в 861 году за последующие девять лет, до воцарения ал-Мутамида (870 - 892), приведенные к власти четыре халифа умерли насильственной смертью. В общем, возведение и низвержение Аббасидов по желанию тюрков стало традицией политической жизни.

Вместе с тем характерно, что среди них зачастую не было единства в вопросе о кандидате на власть, и противостояние заканчивалось гибелью одной из противоборствующих тюркских группировок. Второй причиной внутритюркских столкновений становилось желание получить высокие должности. В результате, постепенно происходило ослабление тюркской доминанты в Халифате.

Все это позднее стало одной из основных причин упадка политической и военной мощи Халифата. Усилились центробежные тенденции и политический сепаратизм, хотя потери территорий происходили и ранее. Так, с приходом к власти Аббасидов была утрачена Андалузия. При одном из самых влиятельных халифов – Харуне ар-Рашиде Аглабиды признавали его власть номинально. Со времен ал-Мамуна в Хорасане практически независимо правили Тахириды. Таким образом, падение престижа власти, как явление, началось до Самаррского периода, то есть до возвышения тюрков.

Уместно отметить, что за полувековой Самаррский период каких-либо коренных изменений в Халифате не наблюдалось. Даже власть Саффаридов на восточных окраинах Халифата к концу этого периода оказалась эфемерной. Несмотря на самостоятельную политику Ахмада ибн Тулуна в Египте, против него не предпринималось каких-либо крупных военных акций, и Египет на какое-то время оказался оторванным от Халифата.

В целом, Самаррский период можно охарактеризовать не как способствующий дезинтеграции государства и власти халифов, а, скорее, как содействующий сохранению в нем существующего порядка.

Тюрки в этом были заинтересованы и прилагали старания для сохранения существующего статус-кво. Их роль и заслуги были исключительными.

Несмотря на негативные порой отношения с халифами, даже подчас открытую вражду, тюрки были верны своему профессиональному долгу, охраняя интересы государства и предотвращая направленные против Аббасидов опасности.

Характерно также, что в Самаррский период тюрки, возвысившиеся в политико-административной и военной сферах, не стремились ограничить власть халифа. Государственный строй и государственные институты, сильно изменившиеся с приходом к власти Аббасидов, реконструкция которых завершилась до перевода столицы в Самарру, так и остались неизменными.

Однако, сосредоточившие в своих руках самые важные командные посты в армии, тюрки были в состоянии провести некоторые новшества в военном деле, в тактике ведения войны.

Но именно в то время, когда тюрки достигли пика своего влияния в Халифате, недовольство ими в обществе вышло наружу. Их начали рассматривать как дестабилизирующий элемент. Усиление самоуправства наместников и чиновников по причине ослабления центральной власти также сыграло свою роль. При поддержке халифов начали активизироваться арабские и магрибские военачальники и их отряды. Аббасиды видели в них альтернативу тюркам, верили в возможность выйти из-под тюркского влияния с их помощью.

Возвращение резиденции халифа в 890 году из Самарры в Багдад также произошло по этой причине. Одним словом, объединение всех недовольных на антитюркской основе ослабляло и суживало возможности тюрков.

Парадоксально, но последствия этого были пагубны более всего для центральной власти, политическая и военная сила Халифата стремительно слабела. Центробежные тенденции усилились. Наместники превращали свою власть в наследственную. К концу IX - началу X веков Халифат потерял не только прежнюю военно-политическую и экономическую силу, но и территориальную целостность, превратился в слабое и раздробленное государство, в котором усилился процесс упадка.

Халифы предприняли попытку предотвратить грядущие неприятности. С этой целью, наряду с использованием в основном тюркской военной силы, они обращались к помощи и поддержке других социальных, конфессиональных и этнических групп общества. В этой связи особо должна быть отмечена возросшая ак-

тивность гражданской бюрократии. Она состояла из арабов, тюрок, персов, в том числе персидских военных, а также шиитов.

Однако, экономические трудности, социальные выступления, политический сепаратизм, борьба между группировками - все это не давало возможности спасти халифат. Уже к 924 году власть Аббасидов существенно поколебалась. Созданные для спасения ситуации должности шихна и амир ал-умара вместо того, чтобы помочь халифам, лишь подогрели борьбу отдельных группировок за реальную власть.

Политический распад Халифата стал неизбежен. Среди признаков этого: гражданское управление в Багдаде тюркского военачальника Ибн Раига, образование государства тюркской по происхождению династией Ихшидидов в Египте и Сирии, независимость арабов Хамданидов в Мосуле и ал-Джазире, самостоятельное правление владетельных персов-дейлемитов Буидов в Иране и Ираке.

Все это - символические показатели этнополитической борьбы, открыто и подспудно шедшей в Халифате долгие годы. Халифы же чисто формально распространяли свои права на Багдад и столичную провинцию. После захвата в 945 году Буидами Багдада, в чем сыграло немалую роль желание самого халифа избавиться от тюрок, Аббасиды полностью лишились политических прав и были сохранены в качестве религиозных лидеров.

Таким образом, пришел конец гегемонии арабов как носителей политической власти в Халифате. Это означало и ликвидацию военно-политического могущества и влияния тюрок.

Ситуацией воспользовалась третья сила - персы, и до появления в Багдаде новых тюрок - сельджуков в 1055 году столица Халифата оставалась под властью Буидов.

Однако это не означало, что тюрки утратили возможности ведущего элемента господствующего сословия мусульманского общества. Хотя тюрки как военно-политическая сила и ослабли в Багдаде и столичной провинции, но в других провинциях их значение, как военных, сохранялось. В качестве примера можно указать Ихшидидов.

Конец военно-политического влияния тюрков в центре и в государственных структурах номинально существующего Халифата вовсе не означал, что их влияние на судьбы мусульманского мира свелось на нет. Они сохранили свой военный престиж и место в ряде арабских стран, где добивались больших чинов и положений. Из их среды вышли выдающиеся деятели мусульманской культуры, например ал-Фараби.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что возникновение, развитие и расширение взаимосвязей с мусульманами-арабами усилили и ускорили процесс исламизации тюрков, усвоения ими мусульманской культуры. Важным периодом в этом стал X век. Тогда пассионарность тюрков-мусульман возросла в крайне степени, они превратились в самый могущественный народ Передней Азии. Тюрки составили здесь наиболее многочисленную и политически господствующую общность.

Позднее сельджуки заполнили тот вакуум, который образовался в мусульманском мире после распада Халифата. Приспосабливая свои традиции и институты к требованиям мусульманской цивилизации, они проявили себя как строители империи. Они обладали конструктивным чувством государственного управления, вносили свой позитивный вклад в историю. По мере того, как прежний мусульманский мир совершал переход к новому этапу социального и экономического, религиозного и интеллектуального прогресса, менялось все, менялись и сами тюрки.

Возвращаясь непосредственно к проблеме нашего исследования, отметим также следующее.

Взаимоотношения арабов и тюрков имеют многовековые, многоплановые и многовекторные традиции. Они проявлялись по-разному: в военной и политической, в экономической и культурной, торговой и идеологической, конфессиональной, гражданской и общественной, социальной сферах.

Взаимоотношения арабского и тюркского миров известны с раннего средневековья. Продолжаются они по сей день. Их перманентный характер объясняется многими причинами объективного и субъективного характера, а также тем общим и особенным, чем известен и богат как арабский, так и тюркский мир.

Вместе с тем одно неизменно: взаимоотношения арабов и тюрков были следствием развития как арабского, так и тюркского общества, этих двух огромных миров, каждый из которых имеет свои особенности, специфику, оригинальность и неповторимость.

Однако имеется нечто общее, что объединяет их - это влияние, которое как арабы, так и тюрки оказали на развитие мировой истории, на ход событий на Евразийском континенте.

Взаимоотношения тюрков и арабов можно представить исторически в виде нескольких периодов. В связи с нашим исследованием мы остановимся на тех из них, что относятся к эпохе раннего средневековья.

Каждый из них характерен только ему присущими чертами. Вместе с тем есть то общее, что объединяет. Это - существование континуитета и зоны синтезного развития. Причем обе составляющие присущи были как каждому из миров - арабскому и тюркскому - в отдельности, так и обоим вместе. Это также симптоматично и свидетельствует об очень важном. Хотя арабы и тюрки развивались вначале каждые по своему пути, впоследствии они не просто сошлись, они скрестились. И столь важным фактором в таком необычном симбиозе стал ислам.

Итак, первый период - эпоха доисламских арабов. Тогда контакты с тюрками носили спорадический характер, во-первых, потому, что арабы еще не были объединены общей религией и не вышли за пределы Аравийского полуострова.

Во-вторых, потому, что тюрки пока еще не заявили громко о себе на большой исторической арене, и их активность не достигла Аравийского полуострова. Однако, во всяком случае, сравнительно с арабами, тюрки уже были известны в Европе: в V веке Атила дошел до Каталаунских полей во Франкском королевстве.

Второй период характерен прямыми контактами, когда арабы-мусульмане стали привлекать тюрков на службу в качестве военных наемников. Так продолжалось до тех пор, пока арабы располагали достаточным количеством собственных вооруженных сил и пока они не завязли на бескрайних просторах Центральной Азии, где им пришлось скрестить оружие с Поднебесной империей.

Картина резко изменилась, как только Арабский халифат, явно утратил военно-политическую мощь. Тогда, и это - третий период, - роль тюрок в первом мусульманском государстве начала возрастать. Теперь их привлекали не только в военные, но и в другие структуры Арабского халифата: административно-управленческие. Они появились при дворе Аббасидов, ведали жизнью дворцы халифа, стали наместниками в наиболее важных и богатых провинциях, известны были среди везиров; специально для тюрок создали должность амир ал-умара.

Однозначно можно констатировать, что чем дальше, тем все более отчетливо прорисовывалась эволюция Арабского халифата, связанная не столько с арабским или каким-либо иным этносом, сколько с тюркским. С увеличением его территории, ростом численности мусульман-неарабов это государство превращалось из Халифата арабов в общемусульманское полиэтничное государство, тон в котором, начиная с середины VIII века, задавали тюрки.

Среди веских доказательств - история взаимоотношений арабов и тюрок, что и продемонстрировано в нашем исследовании. На одном из уровней - начальном - можно говорить о военных контактах. Сперва - враждебных, так как началось арабское завоевание Центральной Азии. Затем фаза столкновений на полях сражений трансформировалась в постоянные отношения, большей частью позитивные, но пока еще военные.

Но когда арабы обосновались в Центральной Азии, взаимоотношения с тюрками четко проявились в двух аспектах. Первый - мирные контакты, второй - военные столкновения. Однако преобладали первые. Но оба аспекта перемежались в зависимости от того, какая сторона в определенное время и на конкретной территории Центральной Азии располагала военным превосходством. И еще одно - какая сторона получала поддержку местного населения, в немалой мере тюркского.

Подобный «перелив», взлеты и провалы во взаимоотношениях, в конечном итоге, оставались в Центральной Азии за тюрками. Главная причина этого - их военное мастерство и численное превосходство.

Но на этом «перелив» не остановился. Постепенно он охватил всю территорию, считавшуюся подвластной Аббасидам. Так тюрки появились в центральных провинциях Халифата, их усиление и влияние обрело столь значительный характер, что даже столица была перенесена из Багдада, где обосновалась арабская элита, в Самарру – в город, который можно было бы считать «тюркским».

Так для арабов наступил финал единоличного господства в мусульманском мире. Арабские племена перестали быть основным источником, поставляющим военных, чиновников, сановников. Арабы отошли как бы на второй план, хотя престиж этого этноса, как носителя языка Корана, оставался недостижимым.

То, что известно из источников и позволило нам обрисовать «путь наверх» тюрков в Арабском халифате. Их появление, влияние, роль, значение в военно-политической и административно-гражданской структурах первого мусульманского государства последовательно рассмотрены нами с середины VIII по середину X веков. И это дает нам основание прийти к следующим важным и главным выводам.

Первое в истории мусульманское государство было создано без участия тюрков. Да и другие этносы, кроме арабов, не имеют в этом особых заслуг. Однако, с середины VIII века тюркский этнос стал такой же неотъемлемой частью Арабского халифата, как сами арабы, халифы. И с этого времени трансформация Халифата стала не только заметной, но и оказалась связанной с тюрками. Этот процесс происходил в значительной мере не под влиянием арабского этноса-гегемона, который все больше утрачивал свои позиции, но под тюркским влиянием и с непосредственным в нем участием самих тюрков: от столицы до самой отдаленной провинции, от дворца халифа до самого заштатного города.

Возрастание и расширение роли тюрков стали показателем степени и уровня эволюции обеих составляющих: как Халифата, так и тюркского этноса. Это касалось всех сторон жизни государства, созданного преемниками Пророка Мухаммада: военной, политической, административной, династийной, территориальной,

этнической. Это был процесс, по историческим меркам, быстрый, и он привел к сращиванию тюркского и арабского компонентов в рамках одного и того же государства. Процесс зашел столь далеко, что можно говорить, хотя бы условно, об арабо-тюркском государстве, начиная с середины VIII века. Во всяком случае, источники, причем, в первую очередь арабские, свидетельствуют о роли тюрков: сперва в военной системе Халифата, затем - в политической, а потом – во всех жизненно важных государственных сферах.

В целом, взаимоотношения тюркского этноса с арабами, конкретно - роль и место тюрков в военно-политической системе Арабского халифата в период с середины VIII по середину X веков свидетельствует о многом.

Во-первых, о месте, которое занимали тюрки в структуре первого мусульманского государства.

Во-вторых, о том, что тюрки, по сравнению с арабами, были более опытными в ратном деле. В ином случае Халифат не стал бы привлекать их на военную службу и выдвигать на первые роли тюркских военачальников. К месту отметить, что именно с тюрками связано появление в структуре управления Халифатом, как минимум, двух институтов: генерал-губернаторов, когда наместник одновременно был военачальником во вверенной ему провинции; институт амир ал-умара, которые стали фактически «тенью государя», если не заменяли его.

В-третьих, судя по свидетельствам современников, «ресурс власти» самих арабов иссякал. Нужна была замена, и особой роли не играло, придут ли на помощь «завоевателям мира» «неверные» или мавали. Важно было сохранить статус-кво, любой доступной ценой. Наиболее подходящими оказались тюрки, тем более, что арабский мир знал их еще доисламских времен, а уже под зеленым знаменем Пророка с ними познакомились в Центральной Азии накоротке. Тюркский этнос, как надежная военная сила, вполне устраивал халифов.

В-четвертых, именно через армию тюрки сумели проявить себя в Халифате и занять при Аббасидах высокие посты как в ар-

мии, так и в политической системе арабского государства. Вместе с тем такая метаморфоза есть показатель роли и влияния армии, то есть военной составляющей, на мусульманское общество, на его административно-гражданскую структуру. Тем легче оказался процесс перехода тюрок с военной службы в Халифате на невоенную, а также их сочетание. Иначе говоря, не займи тюрки важное место в армии Аббасидов, вряд ли они смогли проявить себя на службе династии и заняли бы те высоты, на которых они оказались в своем «пути наверх».

Во всяком случае, правление почти каждого из халифов Аббасидов в исследуемый нами период являло собой очередной этап возвышения тюркского этноса в военно-политической системе Арабского государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

На арабском языке

1. ابن الأثير ، عز الدين أبو حسين ابن الكريم محمد، الكامل في التاريخ ، الأجزاء ٣،٥ ، بيروت ، ١٩٦٥-١٩٦٨.
2. الاصطخرى ، ابراهيم بن محمد ، كتاب المسالك و المعاليك ، ليدان ، ١٩٢٧.
3. الإسفهانى، ابو الفرج علي بن حسين ، كتاب الاغانى ، الجزء ٣، بلاق، القاهرة ١٣٨٥ .
4. الإسفهانى، ابو الفراج علي بن حسين ، مقاتل الطليبين ، القاهرة ، ١٩٤٩.
5. البخارى ، محمد بن اسمعيل ، صحاح الألبخارى ، الجزء الرابع ، مكة المكرمة ، ١٣٧٢.
6. البلاترى ، احمد بن يحيى بن جابر ، انصاب الاشراف ، لقاهرة ، ١٩٥٩ .
7. البلاترى ، احمد بن يحيى بن جابر، كتاب فتوح البلدان ، ليدان ، ١٨٦٦ .
8. البلاترى ، احمد بن يحيى بن جابر ، كتاب فتوح البلدان ، القاهرة ، ١٩٥٧.
9. البحرى ، عمر ، ديوان البحرى ، القاهرة ، ١٩٦٣.
10. ابن تغرى بردى ، جمال الدين ابو المحاسن ، النجوم الزاهرة في ملوك مصر و القاهرة ، الأجزاء ١-٣، القاهرة ، ١٣٤٨ - ١٣٧٤.
11. ابن الجوزى عبد الرحمن بن علي ، المنتظم في تاريخ الملوك و الامم ، الجزء الثانى ، حيدر أباد ، ١٣٧٤ .
12. الجاحظ ، ابو عثمان عمر بن بحر ، رسالة إلى فتح بن خكان في مناقب للترك و عمه الجنود الخلفاء ، الأجزاء ١-٢، القاهرة ، ١٩٦٤.
13. الجهشيارى ، ابو عبد الله محمد بن عبد ، كتاب الوزراء و الكتاب ، القاهرة ، ١٩٣٧.
14. ابن حوقل ، ابو القاسم ، كتاب صورة الارفى ، ليدن-ليبزيك ، ١٩٣٨ - ١٩٣٩.
15. ابن خرداد به ، ابو القاسم عبيد الله ، كتاب المسالك و المعاليك ، الجزء السادس ، ليدان ، ١٨٨٩.

16. ابن خلكان ، شمس الدين احمد ، كتاب وفيات الاعيان و انباء الزمن ، القاهرة ، ١٩٤٨ .
17. الدينورى ، ابو حنيفة احمد ، كتاب الاخبار الطوال ، لندن ، ١٩٨٨ .
18. الصابي ، ابو حسين الهلال بن المحسن ، كتاب تحقيق الامراء في تاريخ الوزراء ، بيروت ، ١٩٠٤ .
19. الصولي ، ابو بكر محمد بن يحيى ، اخبار الراضى و المتقى في كتاب الاوراق ، الجزآن الاول و الثاني ، بيروت ، ١٩٧٢ .
20. ابن طباطبأ ، محمد بن علي بن الطقطقى ، تاريخ الدول الاسلامية ، بيروت ، ١٩٦٠ .
21. الطبرى ، محمد بن جرير ، تاريخ الرسول والملوك ، القاهرة ، دار المعارف ، الاجزاء ١٠، ٧، ٥ ، القاهرة ، ١٩٦٩ - ١٩٧٠ .
22. الطبرى ، محمد بن جرير ، تاريخ الرسول و الملوك ، ليدان ، الاجزاء ١ - ٣ ، لندن ، ١٨٧٩ - ١٩٠١ .
23. ابن طوفير ، ابو الفضل ، كتاب بخداد ، القاهرة ، ١٩٤٩ .
24. السيوطى ، جلال الدين عبد الرحمن ابن ابي بكر ، تاريخ الخلفاء و الامراء المعزمنين ، الجزء الثاني ، مصر ، ١٩٥٢ .
25. السيوطى جلال الدين عبد الرحمن ابن ابي بكر ، تقوى المخاليس و نزهة المجالس ، مصر ، ١٣٢١ .
26. ابن سعيد ، السفر الرابع في كتاب المغرب في حال المغرب ، لندن ، ١٨٩٩ .
27. ابن الحليم ، كمال الدين ابن قاسم عمرو ابن احمد ، زبدة الحطب من تاريخ الحطب ، الجزء الاول ، دمشق ، ١٩١٥ .
28. ابو احمد بن محمد ابن عبد ربه ، كتاب العقد الفريد ، الاجزاء الاول و الثاني و الخامس ، القاهرة ، ١٩٤٧ - ١٩٥٣ .
29. ابن عثم ، ابو محمد احمد الكوفى ، كتاب الفتح (ترجمة احمد بن محمد مستوفي) ، الجزء الثاني ، بمبي ، ١٣٠٥ .

30. الفقيه ، ابن ابي بكر احمد بن محمد ، كتاب البلدان ، باريس ، ١٨٨٥ .
31. ابو الفداء ، إسماعيل ابن علي ، تقويم البلدان ، الجزء الأول ، باريس ، ١٩٤٠ .
32. ابو الفداء ، إسماعيل ابن علي ، المختصر في اخبار البشر ، باريس ، ١٨٤٠ .
33. قدامة بن جعفر ، الخرج و الصناعة ، بغداد ، ١٩٨١ .
34. للقشندى ، ابو العباس احمد بن علي ، كتاب صبح العرش في صناعة الاثشاء الجزء ١٤ ، القاهرة ، ١٩٢٢ .
35. قتيبة ، ابن ابي محمد عبد الله بن ميمون كتاب المعارف ، مصر ، ١٩٦٩ .
36. ابن كثير ، عماد الدين ابي الفداء إسماعيل بن عمرو القرشي ، البداية و النهاية في التاريخ ، الاجزاء ٩ - ١١ ، مصر ، ١٩٧٦ .
37. الكندي ، ابو عمرو محمد بن يوسف ، كتاب الولاة و القضاة ، لندن .
38. المسعودي ، ابو حسن علي بن حسين ، كتاب التنبية و الاشراف ، ١٨٩٤ .
39. للمسودي ، ابو حسن علي بن حسين ، مروج الذهب و معادن الجواهر ، الاجزاء الثاني و الرابع و السادس و السابع و الثامن ، باريس ، ١٨٦١ - ١٨٧٧ .
40. المقرئ بن عتي الدين احمد بن علي ، مواضع الاعتبار في ذكر الخطوط و الآثار ، الجزآن الاول و الثالث ، بيروت ، دت .
41. المقدسي ، مطهر ابن طاهر ، كتاب البدء في التاريخ ، الاجزاء الرابع و الخامس و السادس ، باريس ، ١٩١٩ .
42. المقدسي ، شمس الدين ابو عبد الله محمد بن ابي بكر ، كتاب احسن التقاسيم في معرفة الاقاليم ، الجزء الثالث ، لندن ، ١٩٠٦ .
43. ابن مسكويه ، ابو علي احمد ، تجارب الامم و تعاقب الهمم ، الاجزاء الخامس و السابع و الثامن عشر ، لندن ، ١٩٧١ .

44. ابن مسلم الحجاج ، صحاح المسلم ، بيروت ، ١٩٧٢ .
45. نرشخي ، ابو بكر محمد ، تاريخ بخارى ، مصر ، ١٩٦٥ (عربه عن الفارسية و قدم له الدكتور امين المجيد بدوى) .
46. ابن نديم ، ابو بكر محمد ، الفهرست ، بيروت ، ١٩٦٤ .
47. اليعقوبي ، احمد بن ابي يعقوب ، كتاب البلدان ، لندن ، الجزء الثاني ، ١٨٩٢ .
48. اليعقوبي ، احمد بن ابي يعقوب ، للتاريخ ، القاهرة ، ١٩٦٠ .
49. ياقوت ، شهاب الدين ابن عبد الله الرومى الحموى ، ارشاد العريب إلى معرفة الاديب ، الاجزاء ١،٣،٥،٧ ، بلين ، ١٩٠٧ - ١٩٣١ .
50. ياقوت ، شهاب الدين ابن عبد الله الرومى الحموى ، كتاب المعجم البلدان ، الجزء الاول ، بيروت ، ١٩٥٥ - ١٩٥٧ .

На западноевропейских языках

51. Balami. Chronique d' Abou Djafar Mohammed Ben Yezid Tabari – traduit sur la persan d' Abou Ali Mohammed Balami. par. M. Zotenberg. Paris, 1958.

На русском языке

52. Ибн Асам Абу Мухаммад Ахмад. Книга завоеваний (извлечение по истории Азербайджана VII-IX вв.). Перевод с арабского ак. З. Буниатова. Баку. Элм. 1981.
53. История Табари (перевод и редакция Е. Беляева). Ташкент. 1987.

54. Ал-Исфгани Абуль Фарадж. Книга песен. Перевод с арабского А.Халидова, Б.Шидфар. Москва. Наука. 1980.
55. Наршахи М. История Бухары. Перевод с персидского А.Лыкошина под ред. В.Бартольда. Ташкент. 1897.
56. Сийасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулка. Перевод с персидского Б.Заходера. Москва. Наука. 1949.
57. Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан. (Введение, перевод с арабского, комментарии А.Жамкочяна). Ереван. 1979.
58. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи дворца халифов. (Перевод с арабского, предисловие и примечания И.Михайловой). Москва. Наука. 1983.
59. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. (Перевод с арабского, исследования, указатели и карты Н.Велихановой.) Баку. Элм. 1986.

ЛИТЕРАТУРА

На арабском языке

60. امين احمد ، ضحى الاسلام ، الاجزاء ١-٣ ، القاهرة ، ١٩٥٢ .
61. امين احمد ، ظهر الاسلام ، الاجزاء ١-٤ ، القاهرة ، ١٩٥٥-١٩٥٦ .
62. امين احمد ، فجر الاسلام ، القاهرة ، ١٩٥٦ .
63. البشى حسين ، الاكباة الاسلامية في التاريخ و الوثائق و الاثار ، القاهرة ، ١٩٥٧ .
64. جواد مصطفى ، تاريخ الترك في بغداد ، مجلة الدليل ، العدد الثالث ، ص ٥٩-٦٤ ، العدد الخامس ، ص ٢٧٩-٢٨٤ ، نجف ، ١٩٥٦ .
65. الجومرد عبد الجبار ، ابو جعفر المنصور ، بيروت ، ١٩٦٣ .

66. حسن إبراهيم حسن ، التاريخ الاسلام السياسي و الثقافي و الاجتماعي ، الجزء الثاني ، القاهرة ، ١٩٥٨ .
67. الخضر بك شيخ محمد ، محاضرات تاريخ الامة الاسلامية في الدولة العباسية ، مصر ، ١٩٧٨ .
68. الخضر بك شيخ محمد ، محاضرات تاريخ الامة الاسلامية ، القاهرة ، ١٣٦٠ هـ .
69. لخطاب محمود ، فتح بلاد فارس (إيران) ، بيروت ، ١٩٧٤ .
70. للدوري ، عبد العزيز ، تاريخ الاقتصاد في القرن الرابع للهجرة ، بغداد ، ١٩٤٨ .
71. الدوري عبد العزيز ، اخبار الدولة العباسية ، بيروت ، ١٩٧٣ .
72. للدوري عبد العزيز ، عصر العباسيين الاول . دراسات في التاريخ السياسي و العلمي ، بغداد ، ١٩٤٤ .
73. رحمة الله مليحة ، الحالة الاجتماعية في العراق في القرنين الثامن و الرابع الهجري ، بغداد ، ١٩٧٠ .
74. رحمة الله مليحة ، معاملة اهل النخبة في العصرين الاموي و العباسي ، بغداد ، ١٩٦٣ .
75. رفاعي احمد فريد ، عصر المأمون ، القاهرة ، ١٩٢٧ .
76. رشدي علوان ، الاسلام و الخلافة ، بغداد ، ١٩٧٥ .
77. زيدان جرجي ، تاريخ التمدن الاسلامي ، الاجزاء ١-٣ ، مصر ، ١٩٦٧ .
78. الصفدي خليل ابن ابيбак ، إمارة دمشق في الاسلام ، دمشق ، ١٩٥٥ .
79. طلس محمد اسد ، تاريخ الامة العربية ، بيروت ، ١٩٧٠ .
80. فاروق عمر ، الخلافة العباسية في عصر الفوضى العسكرية ، بغداد ، ١٩٧٤ .
81. فاروق عمر ، العباسيون الاول ، بيروت ، ١٩٧٦ .
82. فاروق عمر ، نظرة جديدة إلى علاقة الترك بالخلافة العباسية ، مجلة المكتبة ، رقم ٦٥٠ ، بغداد ، ١٩٦٨ .
83. محمد حلمي محمد احمد ، الخلافة للدولة في العصر العباسي ، القاهرة ، ١٩٥٩ .
84. لبيوزبكي توفيق سليمان ، الوزارة ، نشأتها و تطورها في الدولة العباسية ، الموصل ، ١٩٧٦ .

На турецком языке

85. Abbas Arravi ibni Hassülün türkler hakkında bir eseri-Türkçeye çeviren S.Yalınkaya- Türk tarih kurumu belleteni. Ankara, ç.IV, s.235-267, 1940.
86. Danişmend İ.H. Türk ırkı niçin müslüman olmuştur. İstanbul. 1959
87. Elçivey E. Tolonoğulları devleti. İstanbul. 1997
88. Günalray Ş. Abbas oğulları imparatorluğunun kuruluş ve yükselişinde türklerin rolü-Türk tarih kurumu belleteni. Ankara, №6, s.177-205, 1942.
89. Kirabçi Z. Hz. Peygamber hadislerinde türk varlığı. Türk dünyası araştırmaları vakfı. İstanbul. 1989.
90. Kirabçi Z. Orta doğuda türk askeri varlığının ilk zuhuru. Türk dünyası araştırmaları vakfı. İstanbul. 1987
91. Kirabçi Z. Emeviler devrinde Orta Asya mahalli türk hükümdar ve aristokratları arasında islamiyyetin yiyelenmesi.-V millerler arası türkoloji kongresi. İstanbul. ç.IV, s.359-376, 1985.
92. Kirabçi Z. Emeviler devrinde Orta Asya mahalli türk hükümdar ve aristokratları arasında islamiyyetin yayılışı.-V Turkoloji kongresi-İstanbul. 1985 №23, s.359-376
93. Kurat A.N. Kuteybe bin Muslimin Harezmi ve Semerkendin zabtı.-Ankara Üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi. Ankara. 1948, c.6, s.385-430.
94. Liu En-Lin. Talas seferi hakkında yapılan bir incileme. VIII Türk tarih kongresi. Ankara, ç.I, s.414-420, 1972.
95. Merçil Erdoğan. Müslüman türk devletleri tarihi. Ankara. Türk tarih kurumu. 1991.
96. Sayılı A. ve Fraye R. Selçuklardan evvel orta şarkta türkler.- Belleten, N37, s.97-131. Ankara. 1946.
97. Sevim A. Yüsel Y. Türkiye tarihi. I Ferihlerden Osmanlılara kadar. 1018-1300. Ankara. 1990.
98. Şeşen R. Eski araplara göre türkler.- Türkiyet mecmuasi-c.XV, İstanbul. s.11-36, 1969.

99.Şeşen R. Hilafet ordusunun menkıbeleri ve türklerin faziletleri. –yaz. Ebu Osman Amr b.Bahr al-Cahiz, çev. R.Şeşen. Ankara.1967.

100.Togan A.Zeki. Ümumi türk tarihine giriş. İstanbul.c.I.1970

101.Togan Z.B. İbn al-Fakihin türklere ait haberleri.-Türk tarih kurumunun Belleteri. Ankara. №45, s.11-116, 1948.

102.Turan O.Selcuklar tarihi ve türk islam medeniyeti.Ankara.1965

103.Yıldız H.D. İslamiyet ve türkler. İstanbul.1976.

104.Yıldız H.D.Abbasiler devrinde türk kumandanları: el-Afşin Haydar b.Kabus.-Tarih enstitüsü dergisi. № 4-5,İstanbul. s.1-22.1974

105.Yıldız H.D. Abbasiler devrinde türk kumandanları: İnak et-Türki.-Tarih enstitüsü dergisi, c.II, ç.51-58, 1971.

На азербайджанском языке

106.Vəlixanova N.M.Ərəb xilafəti və Azərbaycan. Bakı.Elm.1993

107.Vəlixanlı N.M.,Bunyadov Z.M.Babəkin başçılığı altında xalq azadlıq müharibəsi.-Azərbaycan tarixi. c.II, Bakı Elm. s.241-60. 1998

108.Əliyev Ə.Q. Əhməd ibn Tulun və Tulunilər dövlətinin yaranması.ADU-nin "Elmi əsərləri". Tarix və fəlsəfə seriyası. №5, s.96-105.1967.

109. İsmayılov R.İ. Əliyev Ə.Q. Abbasilər xilafətinin parçalanması və feodal dövlətlərin yaranmasına dair. Az.EA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası.№3-4, s.55-62.1971

110.İsmayılov R.İ. X əsrin birinci yarısında Abbasilər xilafətinin vəziyyətinə dair. ADU-nin "Elmi əsərləri". Tarix və fəlsəfə seriyası. №6.s.74-80.1975.

На русском языке

111. Абаев В.И. Среднеазиатский политический термин “афшин” - Вестник Древней Истории. Москва. Изд-во АН СССР 1959 №2 с.112-116
112. Агаева Э.Р. Секта азракитов. Баку. Элм. 1984.
113. Алиев А.А. Иран и Ирак. История и современность. Изд-во МГУ. Москва. 2000
114. Алиев А.Г. Государство Тулунидов. автореф. канд. дисс. Баку. 1969
115. Али-заде Э.Э. Восстание зинджей в Аббасидском халифате (868-883). Баку. Элм. 1985
116. Аравийская старина. Москва. Наука. 1983
117. Артамонов М.И. История хазар. Ленинград. Наука. 1965.
118. Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку. Элм. 1993
119. Асадов Ф.М. Доходы халифата с Савада в VII-нач. X века. - Народы Азии и Африки- №1, с.55-65, Москва. Издательство восточной литературы. 1987
120. Асадов Ф.М. Социальное положение тюркских гвардейцев в халифате Аббасидов 8-10 вв. - Средневековый Восток - Баку. Элм. с.51-61. 1993
121. Асадов Ф.М. Численность тюркской гвардии Аббасидов IX-X вв. - Проблемы зарубежного Востока-Баку. Элм. с.125-139. 1988.
122. Асадов Ф.М. Армия в социально-экономической системе халифата в VIII-нач. X веков. автореф. канд. дисс. Ленинград. 1987
123. Ахундова Н.Ч. Формирование этнического многообразия военно-политической элиты в Аббасидском халифате. (VIII -1 пол. X вв.)-Средневековый Восток-Баку. Элм. с.62-81. 1993.
124. Бартольд В. В. Бармакиды. Собрание сочинений. т. VI. 206-297. Москва. Наука. 1966
125. Бартольд В.В. Ислам. Собрание сочинений. т. VI. с.79-139 Москва. Наука. 1966.
126. Бартольд В.В. К истории арабских завоеваний Средней Азии. Собрание сочинений. т. II, часть II. с.54-297. Москва. Наука. 1964.

- 127.Бартольд В.В. Мусульманский мир. Собрание сочинений. т. VI. с. 206-297. Москва. Наука.1966.
- 128.Бартольд В.В. Рецензия на книгу А.А.Васильева “Лекции по истории Византии”. Собрание сочинений. т. I.с.575-594.Москва. Наука. 1966.
- 129.Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Собрание сочинений. т. I.с.45-697.Москва.Наука.1966
- 130.Бартольд В.В.Афшин. Собрание сочинений. т. II.с.497.Москва. Наука.1966
- 131.Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Собрание сочинений. Т. V. Москва. Наука. 1968.
- 132.Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. Москва. Издательство восточной литературы .1965
- 133.Большаков О.Г. К истории Таласской битвы-Страны и народы Востока-вып.22, кн.2, с. 132-136.Москва. Наука. 1980.
- 134.Большаков О.Г. История халифата. т. I.Ислам в Аравии 570-633 Москва. Наука 1989.
- 135.Большаков О.Г. История халифата. т. II. Эпоха великих завоеваний 633-656.Москва. Наука.1993.
- 136.Большаков О.Г. История халифата. т. III. Между двух гражданских войн 656-696.Москва. Восточная литература. 1998.
- 137.Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII-сер. XI вв. Москва. Наука. 1984.
- 138.Большаков О.Г. Хронология восстания Муканны. –История и культура народов Средней Азии- с.90-98. Москва. Наука.1976.
- 139.Босфорт К.Э. Мусульманские династии. Москва. Наука.1971.
- 140.Босфорт К.Э. Нашествие варваров в мусульманском мире. - Мусульманский мир(950-1150). Москва.Наука.1971.
- 141.Буниатов Дж.З. Восстание карматов.Баку.Элм.1988.
- 142.Буниатов З.М. Азербайджан VII-IX вв.Баку.Элм1965.
- 143.Буниатов З.М. Начало господства тюрок в халифате Аббасидов (830-870). Известия АН Аз.ССР (серия история, философия и права)№1,с.51-58.Баку.1969.

- 144.Буниатов З.М. Новый арабский источник по истории Азербайджана IX в.- Известия АН Аз. ССР (серия история, философия и права) №2, с.85-92 Баку.1968.
- 145.Буниатов З.М. О названии “Менгежур” Доклады АН Аз. ССР.№2, с.179-182. 1959/
- 146.Васильев А.А. Византия и арабы. т.I-II. Санкт Петербург.1907.
- 147.Велиханова Н.М. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабских завоеваний. – Историческая география Азербайджана-с.46-87.Баку. Элм.1987.
- 148.Велиханова Н.М. Об административно-территориальном устройстве Савада Ирака (VIII-IX вв.)- Проблемы зарубежного Востока: история и современность.с.83-110. Баку. Элм.1988.
- 149.Велиханова Н.М. Арабский халифат и Азербайджан (по сочинению Ибн Хордадбеха и других представителей арабской географической литературы)-автореф. док. дисс. Баку.1994.
- 150.Велиханова Н.М. Сведения арабских географов-путешественников об Азербайджане.Баку.Элм.1968.
- 151.Волин С.Л. Извлечения из “Китаб футух ал-булдан” ал-Балазури-Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва - Ленинград. Известия АН СССР. т.I .с.62-78.1964.
- 152.Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежного района. - Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР. 1960.
- 153.Вопросы истории и культуры на Ближнем Востоке. Ленинград. Наука.1971.
- 154.Восточное историческое исследование и специальные исторические дисциплины. Вып.5.Москва.1997.
- 155.Гоибов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию (644-704).Душанбе. 1989.
- 156.Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах : история и современность. Москва. Восточная литература. 1984.
- 157.Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории (600-1258).Москва. Наука. 1988.

- 158.Грязневич П.А. Предисловие и краткое содержание истории халифов анонимного автора IX века.с.10-34. Москва. Наука.1967.
- 159.Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Москва.1967
- 160.Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV веке.- Вестник древней истории. №1, с.129-140. Изд-во АН СССР.Москва.1959.
- 161.Джалилов А. Борьба народов Средней Азии против арабских завоевателей.- История таджикского народа.т.2. с.93-128.Москва .Наука.1964.
- 162.Ермаков Д.В. Хадисы и хадисная литература. Москва. Наука.1991.
- 163.Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках.- Тюркологический сборник- с.194-201 Москва. 1966.
- 164.Заходер Б.Н. История восточного средневековья. Москва. Восточная литература. 1944.
- 165.Исмаилов Р.И. Восстание 829\32 гг. в Египте - Известия АН Аз.ССР. Серия "история, философия и право" №3, с.43-49. Баку.1990.
- 166.Исмаилов Р.И. Государство Ихшидидов. автореф. канд. дисс. Баку.1971.
- 167.История Востока. Т.1. изд-во "Восточная Литература" РАН. Москва.2000.
- 168.Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского Халифата. Москва. Наука. 1988.
- 169.Кляшторный С.Г. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам) –Эпиграфика Востока. Москва-Ленинград.Изд-во АН СССР.вып XI,с.55-64. 1954
- 170.Каен К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире.- Мусульманский мир (850-1158). с.111-122.Москва.Наука.1981.
- 171.Колесников А.И. Две редакции письма Мухаммада сасанидскому шаху Хосрову I Парвизу-Палестинский сборник. Вып.17(8).с.74-83.Ленинград. Наука.1967.
- 172.Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. Москва.Наука.1982.

173. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. т. IV. Москва-Ленинград. 1957
174. Крымский А. История мусульманства. ч. I-II. Москва. 1903-1911.
175. Крымский А. История арабов и арабской литературы, светской и духовной. ч. I-IV. Москва. 1911.
176. Куббель Л.С. О некоторых чертах военной системы Омейядов.- Палестинский сборник. с. 112-132. Москва-Ленинград. 1959.
177. Лен-Пуль С. Мусульманские династии (перевод, примечание и дополнения В. Бартольда). Санкт Петербург. 1899.
178. Мандельштам А.М. Средняя Азия VI-VII вв.- Очерки истории СССР (III-IX вв). Москва. Изд-во АН СССР. с. 348-378. 1958.
179. Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX века в "Послании Фатху ибн Хагану" ал-Джахиза.- Труды института истории, археологии и этнографии Казах. ССР. Алма-Ата. т I. 1956.
180. Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами и до крестовых походов. Санкт Петербург. 1902.
181. Медников Н.А. О причинах распада арабской империи. Санкт Петербург. 1907.
182. Мец А. Мусульманский ренессанс (перевод и предисловие Д. Бертельса) Москва. Восточная литература. 1966.
183. Михайлова И.Б. Органы государственной власти в Багдаде X-XIII вв.- Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Москва. Наука. ч. I. с. 41-46. 1982.
184. Михайлова И.Б. Средневековый Багдад. Москва. Наука. 1990.
185. Мюллер А. История ислама от основания до новейших времен (перевод с немецкого под ред. Н.А. Медникова). т. I-IV. Санкт Петербург. 1895.
186. Надирадзе Л.И. Проблема феодальных отношений в халифате VII-XI вв.- автореф. докт. дисс. Москва. 1975.
187. Очерки истории арабской культуры V-XV вв. Москва. Наука. 1982.
188. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. Москва-Ленинград. Наука. 1964.
189. Плетнева С.А. Хазары. Москва. Наука. 1979.

- 190.Прозоров С.М. Арабская историческая литература в Иране, Ираке и Средней Азии в VII -сер.Х века. Шиитская историография. Москва. Наука. 1980.
- 191.Прозоров С.М. Персидский род Наубахти в Багдаде(вторая половина VIII-первая пол.IX в.)-Восточные исторические источники и специальные исторические дисциплины. Выпуск II, с.99-108. Москва.Наука,1994.
- 192.Семенова Л.А. К истории социальных движений в Египте VIII-X вв.- История и экономика арабских стран- с.110-121.Москва. Наука. 1977.
- 193.Смирнова О.И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии-Советское востоковедение. вып.II, с.119-134. Москва. Изд-во АН СССР.1957.
- 194.Смирнова О.И. К истории самаркандского договора 712 года.- Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР.вып XXXVIII, с.69-79. Москва .Восточная литература.1960.
- 195.Смирнова О.И. К хронологии среднеазиатских династий VII-VIII вв.- Сообщения института востоковедения. вып.VIII, с.204-221. Москва. 1969.
- 196.Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Москва.Наука.1970
- 197.Фильштинский И.М. История арабской литературы. т.I. Москва.Наука. 1985.
- 198.Фильштинский И.М. История арабов и халифата. Москва. Изд-во "Муравей-Гай" 2001.
- 199.Фрай Р. Наследие Ирана (перевод с английского В. Лифшица и Е.Веймана) . Москва. Наука.1972.
- 200.Цкиташвили О.В. К истории города Багдада. - Материалы конференции к истории возникновения и развития феодального города на Ближнем Востоке.Тбилиси.1968.
- 201.Чистякова Т.А. Арабский халифат. Москва. Наука.1962.
- 202.Якубовский А.Ю. Большаков О.Г. Борьба народов Средней Азии против арабских завоевателей. Очерки истории СССР (III-IX вв.).с.419-433. Москва. Изд-во АН СССР. 1958.

203. Якубовский А.Ю. Большаков О.Г. Народы Средней Азии под властью халифата. Очерки истории СССР (III-IX вв).с.433-439. Москва. Изд-во АН СССР. 1958.

204. Якубовский А.Ю. Ирак на грани VIII и IX вв.-“Труды первой сессии арабистов СССР” с.45-52.Москва-Ленинград.1937.

На западноевропейских языках

205. Ahmad J.I. The Role of Turks in Iraq during the Caliphate of Mutasim 218/27/833/42 – ph. D. dissertation. Manchester. 1965.

206. Ahsan M.M. Social Life under the Abbasides (786-902). London-New York. 1979.

207. Bishai W.B. Islamic History of Middle East: Backgrounds, Development and Fall of the Arab Empire. Boston. 1968.

208. Bosworth C.E. Sistan under the Arabs from the Islamic Conquest to the Rise of Saffarids (651-864). Rome. 1968.

209. Brooks E. Byzantines and Arabs in the Time of the early Abbasids. – English historical Review – XV, p.124-138. 1900.

210. Burlot J. La Civilisation islamique.Paris.1982

211. Caegi W.E. Byzantium and early islamic Conquests.Cambridge.1992.

212. Cahen C. Points de vue sur la Revolution Abbaside – Revue historique – CCXXX- p.295-338. 1965.

213. Cahen C. Pre-Ottoman Turkey.London.1968.

214. Canard M. Byzance et les Musulmans du Proche Orient. Paris. 1973.

215. Christensen A. L'Iran sous les Premiers Sassanides.2e ed.Copenhagen.1944.

216. Crone P. Hinds M. Gods Caliph: Religious Authority in the first Centuries of Islam. Cambridge. 1986.

217. Crone P. Slaves on Horses. The Evolution of the Islamic Policy. Cambridge. 1980.

218. Czaplica M.A. The Turks of Central Asia in History and a present Day.Oxford.1918

219. Dennet D.C. *Conversation and Roll-tax in Early Islam*. Harvard historical monographs. XXII. p.110-124. Harvard. 1950.
220. Dixon A. *The Umayyad Caliphate (684-705). A political Study*. London. 1971.
221. Donner F.M. *The early Islamic Conquests*. Princeton. 1981.
222. Dunlop D.M. Another "Prophetic" Letter-Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.- vol.9.p.54-60.London.1944.
223. Dunlop D.M. *The History of Jewish Khazars*. New York.1967.
224. E.de Zambaur. *Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l'History de l'Islam*. Hannover. 1927.
225. Eissa M.S. *The golden Age of Islam (750-1250)*. New York. 1998.
226. Esposito J.L. *The Oxford History of Islam*. Oxford. 1999.
227. Gabrieli F. *Mahomed et les grandes Conquest Arabes*. Paris. 1965.
228. Gibb H.A. *Studies of Civilization of Islam. The Armies of Saladin*. London. 1962.
229. Gibb H.A.R. *The Arab Conquests in Central Asia*. London .1923.
230. Glubb. J.B. *Haroon al Rashid and the great Abbasids*. London. 1976.
231. Glubb. J.B. *The Empire of the Arabs*. Englewood cliffs. Prentice-Hall. 1963
232. Glubb. J.B. *The great Arab Conquests*. London .1966.
233. Goitein S.D. *Studies in Islamic History and Institutions*. London. 1966.
234. Hawting G.R. *The first Dynasty of Islam: The Umayyad Caliphate AD 661-750*. London. Sydney.1986.
235. Herzfeld E. *Geschichte der Ctadt Samarra*. Hamburg. 1948.
236. Hitty P.K. *History of the Arabs: from the earliest Time to Present*. London. 1964.
237. Ismail O.S.A. *Mutasim and Turks*.- Bulletin of the School of Orient and African Studies of University of London-vol. 29,p.12-24. 1966.
238. Ismail O.S.A. *The founding of a new Capital: Samarra* –Bulletin of the School of oriental and African Studies of University of London-vol. 31,p.1-3. 1968.

239. Jurji Zeidans. Umayyad and Abbasids being the fourth Part of J. Zeidans History of Islamic Civilization. Translated by D. Margoliouth. Leiden- London. 1907.
240. Kennedy H. The early Abbasids Caliphate. A political History. London. 1981.
241. Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphate. London- New York. 1986.
242. Konzelmann G. Die grossen Kalifen: Das goldene Zeitalter Arabiens. Munich. 1977.
243. Landau R. Islam and Arabs. London. 1958.
244. Laoust H. Les Shismes dans e' Islam. Paris. 1965.
245. Lassner J. The Shaping of Abbasids Rule. Prinseton. 1980.
246. Le Strange Guy. Baghdad during the Abbasids Caliphate. Oxford. 1924.
247. Le Strange Guy. The Lands of the eastern Caliphates. Cambridge. 1930.
248. Levy R. The social Structure of Islam. Cambridge. 1957.
249. Lewis B. The Middle East. London. 1995.
250. Lexy R. A Baghdad Chronicle. London. 1959
251. Mansfeld P. The Arab World: a comprehensive History. New York. 1976.
252. Mantron R. L' Expansion Musulmane (VII-XI siecles). – Paris, 1969.
253. Marin E. Abu Jafar Muhammad b. Carir at-Tabaris; the reign of al-Mutasim (833-842). New Haven. 1951.
254. Minorsky V. Domination des Dailamites. Paris. 1932
255. Muir W. The Caliphate, its Decline and Fall. Edinburgh. 1924.
256. Nutting A. The Arabs: a narrative History from Mohammed to the Present. London. 1965
257. Omar F. The Abbasids Caliphate (750-756). Baghdad. 1969
258. Omar F. The Abbasids Caliphate during the Period of military Anarchy. Baghdad .1974
259. Peters R. Islam and Colonialism. London. 1984
260. Pinto O. Al-Fath b. Hagan Favorite di al-Mutavakkil -Revisto degli studio orientali – v. 13.p.133-149. 1931/32. Rome.

- 261.Pipes D. Black Soldiers in early Muslim Armies. – Journal of the American oriental Society. N 13, 1986, p. 87-94.
- 262.Pipes D. Slave Soldiers and Islam. The Genesis of military System. New Haven. 1981.
- 263.Sabari S. Mouvements populaires a'Bagdad a l'époque Abbaside 9-11 siecles.Paris.1981
- 264.Saunders J.A. History of Medieval islam.London.1965
- 265.Sayili A. Frye R. The Turks in Khurasan and Tronsoxania at the Time of Arab Conquest. – Muslim world – XXXV – 1945. p. 308-315
- 266.Shaban M.A. Islamic History: a new Interpretation A.D. 600-750. – Cambridge. 1971.
- 267.Shaban M.A. The Abbasids Revolution. Cambridge. 1970.
- 268.Sourdel D. Histoire des Arabes. Paris. 1985.
- 269.Sourdel D. Le Visirat Abbaside (749-936). C. 1. 1956. Damas.
- 270.Stewart D. Early Islam. New York. 1967.
- 271.Studies of the first Century of Islamic Sosity.Illinois.1982
- 272.Dols M.W. Slave Soldiers and Islam: The Genesis a military System. By D.Pipes. New Haven.- Journal of American Oriental Society.- vol.103.3, 633-635.1981.
- 273.Sykes M. The Caliphs last Heritage.London.1915
- 274.Tollner H. Die turkischen Garden am Kalifenhof von Samarra. Bonn. 1971.
- 275.Wellhausen J. The Arabs Kingdom and its Fall. London. 1973.
- 276.Yusuf S.M. Studies of Islamic History and Culture.Lahor.1970

NƏRGİZ AXUNDOVA

«Ərəb Xilafətinin dövlət idarəçilik sistemində türklər
(VIII - X əsrin ortaları)»

XULASƏ

İslamın meydana gəlməsi və ərəb-müsəlman dövlətinin yaranması dünya tarixində ən mühüm hadisədir və o, Avro-Asiya məkanında yaşayan xalqların taleyində misilsiz rol oynamışdır. Belə ki, qısa zaman ərzində ərəblər iki böyük imperiyalarından birinin-Sasanilər dövlətinin siyasi varlığına son qoydu, digərinin-Bizans imperiyasının isə Asiya və Afrikadakı ərazilərinin çox böyük hissəsini işğal etdi, tarixi ədəbiyyatda Xilafət adlanan dövlətin sərhədlərini Asiya, Afrika və Avropaya qədər genişləndirə bildilər. Beləliklə də Xilafət bir xalqın dövləti olmaq halından çıxdı, onun itaətinə gətirilmiş, islamı qəbul etmiş və müsəlman mədəniyyətini mənimsəmiş,-həm də bu mədəniyyətin yaradılmasında ərəblərlə bir sırada dayanan,-xalqların dövlətinə-ümumməsəlman dövlətinə çevrildi.

Qeyd edək ki, bu proses heç də asan və sürətlə getməmişdir. Ərəb-müsəlmanlarla Xilafətin digər xalqlarının bir araya gəlməsinə xeyli zaman və enerji sərf olunmuşdur. Bu baxımdan ərəb-türk münasibətlərinin araşdırılması maraqlı elmi nəticələr söyləməyə ciddi əsaslar verir.

Ərəb-türk münasibətlərinin bizim tədqiqatımızın xronoloji çərçivəsindən daha əvvəllər də olduğu ehtimalı böyükdür. «Quran»da türk sözlərinin işlədilməsi, «cahiliyyə» poeziyasında və erkən tarixi mənbələrdə, az da olsa, məlumatlar belə söyləməyə əsas verir. Lakin bu münasibətlərin artması və genişlənməsi, heç şübhəsiz ki, məhz Xilafətin yaranması dövründən başlamışdır. İlk mərhələdə hərbi qarşıdurma və toqquşmalar xarakteri daşıyan münasibətlər bu xalqların bir-birini daha yaxından tanımasına gətirsədə, hələ qarşılıqlı dostluq, ehtiram və inam xarakteri daşmırdı və türklər də islamı qəbul etməyə xüsusi həvəs göstərmirdilər.

Ərəb-türk münasibətlərinin xarakterində əsaslı dəyişikliklərin baş verməsi Əməvilər xilafəti(661-750) dövrünə düşür. Belə ki, bir tərəfdən

davam edən hərbi əməliyyatlar zamanı ərəblər türklərin qorxmazlığı, cəsarəti və döyüş məharətini daha çox gördülər və heyran qaldılar. Türk bölgələrində ərəblərin hərbi yürüşləri getdikcə çətinləşdi və V.V.Bartoldun ifadəsi ilə desək «islam türk hüdudlarında hücumdan müdafiəyə keçdi». Ərəblər inandılar ki, Avro-Asiya məkanı uğrunda mübarizədə türklər ən etibarlı və maraqlı qüvvə ola bilər.

O biri tərəfdən, məhz deyilənlərin sonuncu olaraq ərəblər və türklər arasında qarşılıqlı dinc münasibətlər yaranır, türklər Xilafətin hərbi-dövlət strukturlarına cəlb olunurlar. Əlavə edək ki, türklər başlanğıcda əsasən hərbi sahədə, xüsusilə müzdlü döyüşçülər qismində fəallıq göstərirdilər.

Qeyd edək ki, VIII əsrin əvvəllərində Əməvilər yeni-yeni ərazilər tutmaqla yanaşı işğal olunmuş ölkələrin xalqlarının iqtisadi, mədəni irsini mənimsəməyə və ondan istifadə etməyə, eləcə də həmin xalqların islamlaşmasına önəm verməyə başladılar. Ərəb olmayanların islamlaşmaqla ərəb-müsəlmanlarla sosial və mədəni xarakterli əlaqələrinin genişlənməsi və dərinləşməsinə imkan yaransa da, onların bərabər olmaq düşüncəsi və istəyi təcrübədə özünü doğrultmadı. Əməvilər nəinki ərəb olmayan etnoslara, həm də ərəb olmayan müsəlmanlara ikinci dərəcəli təbəqələr kimi yanaşmaqda davam edirdilər. Təbiidir ki, bu da ərəb olmayan xalqların həyatında böyük çətinliklər yaradırdı, onların təmsilçilərinin dövlətin hərbi-siyasi həyatında yüksəlməsində başlıca əngəl olaraq qalırdı.

Bu səbəbdən idi ki, türklər islamlaşmağa daha çox can atсаларда, Xilafətin hərbi-siyasi strukturunda müəyyən mövqelərə yiyələnib ərəblərlə bir sırada onun möhkəmləndirilməsinə çalışsalar da, həm də Xilafət xalqları arasında paritet münasibətlərin bərqərar olmasına can atanların da yanında yədilər.

Həmin ideya Əməvilərə qarşı mübarizədə türklərin Abbasiləri müdafiə etməsində əsas səbəblərdən sayılır. Təsadüfi deyil ki, Əməvilərin Abbasilərlə əvəzlənməsi ideyası Xilafətin mərkəzi əyalətlərində meydana gəlsə də, onun genişlənməsi və gerçəkləşdirilməsi ərəb olmayan əhalinin, xüsusilə də türklərin yaşadığı şərq əyalətlərində mümkün oldu. 747-ci ildə Xorasanda Əbu Müslimin rəhbərliyi altında başlayan üsyan yerli xalqlar, o cümlədən türklər tərəfindən dəstəkləndi və qalib gəldi, hakimiyyət Abbasi sülaləsinə keçdi.

Abbasilər xilafəti(750-1258) dövrü islam dünyası tarixində keyfiyyətə yeni bir mərhələdir, dönüş nöqtəsidir. Məhz bu dövrdə Xilafət sözün əsil mənasında ümummüsəlman imperiyasına çevrildi. Siyasi və sosial, dövlətçilik və hüquq, iqtisadi və konfessional, mədəni və ideoloji sahələrdə baş verən hadisələr təkcə Xilafətin tərkibinə daxil olan ölkələrin deyil, həm də onun hüdudlarından kənarında olan ölkələrin və xalqların taleyində əhəmiyyətli və əsaslı dəyişikliklərə gətirdi. Ərəb və ərəb olmayan müsəlmanlar öz etnik mənsubiyyətləri çərçivəsindən çıxdılar, bərabər hüquqlu müsəlmanlara, qarşılıqlı təsir və qarşılıqlı zənginlənmənin nəticəsi olaraq yaranan müsəlman sivilizasiyasının daşıyıcılarına çevrildilər.

Qeyd edək ki, Abbasilər ilk vaxtdan dövlət idarəçiliyində onları hakimiyyətə gətirmiş siyasi qüvvələrin xidmətindən də yararlanmağa önəm verdilər. Bu sahədə öncə farslar üstünlük təşkil etsələr də, onlarla paralel türklərin də, - xüsusilə hərbi sahədə-, rolu durmadan artırdı. Nəticədə orduda türklərin rolu və mövqeyi xeyli möhkəmləndi, türk sərkərdələrinin dövlət vəzifələrini tutması ilə yanaşı onların iri torpaq sahiblərinə çevrilməsi də baş verdi. Tədqiq edilən dördə Abbasi xəlifələrindən hər birinin hakimiyyəti Xilafətin hərbi-siyasi sistemində türk etnosunun yüksəlişində yeni mərhələ oldu.

Təbiidir ki, türklərin bu yüksəlişinin əsasında onların islamı qəbul etməsi və müsəlman mədəniyyətinə yiyələnməsi dayanırdı. Həmin səbəbdən türklərin islama axını kütləvi hal aldı və həm də bu proses könüllülük zəminində gedirdi. Beləliklə də təkcə mərkəzdə deyil, şərq əyalətlərində də müsəlman türklərlə ərəblər arasında münasibətlər genişləndi. Müsəlman türklərin yaşadığı əyalətlərlə qonşu olan dövlətlər tərəfindən Xilafətə qarşı ola biləcək təhlükələrə son qoyuldu.

Maraqlıdır ki, müsəlman türklər qərbdə də Xilafətin düşmənlərinə qarşı mübarizədə əsas hərbi qüvvəyə çevrildilər. Xəlifə Harun ər-Rəşid (786-809) dövründən başlayaraq qonşu Bizansla sərhədlərin qorunmasında türklərin rolu xeyli artdı.

Qeyd edək ki, xəlifə Harun ər-Rəşidin ölümündən sonra onun oğulları əl-Əmin və əl-Məmun arasında kəskin qarşıdurma zəminində tərəflərdən hər birinin türklərin simasında özünə müttəfiq və dəstək axtarması türklərin ən yüksək hərbi və mülki vəzifələrə təyinatına ənənəvi xarakter verdi. Onlar Xilafətin dayaqlarına çevrildilər, mərkəzdə və əyalətlərdə

baş verən sosial və dini hərəkətlərin yatırılmasında,-məsələn xürrəmilər hərəkəti (816-837), Misirdə 828-831-ci illər üsyanı,828-ci il xariciyünlər üsyanı və s.kimi,-Aşnas, Afşin, Buğa əs-Sağır, Buğa əl-Kəbir və onlarca digər türk sərkərdələri həlledici rol oynadılar.

Xilafətdə türklərin hərbi və siyasi qüvvə kimi yüksəlişinin zirvəsi əl-Mütəsim(833-842) dövrünə düşür. Onlar hakim elitanın, xüsusilə hərbi elitanın ən imtiyazlı təbəqəsi oldular. Türklər üçün məxsusi olaraq Samarra şəhəri inşa edildi və bu şəhər yarım əsr ərzində dövlətin paytaxtı funksiyasını yerinə yetirdi. Həmin illər tarixdə «Samarra» və ya türk ağalığının tənənəsi dövrü kimi xarakterizə edilir. Bu dövrdə ən mühüm dövlət məsələləri, hətta kimin xəlifəliyə gətirilməsi istisnasız olaraq türk hərbi başçılarından razılıqla həll edilirdi.

Elə bu yüksəliş də türk hegemonluğunun sarsılmasının əsasını qoydu. Bir tərəfdən həm xəlifələr, həm də hakim elitanın digər etnoslardan olan hərbi-siyasi qüvvələri türklərə daha ehtiyatla və qısqançqla baxmağa başladılar, o biri tərəfdən və ən başlıcası, ayrı-ayrı türk hərbi-siyasi qruplaşmaları arasında rəqəbət gücləndi, türklərin birliyi pozuldu. Türklər bir-birinə düşmən kəsilən dəstələrə bölündülər və zəiflədilər.

Məhz bu da imkan verdi ki, xəlifə öz iqamətgahını 890-cı ildə yenidən Bağdada köçürdü. Xəlifələr ərəb və məqribli hərbi qüvvələri türklərə qarşı bir qüvvə kimi dəstəklədilər və onlarla yaxınlaşmağa meyilli oldular.

Paradoksaldır ki, bu tendensiya türklərin zəifləməsindən daha çox, mərkəzi hakimiyyətin zəifləməsinə gətirdi. Xilafətdə mərkəzdənqaçma meyilləri gücləndi. Bunun qarşısını almaq üçün göstərilən cəhdlər fayda vermədi. IX əsrin sonu-X əsrin əvvəllərində Xilafət hərbi-siyasi qüdrəti ilə yanaşı ərəzi bütövlüyünü də itirdi. Onun sərhədləri daxilində müstəqil və yarımmüstəqil dövlətlərin yaranması prosesi dönməz xarakter aldı. Əyalət canişinləri öz şəxsi hakimiyyətlərini sülalə hakimiyyətinə çevirməyə başladılar. Bunların sırasında iki türk sülaləsi- Tulunilər (868-905) və İxşidilərin (935-969) Misir və Suriyada qurduqları dövlətləri xüsusi qeyd etmək lazımdır.

Ərəb və türk hərbi-siyasi qruplaşmaları arasında gedən mübarizə etno-siyasi mübarizənin simvolik göstəriciləri oldu və az sonra buna üçüncü bir qüvvə-farslar da qoşuldular. Üçüncü qüvvə-farslar ərəb-türk etnoslararası ziddiyyətlərdən bacarıqla istifadə etdilər və onların təmsil-

çisi Buveyhilər 945-ci ildə Bağdadı tutdular. Siyasi hakimiyyət bütövlükdə Buveyhilərə keçdi və xəlifələr yalnız dini başçı funksiyası ilə kifayətlənməli oldular. Bu hal 1055-ci ildə Bağdadı türk səlcuqluların tutması dövrünə qədər davam etdi.

Sonda onu qeyd etmək istərdik ki, Xilafətin yaranmasından 945-ci ildə onun siyasi süqutunun başa çatmasına qədərki dövrdə türklərin bu dövlətin hərbi-siyasi strukturunda oynadığı rol, onların islamı qəbul etməsi və islam mədəniyyətinə yiyələnməsi və sonrakı dövrdə də Xilafətin tabeçiliyindən çıxmış ayrı-ayrı müsəlman ölkələrində mövcudluğunu saxlaması Mərkəzi Asiyadan yeni-yeni qüvvələrin Qərbə doğru axımına zəmin oldu. Səlcuqluların Bağdadı tutması isə həmin prosesin zirvəsi kimi türk etnosunun Qabaq Asiyada hegemonluğunu birdəfəlik başa çatdırdı, regionun siyasi, sosial-iqtisadi və mədəni həyatında yeni köklü dəyişikliklər dövrünün əsasını qoydu.

NARGIZ AKHUNDOVA

*"Turks in the state executive system of the Arab Caliphate
(VIII – middle X centuries)*

SUMMARY

The raise of Islam and formation of an Arab – Muslim state was one of the most important events in the world history and it has played an invaluable role in the fortune of the nations lived in Eurasia region. Thus, during the short period of time the Arabs have finished with political richness of the Sasanids, which was one of two great empires of that time, and have conquest the large territories in Asia and Africa belong to Byzantium empire, the other great empire, and have extended the borders, of so called in history literature Caliphate, through Europe, Africa and Asia. So the Caliphate transformed the nation into the state, leaded to worship, has turned into Islam and adopted Muslim culture and, moreover, has overspread this culture over other Muslim nations.

It should be taken into consideration that, this process has not been easy and quick. Arabs and Muslims have spent a lot of time and energy to gather other nations under the Caliphate. In the light of all above said, the study of Arab and Turks relations flows out into very interesting scientific findings.

There is a big possibility that the relations between Arabs and Turks arise much earlier historical period that we can image about. Use of Turkish words in "the Koran", poems preceding the Islam culture and early historical sources, less or more give us a reason to insist on this. However, there is no doubt that growth and widening of such relations started on the times of formation of the Caliphate. The relations at first started with armed conflicts, helped to mutual approach, but have not yet been an interference, respect and trust and there have not been a wish of Turks to adopt Islam.

The drastic changes in Arab-Turks relations are pointed to the period of Amaviller Caliphate (661-750 years). Thus, during the ceaseless conflicts Arabs has got one more certain in Turks fearlessness, manliness and bellicosity and were astonished with this. At the borders of Turks the progress of Arabs has been stopped and according to V.V. Bartold: "Islam has taken on the defensive instead of aggression on Turkish borders". Arabs believed that in the struggle for Eurasia region Turks could be the most reliable and interesting force.

From the other side, followed all said above, peaceful coexistence between Arabs and Turks came into force and Turks became enlist to military and state structures of the Caliphate. Moreover, Turks have shown good performance mainly in paid military services.

It should be noticed that, starting from the beginning of the VIII century Amaviller along with occupation of new territories began to pay additional attention and use an economy, culture of the thrilled nations, as well as spreading of Islam over them. However, although social and cultural relations between non-Arabs and Arabs – Muslims have been grown and extended after adoption of Islam, their thoughts and hope for equal rights have not realized. Amaviller continued to treat not only non-Arab nations, but also Arabs non-Muslims as second-grade people. Of course, the above said has created a lot of problems to the life of this nations and has put obstacles in the way of growth of their representatives in social and military structures.

Therefore, although Turks were among the first who adopted Islam and achieved high positions in military and social structures along with Arabs and were working with them for the growth of the Caliphate, they have not stopped were fighting for the parity rights.

This idea is considered one the main in the light of support of Turks of Abbasids in their struggle with Amaviller. It is not surprising that although the idea of change of Amaviller with Abbasids has arisen in the central provinces of the Caliphate, its overspread and development was made between non-Arabs and especially Turks in the eastern provinces. The local nations and also Turks have supported the revolt leaded by Abu Muslim started in year 747 in Khorasan and after its won the power passed to Abbasids.

The period of Abbasids Caliphate (750 – 1258 years) was the new level, new delivery point of the history of the Islam world. Just during this period the Caliphate in corpore has turned into the panto-Islamic empire. The events taken place in political and social, state and legal, economical and confessional, cultural and ideological area has changes the life not only the nations in the Caliphate, but for the ones living out of its borders. Arabs and non-Arab Muslims has got out from the ethnic characteristics, has influenced each other, has reached mutual enrichment and turned into bearer of incipient Muslim civilization.

It should be noticed, that from the very beginning the Abbasids has drawn to the state governance the forced that helped them in their conflict for the power. Although the main of these forces were the Persians, but in parallel the role of Turks, especially in militiray services, continued to increase. As a result, roles and positions of Turks in army became stronger,

and along with appointment of their representatives in government, they also turned to the large landlords. In the presented period in each new government the role of Turks in social and military system of the Caliphate has only been increased.

It is crucial, that such increase of Turks was only able because of their adoption of Islam and adoption of Muslim culture. Due to these reasons the flow of Turks in Islam became mass and voluntary. So the relations between Muslim Turks and Arabs became stronger not only in the center, but also in the eastern area. Any possible aggression to the Caliphate that could exist from the states neighbor to Muslim Turks was put to an end.

It should be interesting, that Turks became the main force in the fight with the western enemies of the Caliphate. The role of Turks has dramatically increased during Caliph Harun ar-Rashid's (786-809 years) border conflicts with Byzantium.

It should be noticed, that after the death of Caliph Harun ar-Rashid the sever fight for power has taken place between his sons, Al-Amin and Al-Mamun and in the light of this fight both were looking for ally and support in the face of Turks, and this led to import appointment of them to high level civil and military positions. They have turned to the buttress of the Caliphate, and such Turk leaders as Ashnas, Afshin, Buga as-Sagir, Buga as-Kabir and many others has played an important role in neutralization of social and religion revolts such as Hurrramids movement (816-837 years), revolt in Egypt in 828-831 years, revolt of Harijiyuns in 828 and other.

The peak of rise of Turks as political and military force fall at the period of Al-Mutasim (833-842 years) government. They became the basis of the ruling, especially military elite. The principal city of Turks, Samara, has prospered and this city became the capital of the state for the next fifty years. These years are described in history as "Samara" or prosper of Turk power times. During these years all key decisions, including also appointment of the Caliphs were agreed with Turk military leaders.

However, the same rise has shaken the hegemony of Turks. From the one side, Caliphs and representatives of social and political ruling elites started to look at Turks with fear and jealousy, from the other and main side, the rivalry between different Turkish political and military forces became more acute and their monolith has got broken.

All this allowed the Caliph to transfer his residence back to Baghdad again in the year 890. The Caliphs supported Arab and Magrib military forces as an opposite to Turks.

Paradoxically, but this tendency lead to weakness of central authorities rather more than Turks. The centrifugal forces in the Caliphate increased. The efforts directed to prevent this process were insufficient and in the end of IX century – the beginning of X century the Caliphate has lost not only political and military, but also territorial integrity. The formation on its areas of independent and semi-independent states has taken irreversible character. Regional dynasties have overspread their personal power over the controlled territories. Among them two Turkish dynasties – Tullunids (868-905 years) and Ihshidiler (935-969 years) should be noticed separately.

The fact that the conflict between Arabs and Turks was an ethnic one is supported with an argument of further involvement in it of the third power – the Persians. This force has properly used the antagonisms between Arabs and Turks and, as result, their representatives – Buveyhids has occupied Baghdad in the year 945. The political authority has passed to Buveyhids and the Caliphs were obliged to be satisfied with religious leadership function. This situation has taken place till the year 1055, when the Baghdad was occupied by Turks-Seldgugs.

At the end, it should be mentioned, that from the time of formation of the Caliphate till its political decline in year 945, the role of Turks in political and military structures of this state, their adoption of Islam and reach for Muslim culture and further existence as an independent states on the ruins of the Caliphate, became the basis for the further flow out of new forces from the Central Asia to the west. The occupation of Baghdad by Turks-Seldgugs concluded the process of formation of Turks as hegemonic nation in the Near East and has a great influence on the social, economical and cultural life of the described period.

НАРГИЗ АХУНДОВА
(Ахундова Наргиз Чингиз кызы)

**ТЮРКИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА**
(VIII – сер. X веков)

Баку, «Ельм» - 2004, стр. 374

Сдано в набор: *05.03.2004*
Подписано к печати: *29.03.2004*
Формат бумаги: *60x90 1/16*
Объем: *23,37 п.л.*
Тираж: *250*
Заказ: *140*

*Книга напечатана
в типографии ООО "Адилъоглы"
из готовых диапозитивов
офсетным способом.*

*Адрес: г. Баку,
ул. У.Гаджибекова, 38/3
Тел.: 98-68-25; факс: 98-08-14*